

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ УКРАИНЫ

ХАРКОВСКИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Ассоциация докторов наук государственного управления

ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: **теория и практика**

сборник научных трудов
№ 2 (18) специальный выпуск

Харков
Издательство “ДокНаукДержУпр”
2014

УДК (351+342+321+316) (062.552)''540*3''

ББК 67

П 88

Рекомендовано к печати Ученым советом Национальной академии государственного управления при Президенте Украины, протокол № 212/5-7 от 29 мая 2014 г.

Постановлением президиума ВАК Украины от 30 марта 2011 г. № 1-05/3 «О внесении периодических печатных научных специализированных изданий в новый перечень научных специализированных изданий Украины» сборник «Публичное управление: теория и практика» включен в Перечень научных специализированных изданий Украины в сфере науки «Государственное управление»

В соответствии с Лицензионным договором № 432-07/2013 от 24 июля 2013 г. сборник научных трудов «Публичное управление: теория и практика» в полнотекстовом формате входит в международную наукометрическую базу Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), интегрированную с такими системами как Web of Science и Scopus

В соответствии с приказом Министерства образования и науки Украины от 17.10.12 года № 1112 «Об опубликовании результатов диссертаций на получение научных степеней доктора и кандидата наук» публикации в отечественных специализированных сборниках научных работ, включенных в международные наукометрические базы, приравниваются к иностранным публикациям

Официальный веб-сайт журнала: <http://putp.in.ua>

Редакционная коллегия:

Василий Мартыненко, д.гос.упр., проф. –
главный редактор;

Александр Радченко, д.гос.упр., проф. –
научный редактор;

Юрий Куц, д.гос.упр., проф. – заместитель
главного редактора;

Константин Козлов, к.гос.упр., доц. –
ответственный секретарь;

Владимир Бабаев, д.гос.упр., проф.;

Валерий Бакуменко, д.гос.упр., проф.;

Владимир Бульба, д.гос.упр., проф.;

Наталья Гончарук, д.гос.упр., доц.;

Андрей Дегтярь, д.гос.упр., проф.;

Нина Диденко, д.гос.упр., доц.;

Елена Долгалёва, д.гос.упр., проф.;

Дмитрий Карамышев, д.гос.упр., доц.;

Алексей Крюков, д.гос.упр., проф.;

Николай Латынин, д.гос.упр., проф.;

Наталья Липовская, д.гос.упр., доц.;

Валентина Мамонова, д.гос.упр., проф.;

Александр Мельников, д.гос.упр., проф.;

Татьяна Пахомова, д.гос.упр., проф.;

Сергей Серёгин, д.гос.упр., проф.;

Светлана Хаджирадева, д.гос.упр., проф.;

Юрий Шаров, д.гос.упр., проф.;

Эдуард Афонин, д.соц.н., проф.;

Елена Донченко, д.соц.н., проф.;

Мария Пирен, д.соц.н., проф.;

Анатолий Ручка, д.соц.н., проф.;

Юрий Сурмин, д.соц.н., проф.;

Лариса Хижняк, д.соц.н., проф.;

Николай Головатый, д.полит.н., проф.;

Валентина Гошовская, д.полит.н., проф.;

Александр Соснин, д.полит.н., проф.;

Сергей Телешун, д.полит.н., проф.;

Юрий Шайгородский, д.полит.н.;

Леонид Шкляр, д.полит.н., проф.;

Олег Амосов, д. э. н., проф.;

Бадирхан Дадашев, д. э. н., доц.;

Вячеслав Дорофиев, д. э. н., проф.;

Александр Поважный, д. э. н., проф.;

Александр Горелик, проф. (США);

Александр Кучабский, проф. (Польша);

Гергана Жулева доктор наук, (Болгария).

NATIONAL ACADEMY OF PUBLIC ADMINISTRATION
AT AT THE PRESIDENT OF UKRAINE
KHARKIV REGIONAL INSTITUTE OF PUBLIC ADMINISTRATION
ASSOCIATION OF DOCTORS OF SCIENCES ON PUBLIC ADMINISTRATION

PUBLIC MANAGEMENT: theory and practice

**Collection of scientific works
№ 2(18) Special Issue**

Kharkiv
Publishing House “DokNaukDerhzUpr”
2014

UDC (351+342+321+316) (062.552)''540*3''

BBK 67

P 88

Issue approved by the Academic Council of the National Academy of Public Administration, the President of Ukraine, the minutes № 212/5-7, May 29, 2014.

Collection of Scientific Works "Public Management: theory and practice" was included in the list of Ukrainian specialized scientific editions in Public Administration by the Resolution of the Presidium of Higher Attestation Commission of Ukraine "On inclusion the periodical printing scientific specialized editions in the new list of scientific specialized issues of Ukraine", Resolution № 1-05/3, March 30, 2011

In accordance with the License Agreement № 432-07/2013 from July, 24, 2013, the Collection of Scientific Works "Public Management: theory and practice" in full-text format is put on the list of the international Scientometrics base of the Russian Scientific Citation Index (RSCI), integrated with such systems as Web of Science and Scopus

According to the Order of the Ministry of Education and Science of Ukraine № 1112 from October, 17, 2012, "On publication the results of the thesis for getting the scientific degree of doctor and candidate of sciences" the publications in national collections of scientific works included in international scientometric databases, are equate with the foreign publications

The Official Website of the Journal: <http://putp.in.ua>

Editorial Board:

Vasyl Martynenko, D.Publ.Adm., Prof. – Editor-in-Chief;

Oleksandr Radchenko, D.Publ.Adm., Prof.

- Editor-in-Science;

Yurii Kuts, D.Publ.Adm., Prof.

- Deputy Editor-in-Chief;

Kostyantyn Kozlov, PhD.Publ.Adm., Ass.Prof.

- Executive Secr.;

Viktor Tsybenko, MPA, IT-editor;

Volodymyr Babaev, D.Publ.Adm., Prof.;

Valerii Bakumenko, D.Publ.Adm., Prof.;

Volodymyr Bulba, D.Publ.Adm., Ass.Prof.;

Nataliia Honcharuk, D.Publ.Adm., Ass.Prof.;

Andrii Diehtiar, D.Publ.Adm., Prof.;

Nina Didenko, D.Publ.Adm., Ass. Prof.;

Olena Dolhalova, D.Publ.Adm., Prof.;

Dmytro Karamyshev, D.Publ.Adm., Ass.Prof.

Svitlana Khadzhyradeva, D.Publ.Adm., Prof.;

Oleksii Kriukov, D.Publ.Adm., Prof.;

Mykola Latynin, D.Publ.Adm., Prof.;

Nataliia Lypovska, D.Publ.Adm., Ass.Prof.;

Valentyna Mamonova, D.Publ.Adm., Prof.;

Oleksandr Melnykov, D.Publ.Adm., Prof.;

Tetiana Pakhomova, D.Publ.Adm., Prof.;

Serhii Serohin, D.Publ.Adm., Prof.;

Yurii Sharov, D.Publ.Adm., Prof.

Eduard Afonin, D.Soc.Sci., Prof.;

Olena Donchenko, D.Soc.Sci., Prof.;

Larysa Khyzhniak, D.Soc.Sci., Prof.;

Mariia Piren, D.Soc.Sci., Prof.;

Anatolii Ruchka, D.Soc.Sci., Prof.;

Yurii Surmin, D.Soc.Sci., Prof.;

Mykola Golovatyi, D.Pol.Sci., Prof.;

Valentyna Hoshovska, D.Pol.Sci., Prof.;

Oleksandr Sosnin, D.Pol.Sci., Prof.;

Serhii Teleshun, D.Pol.Sci., Prof.;

Yurii Shaihorodskyi, D.Pol.Sci.;

Leonid Shklyar, D.Pol.Sci., Prof.

Oleh Amosov, D.E.Sci., Prof.;

Badurkhan Dadashev, D.E.Sci., Prof.;

Viacheslav Dorofiienko, D.E.Sci., Prof.;

Oleksandr Povazhnyi, D.E.Sci., Prof.;

Svetlana Cheremisina, D.E.Sci., Prof.;

Oleksandr Gorelik, PhD, Prof. (USA);

Oleksandr Kuchabski, Prof. (Poland);

Gergana Zhuleva, Prof. (Bulgarian)

Уважаемые коллеги, гости и участники нашего семинара!

Позвольте поздравить вас с открытием юбилейного теоретико-методологического семинара с международным участием «Архетипика и государственное управление: рационализация и нормативные практики», который вот уже пять лет подряд проводится в рамках нового научного направления, консолидирующего усилия представителей Украинской школы архетипики.

Современная академическая наука, испытывающая огромные потребности в изменениях своих методологических оснований, демонстрирует сегодня новые творческие подходы к научному поиску. Эти подходы в значительной мере определяются мировыми тенденциями к развитию междисциплинарных, глобальных и интегрированных направлений, которые чаще всего реализуются в рамках научных школ. Национальная академия государственного управления при Президенте Украины может гордиться тем, что в ее стенах зародилась и успешно развивается научная школа междисциплинарного направления и международный конкурс молодых ученых. Ведь наличие научных школ поднимает престиж научного учреждения, приближая его к европейским и международным стандартам, расширяя творческие возможности науки и ее общественную ценность.

В настоящее время школа объединяет более 150 докторов и кандидатов наук, аспирантов, докторантов, магистрантов и независимых исследователей – представителей важнейших сфер социально-гуманитарного знания из 12 стран мира. Сегодня вполне можно говорить о сложившемся научном сообществе, совокупный результат деятельности которого составляют около 250 научных публикаций, в том числе ряд монографий и докторских диссертаций в области наук государственного управления. По итогам теоретико-методологических семинаров готовятся резолюции и рекомендации для органов государственной власти.

Первый международный конкурс молодых ученых, который стартовал в прошлом году в рамках школы архетипики, показал огромный творческий потенциал молодых ученых. Представленные на конкурс работы поражают широтой взглядов, творческой энергией, остротой интеллекта и разнообразием научных интересов молодых авторов. В рамках архетипной парадигмы исследовались проблемы политико-административного менеджмента, коррупционного поведения политико-управленческой элиты, государственной аграрной политики, планирования территорий при

застройке населенных пунктов и многие другие. Большинство работ высоко оценено специалистами и практиками, независимыми международными экспертами. Заслуженные награды получили молодые ученые из Украины и России.

Сегодня на повестке дня украинского государства стоит вопрос масштабного реформирования, которое должно консолидировать общество для достижения национального и социального согласия. Специалисты школы отмечают, что современный социальный мир приобретает высокий уровень динамики непрерывных изменений и как никогда нуждается в гармонизации и сбалансированности основ своего сосуществования. Такими гармонизаторами и гарантами устойчивого развития общественной системы выступают архетипы коллективного бессознательного. Новый научный подход является актуальным не только для системы государственного управления в Украине, но и для управления в различных сферах человеческой деятельности.

В нынешних непростых условиях социального противостояния и конфликтов, недоверия к институтам власти, отмечаемого сегодня в Украине, подобные форумы могут стать прекрасной площадкой и поводом для инициации диалога и взаимопонимания, развития толерантности и взаимоуважения.

Уверена, что Пятый теоретико-методологический семинар с международным участием и Второй международный конкурс молодых ученых станет новым этапом развития Украинской школы архетипики, явится предпосылкой становления новых талантливых ученых и весомым вкладом в развитие современной национальной науки государственного управления.

Желаю всем нам получить удовольствие от научных дискуссий и плодотворного профессионального общения, раскрыть свою научную и гражданскую состоятельность, сполна реализовать творческие амбиции.

Вдохновения всем нам и побед для развития и реализации Украины!

Вице-президент
Национальной академии
государственного управления
при Президенте Украины

М. М. Билинская

Олег АМОСОВ, Наталья ГАВКАЛОВА

ПУБЛІЧНЕ АДМІНІСТРУВАННЯ В УКРАЇНІ: ЗВ'ЯЗОК З АРХЕТИПАМИ ТА ПРІОРИТЕТИ РОЗВИТКУ

Постановка проблемы. Развитие Украины в современных условиях хозяйствования определяется сложным путем преобразований: от молодого независимого государства в 90-х гг. к стране, которая сегодня претендует на паритетное место среди европейских стран. Добавим к этому структурные преобразования, трансформации и модернизации на уровне государственного управления, влияющие на усиление влияния институтов, обеспечивающих действенность публичного администрирования.

Актуальность исследования. В Украине публичное администрирование переживает сложную трансформацию, определяемую Законом Украины «Про Административную реформу». Необходимость реформирования и трансформации вызвана рядом проблем, которые прежде всего касаются создания научно-методологической основы науки «публичное администрирование», осознание ее ведущей роли в процессе осуществления регионального управления и местного самоуправления, создание предпосылок для эффективной реализации публичного администрирования, определения уровня властных полномочий на местах, формирования местных бюджетов и их целевого распределения, формирования и распределения синтезированного (человеческого, интеллектуального и социального) капитала. Глубинные демократические преобразования должны базироваться на архетипах соучастия каждого члена общества. Вышеизложенное определяет актуальность и своевременность вопросов, рассматриваемых в данном исследовании.

Анализ последних исследований и публикаций. Указанные проблемы отражены в вопросах, рассматриваемых в рамках недавно сформированного в Украине научного направления – публичного администрирования, несмотря на его развитость в мире, длительный путь эволюции и многочисленные научные труды во многих странах мира. Возникновение публичного администрирования как формы реализации архетипов народовластия в Украине совпало с обретением страной независимости, что, по нашему мнению, является символическим и положительно повлияло на развитие теории и практики публичного администрирования в государстве. Основные труды ведущих отечественных ученых по определенным выше вопросам продолжают возникать наряду с эволюцией публичного администрирования, а именно теоретический базис предлагают такие известные ученые, как М. Белинская, Ю. Ковбасюк, А. Колодий, А. Оболенский, С. Серегин, В. Сороко, В. Толкованов и др. Самостоятельность публичному администрированию предоставляет возможность его рассмотрения через призму архетипного подхода, основоположниками которого являются выдающийся ученый Э. Афонин и представители его научной школы.

Определение нерешенных задач данной проблемы. Несмотря на многочисленные публикации, в современной Украине происходит процесс эволюции моделей публичного администрирования, который сопровождается существованием противоречий в определениях публичного управления и публичного администрирования, что

АМОСОВ
Олег,
AMOSOV
Oleg,

доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины, первый заместитель директора Харьковского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины, г. Харьков.

Аннотация: Определены теоретико-методологические основы публичного администрирования. Выявлено существование связи публичного администрирования с архетипом прямой демократии. Доказана целесообразность развития публичного администрирования в соответствии с такими приоритетами: накопление синтезированного капитала с его распределением на национальном уровне с учетом архетипов, управление процессами предоставления публичных услуг, обеспечение децентрализации управления как следствие влияния архетипа прямой демократии.

Ключевые слова: публичное администрирование, архетипы, прямая демократия, децентрализация.

УДК 35.071

**ГАВКАЛОВА
Наталья,
GAVKALOVA
Natalia,**

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой публичного администрирования и региональной экономики, Харьковский национальный экономический университет, г. Харьков.

Аннотация: Определены теоретико-методологические основы публичного администрирования с архетипом прямой демократии. Доказана целесообразность развития публичного администрирования в соответствии с такими приоритетами: накопление синтезированного капитала с его распределением на национальном уровне с учетом архетипов, управление процессами предоставления публичных услуг, обеспечение децентрализации управления в обществе как следствие влияния архетипа прямой демократии.

Ключевые слова: публичное администрирование, архетипы, прямая демократия, децентрализация.

УДК 35.071

обуславливает целесообразность представления авторской дефиниции рассматриваемого явления, а доказательство влияния архетипов на развитие публичного администрирования обуславливает необходимость определения среди ряда существующих особых или влияющих в рамках публичного администрирования.

Цель. Учитывая изложенное выше, цель статьи – теоретико-методологическое обоснование современного публичного администрирования, опирающегося на архетипы прямой демократии, и определение приоритетов его развития в современной Украине.

Достижение цели обусловило постановку и решение следующих задач:

- определение теоретико-методологической основы публичного администрирования в отечественной науке;
- определение связи публичного администрирования с архетипами, среди которых особое место занимает архетип прямой демократии;
- доказательство целесообразности развития публичного администрирования в Украине в соответствии с приоритетами архетипа демократии.

Изложение основного материала. Публичное администрирование рассматривается в широком и узком смыслах. В узком смысле публичное администрирование связано с исполнительной ветвью власти и рассматривается как профессиональная деятельность государственных служащих и лиц, работающих в социальной сфере, в неправительственных организациях, в учреждениях и организациях, имеющих бюджетное финансирование и существующих на спонсорские средства с целью обеспечения жизнедеятельности в стране на уровне государственного, регионального или местного управления и осуществляющих изучение, разработку и внедрение публичной политики.

Публичное администрирование в широком смысле связано с функционированием всех ветвей власти: законодательной, исполнительной и судебной, а потому и с архетипами демократии. Мы считаем при этом, что публичное администрирование – это модификация классического менеджмента в различных сферах жизнедеятельности всего общества, то есть планирование, организация и мотивация с акцентом на контроле за формированием и использованием ресурсов с целью их эффективного использования органами власти (в том числе, региональными и местными), бизнесом и гражданами (все заинтересованные стороны) и за процессом предоставления публичных услуг.

Таким образом, представим авторское видение публичного администрирования: это совокупность непосредственного взаимодействия граждан, государственного и неправительственного секторов; это планирование, управление общими делами города и региона; это – отношения, которые включают официальные институты и неформальные договоренности и связаны с синтезированным (человеческим, интеллектуальным, социальным) капиталом граждан, а потому неотделимы от архетипов демократии. Таким образом, публичное администрирование – это вовлечение всех заинтересованных граждан в процессы, происходящие на уровне города, района, региона или страны с целью использования их прав, способностей и возможностей осуществлять народную власть, самостоятельно при-

нимать решения и реализовывать функции публичного администратора – социального контролера, имеющего способность к самоорганизации.

Под методологией в рамках научной отрасли мы понимаем фундаментальные положения учения о структуре и логической организации, принципы, функции, методы и средства деятельности. В контексте указанного представим авторское видение методологической основы публичного администрирования.

Так, объект публичного администрирования – отношения по поводу упорядочения общественных дел на государственном, региональном и местном уровнях управления на базе архетипов народовластия.

Предметом публичного администрирования являются закономерности, принципы, методы, формы, тенденции, теории и практики составления и обеспечения решения общественных проблем.

Функции публичного администрирования:

- определение, формулировка и ранжирование общественных проблем;
- определение подходов к решению проблем, возникающих в «треугольнике»: власть – бизнес – общественность;
- формирование административных структур, тяготеющих к адаптивному типу относительно решения проблем;
- разработка нормативных документов и плана действий по решению общественно значимых проблем;
- организация функционирования механизмов публичного администрирования;
- реализация публичного контроля;
- оценка эффективности и результативности публичного администрирования.

Отличие концепта публичного администрирования от других управленческих концептов заключается в том, что оно базируется на «само»: самодиагностике проблемы, самоопределении проблемы, самоформулировании, самовыдвижении решения проблемы, самоопределении лучшего варианта политики, самоопределении сметы, самопринятии плана действий, самоконтроле, самооценке, а соответственно предусматривает включение архетипов демократии.

Базовое «само» предусматривает усиление децентрализации и соответствующую демократизацию управления на уровне региона и местного самоуправления. В частности, принцип «само» на местном уровне интерпретируется как самофинансирование, самоналогообложение, самообеспечение, саморешение, самоконтроль.

Принципы публичного администрирования:

- научность;
- системность и комплексность;
- действенность;
- прозрачность;
- демократичность (широкий доступ населения к решению общественных проблем);
- подконтрольность членам общества;
- самодостаточность (для решения проблем);
- адаптивность и креативность.

Методы и средства деятельности в публичном администрировании повторяют общепринятые в классическом менеджменте: административные, экономические и социально-психологические.

Таким образом, мы предложили авторское видение методологической основы и считаем целесообразным перейти к освещению различных точек зрения относительно определения понятия «публичное администрирование». Природа понятия «публичное администрирование» носит более широкий характер, в отличие от более привычного «государственное управление», но оно уже, чем «публичное управление». В современной организации общественной жизни управленческие действия осуществляют, кроме специальных институтов государства, также органы местного

самоуправления и общественные организации. Администрирование подразумевает особый вид деятельности, а именно принятие нормативных документов и распоряжений, издаваемых уполномоченными органами в условиях демократии, когда существуют многосторонние взаимосвязи между политическими и общественными институтами.

Публичная администрация – это система органов государственной исполнительной власти и исполнительных органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций и других субъектов, наделенных административно-управленческими функциями, которые действуют с целью обеспечения как интересов государства, так и интересов общества в целом, а также совокупность этих административно-управленческих действий и мероприятий, установленных законом.

Приведем примеры приоритетных направлений в публичном администрировании, реализация деятельности в пределах которых создает основу для модернизации в указанной сфере. Большинство систем местного самоуправления государств имеют в основе сформированное административно-территориальное устройство, что является одной из важных составляющих организации власти. Осуществляя децентрализацию управленческих функций, государственные органы так или иначе сталкиваются с проблемой корректировки административно-территориального устройства, а именно изменяют его составляющие и элементы или проводят соответствующие реформы в обществе. Опыт зарубежных стран свидетельствует о том, что без совершенствования территориальной организации государства построить систему публичного администрирования невозможно. Децентрализованная государственная власть с местной и региональной автономией на сегодня становится господствующей формой западноевропейской государственной организации [1, с. 3].

В современных условиях страна с абсолютно централизованным управлением является атавизмом. Что касается децентрализации, то уровень ее развитости различен в зависимости от политических приоритетов руководства, диалога между властью и обществом, влияния общественных институтов. Децентрализация, как определено в Большом экономическом словаре [2, с. 220], заключается в передаче функций управления от центральных органов власти местным органам, распространение круга полномочий расположенных ниже органов управления за счет вышестоящих органов.

По нашему мнению, децентрализация имеет ряд следующих преимуществ: максимальное приближение органов исполнения решений к потребителям социальных услуг; возможность рассмотрения значительного количества решений с привлечением общественности; возможность согласования интересов представителей большинства территориальной общины; уменьшение затрат на осуществление публичного управления за счет минимизации количества управленческих уровней, что положительно влияет на снижение уровня транзакционных издержек в локальном масштабе, а следовательно – на рост социально-экономических показателей в региональном контексте. То есть, включение в управленческий процесс архетипов позволяет обеспечить эффективность управления.

Сделаем акцент на том, что совокупность операций в среде «территориальная община – публичное управление» можно рассматривать как некоммерческий рынок, где главной целью является не коммерческая прибыль, а снижение транзакционных издержек, т.е. получение общественного избытка за счет уменьшения расходов на контрольные процедуры и операции, поскольку количество контролирующих органов уменьшается, а в контроле принимают участие структуры гражданского общества. Наряду с этим прозрачность деятельности публичных администраций уменьшает расходы, связанные с коррупцией. Некоммерческий рынок социальных услуг, предоставляемых публичными администрациями, не входит в противоречие ни со структурами унитарного государства, ни с развитой структурой гражданского общества.

Возможности эффективного государственного влияния на общественные процес-

сы даже при лучших намерениях довольно ограничены, и государство не способно решить всех проблем, стоящих перед гражданами. Поэтому децентрализация является необходимым компонентом процесса демократизации страны, основанной на архетипе прямой демократии.

Основными проблемами правового, финансово-экономического, институционального и общественно-политического характера, сдерживающие развитие местного самоуправления, являются следующие: отсутствие правового закрепления территориальной основы местного самоуправления и системы правового воздействия государства на деятельность органов местного самоуправления; чрезмерная централизация ресурсов и полномочий; дублирование полномочий местных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления; отсутствие государственного стимулирования общества к саморазвитию и инициативности; диспропорции единиц административно-территориального устройства; кризис кадровой политики на уровне местного самоуправления; корпоратизация органов местного самоуправления и отчуждение их от населения; неприятие существования архетипов и игнорирование влияния архетипа прямой демократии на общественные процессы.

Опыт зарубежных стран и новейшие научные исследования позволяют выделить следующие предпосылки успешной имплементации элементов децентрализации и эффективного управления в системе децентрализованной власти: утверждение принципа верховенства права; признание и гарантии местного самоуправления; равная правовая защита всех форм собственности; демократическое и эффективное избирательное законодательство; независимость, эффективность, доступность и прозрачность судебной системы, функционирования институтов административного судопроизводства; совершенный бюджетный процесс и высокая финансовая дисциплина; наличие адекватных социальных стандартов; развитый общественный сектор или устойчивая тенденция к его развитию; другие предпосылки [4, с. 14]. В Отчете о глобальной конкурентоспособности за 2012 год Всемирного экономического форума Украина по уровню эффективности институтов заняла лишь 132-е место из 144 стран мира. Такой результат является одним из худших не только в отношении стран ЕС и других развитых экономик, но и в сравнении с ближайшими соседями. Среди положительных изменений стоит отметить определенный прогресс в борьбе с коррупцией (117 место), зато значительно ухудшились показатели эффективности правительства – 123 место. В том, что с эффективностью правительства и коррупцией связано немало проблем, можно убедиться, ознакомившись с опросом, проведенным фондом «Эффективное управление» (табл. 1) [5].

Особое значение в этих условиях приобретает качество действующей нормативно-правовой базы местного самоуправления, ее способность быть основой относительно тех процессов, которые происходят в правовом регулировании местного самоуправления и являются характерными чертами современного этапа развития региональных социально-экономических систем. Значительную актуальность в контексте реформирования системы территориальной организации власти в Украине приобретают проблемы определения способа конституционно-правового регулирования полномочий органов местного самоуправления. Ценность локального подхода к правовому регулированию статуса органов местного самоуправления и правотворчества в целом теряется, фактически лишая предмета правового регулирования.

Изменения в теоретических подходах к региональному и местному самоуправлению, а именно ориентация на инициативу со стороны территорий, приводят к переориентации политики в направлении децентрализации, создают условия для горизонтального сотрудничества при более детальном понимании реальных проблем. Акценты смещаются с развития физической инфраструктуры на развитие человеческого потенциала. Вместе с этим растет потребность в осознании архетипа прямой демократии, в исследовании его природы и создании предпосылок к действенному влиянию архетипа на общественно-политические процессы.

Таблица 1

Факторы, свидетельствующие о неэффективности украинских институтов
(данные 2012 г.), %

Регионы	Коррупция	Неэффектив- ность госапарата (в т.ч. разреше- тельной системы)	Нестабильность государственной политики	Нестабильность местной и го- сударственной власти
Автономная Республика Крым	16,4	12,3	11,0	7,2
Винницкая область	10,4	15,5	9,9	8,5
Волынская область	9,1	5,3	14,5	5,6
Днепропетровская область	13,2	10,5	11,9	6,4
Донецкая область	10,7	10	16,5	5,3
Житомирская область	12,4	7,5	16,6	5,5
Закарпатская область	8,8	6,5	18,4	6,0
Запорожская область	12,6	10,1	17,8	8,4
Ивано-Франковская область	13,0	7,3	14,5	9,8
Киевская область	12,1	10,6	15,3	6,6
Кировоградская область	11,1	10,7	15,4	5,1
Луганская область	12,2	10,4	15,7	5,3
Львовская область	13,4	8,8	16,0	6,9
Николаевская область	10,9	9,4	14,1	7,4
Одесская область	15,3	11,6	12,7	7,4
Полтавская область	12,3	7,8	17,2	6,8
Ровненская область	9,3	7,4	20,0	5,2
г. Севастополь	15,1	9,8	11,9	5,5
Сумская область	9,3	8,4	17,9	6,1
Тернопольская область	9,4	8,8	13,2	7,5
Харковская область	15,0	9,4	15,5	5,6
Херсонская область	8,6	9,5	18,6	6,7
Хмельницкая область	13,7	6,8	16,9	5,9
Черкасская область	13,2	10,1	16,0	5,4
Черновецкая область	9,2	6,4	9,8	5,2
Черниговская область	8,8	6,4	14,8	6,2
г. Киев	14,3	10,9	13,2	7,0

Главной целью становится четкое определение места региона в мировой экономике и содействие развитию кластеров в секторах, которые имеют высокий потенциал и могут поддерживать развитие других секторов. Самодостаточный рост стал новой формой успеха регионов. Демократизация региональных институтов и учреждений может открыть их для более широкого круга участников. Эти тенденции усиливаются изменениями в системе функционирования публичного управления, отказом от централизованного подхода и унифицированных политик в пользу децентрализации.

В процессе создания новой децентрализованной системы управления необходимым элементом является сочетание общегосударственных, региональных и местных интересов, а также учет местной специфики социально-экономического, политического и культурного развития. Указанные интересы формируются под влиянием архетипов, в частности архетипа прямой демократии, который служит предпосылкой децентрализации. Децентрализационные действия имеют своим объектом, прежде всего, сферу местного самоуправления и осуществляются на основе законодательного делегирования обществу определенных полномочий государства с целью формирования новых партнерских отношений между государством и обществом, основанных на архетипической парадигме.

Выводы. Таким образом, изложенное выше дало нам возможность определить ряд следующих приоритетов в развитии публичного администрирования:

- накопление синтезированного (человеческого, интеллектуального и социального) капитала в государстве с последующим его распределением на национальном уровне с учетом архетипов (речь идет о создании национальных и региональных интегрированных структур, ТНК и кластеров, в состав которых могут входить все организации, предоставляющие публичные услуги);
- управление процессами предоставления публичных услуг в направлении повышения их уровня и распространения охвата граждан общества публичными услугами;
- создание условий для трансформации синтезированного капитала в геоэкономический капитал страны, который должен обеспечивать одновременно эффективность создания инновационной модели развития предприятий и социально-экономическое развитие страны с усилением влияния публичного администрирования на общественные процессы;
- обеспечение децентрализации управления в обществе как следствия влияния архетипа прямой демократии с целью обеспечения действенности публичного администрирования.

Следование указанным приоритетам, способствующим обеспечению действенности публичного администрирования, дает возможность определить направления распространения демократизации на основе одного из важнейших архетипов – архетипа прямой демократии.

Литература:

1. Багмет М. Базові принципи діяльності територіальних інститутів управління в контексті Європейської хартії місцевого самоврядування / М. Багмет, О. Євтушенко // Наукові праці : науково-методичний журнал : т. 69. – Миколаїв : Вид-во МДГУ ім. Петра Могили, 2007. – Вип. 56. – С. 56–60. – (Сер. : Політичні науки).
2. Большой экономический словарь / под ред. А.Н. Азраиляна. – 3-е издание стереотипное. – М. : Институт новой экономики, 1998. – 864 с.
3. Бусигіна І. Сучасне й майбутнє «Європи регіонів» (проблеми європейського регіоналізму) [Електронний ресурс] / І. Бусигіна. – Режим доступу : <http://www.ji.lviv.ua/n23text/busygina.htm>.
4. Децентралізація публічної влади: досвід європейських країн та перспективи України / [Бориславська О., Заверуха І., Захарченко Е., та ін.] ; Швейцарсько-український проект «Підтримка децентралізації в Україні – DESPRO». – К. : ТОВ «Софія», 2012. – 128 с.
5. Звіт про конкурентоспроможність регіонів України 2012. Назустріч економічному зростанню та процвітання / Благодійний фонд «Ефективне управління. – К. : Фонд «Ефективне управління», 2013. – 208 с.
6. Співвідношення централізації та децентралізації в управлінні територіальним розвитком [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.lib.cholu.edu.ua/pdf/naukpraci>.

**БЕЛЬСКАЯ
Татьяна,
BELSKA
Tetyana,**

кандидат наук
государственного
управления,
докторант кафедры
государственной
политики и управления
политическими
процессами
Национальной академии
государственного
управления при
Президенте Украины,
г. Киев.

Аннотация: в статье
выявлены изменения
архетипических
структурных
элементов сознания в
процессе социально-
исторического
развития, определено
их влияние на
гражданское
общество и властно-
общественные
отношения на
современном
глобальном этапе
развития цивилизации.

Ключевые слова:
архетип, глобальное
гражданское общество,
публичная политика,
властно-общественные
отношения.

УДК 35. 088.8: 323.2

Тетяна БЕЛЬСЬКА

АРХЕТИПНЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Постановка проблемы. Сегодня важное значение в науке приобретают вопросы природы человека, исследования архетипических структурных элементов сознания и формирования ценностных установок с целью использования в государственном управлении.

Архетипические образы в современных условиях являются средством управления людьми, потому интерес к проблеме архетипов среди ученых в области государственного управления и в обществе растет.

Анализ последних исследований и публикаций. Фундаментальные положения по исследованию становления и развития гражданского общества были заложены в трудах Т. Гоббса [6], Дж. Локка [13], Ж.-Ж. Руссо [22], Г. Гегеля [4], Э. Гидденса [5], С. Хантингтона [27] и Дж. Александра [31].

Важное значение для разработки предложений по улучшению сотрудничества публичной власти с общественностью и решению проблем приобретают работы зарубежных исследователей Э. Арато [11], Д. Коэна [11], А. Назарчука [16], Р. Патнама [19], А. Токвиля [26], Ф. Шмиттера [29], О. Цисаржа [8] и др.

Проанализировав изменения архетипических структурных элементов сознания в процессе социально-исторического развития, определяем их влияние на гражданское общество и властно-общественные отношения на современном глобальном этапе развития цивилизации.

Цель статьи – указать на цикличность становления и развития гражданского общества в разные периоды социально-исторического развития, выявить особенности формирования архетипических структурных элементов гражданского общества.

Изложение основного материала. Архетипные структурные элементы сознания является концентрированным выражением различных параметров общественной жизни людей на протяжении тысячелетий.

Слово «архетип» произошло от двух греческих слов: *arche* – начало и *typos* – форма, образец. В позднеантичной философии слово использовалось для обозначения прообраза, идеи [8]. Греческие философы трактовали *ἀρχαί* как начало или первичные принципы, например вода, огонь есть то, что они называли *ἀτταίρων*, «бесконечное». Таким образом, речь идет о первичных состояниях, которые никогда не стареют, никогда не могут быть превзойдены и существуют всегда [27, с. 18]. Архетип – это, прежде всего, результат творческой работы человеческого мозга, и, возможно, но в меньшей степени, на него повлияли условия среды. Архетипы коллективного бессознательного К. Юнга означают сферу глубинных слоев человеческой психики и имеют устойчивые черты древнего опыта человека [3, с. 13]. Таким образом, по К.Г. Юнгу, бессознательное состоит из трех слоев: личностного бессознательного как поверхностного его слоя, коллективного бессознательного – врожденного глубокого слоя, который имеет не индивидуальную, а общую природу, включает опыт предыдущих поколений человечества и охватывает

надличностный универсальный образец, выступая общим основанием духовной жизни человека.

Социальным событиям, в том числе историческим процессам, свойственны ритмичность или цикличность. Сторонники этой идеи – П. Сорокин [21], А. Тойнби [25], Э. Афониин [2] и др. Цикл состоит из четырех структурных элементов: революция (состояние развития, связанное с рождением нового социального субъекта «Мы») – инволюция (период развития, связанный со сворачиванием социального пространства, становлением и функционированием социальных институтов) – коэволюция (становление социального субъекта «Я») – эволюция (период развития, связанный с развитием социальных институтов) [2]. Античная история (Древняя Греция и Древний Рим), Средневековье (Возрождение и Просвещение), Модерн и Постмодерн составляют циклы социально-исторического развития. Следует указать, что гражданское общество активизируется в период революции.

Впервые архетип гражданственности можно обнаружить в античное время, когда начинают формироваться элементы гражданского общества. Для Аристотеля гражданское общество и государство являются тождественными понятиями: «государство есть определенное объединение, а любое объединение создается для определенного счастья... К величайшему и высшему из всех благ, собственно, направляется то объединение, которое самое главное и охватывает остальные объединения» [1, с. 15]. Однако участие древних греков в управлении государственными делами не совсем соответствует архетипной концептуальной основе гражданского общества.

Воротами эпохи, в которой конституируется гражданское общество, является Реформация (XVI в.). Теоретические взгляды лидеров Реформации позволили наполнить существующие архетипы общественной активностью. Протестантизм можно интерпретировать как источник, породивший символическое оформление гражданского общества. Идеи протестантов впервые нарушили тот баланс, который существовал в обществе. Католицизм был наиболее подходящей идейной оболочкой для такого порядка, в котором каждый выполнял свою сословно устоявшуюся роль. Существовали общества ремесленников, крестьян и прочих, которые были изолированы друг от друга жесткими дискурсивными барьерами. Человек в обществе занимал постоянное, отведенное специально для него место [27, с. 106].

Новые экономические изменения поддержали церковные реформы Жана Кальвина. В условиях экономических и идеологических изменений формируется гражданское общество.

В период Средневековья церковь играла важную роль. Создатели христианской политической теории (Аврелий Августин и Фома Аквинский) резко противопоставляли церковь и государство. Вся история человечества, по их мнению, – это грандиозное свершение замысла божественного творения, появление церкви в целом имеет решающее значение. Церковные деятели в отдельных государствах назначали королей. История Украины тоже имеет такой пример: Даниил Галицкий был коронован и в 1253 г. принял королевский титул и стал королем Руси. Однако это практически единственный случай в истории Украины. Отец Даниила Романовича – родоначальник новой династии князей и выдающийся строительный Галицко-Волынского государства Роман Мстиславич, который княжил с 1199 по 1205 год, на предложение коронации Папы Римского Иннокентия III, пославшего к Роману своих послов, ответил отказом.

Наступает момент, когда «светская власть», которая представляет государство, начинает борьбу с церковью за свою значимость. Позиции государства укрепляются в процессе экономических преобразований. Государство в борьбе с церковью объединяет вокруг себя союзы представителей различных профессий, которые недовольны церковными налогами и сборами. Поэтому вполне логично, что в данный период гражданское общество ассоциируется с государством.

Приведем размышления ученых Средневековья, которые сформулировали основные архетипы в отношениях «гражданское общество – государство».

Английский мыслитель Т. Гоббс (1588–1679 гг.) исходил из того, что государство возникло на основе «общественного договора». В работе «Левиафан» (1656 г.) он создал гимн государству, которое ведет к власти разума, мира, безопасности, богатства и цивилизованной упорядоченности. Мыслитель утверждал: «Это реальное единство, воплощенное в одном лице средством согласия, заключенного каждым человеком с каждым другим таким образом, как будто каждый человек сказал другому: я уполномочиваю этого человека или это собрание лиц и передаю ему мое право управлять собой на том условии, что ты так же передашь ему свое право и санкционируешь все его действия. Если это осуществится, то множество людей или множество объединений, таким образом, называются государством, по латыни – *civitas*» [6, с. 321]. Т. Гоббс первым вводит в политическую науку термин «гражданское общество», которое он отождествлял с государством.

Дж. Локк (1632–1704 гг.) в работе «Два трактата о правлении» рассматривал проблемы государственной власти и гражданского общества. Дж. Локк рассматривает гражданское общество как «единственный путь, с помощью которого любой отказывается от своей естественной свободы и ограничивает себя правилами игры гражданского общества, – это соглашение с другими людьми об объединении в сообщество для того, чтобы удобно, благополучно и мирно совместно жить, спокойно пользоваться своей собственностью и находиться в большей безопасности, чем кто-либо, не являющийся членом общества» [13, с. 361]. И далее: «Власть общества или созданного людьми законодательного органа никогда не может распространяться дальше, чем это необходимо для общего блага... И кто бы ни обладал законодательной или верховной властью в любом государстве, он обязан править согласно постоянным законам, провозглашенным для народа и известным народу, а не путем импровизированных указов» [13, с. 365]. По мнению Дж. Локка, народ имеет право не поддерживать и даже свергнуть безответственное правительство. Дж. Локк, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо отождествляли понятия «гражданское общество» и «государство».

Особая заслуга в разработке теории гражданского общества принадлежит Г.В.Ф. Гегелю. В «Философии права» сказано: «Гражданское общество является дифференциация, которая выступает между семьей и государством, хотя развитие гражданского общества наступает позднее, это важнее, чем развитие государства» [4, с. 228].

Гражданское общество представляет собой мощную силу, которая завладевает человеком, требует от него, чтобы он на нее работал, был всем только посредством нее и делал все только с помощью нее. Если человек должен быть таким членом гражданского общества, то он сохраняет в нем те же права и притязания, которые он в семье. Гражданское общество должно защищать своего члена, отстаивать его права, а индивид, в свою очередь, обязан соблюдать права гражданского общества [4, с. 268].

В этом своем качестве общей семьи гражданское общество обязано и имеет право надзирать за воспитанием детей и влиять на него, прекращая произвол и случайные намерения родителей, поскольку оно имеет отношение к способности человека стать членом общества. Так как гражданское общество обязано содержать индивидов, оно имеет также право заставлять их заботиться о средствах к существованию [4, с. 269–270]. «Государство вообще первое, внутри чего семья развивается в гражданское общество, и сама идея государства распадается на эти два момента; в развитии гражданского общества нравственная субстанция обретает свою бесконечную форму» [4, с. 278]. Гражданское общество, по Г.В.Ф. Гегелю, стоит выше семейных уз, оно возникает на определенном уровне развития общества, но не имеет целостности и консолидации, присущих государству.

Протестантизм, противостояние государства и церкви, которые способствовали возникновению гражданского общества, более характерны для западноевропейского общества.

Для восточноевропейского общества больше присуща концепция, утвердившаяся в конце XVIII – начале XIX в., сторонники которой утверждали, что гражданское

общество отлично от государства. Для восточноевропейского общества характерна ситуация, описанная Н. Макиавелли. Н. Макиавелли в своем труде «Государь», анализируя взаимоотношения между властью и народом (в современном понимании народ рассматривается как «гражданское общество»), делает ряд важных выводов. Он разделяет государства на те, где «подданные привыкли повиноваться властителям», и на те, где народ «исконно жил свободно» [14]. Между властью и народом возникают политические, экономические и социальные взаимоотношения. Характеризуя политические отношения, Н. Макиавелли указывает: «Если государь пришел к власти с помощью народа, он должен стремиться удержать его дружбу... Иначе в трудное время он будет свергнут» [14, с. 13]. В социальном аспекте «благоустроенные государства и мудрые правители принимали все меры для того, чтобы... быть желанными для народа, так как это относится к важнейшим заботам тех, кто правит» [14, с. 15]. Советуя правителям, как избежать ненависти и презрения народа, философ отмечает, что в экономическом аспекте взаимоотношений «большинство людей довольны своей жизнью, до тех пор, пока не затрагиваются их честь и имущественные интересы» [14, с. 16].

По мнению Н. Макиавелли, в природе власти заложено превосходство над «гражданским обществом»: «Мудрому властителю следует принять меры для того, чтобы граждане всегда и при любых обстоятельствах имели потребность в правителе и в государстве» [14, с. 13].

Джон Кин определяет другие условия создания архетипов гражданского общества. В одной из своих работ он исследует роль городов в процессе становления гражданского общества и доказывает, что именно в городе формулируются архетипы гражданского общества. Право на сопротивление тирании, отмену монархии, конституционные конвенции, письменные конституции, народные выборы, гражданские свободы, ограниченный срок правления – все это складывается в начале существования городов [34]. Без этого сегодня немыслимо государственное управление.

Города, получившие Магдебургское право, стали не государствами в государствах, а островками гражданского общества в рамках феодальных стран [19, с. 28].

С XVI в. распространяется понятие «модерн» (modern), которое представляет Новое время в развитии человечества. Это время объединило достижения предыдущих исторических эпох – Возрождения и Просвещения, став своеобразным обобщением и одновременно началом нового цикла общественного развития. Свое содержательное воплощение Модерн нашел в научных парадигмах позитивизма, материализма и атеизма, в концептах либеральной демократии и представлении об индивидуальном достоинстве, которые превращаются в идеологию свободы и прав человека [24, с. 26].

Главными стратегиями эпохи Модерна становятся, во-первых, модернизация социально-экономической сферы, которая сделала экономический рост общественной целью, а мотивация индивидов стала движущей силой общественного развития.

Демократизация и либерализация способствует установлению отношений между государством и гражданским обществом. Политическое участие, конкуренция, появление нового типа личности – индивида, осознающего себя свободным существом, наделенным от природы правами человека и гражданина, способствуют формированию новых эпохальных архетипических элементов.

С середины XIX в. до второй половины XX в. происходит осознание тех негативных тенденций, которые с развитием буржуазного общества принес рынок – нарастание социальных конфликтов. Теория гражданского общества изменяется и проявляется в овладении насильственными методами разрешения конфликтов. Становятся популярными социалистические концепции, в том числе и одна из самых радикальных – марксизм.

Гражданское общество для К. Маркса является формой, в которой осуществляется экономическое развитие, сфера труда, производства и обмена. Во введении «К критике политической экономии» он характеризовал гражданское общество как

производное от материальных условий жизни и считал, что «анатомию гражданского общества необходимо искать в политической экономии» [15, с. 4]. Гражданские связи и гражданское общество являются формами классовых отношений, которые порождены капиталистическим способом производства и должны погибнуть вместе с ним. Немецкий мыслитель представлял процесс формирования гражданского общества в условиях социализма путем создания сильного государства – диктатуры пролетариата, которое, изменяясь и превращаясь во всенародное государство, передает свои властные функции обществу и в конце концов отмирает, а на его месте появляется настоящее гражданское общество. Аналогичного мнения придерживался и В. Ленин [19, с. 33–34]. Действительность доказала утопичность данной концепции.

С этого времени начинается довольно длительный спад интереса к проблематике гражданского общества. Одна из причин этого заключается в установлении тоталитарных режимов XX в., для которых характерно вмешательство государства в сферу частной жизни граждан.

В середине XX в. широко распространяется понятие «постмодерн». Для него характерны специализация и внедрение рационально-правовых ценностей в организацию экономической, политической и социальной жизни, в частности расширение сферы индивидуального выбора и политического участия граждан.

Восстановление интереса ученых к проблематике гражданского общества относится к 70–80-м гг. XX в. Центр тяжести в изучении социальных проблем переносится с социализма на анализ процесса перехода от тоталитаризма через авторитаризм к демократическому устройству, а также на исследование проблем гражданского общества. На данном этапе гражданское общество приобретает новое значение, оно выделяется в отдельную сферу. Гражданское общество стало осознаваться как сфера, аналитически независимая и отдельная от государства и рынка. В XIX в. создаются новые институты гражданского общества – профсоюзы и политические партии, в XX в. – общественные организации и объединения, неправительственные аналитические центры.

Исторические формы понимания гражданского общества способствовали возникновению различных научных подходов к вопросу взаимоотношений между властью и гражданским обществом.

Чешский ученый О. Цисарж выделяет три исторические традиции в вопросе формирования архетипических образов гражданского общества: неолиберальное, консервативное и социал-либеральное восприятие. Согласно первому из них ядро гражданского общества представляет рынок. Гражданское общество из этой перспективы создано индивидуумами, которых интересуют их личные цели, и в этом смысле оно противопоставляется государству. Согласно консервативному подходу гражданское общество состоит из традиционных общественных институтов, образующих его структуру, основной центр тяжести которых находится в семье и в церкви. Согласно третьему подходу, который в настоящее время доминирует не только в плане дискуссий о гражданском обществе, но также и в вопросе политики его поддержки, структуру гражданского общества формируют различные организации, которые невозможно отождествить ни с семьей, ни с рынком (и дополним: ни с государством). Это просто среда, в которой уживаются разные группы по интересам, самостоятельные организации и объединения, через которые граждане выражают свою заинтересованность и которые помогают им удовлетворять их потребности [8, с. 5].

Концепция гражданского общества интенсивно разрабатывается зарубежными учеными, в частности английским исследователем Э. Геллнером, его соотечественником Дж. Кином [10], французскими учеными Ж. Керманом и Р. Фассаером, американскими политологами Э. Арато и Д. Коэном [11], Дж. Александером [31], Ф. Шмиттером [29] и др.

Современный британский социолог Э. Гидденс считает, что экономическая сфера имеет особое значение для дополнения архетипического образа гражданского общества. «Гражданское общество представляет собой сферу, внутри которой происходит

накопление капитала, которое осуществляется благодаря механизмам цены, прибыли и инвестирования в рынок труда и товарный рынок» [5, с. 282]. Как К. Маркс, так и Э. Гидденс отмечают, что государство находится в противоречии с гражданским обществом и, вместе с тем, им же сформировано, «зависит от механизмов производства и воспроизводства» общества. В свою очередь, Д. Коэн и Э. Арато под гражданским обществом понимают «сферу социальной интеракции между экономикой и государством, состоящим, в первую очередь, из сфер наиболее близкого общения (в частности, семьи), объединений (в частности, добровольных), социальных движений и различных форм публичной коммуникации [11, с. 7]».

Интересна мысль Т. Карозера, который считает, что гражданское общество может и должно вызывать, раздражать и даже порой противостоять государству. Но гражданское общество и государство нуждаются друг в друге, и в идеале они развиваются в тандеме, а не друг без друга [35].

Новые реалии общества всеобщего благосостояния в странах развитой демократии привлекли внимание тех ученых, которые пытаются найти способы объединения усилий государства всеобщего благосостояния и гражданского общества в достижении равной свободы для всех и большей социальной справедливости, формировании социального капитала (Дж. Кин, Ч. Тейлор, Н. Розенблюм, Р. Патнам).

Часто для характеристики общества всеобщего благосостояния употребляется понятие «социальный капитал», вошедшее в научный оборот благодаря трудам П. Бурдьё и Д. Коулмена [32]. В 80-х – начале 90-х годов эта теория получила новое дыхание благодаря научным трудам и публицистическим статьям Р. Патнама. Он раскрыл влияние социально-культурных факторов и исторической традиции на политическое развитие Севера и Юга Италии. В центре его внимания – гражданская община как центр социальной жизни с культурно определенными чертами поведения ее членов, в которой «ценностные отношения и образцы практики образуют взаимно поддерживающий эквilibrium» [19]. Именно понятие социального капитала характеризует это единство культуры и структуры, складывающееся в пределах гражданских общин. Оно включает в себя нормы взаимности (такие как доверие и толерантность) и сети общественной вовлеченности (участие людей в разного рода союзах и объединениях как сейчас, так и в прошлом) [37]. Взаимно усиливая друг друга, эти два аспекта социального капитала делают людей способными к солидарным действиям, кооперации усилий и взаимопомощи. Как следствие, люди, склонные добровольно подчиняться правовым нормам, и создают благоприятную социальную среду для функционирования демократических институтов.

Социальный капитал является признаком зрелости и эффективности гражданского общества, а также тем его основным продуктом, который обеспечивает влияние гражданского общества на другие сферы общественной жизни, в том числе (а возможно, и в первую очередь) – на политику. Основным центром формирования социального капитала, по Р. Патнаму, является гражданская община, которой присущи политическое правовое равенство и доминирование горизонтальных связей; общественная вовлеченность и общественная добродетель, что означает интерес к общественным делам и посвящение общественному делу; настроенность на взаимность и сотрудничество; солидарность, доверие и толерантность [37]. О необходимости развития взаимоотношений гражданского общества и власти именно в этом направлении пишут также теоретики современного либерализма и демократии участия М. Вольцер, Б. Барбер, Дж. Смит и др.

В условиях глобализации появились новые формы взаимоотношений власти и гражданского общества, а также новые направления научных разработок данной тематики. В условиях глобализации мы имеем дело с международными управленческими структурами и глобальными институтами гражданского общества. М. Эдвардс, исследуя глобальное гражданское общество, отмечает, что для него характерно принципиальное уменьшение роли политики в жизни общества за счет расширения свободного рынка и свободы личности [33].

Глобальное общество – это не особый социальный строй, а всепланетная система сотрудничества и сосуществования различных социумов и культур. Она означает существование мирового сообщества как глубоко дифференцированного целого [21, с. 1]. Впервые в истории у людей во всепланетарном масштабе постепенно вырабатывается общее понимание основных принципов жизнеустройства, составляющего идеологию глобализации [18, с. 44].

Глобализация – процесс взаимосвязи, который означает, что наша жизнь все больше проходит под влиянием происходящих событий, но решения принимаются на большом расстоянии от нас. Главным признаком глобализации служит то, что географическое расстояние является целесообразностью, но уменьшается, и территориальные границы, как, например, между национальными государствами, становятся менее важны [6, с. 120].

Трудно переоценить создание виртуальных социальных сетей для объединения усилий гражданского общества. В последнее время особое распространение получила такая форма взаимодействия органов публичной власти с общественностью, как информационные технологии и электронное управление. Стив Вулгар возглавил группу ученых, которая изучала социальный аспект «виртуального общества» в программе «Виртуальное общество? Социальные последствия и контекст новых электронных технологий», принятой в Великобритании в 1996 году [36]. В исследовательской программе говорилось о необходимости создания нового направления социальной науки, посвященного формированию политики на основе более глубокого понимания и практики в области новых электронных технологий и информационной инфраструктуры. Цель этой науки состоит в том, чтобы изучить в социальном контексте новые электронные технологии и предсказать влияние на человеческое поведение и деятельность людей в обществе [36].

А. Назарчук аргументирует, что институты гражданского общества существуют обычно не обособленно, а создают взаимосвязанные сети. Все виды человеческих объединений, которые имеют дело с массовостью и регулярностью, опираются на сетевой принцип. «Связь родственников между собой издревле образовывала родовые сети, механизмы классовой солидарности реализовывались через сети активистов классового протеста, власть превращалась в государство, когда охватывала своими сетевыми структурами всю территорию страны, традиционное общество превращалось в сословное, если могло сформировать сети, объект объединения состояния» [16]. По его мнению, любая сетевая организация может бороться за власть, влиять на определенные решения органов публичной власти, стать политической силой. «Располагая плотную коммуникационную сеть, общество дышит и колеблется, словно клубок электрического напряжения, энергия которого готова в любой момент перетечь с одного места в другое. Как и движение капиталов, движение общественного интереса чутко реагирует на любые раздражители» [16]. Сеть имеет свойство демократизировать коммуникацию и объединять различные иерархические уровни единой коммуникационной плоскостью. Сетевая власть информирует, а не предписывает. Она не препятствует активности оппозиции, критике СМИ. Власть меняет стиль общения с влияния на диалог, с иерархического подчинения на горизонтальную коммуникацию. Таким образом, устанавливаются новые типы и модели отношений. В связи с этим на Западе появилась профессия социального организатора (community organizers).

Выводы и перспективы дальнейших научных исследований. Вышеизложенное служит достаточным основанием для вывода о том, что архетипические структурные элементы сознания людей формировались на протяжении различных социально-исторических эпох под влиянием ряда факторов. Власть и гражданское общество в течение различных социально-исторических циклов меняли формы и методы воздействия. Сегодня стало ясно, что без сознания, готового по-новому воспринимать глобальный современный мир, усилия человечества окажутся неэффективными.

Литература:

1. Аристотель. Політика / Аристотель ; [пер. з давньогрец., передм. О. Кислюк] – К. : Основи, 2005. – 239 с.
2. Афонін Е.А. Соціальні цикли: історико-соціологічний підхід / Е.А. Афонін, О.М. Бандурка, А.Ю. Мартинов. – Х. : Золота миля, 2008. – 504 с.
3. Беттельгейзе Д.Д. К Феномен планетарної свідомості: філософсько-антропологічний аспект : автореф. дис. ... канд. філософ. наук : спец. 09.00.04 – «Філософська антропологія, філософія культури» / Д.Д. Беттельгейзе. – Х., 2007. – 34 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель ; [пер. с нем.] ; [авт. вст. ст. С. 3–43 и примеч. В. С. Нерсесянц]. – М. : Мысль, 1990. – 526 с. – (Сер. : «Философское наследие»).
5. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – 2-е изд. – М. : Академический Проект, 2005. – 528 с. – (Сер. : «Концепции»).
6. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс // Антология мировой политической мысли : в 5 т. – М., 1997. – Т. 1. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. – С. 319–331.
7. Енциклопедія державного управління : у 8 т. / Нац. акад. держ. упр. при Президентові України ; наук.-ред. колегія : Ю.В. Ковбасюк (голова) та ін. – К. : НАДУ, 2011. – Т. 7 : Державне управління в умовах глобальної та європейської інтеграції / наук.-ред. колегія: І.А. Грицяк (співголова), Ю.П. Сурмін (співголова) та ін. – К., 2011. – 764 с.
8. Зародження громадянського суспільства – чеський приклад / Одржей Цисарж, Франтішек Мікш, Іржи Навратіл, Катаржина Врбליкова ; [пер. з чеської Л. Брзобогата ; відп. ред. К. Глоушкова]. – Brno, Česká republika : ČDK, 2008. – 81 с.
9. Зеленский В. Словарь аналитической психологии [Электронный ресурс] / В. Зеленский. – Режим доступа : <http://vocabulary.ru/dictionary/11/word/arhetipy>.
10. Кин Дж. Демократия и гражданское общество / Джон Кин ; [пер. с англ., послесл. М.А. Абрамова]. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 400 с.
11. Коэн Д.Л. Гражданское общество и политическая теория / Д.Л. Коэн, Э. Арато ; [пер. с англ., общ. ред. И.И. Мюрберг]. – М. : Весь Мир, 2003. – 784 с.
12. Крюков О. І. Політико-управлінська еліта України як чинник державотворення : [монографія] / О.І. Крюков ; за наук. ред. Е.А. Афоніна. – К. : Вид-во НАДУ, 2006. – 252 с.
13. Локк Д. Два трактата о правлении / Д. Локк // Антология мировой политической мысли : в 5 т. – М., 1997. – Т. 1. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. – С. 359–366.
14. Макиавелли Н. Государь : сочинения / Н. Макиавелли. – М. : ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс ; Харьков : Фолио, 2001. – 656 с. – (Сер. : «Антология мысли»).
15. Маркс К. К критике политической экономии / К. Маркс. – М. : Политиздат, 1990. – 206 с.
16. Назарчук А.В. Социальные сети и трансформация политического порядка [Электронное видання] / А.В. Назарчук // Вестник аналитики. – 2007. – № 30 (4-2007). – Режим доступа : http://www.nazarchuk.com/p_16.html.
17. Новаченко Т.В. Архетипова парадигма керівника в державному управлінні : [монографія] / Т.В. Новиченко ; за наук. ред. Е.А. Афоніна ; Національна академія державного управління при Президентові України ; Українське товариство сприяння соціальним інноваціям. – К. : Вид-во ПП Лисенко М.М., 2013. – 320 с.
18. Олійник О.М. Глобальне та локальне як чинники формування феномена глобалізації / О.М. Олійник // Україна наукова : п'ята всеукр. наук.-практ. інтернет-конф., Київ, 23–25 грудня 2008 р. : зб. матеріалів : [в 2-х ч.]. – К., 2008. – Ч. 2. – С. 51–52.
19. Патнам Р.Д. Творення демократії. Традиції громадської активності в сучасній Італії / Р.Д. Патнам – К. : Основи, 2001. – 302 с.

20. Політична система і громадянське суспільство: європейські і українські реалії : монографія / [А.І. Кудряченко, В.М. Бебик, В.І. Бортніков, Ф.М. Рудич та ін.] ; за заг. ред. д. і. н., проф. А.І. Кудряченка. – К. : НІСД, 2007. – 396 с.
21. Рудич Ф. Політичний режим і народовладдя: спроба політологічного аналізу / Ф. Рудич // Політичний менеджмент : Український науковий журнал. – К. : Український центр політичного менеджменту, 2010. – № 2 (41) – С. 3–16.
22. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права / Ж.-Ж. Руссо // Антология мировой политической мысли : в 5 т. – М., 1997. – Т. 1. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. – С. 427–438.
23. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А.Сорокин. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.
24. Суший О.В. Психосоціальна культура державного управління : [монографія] / О.В. Суший ; Національна академія державного управління при Президентові України. – К. : Світогляд, 2012. – 344 с.
25. Тойнби А.Дж. Постигение истории : сборник. / А.Дж. Тойнби ; [пер. с англ. Е.Д. Жаркова]. – М. : Рольф, 2001. – 640 с.
26. Токвиль А. Демократия в Америке / Алексис де Токвиль ; [пер. с франц., предисл. Гарольда Дж. Ласки]. – М. : Прогресс, 1992. – 554 с.
27. Федотова Н.Г. От частных гражданских состояний к гражданскому обществу: исторический опыт конструирования символической основы гражданского общества / Н.Г. Федотова // В поисках гражданского общества. – Великий Новгород : НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2008. – Вып. 5. – С. 102–123. – (Сер. : «Научные доклады»).
28. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон ; [пер. с англ.]. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – 368 с.
29. Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии / Ф. Шмиттер // Полис. – 1996. – № 5. – С. 16–27.
30. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов / К.Г. Юнг ; [пер. с англ.]. – К. : Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. – 384 с.
31. Alexander J.C. Civil Society I, II, III: Constructing an Empirical Concept from Normative Controversies and Historical Transformations / J.C. Alexander // In the book : Real Civil Societies. Dilemmas of Institutionalization / ed. by Jeffrey C. Alexander. – London, 1998. – P. 1–19.
32. Coleman J.C. Social capital in the creation of human capital / J.C. Coleman // American Journal of Sociology. – 1994. – P. 95–120.
33. Edwards M. «Civil society» : the encyclopedia of informal education [Електронний ресурс] / M. Edwards. – 2005. – Режим доступу : www.infed.org/association/civil_society.htm. – Last updated : October 23, 2007.
34. Keane J. Introduction: Cities and Civil Society [Електронний ресурс] / John Keane. – Режим доступу : http://www.johnkeane.net/essays/essay_jk_cs_berlin_intro.htm.
35. Carothers T. Think Again: Civil Society [Електронний ресурс] / Thomas Carothers // Foreign Policy Magazine. – Winter edition 1999–2000. – № 117 – С. 18–29. – Режим доступу : <http://www.carnegieendowment.org/pdf/CivilSociety.pdf>.
36. The Virtual Society? The Social Impacts and Contexts of New Electronic Technologies Economic and Social Research Council, United Kingdom Revised Research Programme Proposal 1996 [Електронний ресурс] / Rob Shields ; (Adopted and subsequently directed by Prof. Steve Woolgar, Brunel University, UK) : The Virtual Society? Research Program 1997–2000. – Режим доступу : <http://virtualsociety.sbs.ox.ac.uk/intro.htm>.
37. Putnam R.D. Bowling Alone. The collapse and revival of American community / Robert D. Putnam. – New York : Simon and Schuster, 2000.

Оксана БОРИСЕВИЧ

НОВЫЕ ЦЕННОСТИ МАЛЕНЬКИХ ТЕЛЕЗРИТЕЛЕЙ КАК РЕЗУЛЬТАТ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТНЫХ ТРАНС- ФОРМАЦИЙ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА (АРХЕТИПИЧЕСКИЙ ПОДХОД)

Постановка проблемы. Современная ситуация, сложившаяся в обществе, показывает исключительную тенденцию, наблюдаемую уже в детской среде, – стремление выстроить новую ценностную основу мировоззрения с опорой на базовые ценности, которая проявилась на фоне тяжелейшего экономического кризиса, спровоцировавшего интенсивный процесс ценностной трансформации (1981–2014 гг.). Параллельно политическим и социально-экономическим преобразованиям наблюдались и изменения в политике телевидения. Возникший после развала СССР всплеск «свободной» телевизионной информации привел к усилению интереса ко всему новому и запрещенному ранее, вызвав серьезнейшую ломку «старой» ценностной системы, распушенность взрослых людей и освобождение их от прежних комплексов.

Свобода телепросмотра взрослых отразилась на телепросмотре детей. Им стала доступна запрещенная информация (сексуального, агрессивного характера). В результате «информационная откровенность» привела к ценностному дисбалансу общества. Слабая адаптивная способность многих к изменившимся социально-экономическим условиям жизни стала серьезным препятствием к осмыслению ценностей и их архетипической направленности. Акцентуализация эгоистической мотивации привела к стремительному развитию и доминированию индивидуалистических ценностей, к ослаблению ценностной основы общества переходного периода, к безразличному отношению многих родителей к формированию ценностей собственных детей.

Попустительское отношение государственной телевизионной политики РБ к развитию национального детского телевидения спустя первое десятилетие после развала СССР привело к исчезновению множества ценных программ и низкой телепродуктивности. Развитие цифрового и спутникового вещания в Беларуси дало возможность детям смотреть коммерческие детские телевизионные каналы (ДТК) с включенным в программные пакеты детским телепродуктом, имеющим подчас очень противоречивый контент (жестокость, агрессивность, сексуальность, безнаказанность, хамство). В отличие от России и Украины, у нас нет своего детского канала на родном языке при имеющейся в обществе такой потребности. Наш опрос (2011 г.) показал, что 42 % родителей младших школьников хотели бы, чтобы их дети смотрели детские передачи на белорусском языке (46 % – на русском, а 12 % – все равно).

Анализ последних исследований и публикаций показал, что проблема духовных ценностей детей вызывает беспокойство исследователей многих стран наряду с проблемой воздействия ТВ.

Духовные ценности – это духовный высокозначимый капитал развивающегося информационного общества.

О зарождении и становлении аксиологии свидетельствуют труды таких философов, как Сократ, Платон, Р. Декарт, Б. Спиноза, К.А. Гельвеций, Н.А. Гольбах, И. Кант, Р. Лотце, Г. Коген, С. Булгаков, Н. Бердяев, В. Соловьев, С. Франк, П. Лапи, Д.А. Леонтьев. На суще-

БОРИСЕВИЧ
Оксана
BORYSEVICH
Aksana,

аспирант факультета
психологии
Государственного
учреждения
образования "Академия
последипломного
образования", г. Минск,
Республика Беларусь.

Аннотация: в статье с использованием архетипной методологии исследуется стремление маленьких телезрителей найти новые ценностные основы и смыслы жизни в условиях переходного периода общественного развития. Приведены результаты теоретического анализа проблемной области и результаты эмпирических исследований духовных ценностей детей.

Ключевые слова: архетип, архетипический подход, ценности, духовные ценности, ценностные архетипические образы, трансформации духовных ценностей, переходный период общественно-го развития, детский телевизионный продукт, телевизионная политика государства.

УДК 316.773.4–
053.2:654.1 (047)(476)

ствование разных подходов к пониманию сущности этой ценности указывают следующие учения: натуралистический психологизм (А. фон Мейнонг, Р.Б. Перри, Дж. Дьюи, К.И. Льюис), персоналистический онтологизм (М. Шелер), аксиологический трансцендентализм (В. Виндельбанд, Г. Риккерт), культурно-исторический релятивизм (В. Дильтей), социологическая концепция ценностей (М. Вебер, У. Томас, Ф. Знанецкий).

Об идеи архетипичности, роли мифологии в появлении архетипических образов говорят К.Г. Юнг, Дж. Хиллман, В. и Я. Гриммы, В. Буслаев, А. Афанасьев, об архетипическом мотиве – А.Н. Веселовский, В. Пропп, Е.М. Мелетинский, об архетипической основе ценностей – С.Е. Никитина, Е.Ю. Кукушкина, Е.М. Щепановская, Н.П. Моница, о проявлении архетипов в рискованных социо-культурных ситуациях – Н.С. Вдовушкина.

О сложностях формирования целостного ценностного отношения ребенка к себе и к миру, связанных с развитием его критического сознания в ходе духовного воспитания, свидетельствуют исследования зарубежных (Н.В. Danesh, Е. Mustakova-Possardt, А. Cline) и российских (В.А. Сухомлинский, Г.А. Мелекесов, И.Д. Егорычева) ученых [7, с. 199–200]. О трансформации жизненно важных ценностей детей младшего школьного возраста, выраженной в противоречивости выбираемых ценностей (базовые ценности подавляются материальными), и неразвитости духовности говорят российские ученые Н.В. Светлова, М.В. Аникеев, З.З. Мамышева и М.В. Груздева.

На усиление значимости материальных ценностей в сознании детей в период между 1983 г. и 1995 г. указывают Н.А. Волкова, Л.Г. Десфонтейнес, Т.В. Дробышева и А.Л. Журавлев, на большое расхождение между декларируемыми ценностями и реальным поведением, об обесценивании здоровья, семьи – Л.А. Варнакова, О.Г. Кириллук, И.А. Крапивка, В.Е. Семенова и Н.В. Кораблева, на неразвитые знания об основных моральных категориях, на дефицит моральных чувств и эмпатии – Л.Г. Лысюк, на актуализацию потребности в восстановлении духовных ценностей, на кризис идеалов и утрату духовных ориентиров – А.И. Большова.

О вредном влиянии ТВ на ценности детей и о формируемой их «духовной нищете» как неспособности к духовному сопереживанию, безразличия к насилию и смерти, развивающимся под воздействием телевизионных мифов, и о формировании аморального поведения детей говорят зарубежные исследователи А. Lasmanis, В. Early, Е. Smith, Carr, Gottfredson, Kadir и Muhammad [12, с. 90; 24; 25].

О насаждении социальных стереотипов и негативных последствиях: развитии неправильных социальных установок и неверном взгляде на мир сообщают А. Lasmanis, А. Lasmane, I. Vanaga и D. Lasmane [12, с. 91; 11, с. 446]. Об использовании ТВ в улучшении детского физического, духовного и социального здоровья говорят исследователи Австралии, Китая, Сингапура и США [23, с. 4]. О трансформациях в структуре ценностных ориентаций детей под влиянием ТВ в сторону рационализации сознания детей и доминирования ценностей индивидуального порядка и потребления говорят российские исследователи М.А. Тукмачев, О.О. Гомбоева и Н.А. Матвеева. Отмечается отвержение таких ценностей: продуктивная жизнь, познание, красота природы и искусства, жизненная мудрость, счастье других [6, с. 78].

На недоверие детей к ценностям взрослых и необходимость формирования их духовности в процессе воспитания, в том числе и под воздействием ТВ, указывают украинские исследователи Н.И. Соболева, Л.В. Никонорова, Л. А. Гужва и Н.Д. Темех [7 с. 200]. О телевизионном насилии над детьми говорят белорусские психологи С.Н. Островский и К.И. Воробьев, о навязывании стереотипов, формировании социальной дезориентации, поверхностного восприятия культурных ценностей – В. Ксёнда, Т.В. Зайковская, о снижении в сознании молодежи базовых ценностей – Е.М. Бобосов, Г.М. Грибов, Э.И. Рудковский, Н.М. Байков, Л.Н. Кривцун-Левшина и М.Е. Шмуракова [6, с. 79].

Несмотря на наличие большого объема исследований, сегодня в Беларуси не существует единого функционирующего психологического подхода к целенаправ-

ленному развитию у детей как базовых ценностей, являющихся продуктом коллективного бессознательного, так и новых жизненных ценностей. Отсутствие научной обоснованности влияния детского телевидения на ценностный мир детей требует тщательного изучения с целью получения результатов, аргументация которых позволила бы изменить сложившуюся ситуацию в интересах белорусского общества.

Цель статьи – анализ теоретической и эмпирической представленности проблемы формирования новых ценностей маленьких телезрителей (детей младшего школьного возраста) в результате духовных ценностных трансформаций переходного периода общественного развития и под воздействием детского телевидения с учетом архетипического подхода.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи: 1) методологически обосновать проблему ценностей в рамках архетипического подхода; 2) отобразить тенденции, полученные в результате изучения ценностных трансформаций детей младшего школьного возраста, и их отражение в действии архетипических образов; 3) раскрыть мотивационно-потребностный аспект привязанности духовных ценностных ориентаций детей к деструктивным архетипам, навязываемым детским телевидением; 4) выявить действующие архетипы, по-новому актуализирующиеся в ценностных предпочтениях младших школьников, смотрящих ДТК и детский телепродукт, транслируемый Общенациональным телевидением.

Освещение основного материала исследования. Ценности занимают важнейшее место в жизни человека и общества, так как именно они характеризуют собственно человеческий образ жизни [9, с. 407]. Явления действительности становятся ценностями, когда включаются в сферу человеческой практики, в социальные отношения субъекта и приобретают в них значимость [17, с. 20]. Так, ценности – реально действующие регуляторы деятельности, оказывающие влияние на поведение независимо от их отражения в сознании (Д.А. Леонтьев) [22, с. 3]. «Духовность» – утверждение высших нравственных ценностей; духовность как качество личности выражается в приоритете духовных ценностей в системе ценностей индивида [7, с. 200].

Проблема ценностей интересовала еще философов Античности (Сократ, Платон), отождествлявших ценность с бытием. В Средние века ценности приобрели религиозный характер. В эпоху Возрождения на первый план выступали ценности гуманизма и свободомыслия. В Новое время подходы к учению о ценностях определялись с позиций рационализма (Р. Декарт, Б. Спиноза, К.А. Гельвеций, Н.А. Гольбах). И. Кант в учении о ценностях противопоставил проблему моральности как свободы сфере природы. Во второй половине XIX в. Р. Лотце и Г. Коген впервые дали понятие ценности как значения объекта. В конце XIX в. проблема ценностей разрабатывалась С. Булгаковым, Н. Бердяевым, В. Соловьевым и С. Франком, а в начале XX в. П. Лапи ввел термин «аксиология» [9, с. 407–408].

Существуют следующие подходы к пониманию сущности ценности: 1) натуралистический психологизм (А. фон Мейнонг, Р. Б. Перри, Дж. Дьюи, К.И. Льюис), рассматривающий ценности как объективные факторы, источник которых заключается в биологических и психологических потребностях человека; 2) персоналистический онтологизм (М. Шелер), который представляет иерархию ценностей личности, образующей ее онтологическую основу (нижняя ступенька – удовлетворение чувственных желаний и материальные ценности, более высокая – ценности «прекрасного» и «познавательные» ценности; наивысшая – ценность «святого» и идея Бога); 3) аксиологический трансцендентализм (В. Виндельбанд, Г. Риккерт), который понимает ценности как идеальное бытие (истина, добро, справедливость, красота), как идеал, носитель которого – трансцендентальное сознание; 4) культурно-исторический релятивизм (В. Дильтей), который критикует попытки создания абсолютной концепции ценностей, абстрагированной от реального культурно-исторического контекста; 5) социологическая концепция ценностей определявшая ценность как норму, имеющую определенную значимость для субъекта (М. Вебер), как любой предмет, обладающий поддающимся определению содержанием и значением для членов социальной группы (У. Томас, Ф. Знанецкий) [9, с. 409–410].

Однако интерес представляет рассмотрение аксиологической проблематики с позиции архетипического подхода. Первым понятие «архетип» ввел К.Г. Юнг в аналитической психологии, подразумевая под ним «мощные первичные психические образы, из которых состоит коллективное бессознательное, представляющее собой хранилище латентных следов памяти человечества. В нем отражены мысли и чувства, общие для всех людей и являющиеся результатом нашего общего эмоционального прошлого; в нем содержится все духовное наследие человеческой эволюции» [19, с. 200]. Идея К. Юнга, несколько изменившись, получила продолжение в архетипической психологии Дж. Хиллмана и его архетипотерапии, а также в иных американских теориях.

Сегодня понятие «архетип» применимо в разных отраслях: в философии – как прообраз, идея в позднеантичной философии (Филон Александрийский, Блаженный Августин), в литературе – часто повторяющиеся образы, сюжеты, мотивы в фольклорных и литературных произведениях, в искусстве – первичный образ, оригинал; общечеловеческие символы, положенные в основу мифов, фольклора и самой культуры и переходящие из поколения в поколение, в психологии – универсальные изначальные врожденные психические структуры, составляющие содержание коллективного бессознательного, распознаваемые в опыте и обнаруживаемые в образах и мотивах сновидений, в основе человеческой символики мифов и волшебных сказок [2].

Так как ценности лежат в основе мировоззрения, возникновение которого связано с завершением антропосоциогенеза и появлением родовой общины, то и закладка ценностей происходила во время его формирования.

Мифологическое мировоззрение (детство человечества) – это тотемистические представления, выполнявшие функцию самосознания рода [3, с. 28; 1, с. 6] и предшествовавшие исторически индивидуальному мировоззрению [4, с. 9]. Род выступает его субъектом, а само мировоззрение – продуктом коллективного творчества, в основе которого лежит миф [1, с. 6]. При этом миф – это не просто система представлений, это одна из первых человекообразующих машин. Воздействуя на человеческое существо, ритуалы переводят, интенсифицируя, обычное состояние в другой режим жизни и бытия, в котором уже есть память, преемственность, длительность во времени [13, с. 16]. Так, человечество создавало обобщающие взгляды на мир и человека, на свою жизнедеятельность, выдвигало идеалы, формировало представление о будущем, служившее ориентиром в жизни [17, с. 3].

Представители мифологической школы XIX в. (В. и Я. Гриммы, В. Буслаев, А. Афанасьев), опиравшиеся на идеи Ф. Шеллинга и А. и Ф. Шлегелей, исходили в своих исследованиях из идеи архетипичности фольклора; они объясняли многие явления в фольклоре разных народов древнейшей мифологией, а содержание самих мифов – обожествлением явлений природы.

Суть этого хорошо раскрывается в понимании «архетипического мотива» (А.Н. Веселовский, В. Пропп) как микросюжета, содержащего предикат (действие) и несущего более или менее самостоятельный и достаточно глубокий смысл (Е.М. Мелетинский). «Полный сюжет» содержит в себе клубок мотивов. В классификацию архетипических мотивов входят попадание во власть демонического существа, приобретение чудесного помощника, женитьба на царевне, путешествие и пр. Миф, героический эпос, легенда и волшебная сказка чрезвычайно богаты архетипическим содержанием [21, с. 3]. При этом фрагмент фольклорного мира отражает представления о пространстве и устройстве мира вещного, которые касаются пространственно-временных, причинно-следственных связей и определяют ценностную картину мира (С.Е. Никитина, Е.Ю. Кукушкина) [16, с. 157].

Так, мифология – вершина ценностно-смыслового постижения реальности, выводящая к онтологическим корням понятий, а миф – реальность ценностно-смыслового порядка, имеющая дело с аксиомами сознания реальности (Е.М. Щепановская). «Базовый архетип» задаёт ценностное ядро, которое является постоянным, несмотря на его последовательное обогащение смыслами и образами, а систе-

ма первичных понятий аксиологична в своей основе потому, что архетипы как культурные универсалии несут в себе неотъемлемый ценностный смысл, их можно назвать «вечными». Поэтому наиболее значимая функция мифологии – архетипы помогают возродить вневременной смысл происходящего [20, с. 15–20].

Пересекаясь с «архетипами» в мифологической плоскости, «ценности» обрели определенную архетипическую нагрузку. Это отразилось в базовых национальных культурных ценностях и их архетипико-мифологических образах. Культура славян пронизана этими образами, и именно с ними связано духовно-нравственное становление ценностей детей.

Солнце, вода, земля – вся природа едина с человеком. Человек считал себя частью природы, а природу – храмом. Нравственное начало в народной культуре проявлялось как переживание добра, справедливости, красоты, мира, любви, складывающееся в истину. А истина складывалась из живой жизни, понимания мира. От малого человека до большого – все пронизывала мера духовного, единое вселенское чувство мира и безусловной победы красоты и добра. Потому исконно славянским является бережное и уважительное отношение ко всему живому. Одухотворявшие природу и все ее явления древние славяне создали необычайно нравственный закон для проживания в этом Мире, закон, который строился на великих нравственных ценностях – Дobre, Понимании, Любви. Человек с самого малого возраста учился оценивать, соизмерять свои желания, выстраивать свое Я в гармоничное МЫ. Отсюда на благодатной почве гуманных народных традиций и обрядов развился тот нравственный аспект, который присущ характеру славянина: душевность, особое чувство патриотизма и милосердие [14, с. 4–6].

Так, к архетипам можно отнести следующие: Мать Земля (Макошь, София), Отец Небо (Сварог), Солнце (Дажьбог), Огонь (Сварожич), Род, Рожаницы.

С «Матерью-землей» связан целый ряд обрядов, заклинаний и праздников: Ярилин день, праздник Купалы. Образ матери – этнический архетип самосознания («Родина-мать»). Н.А. Бердяев указывал, что основная категория «русской души – материнство». Архаический образ Великой матери, владычицы земли и неба, жизни и смерти отражен в образе Пречистой девы и в более древних образах двуликой богини смерти и рождения Кали, богини смерти Бабы-Яги. Образы сказочных злодеев (Баба-Яга, Кощей Бессмертный, Змей Горыныч) связаны с бессмертием. Они выражают языческое оборотничество – «всё есть всё». И в сказочных архетипах, и в народном языке сливаются добро и зло, неистребимость зла является в то же время условием бесконечного возрождения добра [18, с. 85–87].

Н.П. Мони́на говорит о русском культурном архетипе – досознательные, глубинные, неизменные, вновь и вновь актуализирующиеся установки, определяющие представления о мире и о месте человека в нем, нравственные идеалы и ценностные установки народа (софийность, соборность /со-бытие, всеединство и др.) [15, с. 247]. На рубеже XIX–XX вв. соборность выражалась в «свободе в единстве» – в духовном единении свободных творческих личностей на основе нравственных ценностей. Такая форма бытия социальной культуры «органически соединяла принципы индивидуализма и коллективизма и соответствовала национальному менталитету» [10, с. 247].

Надо сказать, что проблема выбора архетипа и ценностного выбора в переходном периоде общественного развития стоит одинаково остро.

Так, «выбор» адекватного конкретной ситуации архетипа происходит на бессознательном уровне практически мгновенно по резонансному принципу – наиболее действенной будет та архетипическая матрица, структура действия которой наиболее близка структуре ситуации. Потому человек, сознание которого склонно к работе в переходном режиме, сможет быстрее принять новые условия в качестве жизненных.

Это человек Традиции, обладающий чувством личной ответственности. Когда консолидирующие силы культуры, ее сакральные смыслы перестают быть хранимы прежними смысловыми формами, теряющими свое центральное положение, и на их место приходят силы центробежные, то, чтобы избежать распада, культура задействует резервы своих структур по максимуму. Появляется Новый Трикстер, Тень

посткнижной культуры – Традиция. Традиционные семиоконструкты Великой Матери и Трикстера меняются местами. Первая покидает сакральный центр, унося с собой все сакральные содержания. Трикстер оказывается в центре смысловых реалий культуры.

Чтобы быть настоящим Героем сегодня, мало быть бунтарем, мало просто встретить Тень, что укажет на Дверь, – необходимо не бояться шагнуть в будущее, не надеясь на какое-то продолжение прошлого: нужно взять Тень с собой и не расставаться с ней больше никогда. Это одна из типичных сказочных ситуаций, описывающая способность субъекта к внутренней согласованности. В современной культуре утрачивается действенное начало народных сказок: для того чтобы задействовать резервы, человеку необходимо отождествить себя с архетипическим образом, персонажем, несущим определенное символическое значение и эмоционально переживаемым [8, с. 88–92].

Героическое архетипическое начало живет в каждом человеке как желание что-то совершить, чему-то посвятить себя, ощутить мощь своей внутренней энергии, познав глубину своих возможностей, раскрыть себя. В любом самораскрытии есть героическое начало самопожертвования, отдачи себя людям, жизненному процессу. Без него, не принимая ответственность за жизнь, человек не чувствует себя полноценным и видит жизнь лишенной смысла. Притупление архетипического начала ведет к психопатологии [20].

По Н.С. Вдовушкиной, сегодня отсутствует единое символически-смысловое поле. «Нам нужны новые сказки, но написать их должны мы сами, каждый из нас. В этом и заключается рискогенность ситуации, когда каждый отдельный человек будет фактически вынужден искать свой внутренний стержень без посторонней помощи» [8, с. 92]. Также особую значимость в переходный период обретает проблема ценностей, когда кардинальные социальные преобразования ведут к резкой смене существовавших в нем систем ценностей, тем самым ставя людей перед дилеммой: сохранять устоявшиеся ценности либо приспосабливаться к новым, которые широко предлагаются или навязываются [9, с. 407].

Процесс трансформации ценностей в переходный период оказался специфическим из-за тяжелой адаптации. Это отразилось на формировании мировоззрения и духовных ценностей детей младшего школьного возраста.

Изучение ценностных трансформаций на основании эмпирических исследований о развитии ценностей детей (О.А. Борисевич, 1981–2013) показало наличие следующих тенденций: 1) процесс половой идентификации отличается у мальчиков склонностью к риску и напряженностью социально-психологической адаптации, а у девочек – к маскулинизации или к конфликту, связанному с неуверенностью в своей фемининности при базовой маскулинности; 2) происходят изменения в выборе ценностей детей от нравственных, коллективистских с ориентацией на людей к волевым, материальным (еда, одежда, деньги), индивидуалистическим ценностям; 3) отмечается незрелость моральных суждений: дети не имеют понятия об альтруизме, зачем нужно оказывать помощь другому, не умеют помогать (особенно девочки); 4) поведение сельских детей более альтруистично, чем у городских (чаще проявлялась прагматическая мораль); 5) дети стали испытывать дефицит образцов для подражания: хотят быть похожими на богатырей, сказочных принцесс, эстрадных певцов, манекенщиц, героев зарубежных кинобоевиков, антигероев (Годзилла, Терминатор); 6) имеется положительное влияние на духовно-нравственную ценностную основу детей фольклора, культуры, народных пословиц и поговорок; 7) наблюдается снижение сознательного формирования базисных духовных ценностей у детей (человек, свобода, истина, коллективизм, убежденность, долг, творчество, активность, нравственность) за счет ослабления родственных связей, межпоколенного общения, дегуманизации детско-родительских отношений, (дефицит общения, пренебрежение родительскими обязанностями, низкая психолого-педагогическая культура).

Анализ тенденций с позиции архетипического подхода говорит о том, что мальчики испытывают явную потребность актуализации архетипического образа Героя,

подкрепленного агрессивностью из-за осознания собственной слабости. Однако как истинные герои они умеют помогать, выручать из беды, в отличие от девочек. У девочек проявляется конфликт между архетипическими образами Герой и Мать при подавлении попеременно каждого из них в зависимости от возраста и воспитания (у младших девочек более проявляется следование архетипу Героя). Также актуализируется влияние на детей таких образов, как Воин (символ воли, напористости, безжалостности к людям), сказочные злодеи Кощей Бессмертный, Змей Горыныч (безразличие к чужому горю, эгоизм, страсть к богатству), Принцесса (эгоистичная капризная красавица, ожидающая большой любви). Деревенские дети – отражение древних славян, поэтому вполне объяснимо гармоничное проявление архетипов Огонь (символ нераздельной общности большой семьи, рода, в котором все заботятся друг о друге, сопереживают), Мать Земля (Макошь) и Небо Отец (Сварог) (помощь из уважения к взрослым, необходимость помогать маленьким).

Отметим, что мотивационно-потребностный аспект привязанности духовных ценностных ориентаций детей к деструктивным архетипам навязан ТВ и детским телевидением в частности.

Исследование (О.А. Борисевич, 2012) телевизионных образцов для подражания сельских детей показало, что в десятку обожаемых кумиров у мальчиков вошли: «Маша» и «Медведь» (1-е место), «Человек-Паук» (2), «Том» и «Джерри» (3), «Волк» и «Заяц» из «Ну, погоди!» (4), «Чип», «Дейл», «Бэтмэн» (5), «Черепашки-ниндзя» (6), «Губка Боб» (7), «Тачки» (8), «Шрэк», «Микки Маус», «Алладин» и «Алёша Попович» (9), «Винни Пух», «Дюймовочка», «Кот Леопольд», «Незнайка», «Король Лев» (10).

Любимые герои девочек следующие: «Маша» и «Медведь» (1), «Волк» и «Заяц» из «Ну, погоди!» (2), «Винкс» (3), «Том» и «Джерри», «Русалочки», «Братцы», «Барби» (4), «Белоснежка» (5), «Винни Пух», «Лунтик», «Шрэк» (6), «Чип», «Дейл», «Рапунцель», «Дюймовочка» (7), «Герда», «Кот Леопольд», «Незнайка», «Карлсон» (8), «Мулан», «Тимон» и «Пумба», «Алладин» (9), «Мойдодыр», «Красная шапочка», «Маугли» (10). Основным мотивом выбора послужило наличие у «мультяшек» следующих черт: доброта, красота, модность, заботливость, отважность и чувство юмора. При этом дети 1–2 классов выбирали кумиров, оценивая их доброту, веселость, дружелюбие, способность летать, силу, 3 класса – дружелюбие, трудолюбие, справедливость; 4 класса – терпение, уважение, заботу о близких, рассудительность, преданность.

Дети стремились подражать героям и хотели научиться доброте, дружелюбию, пониманию, сочувствию, уважению, умениям спасать и защищать слабых, заботиться о близких, своевременно помогать, быть хорошими, терпеливыми, честными, рассудительными, справедливыми. Девочки мечтали обучиться волшебству, превращениям, колдовству, магии; обладать сверхспособностями (быть невидимыми, уметь летать, исполнять желания, предвидеть, читать мысли) [5, с. 293–294].

Очевидно, что у мальчиков доминирует архетип Героя, идущего далеко не по верному пути и больше похожего на анти-Героя. Добрый герой оказывается, к сожалению, на последнем плане. У девочек наблюдается тройная архетипическая направленность: 1) образы Герой-мужчина и Герой-женщина с явным доминированием первого проецируют образ Амазонки; 2) образы Принцесса (Девушка-товар – наслаждающиеся жизнью, привлекательные внешним богатством, но совершенно нищие духовно), Русалочка и Дюймовочка (поиск счастья в любви) подавляют образы Мать, Рожаница (символизируют семью, материнство, женственность, душевность); 3) образ Шут (Петрушка, Скоморох – добродушный, глупый, веселый) подавляет образы Святой (все прощает, способный на самопожертвование, любящий), Мудрец (принимает верное решение, серьезный, ответственный).

Исследование (О.А. Борисевич, 2013) ценностных предпочтений сельских младших школьников, смотрящих детский телепродукт ДТК и Общенационального телевидения (n = 64) с помощью методики «Ценностный опросник С. Шварца» (в адаптации А.Л. Лихтарникова), показал значимость терминальных ценностей маленьких

телезрителей: 1) духовно-нравственные ценности в 7 лет – безопасность семьи и близких, уважение традиций, самоограничение, смысл жизни, гармония с природой, чувство собственного достоинства (важнее для мальчиков, чем для девочек, у которых наблюдается ценностный конфликт между духовностью и удовольствием, интересной жизнью); 2) в 8 лет – свобода, интересная жизнь, богатство и удовольствия (у девочек удовольствие на первом месте); 3) в 9 лет – безопасность и духовность доминируют над интересной жизнью, свободой, удовольствием (но для девочек свободная, независимая жизнь с яркими впечатлениями в мире красоты важнее); 4) в 10 лет – положительная направленность ценностных ориентаций к духовности, просоциальности, сохранению традиций, свободе действий и мысли, актуальность вопроса о смысле жизни с сохранением ценности удовольствия и интересная жизнь.

Действующие архетипы можно представить следующим образом:

1) в 7 лет очевидно доминирующее влияние таких архетипов: Защитник (каждый мужчина должен быть воином), Родимый дом (крепость от злых сил, недоступное убежище, семейные традиции), Печь (никогда не остывающая) и Очаг (жизнь семьи; родной дом существует, пока тепел очаг; теплый очаг – теплота душевная), Мать и Отец (любовь и уважение к близким людям), Мировое Древо (смысл жизни, основа для упорядочения мышления, памяти, восприятия), Вода (Кровь природы и Земли, Птицы небесные, Нищий странник – сакральное отношение к природе, выражающееся в нахождении в гармонии с природой, единение с природой и окружающим миром), Человек в чести у Мира (уважает себя и имеет уважение у людей не только своей местности). К сожалению, архетипическое влияние этих образов на девочек оказывается слабее. На них доминирующее воздействие оказывают образы Красные башмачки (желание получить необузданную, дикую радость, жажда удовольствий), Иван-Дурак (желание легкой, интересной, с впечатлениями жизни), Свобода (желание делать все что хочется, несмотря на риск);

2) в 8 лет важнейшие архетипы оказываются подавленными действием образов Свобода, Иван-Дурак, Божье наказание (богатство не приносит счастья, издревле считалось несчастьем) и Красные башмачки, при этом на девочек последние, как и в 7 лет, оказывают большее влияние;

3) в 9 лет происходит актуализация прежних ценностей мальчиков под воздействием архетипических образов Защитник, Родимый дом, Печь и Очаг, Мать и Отец, Мировое Древо, Вода с подавлением архетипических образов Свобода, Иван-Дурак, Красные башмачки, а у девочек наоборот;

4) в 10 лет явно доминирует влияние архетипических образов Защитник, Родимый дом, Печь и Очаг, Мать и Отец, Мировое Древо, Вода с подавлением архетипического воздействия на маленьких телезрителей образов Свобода, Иван-Дурак, Красные башмачки.

Выводы и перспективы дальнейших научных исследований. Таким образом, исходя из исследований и проведенного анализа ценностей детей в рамках архетипического подхода, можно сделать следующие выводы.

1. Обнаруживается явная потребность детей в актуализации архетипических образов Героя (особенно у мальчиков, у девочек же отмечается конфликт между образами Герой и Мать), Воин, Принцесса, Кощей Бессмертный, Змей Горыныч.

2. Несмотря на то, что дети хотят научиться положительным качествам у своих кумиров, выбирают они «мультишек», несущих негативную архетипическую нагрузку. Но опасность состоит в том, что действие этих архетипов на бессознательную сферу детей посредством ТВ провоцирует ложное понимание ценностей детьми. Они не знают, что такое ценности, что зло, модность, магические и сверхспособности – это не ценности. Однако положительная тенденция все же обнаруживается в актуализации архетипических ценностных корней к 10 годам.

3. Древнеславянские архетипы действуют на бессознательную сферу девочек и мальчиков, побуждая их «примеряться» к тем или иным ценностям, выбирать для себя лучшее и принимать их как ведущий принцип жизни. При этом четко прослеживается глубинное понимание мальчиками своей «мужской сути», чего совсем не ска-

жешь о девочках. Маленькие телезрительницы видят множество образцов «пустой красоты», «беззаботных улыбок», «танцующих фей», которые нещадно блокируют действие древних архетипов и тем самым разрушают традиции, связь народа со своим прошлым и базовыми ценностями. Однако утешает лишь факт наличия самокритичности младших школьников, который с возрастом только усиливается и влияет на совершение правильного выбора значимых для жизни ценностей. На примере архетипической направленности ценностных выборов этих детей, по сути, стала видна на уровне бессознательного борьба Добра со Злом.

Полученные результаты свидетельствуют о необходимости изменения телевизионной политики Республики Беларусь с целью создания детского национального телеканала, способствующего целенаправленному духовно-нравственному ценностному воспитанию маленьких зрителей. При этом разработка и отбор контента детского телевизионного продукта должны проводиться с учетом использования архетипического подхода. Необходимо наладить контроль поступающего на «голубые экраны» детского телепродукта низкого качества, наполненного деструктивным архетипическим содержанием. Что мы привьем нашим детям, показывая «Клуб Вінкс. Школа чараўніц (Італія)» (50–75 мин/день 7 раз/неделю) или «Фантастычныя прыгоды Чалавек-павук–3» (150 мин/день одноразово) (т/к «Беларусь 2»)?

Маленькие телезрители сегодня пытаются выстроить новую ценностную картину мира. Роль взрослых – помочь им в этом сложном и жизненно важном процессе. Требуется актуализация ценностного воспитательного процесса посредством архетипического подхода, срочная коррекция ценностной картины детей, просвещение родителей, педагогов, психологов и работников ТВ.

Необходимым видится восстановление в рамках национальной вещательной политики работы детского телевидения, направленного на целенаправленное формирование устойчивой духовной ценностной основы маленьких граждан Беларуси и поддерживаемого Министерством образования РБ, так как стабильная работа детского национального телевидения как важного социально-психологического фактора стала бы гарантом благополучного гармоничного ценностного развития подрастающего поколения, как будущего высокодуховного демократического общества суверенной Беларуси.

Литература:

1. Алексеева Л.О. Философия : учеб.-метод. пособ. для студ. / Л.О. Алексеева, Ф.О. Додонова. – Донецк : ДонНТУ технических вузов, 2007. – 175 с.
2. Архетип [Электронный ресурс] // Википедия: Свободная энциклопедия. – Режим доступа : <http://ru.wikipedia.org/wiki/Архетип>. – Дата доступа : 25.04.2014.
3. Арцишевский Р.А. Мировоззрение как общественное явление (социально-философский аспект) : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / Р.А. Арцишевский. – М., 1987. – 35 с.
4. Бабак В.С. Мировоззрение личности: диалектика формирования и социальные функции : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / В.С. Бабак. – Краснодар, 1973. – 25 с.
5. Борисевич О.А. Влияние мультипликационных героев на ценности сельских детей / О.А. Борисевич // Коммуникативные стратегии информационного общества : труды V Междунар. науч.-теор. конф., Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2012 г. / С.-Петербург. гос. политех. ун-т ; отв. за вып.: О.Д. Шипунова. – СПб, 2012. – С. 293–294.
6. Борисевич О.А. Воспитание духовных ценностей сельских детей посредством детских телевизионных каналов / О.А. Борисевич // Зборнік навуковых прац Акадэміі паслядыпломнай Адукацыі / рэдкал.: А.П. Манастырны (гал. рэд.) [і інш.] ; ДУА «Акад. паслядыплом. адукацыі». – Вып. 10. – Мінск : АПА, 2012. – С. 74–90.
7. Борисевич О.А. Духовно-нравственные ценности сельских школьников 7–10 лет – приоритет национального воспитания в современной Беларуси / О.А. Борисевич // Виховання, освіта, менеджмент, філософія, право: історичний аспект : матеріали V Всеукраїнської науково-практичної конференції з міжнародною участю сту-

дентів та молодих учених (м. Євпаторія, 17–20 вересня 2013 р.) . – Ялта : РВВ РВНЗ КГУ, 2013. – С. 199–207.

8. Вдовушкина Н.С. Архетипические мотивы рискогенных социокультурных ситуаций / Н.С. Вдовушкина // Общество. Среда. Развитие : научно-теоретический журнал. – 2010. – № 2 (15). – С. 88–93.

9. Данильян О.Г. Философия : учебник / О.Г. Данильян, В.М. Тараненко. – М. : Эксмо, 2005. – 512 с.

10. Жизненные силы русской культуры: пути возрождения в России начала XXI века. – М. : Издательский дом Магистр-Пресс, 2003. – 380 с.

11. Крайг Г. Психология развития / Г. Крайг. – СПб : Питер, 2000. – 992 с.

12. Ласманіс А. Телевидение в воспитании детей: анализ исследований / А. Ласманіс, А. Ласмане, І. Ванага, Д. Ласмане // Адукацыйныя і выхаваўчыя асяроддзі і практыкі : зб. навук. арт. пад аг. рэд. канд. пед. н. У.К. Слабіна. – Віцебск, 2005. – С. 88–96.

13. Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии / М.К. Мамардашвили ; под ред. Ю.П. Сенокосова. – М. : Аграф, 1999. – 309 с.

14. Массова Г.Ф. Традиционная народная культура: нравственная основа / Г.Ф. Массова. – Минск, 2005. – 95 с.

15. Мони́на Н.П. Философские доминанты русского культурного архетипа [Электронный ресурс] / Н.П. Мони́на // Мезоевразия: Центр Востока и Запада : сайт. – 2011. – Режим доступа : <http://www.mesoeurasia.org/archives/2461>. – Дата доступа : 23.04.2014.

16. Никитина С.Е. Дом в свадебных причитаниях и духовных стихах: опыт тезаурусного описания / С.Е. Никитина, Е.Ю. Кукушкина. – М. : ИЯз РАН, 2000. – 216 с.

17. Соболева Н.И. Мировоззрение и жизненный выбор личности / Н.И. Соболева ; АН УССР, Ин-т философии ; отв. ред. В.А. Тихонович. – Киев : Наук. думка, 1989. – 124 с.

18. Хохлова Л.В. Мифотворчество и поэзия: проблема языка в русской духовной культуре / Л.В. Хохлова, Н.А. Дворникова // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2012. – № 4. – С. 78–101.

19. Хьелл Л. Теории личности (основные положения, исследования и применение) / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб : Питер Ком, 1999. – 608 с.

20. Щепановская Е.М. Генезис и классификация мифологических архетипов: культурфилософский подход : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 / Е.М. Щепановская. – СПб, 2011. – 26 с.

21. Эсалнек А.Я. Архетип [Электронный ресурс] / А.Я. Эсалнек // Лаборатория ПМ : сайт. – Режим доступа : <http://prowriterslab.com/blog/2009-03-08-291>. – Дата доступа : 23.04.2014.

22. Ярославкина Е.В. Ценностно-смысловая сфера женщин с разной гендерной идентичностью : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Е.В. Ярославкина. – Южно-Сахалинск, 2008. – 25 с.

23. Borzekowski D. Children, Media, and Health / D. Borzekowski, M. Rich // Journal of Children and Media. – 2012. – Vol. 6, Issue 1. – P. 1–4.

24. Earlya B.P. Lack of dread in a dreadful world: Violence, myth and the spiritual poverty of youth / B.P. Earlya, E.D. Smithb // Journal of Religion & Spirituality in Social Work: Social Thought. – 1998. – Vol. 18, Issue 4. – P. 63–74.

25. Kadiri K.K. Mass media as correlates of children's behavioural problems in Kwara State, Nigeria / K.K. Kadiri, A.Y. Muhammed // Journal of Media and Communication Studies. – 2011. – Vol. 3 (5), May. – P. 198–202.

Елена БОРОВИЦКАЯ

ПРАОБРАЗНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Постановка проблемы. Актуальность изучения глубинных предпосылок как механизмов организации и регуляции законотворческого процесса обусловила определение и обоснование законотворчества как комплексной исследовательской проблемы. Отметим, что предложенный ракурс исследования активизирует прежде всего интердисциплинарный спектр ее исследований, ведь о такой востребованности свидетельствует сегодня как теоретическая, так и практическая значимость проблемы законотворчества.

Анализ последних исследований и публикаций. Предложенная проблематика рассматривается как комплексная исследовательская сущность и выстраивается на идеях как аналитической психологии, психологии творчества, феноменологии, социальной психологии и философии, так и политологии, социологии, государственного управления, дисциплин правоведческого цикла и других (К. Юнг, Э. Гуссерль, В. Моляко, Д. Узнадзе, В. Ядов, Л. Сохань, Э. Афонин, Е. Донченко, А. Мартынов, П. Крупкин, Ю. Романенко, Т. Вакулова, О. Шипунова, А. Радченко, С. Юшин, С. Алексеев, В. Журавский, А. Зайчук, В. Исаков, М. Козюбра, В. Копейчиков, А. Копыленко, И. Курас, М. Марченко, В. Нерсисянц, А. Бабинова, Е. Богачева и др.). Итак, интеллектуальная традиция свидетельствует – исследования предложенной проблематики видятся продуктивными прежде всего в контексте интердисциплинарного научного опыта.

Относительно специализированных общетеоретических и практических исследований законотворчества, законодательного процесса, законодательной техники напомним, что значительное внимание им уже уделялось в трудах как отечественных, так и зарубежных ученых С.С. Алексеева, В.С. Журавского, А.П. Зайца, А.В. Зайчука, В.Б. Исакова, М.И. Козюбры, В.В. Копейчикова, А.Л. Копыленка, И.Ф. Кураса, М.Н. Марченка, В.С. Нерсисянца, А.С. Пиголкина, П.М. Рабиновича, А.М. Ришелюка, С.В. Саса, О.Ф. Фрицко, Лон Л. Фуллера, В.М. Шаповала, М.Я. Швеца, С.В. Шевчука, Ю.С. Шемшученко, А.И. Ющика и других.

Цель исследования. Насущной является задача исследования законотворческого процесса как целостной структурно-функциональной системы, которая смогла бы объективно отобразить динамику своего организационного течения как упорядоченной рациональной деятельности, направленной на создание закона, где такая деятельность рассматривалась бы прежде всего как творчески мыслительная, а значит, осуществлялась бы как конструктивная, оценивалась бы как эффективная, и именно благодаря ее комплексным исследованиям.

Предложенная тема статьи видится особенно востребованной в контексте актуальных проблем государственного управления. Однако мы отнюдь не ставим своей целью продолжить исследования нормативно-организационно-правовых или процедурных аспектов обеспечения законотворческого процесса в Украине. Сейчас уже стоит задача изучения операционно-мотивационных механизмов как глубинных предпосылок его организации и регуляции, изучение которых способствовало бы системному совершенствованию законотворческого процесса в целом, поскольку законотворческий процесс будем понимать как системно-организованную целостность в

**БОРОВИЦКАЯ
Елена,
BOROVYTSKA
Olena,**

кандидат философских наук, доцент,
докторант Института психологии имени Г.С. Костюка, НАПН Украины, г. Киев.

Аннотация: в статье говорится о глубинных механизмах организации законотворческого процесса. Под законотворчеством будем понимать одновременно сложную мыслительную и социально значимую деятельность, связанную с созданием закона, оценкой его эффективности и возможной необходимостью дальнейшего его корректирования. Предлагается уточнение психологической сущности понятия «законотворчество» с учетом роли неосознаваемой установки в организации законотворческого процесса.

Ключевые слова: праобраз, праобразные предпосылки, законотворческий процесс, мыслительные тенденции, неосознаваемая установка.

УДК 17.02:316.4

функциональном единстве ее структурирующих. Как известно, такими структурирующими являются не только процедурные компоненты, такие как: законодательная инициатива, обсуждение законопроекта, принятие закона, путем его голосования и обнародования (официального опубликования). Заметим, что структурно-функциональные компоненты в качестве процедурных видятся обычно как организационные стадии, и не столько законотворческого процесса, сколько законодательного. Отметим также, что комплексный (фундаментальный) механизм обеспечения реализации законотворчества заключается в органическом единстве, прежде всего таких главных его компонентов, как познание, деятельность, конечный результат, в организации которых основополагающим подходом к нормативному закреплению принципов, процедур и правил законотворческого процесса является именно творческий подход. Вот почему конструктивное изучение законотворчества основывается на теоретико-методологической основе не только чисто правовой науки (нормативистского, сравнительно-правового методов, метода экономического анализа права, методов юридического процесса, юридической семиотики, критического метода и других). Таким образом, основой эффективного развития законотворческого процесса, а следовательно, и государственной политики в целом, послужат нормативно закреплённые и организационно определённые правила и процедуры, основанные прежде всего на междисциплинарных научных достижениях. Вот почему проблема законотворчества и рассматривается как проблема комплексных исследований.

Итак, будем выходить на уровень исследования структурно-функциональных механизмов законотворчества как сложной творческой мыслительной деятельности. Заметим, что прежде всего будем учитывать изучение мыслительных тенденций как глубинных предпосылок ее осуществления и совершенствования. В предложенном контексте проблема создания закона непременно видится комплексной.

По нашему мнению, такой ракурс ее исследования сможет послужить надежной научной платформой актуальных проблем и государственного управления, и проблемы государства в целом. Таким образом, главной теоретико-методологической задачей является комплексное исследование процесса происхождения закона.

Изложение основного материала. Законотворчество будем понимать как сложный мыслительный и одновременно социально значимый феномен. Следовательно, будем отграничивать его от законодательного процесса как юридического понятия, а значит, и любого юридического процесса вообще. Напомним: именно законодательный процесс является особой процедурой принятия закона, которая структурируется из определенных стадий как самостоятельных, логически завершенных этапов и организационно-технических действий.

Однако заметим, что формирование, в частности юридического мотива как политической воли относительно необходимости регулирования правовыми нормами отдельной группы или типа общественных отношений в результате анализа фактического положения политики, экономики, социальной сферы и т.д., является структурно-функциональной стадией скорее законотворчества, чем законодательного процесса. Собственно поэтому и придаем такое значение именно глубинным предпосылкам его организации. Органы, организации и лица, занимающиеся выявлением потребности в законодательном урегулировании, не всегда могут быть участниками правовых отношений, которые создают юридический процесс. Да и законодательный процесс протекает в формах, строго установленных законами или парламентским регламентом.

Заметим, что законотворчество является более широким понятием, нежели понятие законодательного процесса, и не исчерпывается собственно всего лишь процедурой создания законов, но охватывает также и всю деятельность как функциональную систему созидания, то есть учитывает оценку его эффективности, возможное дальнейшее рациональное корректирование (изменение, дополнение и т.п.).

Собственно, вот почему одной из задач и является анализ глубинных механизмов организации законотворческого процесса как социально значимого и одновременно сложного психологического феномена, где мыслительные тенденции играют далеко

не последнюю роль, а скорее наоборот, ведь принятие решения о подготовке законопроекта и знаменует уже начало законотворческого процесса. Существенное значение законопроект имеет на начальном этапе. Прежде всего, значимым является ряд следующих организационных вопросов: какова его общая направленность, как подача его основная идея, насколько он востребован в контексте отображения реальных общественных потребностей и т.д. Напомним, что согласно предложенному к разработке законопроекту предварительно составляется его концепция. Как известно, содержание концепции отражает общий смысл и главную идею в структурированном плане законопроекта. Таким образом, научное обоснование концепции сможет определить срок его принятия, а также проверить его на качество и эффективность. Заметим, что в первую очередь концепция нормативного акта и будет свидетельствовать о своей принадлежности к определенному иерархическому уровню правовой системы, что особенно важно на этом этапе ее формирования. Также довольно значимым является и вопрос о том, кто именно участвует в подготовке законопроекта. Как свидетельствует юридическая практика в Украине, как правило, это специалисты министерств и ведомств. Следовательно, они не должны быть в плену определенных стереотипов правового мышления, ведь это становится негативным последствием самого результата, избежать которого невозможно. Поскольку официальным автором неизбежно остается ведомство, в целом конкретные создатели также будут неизвестны, поэтому и не смогут нести никакой ответственности за свои решения. Безусловно, разделяем мнение, в частности ученых-правоведов, относительно процесса создания законов, в котором обязательно должны участвовать научно-исследовательские творческие группы людей прежде всего с конструктивным мышлением. Итак, следует принять во внимание практику европейских стран, где статус депутата парламента не позволяет заниматься законотворческой деятельностью. Депутаты работают только с готовым проектом, который создается именно творческими специалистами-профессионалами, чего, к сожалению, нет в Украине. Законотворческая техника других стран свидетельствует о принятии, в частности, и пакета (комплекса) необходимых документов по актуальному вопросу. Такая техника также видится целесообразной и в отечественной практике. Хотя мы и не задаемся целью вести разговор о сугубо процедурных моментах создания закона, однако заметим, что именно одновременная разработка комплекса документов — от закона до инструкций министерств и ведомств — предупреждала бы, в частности, о противоречивых нюансах, которые, несомненно, могут возникать в процессе применения основного закона прежде всего в связи с отсутствием пояснительных нормативных актов. Собственно, сущность процедуры заключается еще и в том, что и сам этап обсуждения проекта также должен осуществляться творческой рабочей группой специалистов-экспертов. Заметим, что лишь комплексное исследование проблемных вопросов законотворческого процесса сможет обеспечить целостность и организационную последовательность его осуществления, в частности формирование фундаментального подхода к структурно-функциональной организации законотворческого процесса как с соблюдением принципов законотворчества, определенных юридической наукой, так и с привлечением междисциплинарного опыта, прежде всего для обеспечения законотворческого процесса как продуктивной мыслительной деятельности его субъектов, а также с использованием сравнительных исследований и зарубежного опыта, будет лишь способствовать конструктивной его организации.

Напомним, что наши права и свободы, а также их гарантии, и главные обязанности гражданина определяются исключительно законами Украины, где единственным органом законодательной власти является парламент – Верховная Рада Украины, и принятие законов относится к ее полномочиям. Итак, образованность, творческая мыслительная активность, уровни интеллекта, правовой культуры и профессиональной подготовки субъектов законотворческого процесса, безусловно, лишь свидетельствуют о высокой их компетентности в его организации и регуляции.

Законотворчество рассматриваем как особую творчески-мыслительную деятельность. Вот почему обращаем внимание именно на глубинные предпосылки ее ор-

ганизации. Необходимо осуществить концептуальное уточнение психологической сущности понятия «законотворчество», исследовав прежде всего праобразные предпосылки как детерминирующие механизмы психической активности субъектов законотворческого процесса. Отметим, что праобразными предпосылками организации и регуляции законотворчества как особой творчески-мыслительной деятельности служат праобразы как исходные структурированные формы опыта субъектов законотворческого процесса. Опыт будем понимать в широком смысле – от генетической предрасположенности и до каких-либо информационных сообщений [1, с. 14—22]. Заметим, что праобразы способны активизировать процесс интуиции, детерминируя мыслительные тенденции, в свою очередь, определяющиеся доминирующими мыслительными действиями, которые и направляют поток мыслительного поиска в необходимое (определенное) русло ускоренного безошибочного (достоверного) принятия решения в создании закона. Вот почему исследование такого представления по осуществлению творческих процессов и построено с выходом на неосознаваемое как на значимую структурно-функциональную компоненту организации законотворческого процесса. В нашем контексте праобраз служит психической детерминантой процесса и облегчает построение ассоциативных связей, упорядочивая информацию, хранящуюся в памяти. Итак, праобраз как исходная структурированная форма опыта в широком его понимании способен к детерминации актуализированной стратегии как доминирующей мыслительной тенденции в процессе законотворчества, ведь любой вид мыслительной тенденции (аналогизирование, комбинирование, реконструирование) как преобладающее мыслительное действие также подлежит детерминации, причем всегда со стороны структурированных форм опыта – праобразов [1, с. 14—22]. А такая детерминированная опытом мыслительная тенденция способна детерминировать и процесс по подготовке, планированию и реализации замысла, активизируя интуицию, следовательно, направляя поток мыслительного поиска в ускоренное, причем достоверное принятие решения.

Напомним, что наши рассуждения будут обретать особую актуальность в контексте стратегического подхода к структурно-функциональной организации творческой деятельности, разработанного отечественным психологом В.А. Моляко, который предлагает оригинальное понимание стратегии как психологического регулятора, не содержащего детального плана и не являющегося методом или способом решения задачи, а представляющего индивидуализированной мыслительной тенденцией личности, проявлением ее психологической готовности к действию, деятельности, взаимодействия и т.д. [1, с. 14—22; 3].

Поскольку нарастание количества неадекватных попыток в самом процессе создания закона приведет к снижению степени осознания действий, тогда в мыслительной организации законотворческого процесса безусловно активизируется и воображение, где, в свою очередь, образный способ мышления начнет доминировать. Таким образом, произойдет актуализация неосознаваемого в процессе мыслительного поиска решения проблемы.

Именно такие вопросы сегодня и побуждают нас к новому ракурсу изучения законотворчества, в осуществлении которого роль неосознаваемых установок, безусловно, является неизбежной.

С момента возникновения самого понятия «установка» оно употреблялось в психологии как термин только для обозначения психофизиологической готовности организма реагировать на те или иные стимулы. Первоначальное его понимание скорее вызывает ассоциации с бихевиористскими схемами поведения индивида как концепциями, поясняющими всего лишь особенности этого поведения (Дж. Уотсон, В. Хантер, К. Лешли, Э. Торндайк, Б. Скиннер и др.).

Что касается концептуальной психологической разработки данного термина, впервые он появляется в экспериментальной немецкой психологии в конце XIX века. Именно немецким исследователем Л. Ланге он и был предложен для применения в более широком его понимании. Как раз в период своих долговременных лабораторных экспериментов Л. Ланге, а впоследствии Г. Мюллер и Т. Шуман отыскивали такую

его закономерность: в процессе периодического повторения однородных действий у человека формируется определенная склонность как готовность к восприятию и реагированию на конкретную внешнюю ситуацию. Собственно, именно тогда за этим термином и закрепилось значение «установка». Впоследствии Г. Эббингауз начинает связывать его с психическими состояниями индивида, активизирующимися в процессе осуществления им какого-либо действия.

Еще стоит напомнить, что в начале XX века понятие «установка» начало использоваться и в других областях современной психологии, в частности в различных вариантах глубинной психологии. Собственно, как убедительно отмечает В.М. Лейбин, именно у К.Г. Юнга это понятие и представлено значимым, прежде всего для раскрытия сложных явлений человеческой души и психических состояний человека, под влиянием которых и формируются определенные типы его поведения [2]. Стоит отметить, что в современной экспериментальной психологии, где обычно измеряется скорость реакций испытуемых респондентов на отдельные стимулы-ситуации, именно в таком контексте в основном и использовалось понятие «установка».

Однако в психоаналитической литературе упоминается, что основополагающим представлением теории психологических типов К.Г. Юнга стало представление о психической установке (экстравертная и интровертная установки) [5]. Стоит отметить, что проблема установки, с позиций аналитической психологии К.Г. Юнга, видится намного загадочнее, прежде всего благодаря его «архетипам» и теории «коллективного бессознательного». И скорее не юнгианская классификация психологических типов дает нам основания для размышлений о неосознаваемых установках как о комплексных структурах, а очевидно нечто иное. Напомним, что само понятие «архетип» К.Г. Юнг предлагает как инвариантную компоненту коллективного бессознательного. Архетипы как структурные образы коллективного бессознательного имеют способность «воплощаться» как устоявшиеся паттерны поведения, следовательно, независимо от психологических типов (экстраверт/интроверт и др.). Скорее архетип способен к активации в зависимости от проявления той или иной актуализированной формы (по К.Г. Юнгу — Самость, Персона, Тень, Анима/Анимус и др.) как неосознаваемой направленности индивида на реализацию цели (удовлетворение потребности), готовности к действию и восприятию и даже иногда благодаря психической энергии либидо [4]. Если же такая энергия спонтанно направит развитие индивида, поможет ему проявить себя как неповторимую индивидуальность, раскрыть свой потенциал до полной самореализации, тогда она и выполнит роль именно психического энергетического импульса — движущей силы его развития.

Наше исследование в концептуальном плане базируется на изучении неосознаваемых установок субъекта законотворческого процесса как глубинных предпосылок его организации и регуляции.

В таком контексте рассуждений особо актуальным видится также учение об установке, объединяющее как сознательную, так и бессознательную сферы психического, предложенное советским психологом Д.Н. Узнадзе, вскоре продолженное такими его последователями, как Т.Т. Иосебадзе, Т.Ш. Иосебадзе, Ш.А. Надирашвили, А.С. Прангишвили, И.Т. Бжалава, Ф.В. Бассин, А.Е. Шерозия, В.Г. Норакидзе и другие. Собственно, именно они и сформулировали принцип установки как целостную модификацию субъекта, его спонтанную и неспонтанную готовность воспринимать действительность и действовать определенным образом.

Однако в предложенном контексте будем рассматривать неосознаваемые установки субъекта как комплексную многоуровневую систему — устойчивую диспозиционную структуру его психического. Глубинные механизмы смогут активизироваться как комплекс установок с энергетическим положительным импульсом (конструирующая установка) только тогда, когда контекстуальная детерминация их внутренних смыслов сама спровоцирует единодушную актуализацию неосознаваемых установок субъекта как его устойчивую регулирующую диспозиционную структуру. Собственно тогда такой сложный процесс активации глубинных смыслов психического неизбежно потребует еще и регулирующего участия структурированной установки

как юридического мотива (политической воли), особой смысловой детерминанты законотворческого процесса, наполненной определенным конструирующим смыслом.

Отметим, что именно под влиянием детерминирующего участия неосознаваемой установки в качестве комплексной структурирующей компоненты и сможет активизироваться психическая активность субъекта как его творческая способность.

Теперь проследим процесс активации глубинных смыслов психического на примере архетипной объективации глубинной установки как диспозиционной структуры в законотворческом процессе. Архетипная объективация глубинной установки как диспозиционной структуры субъекта в процессе его творческой деятельности – это объективация Высшей духовной потребности. Процесс объективации потребности будем наблюдать с помощью так называемой «цепной реакции» активизации творческой потребности участников законотворческого процесса как создателей культурных ценностей, а следовательно, как создателей закона, признанного ценностным уже в процессе его испытания, собственного ощущения как истинного знания и, прежде всего, благодаря актуализации комплексной диспозиции. Архетипная объективация глубинной установки субъекта в структуре законотворческого процесса – это объективация его Высшей духовной потребности как творца культурных ценностей. Собственно такой процесс наблюдения объективации потребности через актуализированный системный комплекс установок, прежде всего в его законотворческой деятельности, и будем называть самым актом объективации творческой потребности субъекта как его Высшей духовной потребности, потребности создателя закона, признанного ценностным.

Напомним, что сама система ценностных ориентаций формируется на основании унификации высших индивидуальных и социальных потребностей человека. Важен его образ жизни, в котором способны реализовываться социальные и индивидуальные ценности как Высшая духовная потребность. Прежде всего, удовлетворение духовных потребностей – это успешная идентификация личности с социумом.

Если же регуляция социального поведения личности базируется на иерархически расположенных структурных уровнях ее поведения (согласно В.А. Ядову) [6], тогда и важнейшая регулирующая функция диспозиционной системы творческой личности будет заключаться в унификации ее неосознаваемых установок в процессе законотворческой деятельности, следовательно, в актуализации глубинной установки как ее потенциала. Отметим, что особенно актуальным в контексте наших рассуждений является мнение В.А. Ядова относительно диспозиционной регуляции социального поведения как диспозиционной мотивации, то есть механизма, обеспечивающего формирование цели на направленность различных состояний готовности к поведению, причем регуляция социального поведения рассматривается в контексте всей диспозиционной системы личности [6].

Таким образом, ценностная ориентация как актуальная диспозиция создателя закона – высший уровень диспозиционной иерархии, Высшая духовная потребность. Это его стратегическая диспозиция – комплекс унифицированных установок как внутренняя схема будущего действия. Убеждены, что именно такому уровню как глубинному регулирующему механизму и будет принадлежать решающая роль в организации законотворческого процесса! Диспозицию субъектов законотворческого процесса будем понимать как мгновенную их готовность к действию, врожденную (психофизиологическую) способность к творческой активности, как синтетическую характеристику их действий. Именно такую готовность и будем рассматривать как синтетическую чувственность. Диспозиция творческого акта – актуализация элементов ожидания как со стороны создателя (того, кто творит закон), так и со стороны потенциального испытуемого, так называемого будущего потребителя (того, для кого он творит). Важнейшей функцией психической регуляции их взаимодействия послужит стратегическое действие. Стратегическое действие – это результат выбора согласно доминирующей стратегии как мыслительной тенденции, направленной на анализ будущего действия.

Заметим, что диспозиция субъекта как его психическое состояние синтетической

готовности к действию (устоявшаяся внутренняя форма опыта) имеет универсальную способность к активности.

Стратегическую диспозицию в законотворческой деятельности будем понимать как систему диспозиций, высшую актуализированную форму психического самого создателя закона как стратега! В целом стратегическая диспозиция как синтетическая готовность к действию направлена на достижение (осуществление) долгожданной цели. Таким образом, законотворчество, мотивированное глубинной стратегией как комплексом диспозиций, способствует функциональной структуризации протекания законотворческого процесса в целом.

Итак, особо значимым является процесс активации неосознаваемых установок как стратегических диспозиций творца. Такой комплексный энергетический импульс направлен на продуктивную активность как продуктивное законотворчество, ведь психическая энергия, аккумулированная в недрах праопыта как его исходная структурированная форма послужит положительным импульсом, способным к стимулированию обоюдному участию сознательного и бессознательного как взаимно обусловленных регулирующих уровней психического в процессе диспозиционной объективации потребности как ценностной ориентации создателя закона.

Таким образом, особо востребованным видится сегодня методологический поиск структурно-функциональных закономерностей активации и регуляции глубинных смыслов установок как структурированной схемы диспозиций субъектов законотворческого процесса.

Запомним, что для основательного изучения предпосылок законотворчества в контексте стратегического подхода (мы обязаны вышеупомянутой методологии В.О. Моляко — как обобщающей, так и концептуально обусловленной) всегда необходимо учитывать как чувственную форму отражения объективного мира в сознании человека, так и чувственную компоненту рациональной формы отражения мира, причем как обе структурно-функциональные взаимно обусловленные детерминированные формы праобраза в процессе перцептивного конструирования образа — процессе создания закона, ведь только их обоюдное регулирующее участие в стратегический организации законотворческого процесса является тем неизбежным участием, прежде всего благодаря осмыслению и уточнению в процессе детализации и конкретизации чувственной компоненты рациональной формы понятийного образа и неизбежно — через поиски и нахождение так называемого декодированного объекта как адекватного аналога, однако как с помощью свёрнутого мыслительного действия аналогизирования (интуитивно), так и комбинированным (рационально-интуитивным) способом анализа. Таким образом, мыслительный поиск истинного эквивалента будущего решения в процессе законотворчества детерминируется праобразами как исходными структурированными формами опыта в широком его понимании, причем праобразные предпосылки законотворческого процесса обладают способностью к активизации высшей психической функции — интуиции.

Участие таковой функции будет заключаться в содержательном наполнении праобраза, который сможет актуализироваться благодаря генерированию субъективных смыслов с помощью анализа и синтеза, способствующих порождению взаимодействия производных образований (модифицированных образов), способных к новой смысловой репрезентации конкретного решения как целостного структурированного содержания — закона.

Итак, процесс праобразной детерминации мыслительных стратегий законотворческого процесса попробуем гипотетически выразить с помощью следующей формулы.

ПРАОБРАЗ (ассоциативный аналог в структуре предшествующего понимания)
 — МОДИФИЦИРОВАННЫЙ ОБРАЗ (генерирование субъективных смыслов на основании доминирующей мыслительной тенденции, детерминированной исходным содержанием праобраза) — ПЕРЦЕПТИВНЫЙ ОБРАЗ (спонтанный акт психического моделирования репрезентативных смыслов в конкретный образ целостного понимания как результат перцептивной деятельности).

Что касается регулятивного воздействия на процесс интуиции, то его также можно воспроизвести с помощью следующей гипотетической формулы.

ПРАОБРАЗ – МОДИФИЦИРОВАННЫЙ ОБРАЗ (генерирование субъективных смыслов, на основании анализа и синтеза в зависимости от доминирующей мыслительной тенденции, детерминированной исходным содержанием праобраза) – ОБРАЗ-РЕШЕНИЕ.

Выводы. По нашему мнению, такие гипотетические формулы можно попытаться использовать как универсальные, то есть попробовать применить как потенциальную модель организации любой предметной деятельности. Итак, праобразы послужат исходными структурированными формами опыта, способными активизировать интуицию, детерминируя стратегические тенденции, направляющие поток мыслительного поиска в неосознаваемое, спонтанное, учащенное, однако адекватное и точное, неизбежно достоверное принятие решения.

Неосознаваемое – это глубинные структурированные содержания психического, аккумулируемые в установки и способные активизироваться в творчески-мыслительной деятельности. Неосознаваемое видится глубинным механизмом активизации интуиции, способной интегрировать структурированные формы опыта в решении задачи. Интуиция – это психическая функция, актуализирующая структурированные содержания психического как смысловые образования и способная с помощью анализа и синтеза к генерированию субъективных смыслов как глубинных механизмов актуализации опыта, воспроизводимого в новом решении. Порождение замысла предусматривает актуализацию исходных структурированных форм опыта – праобразов и всего, связанного с ними как с праобразными предпосылками организации и регуляции творчески-мыслительной деятельности в целом.

Интуиция способна проявляться на всех этапах мыслительной организации законотворческого процесса: на этапе понимания условия задачи, этапе создания замысла как образа-проекта решения, этапе реализации творческого замысла как образа-решения задачи. Таким образом, функциональная роль интуиции заключается в содержательном наполнении праобраза, актуализирующегося благодаря генерированию субъективных смыслов, которые с помощью анализа и синтеза способствуют порождению взаимодействия производных образований (модифицированных образов), способных к новой смысловой репрезентации в виде структурированного образа как образа-решения.

Праобразы видятся исходными структурированными формами опыта, способными активизировать процесс интуиции, детерминируя стратегические тенденции, направляющие поток мыслительного поиска в необходимое (определенное) русло ускоренного безошибочного (достоверного) принятия решения. Творческая активность субъектов определяется системой (комплексом) их диспозиций как единственной стратегической диспозицией, интегрирующей в своей совокупности сложную многоуровневую структуру. Стратегическая диспозиция как состояние синтетической готовности к действию, основанная на праобразных началах, имеет универсальную способность к творческой активности как комплексная система диспозиций. Стратегическая диспозиция как чувственная форма опыта – это комбинация двух или нескольких фрагментарных, однако фундаментальных структурированных (устоявшихся) эмоций в виде образов-переживаний, способных при определенных условиях актуализироваться одновременно или в той или иной последовательности и взаимодействовать таким образом, что все диспозиции будут восприниматься комплексно (как целостная стратегическая диспозиция). Структурированные образы-переживания видятся праобразными предпосылками организации и регуляции законотворческого процесса. Структурированная диспозиция послужит механизмом смысловой репрезентации нового образа как образа-решения.

Исходная форма опыта рассматривается как динамическая и полифункциональная в зависимости от своей конкретной актуализированной формы, следовательно, и детерминирующей функции порождения замысла в мыслительном процессе создания закона. Праобраз моделируется как совокупность взаимосвязанных струк-

турно-функциональных элементов как автономных исходных форм опыта. Фундаментальная основа праобраза характеризует его элементы и функции, а также их разнорядковые свойства и отношения, относящиеся к самой структуре праобраза. Отчасти такая основа разоблачается стратегическим моделированием самого праобраза с помощью детерминирующей функции и актуализированного мыслительного действия как доминирующей стратегической тенденции, также детерминированной, однако уже исходной формой праобраза. Репрезентативная компонента праобраза содержит модифицированные образы с унифицированными индивидуальными смыслами как новообразованными образами с помощью средств их репрезентации (в частности, чувственной ткани) как новых объектов (структурированных чувственных элементов) в системе опыта и функционирует с помощью интуиции. Интуиция видится своеобразной высшей стратегической функцией, имеющей возможность осуществить организацию и регуляцию содержательной структуры и процедуры опыта как прямых аналогий структурно-функциональным компонентам исходных форм праобраза.

Предложенная концепция праобразных предпосылок законотворческой деятельности (причем на всех этапах ее мыслительной организации) охватывает различные модификации новообразованных образов, генерируя индивидуальные смыслы образов с помощью их чувственной «ткани» (переживания как чувственной «ткани» образа), апеллируя впоследствии к универсальному значению как будущему Образу-решению. Распространено представление о структурно-функциональных отношениях между формами опыта и доминирующими мыслительными действиями. В частности, речь идет об определении и строгом доминировании тех или иных стратегий (комбинирования, аналогизирования, реконструирования) в момент догадок в качестве разновидностей спонтанного как интуитивного способа познания, а впоследствии и убеждения в достоверности результата как конечного этапа создания – этапа прозрения.

Думается, стратегическая модель праобраза как диспозиционная модель творчески-мыслительной деятельности предоставит методологическую возможность разработки новых направлений в области законотворчества, связанных с стратегическим как феноменологически ориентированным поворотом относительно понимания роли неосознаваемых установок в организации законотворческого процесса.

Таким образом, построение стратегической модели праобраза видится действенным средством исследования актуализации мыслительных стратегий как доминирующих тенденций организации и регуляции не только законотворческой деятельности, поскольку сможет послужить и потенциально универсальной методологической платформой изучения неосознаваемых установок как глубинных структурно-функциональных механизмов регуляции творческих процессов в целом.

Литература:

1. Боровицька О.М. Архетип як чинник стратегічної регуляції державного управління / О.М. Боровицька // Публічне управління: теорія та практика : збірник наукових праць Асоціації докторів наук державного управління. – Харків, 2013. – Спеціальний випуск. – С. 14–22.
2. Лейбин В.М. Психоанализ и философия неопрецидизма / В.М. Лейбин. – М., 1977.
3. Моляко В.А. Творческая конструкторология (пролегомены) / В.А. Моляко. – К., 2007. – 388 с.
4. Юнг К.Г. Психология бессознательного / К.Г. Юнг. – М., 1994.
5. Юнг К.Г. Психологические типы / К.Г. Юнг. – Минск, 1998.
- Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности / В.А. Ядов // Методологические проблемы социальной психологии. – М., 1975. – 369 с.

**ВАЛЕВСЬКИЙ
Олексій,
VALEVSKYI
Oleksii,**

доктор наук
государственного
управления, ведущий
научный сотрудник
Национального
института
стратегических
исследований при
Президенте Украины,
г. Киев.

Аннотация:
анализируются
архетипы культурной
политики как
ценностной основы
модернизации
украинского общества.
Определяются
приоритеты
культурной политики
в стратегии
модернизации
общества.
Доказывается
актуальность создания
институциональных
основ инновационной
культурной политики.
Определяются меры,
нацеленные на реформу
культурной сферы.

Ключевые слова:
культурная политика,
модернизация, реформы
в Украине.

УДК 321. 01

Алексей ВАЛЕВСКИЙ

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА КАК ОСНОВА СТРАТЕГИИ МОДЕРНИЗАЦИИ УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА

Постановка проблемы. В течение всех лет государственной независимости в поле зрения украинских политиков находились в основном проблемы трансформации экономики и развития государственных институтов, тогда как сфере культуры не уделялось приоритетного значения. Вместе с тем на сегодня нет никаких оснований утверждать, что политика модернизации достигла успеха. Для современного украинского общества характерны такие явления, как бедность, увеличение олигархизации экономики, коррупция, деиндустриализация. В течение двух десятилетий трансформации не удалось возродить экономический потенциал. По подсчетам нынешний ВВП Украины составляет порядка 70 % от ВВП СССР [1, с. 39–49; 2].

Непонимание необходимости реформирования культурной политики стало одной из причин провалов в модернизации украинского общества. Трансформация посттоталитарного общества не дала ожидаемого результата, потому что неэффективная культурная политика не смогла сформировать в общественном сознании установки на инновационное развитие. Приходится констатировать, что и ныне у политического класса отсутствует стратегическое видение значения культуры для успеха реализации модернизационных проектов.

Игнорирование проблем культурного развития привело к возникновению так называемого феномена культурной ловушки, в которой оказались стратегии модернизации украинского общества. Его содержание заключается в том, что без осуществления изменений в культурной сфере успешные трансформации в обществе невозможны. Реформаторы предлагали новую систему социально-экономических отношений, однако посттоталитарное общество придерживалось старой системы ценностей, поэтому либо оно не воспринимало изменений, либо реализация либеральных доктрин приводила к противоположным результатам. Культурная ловушка – это ситуация, когда изжитые ценностные установки становятся устойчивыми нормами жизни, делая любую стратегию модернизации неэффективной.

Цель статьи заключается в доказательстве того, что динамическое развитие культуры имеет ключевое значение для успешной модернизации Украины. Необходимо отказаться от ошибочной точки зрения, что успех реформ лежит только в экономической и социальной плоскости. Успешной трансформация может быть только тогда, когда сопровождается эффективной политикой государства в духовной и культурной сфере. Именно осознания этого и не хватало украинским политикам, ошибочно связывающим цель модернизации только с увеличением материального потребления или с формированием институтов, присущих современному капиталистическому обществу.

Приоритеты культурной политики в стратегии модернизации общества должны связываться с необходимостью развития креативного потенциала нации и созданием условий для формирования творческой среды и новых форм общественной организации. Под

культурной политикой в узком смысле предлагается понимать деятельность, направленную на сохранение, развитие и распространение культурного наследия, а также поддержку функционирования учреждений и организаций, принадлежащих к сфере культуры. Это понятие культурной политики связано со сферой компетенции Министерства культуры. В данной публикации понятие культурной политики используется в широком смысле – как активность, направленная на создание ценностной и мировоззренческой матрицы деятельности. В таком аспекте культурная политика выступает фактором модернизации украинского общества. Культурная политика воспроизводит ценностные установки, детерминирующие поведение людей и ориентации общественного мнения. Таким образом, культурная политика понимается как создание ценностных основ модернизации, то есть как формирование новых социальных установок, способствующих развитию творческой среды и раскрытию инновационного потенциала общества.

Основной материал исследования. В течение всех лет государственной независимости в культурной сфере осуществлялись трансформации, сопровождавшие переход от авторитаризма к плюралистическому обществу. В результате этих изменений культура избавлялась от отрицательных черт советского образца. Вместе с тем накапливались и новые негативные явления. В частности, следует отметить следующие:

- чрезмерная коммерциализация культурной деятельности и, как следствие, недоступность культурных благ для широких слоев населения;
- порочная практика использования правящими политическими группировками учреждений культуры и творческих коллективов в своих целях, в частности для укрепления собственного имиджа;
- проблемы развития культуры большей частью находились на периферии внимания управленцев, это привело к тому, что культурная сфера не получала надлежащей поддержки со стороны органов власти, бюджетное финансирование осуществлялось по так называемому остаточному принципу;
- отсутствие цивилизованного лоббизма интересов культурной сферы в центральных органах власти; в частности, это касается парламента: несмотря на наличие в депутатском корпусе представителей творческой интеллигенции, она не смогла консолидировано отстаивать интересы развития культуры в законодательной деятельности, как следствие – нормативно-правовое обеспечение культурной сферы остается фрагментарным;
- за последние десятилетия не удалось сформировать надлежащий уровень менеджмента: кадровая политика была непрозрачной, назначения на руководящие должности в сфере культуры происходили большей частью на внеконкурсной основе, факторы профессионализма не были решающими мотивами в кадровой политике; в результате в органах управления учреждений культуры утвердились бюрократизм и низкая эффективность менеджмента;
- серьезной проблемой является низкий уровень социальной привлекательности труда работников учреждений культуры – уровень их заработной платы хронически отстает от среднего по стране; так, если по данным Госстата средняя заработная плата в 2013 г. составляла 3,265 грн., то для работников библиотек, архивов, музеев и других учреждений культуры этот показатель составлял всего 2,739 грн.; низкий уровень заработных плат и социальная незащищенность препятствуют притоку опытных специалистов и менеджеров в сферу культуры.

Анализ негативных тенденций, сопровождавших транзит украинского общества от авторитарной модели к демократической, показывает, что их причину необходимо искать прежде всего в сфере культурных и гуманитарных ценностей. До сих пор остаются слабо актуализированы поиски мировоззренческих ориентиров развития государства и общества. Без внимания остается задача определения конкретных институциональных и социокультурных преобразований, которые должны обеспечивать это развитие. К сожалению, творцы государственной политики не обращают внимания на то, что успешная модернизация общества зависит от устойчивого куль-

турного развития, а также от создания институциональных и правовых основ инновационной культурной политики. В данном случае под этим понятием понимается использование новейших достижений научно-технической сферы и управленческой деятельности в создании и распространении культурных благ с целью повышения социально-экономического потенциала общества.

В условиях экономического кризиса и низкой конкурентоспособности экономики очевидно, что инновационная деятельность в гуманитарной сфере должна стать национальным приоритетом развития Украины.

В украинском обществе существует сильный потенциал лояльного отношения к модернизации. Такой вывод можно сделать, в частности, на основании результатов исследования поведенческих стратегий населения, которые делятся на стратегии овладения (стремление активно решать жизненные проблемы), приспособления и отстранения (бегство от проблем). Как показывают исследования Института социологии НАН Украины, группа со стратегией овладения составляет 16 % респондентов, приспособления – 27 %, отстранения – 32 %, а 25 % респондентов не имеют определенной жизненной стратегией [3]. При этом условная группа тех, кто овладевает ситуацией, между 2003-м и 2007-м годами возросла вдвое (с 8 % до 16 %) и позже количественно почти не изменялась.

Наличие достаточно большой части людей, придерживающихся активной жизненной стратегии, доказывает, что в украинском обществе сохраняется сильный реформаторский потенциал. Эти люди готовы к активной деятельности и решению жизненных проблем. Они являются потенциальными приверженцами идеологии модернизации общества.

В числе стратегических ориентиров формирования культурной политики как ценностного фундамента реформ прежде всего необходимо указать на фундаментальную проблему, сохраняющую актуальность в течение всех лет государственной независимости, – это кризис идентичности. Задача состоит в том, чтобы проект культурной политики был способен интегрировать широкий круг ментальных феноменов: этические нормы, мировоззренческие установки, политические цели и религиозную апологетику, которые стали бы основой идентичности украинской нации в современном глобальном мире.

Важным направлением культурной политики является изменение в ценностных установках общественного сознания. В течение последних десятилетий в общественном сознании утверждались, как правило, потребительские ценности. Повышение уровня потребления по молчаливому согласию воспринималось как критерий успеха функционирования государственных органов власти. Одновременно в условиях незавершенной национально-государственной идентичности приобретают популярность установки, привнесенные извне средствами массовой коммуникации. Как правило, эти установки созданы зарубежной индустрией массовой культуры и направлены на поддержание потребительского мировоззрения. Культурная и гуманитарная практика в Украине до сих пор не смогла эффективно противостоять этим негативным тенденциям.

Без кардинальных изменений в сфере ценностей украинское общество не имеет шансов на успешную модернизацию. В частности, необходимо формирование новой парадигмы гуманитарного развития, состоящей в отказе от идеологии потребления и в утверждении новых ценностей гармонии индивидуального и государственного. Создание новых гуманитарных и культурных ориентиров станет гарантией успешной модернизации Украины. Ориентация на прогресс, открытость к инновациям, готовность к критическому осмыслению устоявшихся общественных отношений – это культурные установки, служащие основой успеха модернизации. Ценностную альтернативу идеологии потребления может составить развитие этического, экологического и правового сознания.

Развитие инновационной культуры должно стать основополагающим в стратегии реформ. Спецификой данного типа культуры является то, что она признает базовыми ценностями процесс обновления общества и творческую самореализацию личности.

Смысл этого типа культуры заключается в том, что развитие и нововведения признаются базовыми ценностями в самосознании человека.

Приоритетными в становлении инновационной культуры являются проблемы, связанные с индивидуальной творческой деятельностью, в частности обеспечение экономического, социального и гуманитарного развития за счет создания креативной среды и раскрытия потенциала творческих личностей. Понятие «инновационная культура» означает готовность (лояльность) общества и его институтов к восприятию нового, а также способность принимать участие во внедрении новаций. Инновационная культура препятствует распространению отсталых и устаревших форм общественной организации. Высокая инновационная культура поддерживает в обществе процессы обновления и обеспечивает их неизбежность.

В современном глобальном мире могут благополучно развиваться лишь государства, которые опираются на инновационную культуру, поэтому её необходимо рассматривать как стратегический ресурс, от которого зависит развитие общества.

В 2005 году украинскими учеными была одобрена декларация «Ноосфера и инновационная культура общества» [4, с. 321–323], в которой утверждается, что инновационная культура украинского общества в сравнении с развитыми странами Европы и мира находится на низком уровне. Одна из причин отставания заключается в том, что «Отсутствует единый подход к формированию в Украине системы инновационной культуры, в частности не уделяется надлежащего внимания мировоззренческим процессам, влиянию инновационной культуры на гуманитарные сферы науки, развитию духовного наследия наций» [4, с. 323].

Ныне Украина фактически лишена тех средств, которые могли бы обеспечить успех в пределах традиционной парадигмы модернизации. Уже недостаточно, чтобы успех реформ связывался исключительно с увеличением количественных социально-экономических показателей. Успешная модернизация Украины возможна в условиях, когда инициаторам реформ удастся выйти из описанной выше «культурной ловушки» и сконцентрировать внимание на проблемах развития инновационной культуры. Это, в частности, означает отказ от понимания человека исключительно как силы, производящей товары и услуги, и признание его субъектом, продуцирующим новые ценности и знание.

Украина имеет большие шансы на обеспечение стабильного развития и проведение успешной модернизации. Инновационный прорыв вполне возможен за счет развития культурной политики, когда внедрение новейших производственных технологий и управленческих решений будут подкреплены ценностями, направленными на развитие и модернизацию. Для приверженцев политики реформ актуальной является поддержка тех сфер культуры, которые способны влиять на развитие экономики и управления. В этом контексте инновационную культуру можно рассматривать как важный ценностный ресурс общества. Данный тип культуры определяет ориентацию сознания на инновации, которые реализуются в практических навыках и поведенческих стратегиях. Инновационная культура также определяет развитие корпоративных отношений, социальную ответственность бизнеса и формирование новейших управленческих технологий.

Вопросы развития инноваций постоянно находятся в поле зрения ученых и политиков. В частности, следует отметить одобренную Кабинетом Министров Украины в 2012 году Концепцию реформирования государственной политики в инновационной сфере [5]. В Концепции определяется широкий диапазон способов формирования инновационной культуры – от сферы образования до повышения квалификации специалистов по вопросам инновационного менеджмента.

Вместе с тем это направление работы нуждается в дополнении гуманитарными факторами, так как в Концепции не упоминается необходимость развития ценностных и мотивационных аспектов, поэтому государственные институты, в компетенцию которых входит управление культурной сферой, не упомянуты в числе исполнителей этой Концепции. Известно, что Министерством культуры Украины был подготовлен проект «Концепции Государственной целевой программы инновационного развития

украинской культуры на 2009–2013 года», который так и не был утвержден правительством [6]. Исходя из потребностей общественного развития, необходимо начать работу над созданием обновленного программного документа, который определял бы стратегию инновационного развития украинской культуры.

Важной составляющей частью культурной политики является задача обеспечения взаимосвязи инновационного и национального типов культуры. Инновации часто противоречат традициям, поскольку они направлены на разрушение устоявшихся моделей общественных отношений и образа жизни. Вместе с тем, традиции выполняют функции защиты от непродуманных и волюнтаристских новаций, реализация которых может привести к разрушительным последствиям.

Далеко не все страны способны сформировать инновационную культуру и генерировать новые формы социальной организации, поэтому многие из них находятся в плену традиционного консерватизма. Способность к инновациям, собственно, и лежит в основе демаркации между развитыми обществами и развивающимися. Этот вывод заставляет обратить внимание на специфику связи между инновациями и традициями. Умение оптимально использовать достояния национальной самобытности в процессе модернизации является важнейшей особенностью инновационной культуры. История приводит много примеров успешного решения данной сложной проблемы. В частности, в этом плане полезным может оказаться опыт Японии, где тщательно оберегаемые национальные традиции помогали успешному технологическому прогрессу.

Для украинского общества актуальны отказ от устаревших установок, доставшихся от советского прошлого, и адаптация к современным европейским ценностям общественного устройства. Впрочем, эта задача имеет более фундаментальное значение: необходимо найти уникальную формулу гармонии между национальными традициями, создающими самобытность украинского народа, и инновациями, характерными для постиндустриального общества. Приверженцам реформ необходимо учитывать воздействие архетипов, формирующих национальную идентичность, для того чтобы «встроить» их в процессы социально-экономических трансформаций.

На сегодняшний день приходится констатировать, что украинская управленческая элита и политический класс инертны и с трудом воспринимают новации. Борьба с этой инертностью должна стать целью культуротворческой работы на ближайшее будущее.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. 1. Государственная культурная политика в Украине реализуется без четко определенных приоритетов, отвечающих вызовам XXI столетия. В проектах модернизации украинского общества культурной сфере не уделяется надлежащего внимания. Культурная сфера вследствие отсутствия надлежащих правовых условий остается непривлекательной для привлечения негосударственных финансовых ресурсов. Крайне необходимы изменения в управлении заведениями культуры, в частности овладение средним звеном бюрократического аппарата новыми менеджерскими технологиями.

2. Перед управленческой элитой стоит фундаментальная проблема осмысления роли культурной политики в стратегии реформ. Политикам необходимо отказаться от понимания эффективности реформ только как синонима увеличения материального потребления. В среде управленческой элиты должно быть изменено отношение к сфере культуры, чтобы её перестали воспринимать как социально затратный «неликвид». Необходимо донести представителям этой среды установку, что культура – это важный фактор подъема национальной экономики, в частности ее инновационного потенциала. Государственные деятели должны осознать, что культура является такой же важной составляющей модернизации, как и экономическая политика.

3. Очевидна необходимость в разработке Стратегии государственной культурной политики, которая бы отвечала вызовам XXI столетия. Идеология этой Стратегии должна исходить из того, что культура является фундаментом, определяющим содержание модернизации украинского общества. В данном документе должны быть

сформулированы концептуальные принципы государственной политики в развитии инновационной деятельности в сфере культуры. Стратегия также должна исходить из того, что инновационная культура является важным ресурсом общества. Установки на прогресс, открытость к инновациям, готовность к критическому осмыслению устоявшихся общественных отношений – это культурные установки, являющиеся базисом успеха модернизации. Указанная Стратегия должна определять пути реализации инновационного типа культуры в практических навыках, поведенческих стратегиях, развитии корпоративных отношений, сфере социальной ответственности бизнеса и формировании новейших управленческих технологий.

Реализация этой Стратегии должна предусматривать, с одной стороны, становление целостного национального культурного пространства, наполненного конкурентоспособным культурным продуктом, с другой стороны, сохранение культурного наследия как ресурса консолидации и духовного прогресса общества.

4. Критерием эффективности инновационной деятельности в сфере культуры должен быть, прежде всего, рост конкурентоспособности украинского культурного продукта. Этого можно достичь за счет использования в работе учреждений культуры новейших информационных и управленческих технологий. Важным критерием также должно быть повышение экономической самодостаточности учреждений культуры. Этой цели можно достичь за счет использования современных маркетинговых технологий, а также создания благоприятных условий для привлечения спонсорских ресурсов. Необходимо повысить квалификацию руководителей и сотрудников учреждений культуры в сфере управления инновационной деятельностью. В первую очередь это касается умения внедрять в работу учреждений культуры новые организационные, технологические и маркетинговые технологии.

5. Необходимо стимулировать научные исследования, направленные на осмысление содержания инноваций в сфере культуры. В частности, это касается определения конкретных форм и формулирования четких критериев инновационной культурной деятельности. Результатом этой работы должна стать разработка государственных целевых программ инновационного развития отдельных сфер культуры.

Литература:

1. Валуєвський О. Архетипи українських реформ: від адміністративно-командної до адміністративно-олігархічної моделі / О. Валуєвський // Публічне управління: теорія та практика : збірник наукових праць Асоціації докторів наук з державного управління : спеціальний випуск. – Х. : Вид-во «ДокНаукДержУпр», 2012. – 312 с.
2. Валуєвський О. Аналіз причин невдач реалізації реформ в Україні [Електронний ресурс] / О. Валуєвський // Державне управління: теорія та практика. – 2011. – Режим доступу : <http://www.academy.gov.ua/ej/ej14/txts/Valevskiy.pdf>.
3. Перспективи модернізації в Україні і тенденції змін суспільної свідомості : матеріали круглого столу (м. Київ, 11 лютого 2013 р.) [Електронний ресурс] / Інститут соціології НАН України. – Режим доступу : http://i-soc.com.ua/institute/press_relis.pdf.
4. Проблемы и перспективы инновационного развития экономики : материалы Десятой междунар. науч.-практ. конф. по инновационной деятельности (г. Алушта, 12–16 сентября 2005 г.) [Електронний ресурс]. – К. : Феникс, 2006. – 328 с. – Режим доступу : http://naukainform.kpi.ua/Nauka_Naukoznavstvo/6-278_%20Problemy_%20i%20perspect.pdf.
5. Концепція реформування державної політики в інноваційній сфері : ухвалено Розпорядженням Кабінету Міністрів України : від 10 вересня 2012 р., № 691-р [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/691-2012-%D1%80>.
6. Проект Концепції Державної цільової програми інноваційного розвитку української культури на 2009–2013 роки [Електронний ресурс] / Міністерство культури України : офіційний сайт. – Режим доступу : <http://mincult.kmu.gov.ua/mincult/uk/publish/article/129791>.

ВИЛИЖИНСКИЙ
Виктор
VILIZHINSKYI
Viktor,

аспирант кафедры государственного управления и местного самоуправления Одесского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины, г. Одесса.

Аннотация: в статье на примерах современной украинской, советско-имперской и польско-шляхетской управленческих культур исследуются архетипы национальных традиций управления и их влияние на процессы современного реформирования местного самоуправления в Украине. Внимание сосредоточено на применении метода сравнительного анализа как инструмента выделения аутентичных основ национального управления.

Ключевые слова: национальные традиции управления, архетип, реформирование местного самоуправления.

УДК 316.7: 342. 553 : 352. 075

Виктор ВИЛИЖИНСКИЙ

АРХЕТИП НАЦИОНАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ УПРАВЛЕНИЯ КАК АУТЕНТИЧНАЯ ОСНОВА РЕФОРМИРОВАНИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В УКРАИНЕ

Постановка проблемы. Одной из проблем современного местного самоуправления в Украине является неучитывание в процессе его становления национальных традиций управления. В начале 90-х гг. XX в. формирование украинской государственности предусматривало заимствование принципов европейской демократии с целью создания собственной управленческой системы. Тогдашняя правящая элита крайне нуждалась в новых образцах и идеях государственности, но при этом очень мало обращалась к опыту отечественных управленческих традиций. Это вполне подтверждается словами отечественного исследователя О. Олійника: «такая номенклатура просто не отвечала требованиям новой эпохи и не могла реализовать национально-демократические проекты государствообразования» [21, с. 36].

Но сущность проблемы лежит гораздо глубже и выступает в виде польской, российской и советской манкуртизации [13] украинского народа, ведь потеря историко-культурных корней и связей, моральных и духовных ориентиров привела к принятию украинцами чужих, непонятных управленческих правил. Процесс внедрения чужеземных стереотипов управления негативно сказался на положении отечественного управления. Сегодня это можно подтвердить высокой степенью инфантильности населения, номинальностью местного самоуправления, дублированием полномочий между органами государственной власти и местного самоуправления, отсутствием механизма выполнения законодательных норм.

Основой успешного становления отечественной системы местного самоуправления должен быть вполне естественный, непринужденно выточенный веками, а, следовательно, максимально удобный для социума управленческий образец. Именно поэтому возникает потребность выделения архетипов национальных традиций управления, которые могут вернуть сущностную основу местному самоуправлению в Украине и обеспечить его оптимальное развитие.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор. Ценностную основу общественной организации украинцев Г. Сковорода видел в земледелии [23]. Поиск особенностей формирования украинской нации в своих трудах осуществлял Г. Грушевский [6]. Исследованием истоков традиций украинского управления путем рассмотрения особенностей национального характера занимались В. Антонович [1] и Ю. Липа [16]. В свою очередь, Д. Дорошенко [9] сосредоточивал внимание на воздействии на формирование украинской государственности речной системы как средства коммуникации. Особенности формирования украинской сельской общины, ее традиции управления освещены в трудах И. Франко [25], И. Линиченка [15], Н. Иванишева [11] и П. Гураля [7]. Исследованием особенностей развития казацкого управления занимались Д. Яворницкий [28] и В. Олейник [21]. Наряду с этим отсутствуют современные отечественные разработки относительно специфики использования метода сравнительного анализа в науке государственного управления.

Целью статьи является выделение архетипов национальных традиций управления путем сравнения современной специфики местного самоуправления с опытом управления украинскими землями во времена иностранного господства.

Освещение основного материала исследования. В последнее время появляются научные труды, направленные на исследование традиций демократического управления в истории украинской государственности и аутентичной жизни общины. Такая проблема, как уже отмечалось, приобретает все большую актуальность, поскольку при осуществлении современных преобразований украинцы должны исходить из архетипов исторического опыта управления, определение которых требует не только пространственного, но и временного измерения их первоосновы, приведения характеристики в период зарождения и существования «без постороннего вмешательства», ведь со временем навязывание иностранных управленческих алгоритмов существенно трансформировало сущностное наполнение национальных традиций управления, придав им совсем другую окраску.

При выделении архетипов национальных традиций управления лучше всего применить методику сравнения их особенностей, ведь, по мнению отечественного ученого В. Новосада, где эксперимент не может быть применен, сравнение имеет целью выявить сходства и различия между двумя или более ситуациями, а также служит единственным средством получения информации, достаточной для обеспечения большей адекватности научного подхода [20, с. 173]. А. Бартон, как и некоторые другие (К. Гельвеций, К. Ушинский, И. Сеченов), считают сравнения основным фактором процесса отражения объективной действительности [3, с. 3–4].

Учитывая специфику данного исследования, следует использовать качественное сравнение. При его применении устанавливается тождественность объектов по всей совокупности качеств. Основу метода составляют явные сходства между особенностями управленческих культур и различия согласно их происхождения и развития. В нашем случае определение разницы в управленческих подходах каждой из эпох обуславливает именно выделение архетипов национального управления.

Это становится возможным благодаря сопоставлению управленческого опыта, представленного другими цивилизационными, культурными условиями в разные исторические периоды. Речь идет о ценностях, которые были привнесены на территорию Украины в процессе иностранной экспансии. Свойствами родового, объединяющего сравниваемые объекты понятия выступает управленческая сущность, направленная на общественную организацию, но наряду с этим объекты сравнения имеют и индивидуальные особенности.

Е. Мелконян утверждает, что основное методологическое значение сравнительного исследования исторических явлений заключается в познании исторической реальности путем изучения различий и сходств между фактами, относящимися более чем к одной исторической системе [18, с. 66], поэтому наше сравнение проводится между современными объектами и объектами в исторической ретроспективе. При этом следует определить, что импортируемые культуры управления являются одним временным измерением, а современные управленческие особенности – другим.

Для выделения, то есть «получение в чистом виде» архетипов национальных традиций управления были разработаны критерии их качественной характеристики, которые мы сгруппировали по трем направлениям: ценностно-идеологические, институционально-организационные и функциональные.

Поиск различий мы проводим, сопоставляя современные управленческие особенности, культуру управления советского, имперского и польско-шляхетского периодов в рамках каждого из вышеназванных аспектов. Такое сравнение позволяет снять с современной управленческой культуры наслоения предыдущих эпох и выделить архетипы национальных традиций управления.

Рассматривая проблему архетипов национальных традиций управления, стоит отметить, что управленческие особенности древнерусского периода являются первичными по отношению к казацко-гетманским. Восстановление последних происходило на основе архетипов управления времен Киевской Руси как реакция на-

ции на иностранные угнетения. Хронологическим рубежом утраты древнерусских и возрождения казачьих архетипов стал конец XV в., когда окончательно завершился упадок древних сельских общин и зарождалось казачество. В рамках исследования предпринята попытка определить местные архетипы управления, которые формировались именно в период существования аутентичных общин.

Ценностно-идеологическое наполнение национальных традиций управления исследовалось на основе предварительного анализа трудов И. Франко [25], В. Антоновича [1], В. Шевчука [27], Ю. Липы [17], М. Степико [24]. Бойко [4] и Р. Шандры [26]. Качественное изменение объектов сравнения каждого исторического периода видно из таблицы 1.

Таблица 1

Сравнение управленческих особенностей ценностно-идеологической группы

Управленческая культура / Критерий сравнения	Годы украинской независимости (с 1991 г.)	Советское время (1922-1991 гг.)	Имперский период (XVIII – нач. XX в.)	Времена польской экспансии (XVI – XVIII вв.)	Период аутентичного управления (до XV в.)
Величайшая духовная ценность	личное благополучие и безопасность	коммунистическая идеология	самодержавие	власть магнатов и шляхты	община, свобода личности
Самая большая материальная ценность	состоятельный человек, финансовые ресурсы	государство	правящая династия	представители аристократического сословия	каждый житель общины, член сообщества
Особенности общественного положения украинцев	зависит от имущественного признака, должности или личностных связей	всогласно коммунистической идеологии все были равными	украинцы были на самых низких ступенях общественной иерархии	значительная классовая разница (украинцы были угнетенным слоем)	равенство перед законом, отсутствие классовых разницы
Условия формирования национального характера	отсутствие образцов поведения, либерализация общественной жизни	полный контроль государства над человеком, репрессии	монархия с элементами деспотизма, крепостное право	аристократизм, жестокость, чрезмерная гордыня	свобода, демократизм, непримиримость перед другой властью
Характер отношений между руководителем общины и ее жителями	отсутствие коммуникативного поля между местным самоуправлением и каждым членом общины	строились на государственном принуждении без учета мнения граждан	основывались на полной подчиненности на основе крепостной зависимости	барщина и новые натуральные и денежные повинности способствовали разложению договорных отношений	общины заключали договоры с князьями (ряды)

В представленной таблице легко заметить своеобразную динамику особенностей определенного явления. Управленческая специфика каждой исторической эпохи существенно повлияла на современное состояние местного самоуправления. И только снимая ценностно-практический слой каждой эпохи, мы получили четко отделенные архетипы национальных традиций управления.

Применение архетипов национальных традиций управления при реформировании системы местного самоуправления позволит восстановить мощную, самодостаточную и самоорганизованную общину, аутентичная модель которой завязана на человеке как величайшей ценности. Свобода, в свою очередь проявляется через эмпатию – как способ понимания сущности и образа жизни человека, а также толерантность – как уважительное отношение к каждому лицу независимо от его физических достоинств или недостатков. Поэтому только при таких условиях каждый человек одновременно выступал управляемым и осуществлял управление общиной.

Образцы поведения (стандартные правила) каждой общины древнерусского и галицко-волынского периодов исходили из обычаев равенства и отсутствия классовой разницы. Их сущность дополняла уважение и доверие своих собратьев, а также непримиримость перед авторитетом другой власти. Главным условием созревания такого сообщества была среда с незначительной демографической нагрузкой на уровне одного поселения.

Еще одной аутентичной особенностью было заключения договора (ряда) с князем. Это дает основания утверждать, что такой договор послужил источником и основой для внедрения уставов. В целом архетип «общественного договора» имел не только локальный характер, но и нашел свое отражение в Запорожской Сечи и Конституции Пилипа Орлика.

Научные труды М. Иванишева [11], Е. Брущенко [5], Д. Яворницкого [28], И. Линиченка [15], М. Кобилецкого [12], В. Лазора [14], П. Надолишного [19] и В. Олейника [21] послужили основой исследования институционально-идеологической составляющей национальных традиций управления. Как видно из таблицы 2, сравнение проводилось с привлечением критериев правового и административно-территориального характера.

Таблица 2

Сравнение управленческих особенностей институционально-организационной группы

Управленческая культура / Критерий сравнения	Годы украинской независимости (с 1991 г.)	Советское время (1922-1991 гг.)	Имперский период (XVIII – нач. XX в.)	Времена польской экспансии (XVI – XVIII вв.)	Период аутентичного управления (до XV в.)
Действенность устава общины	в большинстве территориальных общин уставы не приняты, но там, где они есть, существуют номинально	и как территориальные общины, фактически не существовали	вместе с отменой Магдебургского права (1831–35 гг.) уставы городов теряют свое значение	со времен Магдебургского права уставы играют важное значение в жизни городов	в период Киевской Руси общины пользовались устным правом обычая
Административный состав территориальных общин	чрезмерная раздробленность территориальных общин (одно или несколько сел)	община составляла сельсовет (одно или несколько сел)	волость (5–6 сел или хуторов)	в состав общины входило то количество поселений, которым владел помещик	украинская община до XVI в. состояла из 4–9 населенных пунктов

Общее собрание граждан	собрание жителей, поселения решают местные вопросы	общие собрания не имели признаков самоуправления	волостные и сельские сходы из отдельных слоев крестьян	на смену вече в XIV в. приходит копа как судебный и управленческий орган	вече одновременно выступало общим собранием общины и органами управления
Местные советы	представляют территориальные общины	отражали государственные интересы			
Значение исполнительных органов	в поселениях сельского типа исполкомы в основном существуют номинально	выполняли функции органов государственной власти	сельские старосты и волостное правление отражали интересы государства и помещика	выступали от имени владельца поселения (помещика)	управа возглавлялась выборным лицом и состояла из управленцев
Статус руководителя общины	является главным в общине должностным лицом территориальной общины	выступал представителем государственной власти на местах	представлял интересы государства и помещика, а после 1861 года – еще и отдельного состояния крестьян	руководителями общин выступали магнаты, которые занимали высшие государственные должности	руководитель самостоятельно избирался общиной, имел контролируемые полномочия без привилегий
Статус секретаря	должностное лицо местного самоуправления, которое работает в совете на постоянной основе	выполнял канцелярские и нотариальные функции	сельский и волостной писарь предначался для ведения делопроизводства	предназначался или избирался для оформления протоколов колпного суда	приглашался на должность для выполнения канцелярских и нотариальных функций
Статус депутата	представляет интересы всей территориальной общины, несет обязанности перед избирателями	депутаты играли номинальную роль в работе местных государственных органов	представляли интересы привилегированного социального сословия	депутаты обладали правом «вето» на любое решение	лучшие мужи из каждого села представляли общину и выбирали ее старейшину

Полученные в результате выделения архетипы национальных традиций управления могут выступать концептуальными ориентирами при реформировании местного самоуправления. Особенно стоит обратить внимание на вече как главный руководящий орган, который был формой собрания всех жителей общины и не имел такой разницы в полномочиях, как совет и общее собрание граждан. Бесспорно важным является единственное проявление представительной демократии в национальной традиции управления, когда старшина избирался «лучшими мужами» (депутатами) как представителями жителей каждого из поселений, входивших в состав общины.

Следующую функциональную группу критериев (таблица 3) для сравнения традиций управления было подготовлено на основе исследований И. Бойко [4], В. Ан-

тоновича [1], Д. Яворницкого [28], И. Дробота, Г. Смаровайла [10], М. Довнара-Запольского [8], А. Рогожина, Г. Страховая [22], М. Бармака [2].

Таблица 3

Сравнение управленческих особенностей функциональной группы

Управленческая культура / Критерий сравнения	Годы украинской независимости (с 1991 г.)	Советское время (1922-1991 гг.)	Имперский период (XVIII – нач. XX в.)	Времена польской экспансии (XVI – XVIII вв.)	Период аутентичного управления (до XV в.)
Общественное положение руководителя	престижное, уровень престижа зависит от уровня должности	представитель государственной власти был равным с другими профессиями	гражданский служащий считался меньше военного	вместе с должностью представлялись соответствующие привилегии	был слугой общины и отличался только возрастом и мудростью
Форма принятия решений	коллективная и единоличная (советом или уполномоченным лицом)	преимущественно коллегиальная (решения принимались советами, съездами и т.д.)	единолично-коллективная (заранее принятые решения узаконивались душой)	коллективно-единоличная (от решения привилегированной группы зависели решения одного человека)	коллективная. (решения принимались на общем собрании общины – вече)
Ответственность	ответственность человека перед человеком, обществом и государством	ответственность человека перед государством	ответственность человека перед конкретным лицом или государством	ответственность общества перед конкретным лицом или государством	ответственность общины перед человеком
Получение полномочий	альтернативные выборы, назначение на конкурсной основе	назначения, безальтернативные выборы	наследование власти и назначения	выборы (короля, попов, священников, назначение)	прямые и опосредованные выборы, приглашение на княжение
Ограничение полномочий	ограничены законами и другими нормативными актами	ограничивались законами или отдельным лицом	ограничивались отдельным лицом	ограничивались отдельной группой или лично	ограничивались силами общины
Награда за выполнение должностных обязанностей	собственная выгода, заработная плата, льготы, пенсия	заработная плата, льготы, пенсия	привилегированное положение, большая часть прибыли	привилегии, денежные вознаграждения, награждение	почет и уважение к личности руководителя
Подготовка будущих кадров	система НАГУ и другие альтернативные учебные заведения	высшие партийные школы КПСС	университеты, военные академии, военные училища и т.п.	Києво-Могилянська і Острозька академії, братські і церковні школи	вече было одновременно практической школой, готовящей молодых управленцев

Стоит отметить, что именно коллегиальные решения, обсужденные и принятые общим собранием общины, были наиболее объективными и предполагали общую ответственность. Их выполнение, как и принятие, требовало применения всего ресурса общины. Архетип отношений внутри общины сводился к полному приоритету вече над полномочиями князя, ведь именно оно определяло их и контролировало выполнение. Высокая активность жителей в управлении общиной сопровождалась солидарностью. Каждый мог себя реализовать в рамках врожденных способностей и приобретенных навыков.

Архетип традиции подготовки служащих приобрел более высокий уровень развития, чем в другие исторические периоды и в наши дни, ведь с самого начала предполагал практическую основу. Обучение основывалось на личном и постоянном присутствии человека на вече со времени своей женитьбы. Аутентичным способом получения полномочий было приглашение на должность и прямое голосование. Избранный руководитель действовал в четко определенном общиной диапазоне полномочий, что лишало его возможности злоупотребления властью.

Чрезвычайно большое значение для национального управления имел идеалистический компонент, ведь главной наградой за службу обществу были почет и уважение, а не привилегии и материальное вознаграждение. В кандидате на должность, прежде всего, ценились доброта, мудрость, справедливость и умение отстаивать интересы общины.

Особое место в функциональном аспекте занимает принятие управленческих решений, которое зависело от институционально-организационного обеспечения. Своеобразным статическим стержнем национальных особенностей управления, ориентированным на все их аспекты, являлось вече. Оно объединяет все звенья процесса управления.

Выводы и перспективы дальнейших научных исследований. Таким образом, применяя метод сравнительного анализа в процессе исследования, удалось выделить следующие архетипы национальных традиций управления.

1. Ценностно-идеологический архетип имеет антропоцентрическую природу и основывается на устоявшихся обычаях общины. Двойственная природа труженика и управленца давала возможность организовать свою жизнь в условиях свободы, общественного равенства, доверия и непримиримости к авторитету другой власти. Из-за незначительной демографической концентрации каждый житель одновременно выступал в роли представителя власти и подчиненного. Кроме того, действия избранного руководителя контролировались всей общиной. Итак, именно это может обеспечить высокий уровень самосознания и общей ответственности у жителей современных общин.

2. Правовой архетип заключается в обязательности заключения договора (ряда) между территориальной громадой и ее новоизбранным руководителем. Этот документ существенно усилит ответственность руководителя перед обществом, формализуя, таким образом, круг разрешенных обязанностей, в рамках которых он должен работать. Также заключение подобного договора станет шагом к восстановлению коммуникативной связи между органами местного самоуправления и населением территориальной общины.

Хотя правовой архетип не предусматривает существования уставных документов, их все же стоит ввести. Уставы должны фиксировать всю инфраструктуру общины: земельный фонд, движимое и недвижимое коммунальное имущество, правовые и другие формальные основы функционирования каждой расположенной на территории общины организации в независимости от формы собственности. Устав должен дополнять соответствующее законодательство в отношении региональных и местных особенностей каждой территории.

3. Институционально-организационный архетип сводится к полному приоритету вече над другими институтами местного самоуправления. Территориальной час-

тью этого архетипа является состав общины из 4–9 поселений сельского типа. При этом следует брать за основу показатель количества населенных пунктов, а не численности населения, ведь сегодня в Украине есть безлюдные населенные пункты. Поэтому, установив своеобразную квоту по численности населения, мы можем получить слишком большие по площади и незначительные по количеству населения территориальные общины.

4. Функциональный архетип предусматривает предварительное принятие определенного решения вече (прямая демократия). Каждое важное решение должно обязательно приниматься при участии всех жителей общины, ведь принятые решения на сессии совета, исполнительного комитета или даже единолично являются недостаточно взвешенными, продуманными и объективными, а самое главное – довольно часто могут не отражать мнение большинства населения общины.

5. Архетип кадровых особенностей предусматривает приглашение на должность органом местного самоуправления конкретного лица. Это должно осуществляться путем независимого отбора на основе мониторинга качеств кандидата, ведь современный процесс отбора кадров является однобокой и субъективной процедурой и довольно часто служит только простой формальностью. Архетип кадровых особенностей также заключается и в подготовке молодежи к управленческому делу, имея практическую основу. Поэтому присутствие молодых жителей общины на заседаниях сессий и собраниях граждан значительно улучшит уровень их знаний и усилит интерес к местному самоуправлению.

Итак, учет вышеназванных архетипов обеспечит институционально-территориальный баланс общества, придаст действенности местному самоуправлению и восстановит коммуникативное полотно между властью и обществом.

Перспективу дальнейшего исследования видим в расширении поиска архетипов национальных традиций управления и разработке на их основе новой модели местного самоуправления.

Литература:

1. Антонович В.Б. Три національні типи народні. Моя сповідь / В.Б. Антонович // Вибрані історичні та публіцистичні твори. – К., 1995. – 814 с.
2. Бармак М.В. Державна служба в Російській імперії: правові основи формування та функціонування корпусу цивільних службовців (XVIII – перша половина XIX ст.) : монографія / М.В. Бармак. – Тернопіль, 2006. – 288 с.
3. Бартон В.И. Сравнение как средство познания / В.И. Бартон. – Минск, 1978. – 128 с.
4. Бойко І.Й. Державний лад і право в Галичині у складі Середньовічної Польщі (1349–1569 рр.) / І.Й. Бойко // Право України. – К., 2005. – № 11. – С. 123–127.
5. Брущенко Є. Національний підхід при формуванні територіальних громад в контексті зарубіжного досвіду / Є. Брущенко // Актуальні проблеми європейської інтеграції. – Одеса, 2008. – Вип. 3. – С. 577–580.
6. Грушевський М.С. Хто такі українці і чого вони хочуть / М.С. Грушевський // Зібран. творів : у 50 т. : т. 4. – Львів, 2002 – 240 с.
7. Гураль П.Ф. Територіальна громада в Україні: історико-правове дослідження : автореф. дис. ... д-ра ю. наук : 12.00.01 / П.Ф. Гураль ; НАН України. – Львів, 2009. – 40 с.
8. Довнар-Запольский М. Западнорусская сельская община в XVI в. / М. Довнар-Запольский // Журнал народного просвещения. Отдельное десятилетие. – Санкт-Петербург : Ч. СССХІІ, 1897. – С. 73–129.
9. Дорошенко Д. Нарис історії України : т. 1 / Д. Дорошенко. – К, 1992. – 232 с.
10. Дробот І. Передумови виникнення місцевого самоврядування / І. Дробот, М. Смаровайло // Актуальні проблеми державного управління. – Одеса, 2004. – Вип. 2 (18). – С. 246–269.

11. Иванишев Н. О древних сельских общинах в Юго-Западной России / Н. Иванишев. – К., 1863. – 72 с.
12. Кобилецький М.М. Магдебурзьке право і його застосування в Україні (XIV – перша половина XIX ст.) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / М.М. Кобилецький ; НАН України. – Львів, 2010. – 35 с.
13. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С.А. Кузнецов. – М., 1998. – 371 с. – Режим доступа : <http://enc-dic.com/kuzhnevov/Mankurtizacija-9145.html>.
14. Лазор О.Д. Еволюція сутності територіальної громади: аксіологічний вимір / О.Д. Лазор // Держава та регіони. – Запоріжжя, 2010. – № 3. – С. 179–187. – (Серія : «Державне управління»).
15. Линиченко І. Суспільні верстви Галицької Русі XIV–XV в. / І. Линиченко. – Львів, 1899. – 268 с.
16. Липа Ю. Призначення України / Ю. Липа. – К., 1997. – 267 с.
17. Липа Ю. Бій за українську літературу / Ю. Липа. – К., 2004. – 351 с.
18. Мелконян Э.Л. Проблемы сравнительного метода в историческом знании / Э.Л. Мелконян. – Ереван, 1981. – 129 с.
19. Надолішній П.І. Вітчизняна традиція демократичного врядування як аспект національного державотворення / П.І. Надолішній // Вісник державної служби України. – К., 2009. – № 4. – С. 69–78.
20. Новосяд В.В. Особливості порівняльних досліджень в науці державного управління / В.В. Новосяд // Державне управління та місцеве самоврядування. – Дніпропетровськ, 2013. – № 6 (98). – С. 173–179.
21. Олійник О. Роль і місце традицій врядування в сучасному державотворенні / О. Олійник // Ефективність державного управління : зб. наук. праць. – Львів, 2011. – Вип. 28. – С. 45–40.
22. Рогожин А. Громадське селянське управління в Україні після реформи 1861 року / А. Рогожин, М. Страхов // Вісник академії правових наук України. – Харків, 1998. – № 3 (14). – С. 71–78.
23. Сковорода Г.С. Сродность к хлебопашеству / Г.С. Сковорода // Повн. зібран. творів : у 2-х т. : т. 1. – К., 1987. – 531 с.
24. Степико М.Т. Українська ідентичність: феномен і засади формування : монографія / М.Т. Степико. – К., 2011. – 336 с.
25. Франко І.Я. Що таке громада і чим вона повинна бути? / І.Я. Франко // Зібр. творів : у 50 т. : т. 44. – К., 1985. – Кн. 2. – 596 с.
26. Шандра Р. Організація сільського самоврядування за волоським правом на західноукраїнських землях у XIII–XVIII ст. / Р. Шандра // Підприємництво, господарство і право. – К., 2009. – № 1. – 152 с.
27. Шевчук В. Козацька держава як ідея в системі суспільно-політичного мислення XVI–XVIII ст. / В. Шевчук. – К., 2007. – Кн. 1. – 720 с.
28. Яворницький Д. История запорожских казаков / Д. Яворницький. – К., 1990. – 578 с.

Александра ВЛАСЕНКО

ХАОС КАК АРХЕТИП ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМОЙ В УКРАИНЕ

Постановка проблемы. Государственное управление инновационной системой является сложной задачей, так как объект управления состоит из различных по своей природе взаимосвязанных нелинейных детерминированных подсистем (хаотических систем) – новационной и инновационной.

Исследование закономерностей развития национальной инновационной системы как хаотической системы служит научно-методологическим обоснованием для формирования адекватной новационно-инновационной политики и ее успешного внедрения в Украине.

Анализ последних исследований и публикаций. Методологическая база данного исследования основывается на концепции национальных инновационных систем, которая освещена в работах Ф. Листа, К.Фримана и Б.-А. Лундвалла, эволюционной экономической теории, рассматриваемой Р.Р. Нельсоном и С. Уинтером, новой экономической теории роста Й. Шумпетера, которая была развита Ф. Агийоном и П. Хоувиттом, новой институциональной теории Д. Норта, теории хаоса, представленной в работах Э. Лоренца, Б.-Б. Мандельброта и Дж. Глейка и на архетипическом подходе, основу которому положил К. Юнг.

Целью статьи является дослідження исследование эволюции институционального механизма государственного управления новационно-инновационной сферой в Украине за время ее независимости с целью выявления характерного архетипа государственного управления национальной инновационной системой.

Изложение основного материала. Инновационная система любой страны состоит из двух основных подсистем – новационной и инновационной. К новационной сфере относятся научная (фундаментальные и прикладные исследования), научно-техническая (опытно-конструкторские работы, экспериментальное производство), научно-педагогическая и научно-организационная деятельности. К инновационной сфере относятся система экспертно-правового оформления результатов инновационной деятельности (сертификация, стандартизация, аккредитация, патентование, лицензирование, оформление прав на объекты интеллектуальной собственности, консалтинг) и система коммерциализации (маркетинг инноваций, разработка стратегии вывода инновационной продукции на рынок и ее трансфер).

Следует отметить: национальная инновационная система (НИС) представляет собой нелинейную систему, которая является чрезвычайно подвижной, с хаотическим поведением и детерминированной, то есть такой, что подчиняется некоему строгому закону, и в некотором смысле является упорядоченной. Такая система чувствительна к начальным условиям существования. Развитие событий в таких системах, как правило, зависит даже от незначительных изменений, поэтому управление такими системами требует высокого уровня профессионализма в государственном управлении национальными инновационными системами, знания объекта управления и теории развития и функционирования таких систем.

**ВЛАСЕНКО
Александра,
VLASENKO
Olexandra,**

старший
преподаватель
кафедры менеджмента
внешнеэкономической
деятельности
Академии
муниципального
управления, г. Киев.

Аннотация: в статье исследована эволюция системы институтов государственного управления научно-технической и инновационной деятельностью в Украине. Благодаря применению методологической базы концепции национальных инновационных систем, а также исторического и архетипического подходов обнаружено, что хаос выступает как основной характеристикой эволюции национальной инновационной системы, так и ее неосознанным архетипом на уровне менталитета государственных управленцев высшего звена.

Ключевые слова:
национальная
инновационная
система, архетип
хаоса.

УДК 351:338.2(477)

Дж. Глейк в своей работе «Хаос: создание новой науки» отмечал, что «нелинейные системы, в которых на самом деле скрывается хаос, редко объясняются и редко изучаются. Их всегда считали отклонениями и старались не принимать во внимание, руководствуясь уже устоявшейся практикой» [8, с. 14].

Согласно теории хаоса такие системы развиваются по «специфическим правилам», отличающимся от традиционных (классических) представлений и знаний о природе. Национальные инновационные системы как нелинейные и хаотические, с одной стороны, чувствительны к воздействию совокупности внутренних и внешних факторов, а, с другой – при успешном государственном управлении имеют потенциал к изменению парадигмы традиционной экономики в экономику знаний и повышению уровня конкурентоспособности страны в мире. Поэтому новационно-инновационная политика государства должна строиться с учетом этих особенностей.

С целью решения поставленных задач, учитывая принцип эволюционности экономик, который особенно характерен именно для развития научно-технических и инновационных процессов [5, с. 10–19; 6, с. 247], предлагается исследовать хронологию формирования и развития системы государственного управления новационно-инновационной сферы Украины за время ее независимости. С помощью схематизации эволюции ЦОИВ новационно-инновационной сферы было обнаружено, что с 1991 г. по конец 2005 г. их основной задачей в системе центральных органов исполнительной власти было обеспечение реализации государственной политики в сфере образования, научно-педагогической деятельности и научной деятельности в системе высшего образования и интеллектуальной собственности. Вопросы поддержки развития инновационной сферы на государственном уровне еще не поднимались. До июля 2000 г., когда статус ЦОИВ был закреплен за Министерством образования и науки (удерживался этот статус около 10 лет), Кабинет Министров Украины пять раз вносил изменения относительно институции, которая выполняла функции центрального органа исполнительной власти в данной сфере (ликвидация/трансформация). В среднем период управления этих ЦОИВ составлял около 2 лет. Более длительный «управленческий период» имел Государственный комитет по вопросам науки и технологий – 3 года и 5 месяцев (с 1992 по 1995 гг.).

Вообще, если не обращать внимания на экономический кризис, который начался в стране, этот период был чрезвычайно активным и весьма плодотворным в области создания правового поля по осуществлению научно-технической (в основном) и инновационной деятельности. Был издан ряд нормативных актов, в которых создавалась законодательная база по защите интеллектуальной собственности и, таким образом, готовилась почва для эффективного функционирования новационно-инновационной деятельности [7, с. 175–178] – Законы Украины «Об инвестиционной деятельности», «Об охране прав на изобретения и полезные модели», «Об авторском праве и смежных правах», «О научной и научно-технической деятельности», «Об охране прав на знаки для товаров и услуг», «Об охране прав на промышленные образцы», «Об охране прав на сорта растений», «О метрологии и метрологической деятельности», «О научной и научно-технической экспертизе». Были изданы декреты Кабинета Министров Украины «О государственном надзоре за соблюдением стандартов, норм и правил и ответственности за их нарушение», «О стандартизации и сертификации», Постановление Кабинета Министров Украины «Об организации работы, направленной на создание государственных систем стандартизации, метрологии и сертификации» и т.п.

Уровень этих нормативно-правовых актов отвечал мировым стандартам. Впоследствии были сформированы предпосылки для эффективного функционирования правовых, экономических, организационных и прочих механизмов государственного управления новационно-инновационной сферой.

Далее можно выделить следующий «активный» период по законодательному обеспечению научно-технической и инновационной деятельности – это период с

1999 по 2006 гг. В это время был принят ряд важных нормативных актов, которые вносили изменения не только в институциональный, но и в правовой, финансовый, экономический, организационный и прочие механизмы новационно-инновационной деятельности.

Так, в июле 1999 г. был издан Закон Украины «О специальном режиме инвестиционной и инновационной деятельности технологических парков», в июле 2001 г. – «О приоритетных направлениях развития науки и техники», в апреле 2002 г. – «Об инновационной деятельности», в январе 2003 г. – «О приоритетных направлениях инновационной деятельности в Украине», в апреле 2004 г. – «Об Общегосударственной комплексной программе развития высоких наукоемких технологий». 2006 год был ознаменован принятием двух важных законов в новационно-инновационной сфере – это законы Украины «О государственном регулировании деятельности в сфере трансфера технологий» и «О научном парке „Киевская политехника”».

Безусловно, уровень важности этих законов был значителен, но, как отмечает А.С. Попович (известный ученый и один из участников, имевших отношение к разработке многих нормативных актов этого периода), «в законодательном обеспечении развития научно-технологической сферы имела место лишь имитация провозглашенной государством политики» [9, с. 42]. В результате обзора истории формирования законодательного обеспечения новационно-инновационной деятельности в Украине он делает вывод, что «это была фактически история противостояния законодательной и исполнительной власти, причем исполнительная власть была в этом противостоянии более последовательной – практически все наши многочисленные правительства неизменно выступали против введения любых форм и механизмов стимулирования научной и инновационной деятельности. Но если такие механизмы все же появлялись в законодательстве, делалось все возможное, чтобы затормозить их внедрение или ослабить их действенность» [7, с. 43].

В декабре 2005 г. произошло знаковое событие для развития инновационной сферы – было создано Государственное агентство Украины по инвестициям и инновациям (Госинвестиций) как подотчетный комитет Министерства экономического развития и торговли Украины. Ему был предоставлен статус специально уполномоченного центрального органа исполнительной власти в сфере инноваций, деятельность которого направлялась и координировалась Кабинетом Министров Украины (Рис. 1). Председатель Госинвестиций Украины осуществлял общее руководство и нес персональную ответственность перед Президентом Украины и Кабинетом Министров Украины за выполнение возложенных на Госинвестиций Украины задач. Одной из задач Госинвестиций было организационное, информационное, правовое и иное обеспечение деятельности совещательных органов при Президенте Украины с целью содействия формированию и реализации единой государственной инновационной политики.

Госинвестиций к августу 2009 г. имело исключительное влияние в совещательных органах при Президенте Украины, так как последний в Национальных советах был Председателем, а Секретарем Национального совета являлся Председатель Государственного агентства Украины по инвестициям и инновациям (до указанной даты).

С мая 2007 г. деятельность Госинвестиций направлялась и координировалась Кабинетом Министров Украины через Первого вице-премьер-министра Украины. Основными задачами Государственного агентства Украины по инвестициям и инновациям были следующие:

- участие в формировании и обеспечении реализации государственной политики в сфере инвестиций и инновационного развития;
- создание национальной инновационной системы для обеспечения проведения эффективной государственной инновационной политики;
- координация работы центральных органов исполнительной власти в сфере инвестиционной и инновационной деятельности.

Агентство постепенно объединило ключевые элементы инновационной инфраструктуры (Украинский центр содействия иностранным инвестициям, Украинскую государственную инновационную компанию и Национальный центр по внедрению инновационных программ). Кроме того, до 2010 года им уже была подготовлена научно-методическая и инфраструктурная база для формирования национальной инновационной системы в Украине. Были проведены парламентские слушания и принято Постановление Верховной Рады Украины № 1244-V от 27.06.2007 г. «О Рекомендациях парламентских слушаний на тему: «Национальная инновационная система Украины: проблемы формирования и реализации» [1]. Проведение парламентских слушаний по данной тематике свидетельствовало о заинтересованности и понимании государственными управленцами высшего ранга актуальности формирования и развития инновационной системы в Украине. Одной из рекомендаций этих парламентских слушаний для Кабинета Министров было то, чтобы до 1 октября 2007 года разработать и представить в Верховную Раду Украины Концепцию развития национальной инновационной системы (на замену Концепции научно-технологического и инновационного развития Украины, утвержденной Постановлением Верховной Рады Украины от 13 июля 1999 г. № 916-XIV). Одобрение последней Кабинетом Министров Украины было дано только в июне 2009 г. [2].

Кроме того, в июне 2009 г. был принят Закон Украины «О научных парках», что позволило сформировать общий правовой механизм создания научных парков в Украине.

Вместе с тем эти новые нормативные акты и вся вышеперечисленная правовая база не решали базового вопроса – создания «цепочки» передачи научных разработок, созданных в государственном секторе, в бизнес-сектор, и только с принятием в июле 2010 г. Закона Украины № 2004-VI «О государственно-частном партнерстве» был заложен фундамент для стимулирования развития сотрудничества между государственным и частным секторами с целью повышения конкурентоспособности экономики страны и привлечения инвестиций, а также реформирования инвестиционной сферы.

Однако такие организационные реформы создали резкие границы между направлениями научной и технической деятельности (ЦОИВ этого направления – Министерство образования и науки) и выявили отсутствие согласия и посредничества во внедрении научных, технических и инновационных приоритетов, а также в научном, техническом и инновационном развитии. Это поставило под сомнение возможность профессионально и эффективно внедрять стратегии и управлять ими на государственном уровне.

С 2010 г. вновь начинается этап «активных» институциональных изменений в системе государственного управления инновационно-инновационной сферой. В этот период могли создаваться институты, которые уже через 3–6 месяцев ликвидировались или реорганизовывались (в первую очередь те, на которые было возложено выполнение функций центрального органа исполнительной власти).

Так, в мае 2010 года Государственное агентство Украины по инвестициям и инновациям было переименовано в Государственное агентство Украины по инвестициям и развитию, к которому путем реорганизации было присоединено Национальное агентство Украины по иностранным инвестициям и развитию. Деятельность Госинвестиций также продолжала направляться и координироваться Кабинетом Министров Украины через Первого вице-премьер-министра Украины и в своей деятельности взаимодействовать с Минэкономики как главным (ведущим) органом в системе центральных органов исполнительной власти по обеспечению реализации государственной инвестиционной политики. Целью реформирования Госинвестиций становится создание благоприятного инвестиционного климата, а функции по стимулированию инновационной деятельности отдельно уже не выделялись и вопросы развития национальной инновационной системы больше не поднимались.

В таком формате Госинвестиций просуществовало до декабря 2010 года, после чего путем реорганизации Государственного агентства Украины по управлению национальными проектами и Государственного агентства Украины по инвестициям и развитию было создано Государственное агентство по инвестициям и управлению национальными проектами Украины (Госинвестпроект Украины). Деятельность Госинвестпроекта Украины направляется и координируется Кабинетом Министров Украины через Первого вице-премьер-министра Украины – Министра экономического развития и торговли Украины. Госинвестпроект Украины стал главным органом в системе центральных органов исполнительной власти по обеспечению реализации государственной политики в сфере инвестиционной деятельности и управлению национальными проектами (стратегически важными проектами, обеспечивающими технологическое обновление и развитие базовых отраслей реального сектора экономики Украины).

Далее новосозданному в апреле 2010 г. Государственный комитет Украины по вопросам научно-технического и инновационного развития сначала были предоставлены значительные полномочия, так как он считался правопреемником Министерства образования и науки в части обеспечения реализации государственной политики в сфере научной, научно-технической, инновационной деятельности и трансфера технологий. Этот Комитет был создан как центральный орган исполнительной власти в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности на базе Департамента научно-технологического развития, Департамента инноваций и трансфера технологий Министерства образования и науки и Департамента инноваций Государственного агентства по инвестициям и инновациям путем их выделения из состава указанных центральных органов исполнительной власти. Само по себе это событие было очень важным, так как впервые произошло объединение систем государственного управления инновационной и инновационной сферой. Просуществовал Комитет три месяца, а в июле 2010 г. он был реформирован в Государственный комитет по вопросам науки, инноваций и информатизации Украины путем ликвидации Государственного комитета информатизации и Государственного комитета по вопросам научно-технического и инновационного развития, который и стал их правопреемником. Новосозданному Государственному комитету по вопросам науки, инноваций и информатизации Украины предоставлен статус специально уполномоченного центрального органа исполнительной власти в сфере инновационной деятельности. Он тоже просуществовал недолго, и в декабре 2010 г. в связи с административной реформой главным органом в системе центральных органов исполнительной власти по формированию и обеспечению реализации государственной политики в сфере инноваций и информатизации стало Министерство образования молодежи и спорта, а Государственный комитет по вопросам науки, инноваций и информатизации был реформирован в Государственное агентство по вопросам науки, инноваций и информатизации (Госинформнауки Украины). Направление и координация Госинформнауки Украины стали осуществляется через Министра образования и науки, молодежи и спорта Украины. В мае 2011 г. было утверждено положение о Госинформнауки Украины, в котором указано, что оно образовано для реализации государственной политики в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности, трансфера технологий, информатизации, формирования и использования национальных электронных информационных ресурсов, а также создания условий для развития информационного общества. Однако усилия этого агентства в основном были направлены на развитие информационного общества. В последние годы вопросы развития национальной инновационной системы в Украине им не поднимались и не разрабатывались.

В этот же период была создана Государственная служба интеллектуальной собственности путем реорганизации Государственного департамента интеллектуальной собственности Министерства науки и образования Украины (МОНУ), являющаяся

центральный орган исполнительной власти, деятельность которой направляется и координируется Кабинетом Министров Украины через МОНУ (Рис. 1). Государственная служба входит в систему органов исполнительной власти и обеспечивает реализацию государственной политики в сфере интеллектуальной собственности.

С декабря 2013 Государственная служба интеллектуальной собственности переходит в подчинение Министра экономического развития и торговли Украины, а по вопросам обеспечения формирования и реализации государственной политики в сферах образования и науки, научной, научно-технической и инновационной деятельности МОНУ закрепляется как главный орган в системе центральных органов исполнительной власти.

Таким образом, проведенная в конце 2010 г. административная реформа изменила систему центральных органов исполнительной власти, в том числе и в сфере науки и инноваций. В результате в начале 2011 г. сформировалась новая система центральных государственных органов регулирования научно-технической и инновационной деятельности.

В развитых странах показатель наукоемкости ВВП составляет от 2 до 4 % и более, что является признаком широко распространенных усилий экономических систем интенсифицировать развитие знаний и технологий. В Украине он составляет 0,75 %. По данным последнего отчета Всемирного экономического форума о глобальной конкурентоспособности в 2013–2014 гг, Украина среди 144 стран заняла восемьдесят четвертое место [10]. Глобальный индекс инноваций, характеризующий уровень инновационного развития, в 2013 году составлял 71 [11, с. 261].

Висновки та перспективи подальших досліджень. В результате исследования эволюции системы центральных органов исполнительной власти в новационно-инновационной сфере можно сделать заключение, что она характеризуется частыми изменениями, вызванными ликвидацией и трансформацией непосредственно самих ЦОИВ в реализации государственной политики и усилением или ослаблением в соответствующие периоды значимости для государственного аппарата роли новационно-инновационной составляющей по повышению уровня конкурентоспособности страны.

Кроме того, на наш взгляд, данное исследование дает основание для следующего вывода: одним из неосознанных архетипов менталитета государственных управленцев высшего звена в Украине является «хаос» как форма, противоположная архетипу «порядок», отрицательные проявления чего ярко отражены в процессе эволюции институционального механизма новационно-инновационной сферы и формировании национальной инновационной системы. Такое проявление архетипа хаоса в государственном управлении может неизбежно привести к разрушению и уничтожению новационной и инновационной сфер. Данный архетип хаоса в ментальности не имеет потенциала для рождения новых, по своей природе высших эволюционных форм. Архетип хаоса, выступающий как сложная детерминированная система с хаотическим поведением в системе государственного управления национальной инновационной системой, может привести к прогрессивному развитию только при выполнении следующего условия: система государственного управления должна быть настроена так, чтобы синхронно развиваться с объектом управления – национальной инновационной системой. В этом ракурсе повышаются значимость инновационной культуры среди государственных управленцев высшего и среднего звена, ее формирование и развитие.

Литература:

1. Про Рекомендації парламентських слухань на тему: «Національна інноваційна система України: проблеми формування та реалізації»: Постанова Верховної Ради України: від 27.06.2007 р., № 1244-V // Відомості Верховної Ради України (ВВР). – 2007. – № 46. – Ст. 525.

2. Про схвалення Концепції розвитку національної інноваційної системи : Розпорядження Кабінету Міністрів України : від 17 червня 2009 р., № 680-р // Урядовий кур'єр. – 2009. – № 114.
3. Довідка щодо стану інституційного забезпечення інвестиційної та інноваційної діяльності в Україні : (станом на 30.12.2011) [Електронний ресурс] / Департамент інвестиційної та інноваційної діяльності: Міністерство економічного розвитку і торгівлі. – Режим доступу : http://www.me.gov.ua/control/publish/article/main?art_id=127481&cat_id=127480.
4. Інформаційні матеріали для слухання з питання «Про стан та законодавче забезпечення фінансування наукової і науково-технічної діяльності» : Лист Держінформнауки України [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://kno.rada.gov.ua/komosviti/doccatalog/document?id=54892>.
5. Власенко А.С. Истоки идеи национальных инновационных систем / В.Д. Бакуменко, А.С. Власенко // Публичное управление : научный журнал. – Ереван, 2013. – Вып. 2. – 164 с.
6. Власенко О.С. Науково-методологічне підґрунтя механізмів державного управління національною інноваційною системою / О.С. Власенко // Науковий вісник Академії муніципального управління: збірник наукових праць / за заг. ред. В.К. Присяжнюка, В.Д. Бакуменка. – К. : ВПЦ АМУ, 2014. – Вип. 1/2014 – 424 с. – (Сер. : «Управління»).
7. Власенко О.С. Актуальні проблеми та перспективи державного регулювання національної інноваційної системи / О.С. Власенко // Науковий вісник Академії муніципального управління: збірник наукових праць / за заг. ред. В.К. Присяжнюка, В.Д. Бакуменка. – К. : ВПЦ АМУ, 2012. – Вип. 2/2014 – 416 с. – (Сер. : «Управління»).
8. Глейк Дж. Хаос: создание новой науки / Дж. Глейк ; пер.с англ. ; [Нахмансон М.С., Барашкова Е.С.]. – СПб : Амфора, 2001. – 398 с.
9. Попович О.С. Науково-технологічна та інноваційна політика: основні механізми формування та реалізації / О.С. Попович ; [під ред. д-ра екон. наук, проф. Б.А. Маліцького]. – К. : Фенікс, 2005. – 226 с.
10. The Global Competitiveness Report 2013–2014 [Електронний ресурс] // World Economic Forum within the framework of the Centre for Global Competitiveness and Performance. – Режим доступу : http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2013-14.pdf.
11. Global Innovation Index 2013 / ed.S. Dutta ; INSEAD // The Business School of The World. – 2013. – 392 p.

**ГАНЯК
Владимир,
HANIAC
Vladimir,**

аспирант кафедры национальной безопасности Национальной академии государственного управления при Президенте Украины, г. Киев.

Аннотация: на основании проведения ретроспективного компаративного анализа выделены основные доминирующие архетипы украинской культуры. Применение синергетического подхода позволило соотнести господствующие архетипы украинской культуры с соответствующими периодами универсального эпохального цикла, определить соответствующие функции этих архетипов и их влияние на формирование самоорганизационного механизма безопасности украинского народа.

Ключевые слова: архетипика, доминирующий архетип культуры, синергетика, самоорганизационный механизм безопасности народа, украинская культура.

УДК 323.21:572.027

Владимир ГАНЯК

ДОМИНИРУЮЩИЕ АРХЕТИПЫ УКРАИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ГАРАНТИЯ ДЕЙСТВЕННОСТИ САМООРГАНИЗАЦИОННОГО МЕХАНИЗМА БЕЗОПАСНОСТИ НАРОДА

Постановка проблемы. Современные социокультурные реалии актуализируют насущную необходимость всестороннего переосмысления проблемы обеспечения национальной безопасности Украины. Глобализация ускорила возникновение широкого спектра факторов, угрожающих безопасности украинского общества в переходный период, поэтому возникает необходимость исследования базовых социальных констант бытия современного общества, проведения комплексного анализа их влияния на обеспечение национальной безопасности народа, что и обуславливает актуальность темы данного исследования. Одно из ведущих мест среди таких социальных инвариантов занимают архетипы украинской культуры. Особенно важно формирование комплексного видения перспективных возможностей механизма самоорганизации безопасности народа в быстроменяющихся условиях глобализирующегося мира.

Анализ последних исследований и публикаций. Социальные архетипы находятся сегодня в поле зрения многочисленных отечественных и зарубежных исследователей многих наук. Выборочный анализ отдельных научных работ представителей различных наук позволяет прийти к выводу, что исследователи подходят к изучению архетипов, руководствуясь преимущественно прагматическими соображениями. Первая попытка сформировать комплекс теоретико-методологических основ исследования социальных архетипов в контексте национальной безопасности Украины была сделана А. Дзьобанем, чему он посвятил отдельный подраздел своей монографии.

Автор, опираясь на синергетический подход, анализирует влияние самоорганизации на процесс формирования гражданского общества в Украине, отдельные составляющие которой могут быть использованы в механизмах обеспечения национальной безопасности – украинский народ одновременно выступает как носитель и хранитель национальной памяти. При этом ученый особо подчеркивает роль социальных архетипов в данном процессе: «Самоорганизационные механизмы латентно заложены в архетипах и ментальных основах общества, поэтому государству принадлежит организационное начало в контексте национальной безопасности, а гражданскому обществу (его элементам) – сознательное» [5]. Среди важнейших задач в рамках анализа взаимосвязи социальных архетипов и безопасности им были обозначены те социальные константы, учет и использование которых позволит обеспечить динамическое равновесие социальной системы, ее эффективную защиту от возникающих угроз и опасностей.

Однако для практического применения указанных теоретико-методологических наработок еще не достаточно, так как необходимо учесть с позиций вышеуказанного подхода особенности самобытности формирования доминирующих архетипов украинской культуры, что будет сделано в рамках предлагаемой статьи.

Цель статьи состоит в решении следующих задач:

- выделить основные архетипы украинской культуры, которые способны образовывать и подчинять себе сложную иерархию других архетипов на определенном историческом промежутке времени;
- установить соотношение выделенных выше национальных архетипов с периодами эпохального цикла;
- раскрыть влияние выделенных выше национальных архетипов на формирование самоорганизационного механизма безопасности украинского народа.

Вклад основного материала. Несмотря на то, что в коллективном бессознательном все архетипы сосуществуют вместе и имеют определенную хронологическую соотнесенность и собственную иерархию, среди всего универсального набора архетипов каждый этнос актуализирует лишь определенные единицы, каковые и можно назвать «национальными архетипами». Актуализация и сохранность тех или иных архетипов свидетельствует о том, что именно они являются доминирующими для того или иного этноса [2].

По мнению С. Крымского, культура «Развивается так, что с самого начала забрасывается потенциальная сетка целого, а дальнейшее продвижение только актуализирует отдельные звенья...» [8, с. 94], раскрывая потенции целого по сегментам. Элементарной единицей этой «потенциальной сетки» является архетип, который определяется Крымским как «определенные пресуппозиции, то есть склонности, тенденции, которые в разные эпохи реализуются образами, которые могут отличаться средствами выражения, но структурно образуют определенные прототипы или могут быть реконструированы как прототипы» [8, с. 97]. Архетипы рассматриваются исследователем как сквозные символические структуры, которые в условиях исторической изменчивости содержания тематически присутствуют во всех периодах истории культуры. Учеными рассматривались различные архетипы, оказывавшие существенное влияние на бытие украинского народа в различные исторические времена, но вопрос выделения доминирующих архетипов украинской культуры остался вне их внимания.

Можно согласиться с мнением украинского культуролога С. Босик, что благодаря превращению прошлого в символ возникает сущность будущего: «архетипы – это культура перед нами» [2, с. 186]. Эта культура создается в результате вероятности реализаций определенных событий. Все ее многообразие, одновременные проявления отдельных возможных сегментов зависят от духовных, социальных и экономических условий, складывающихся в определенном обществе.

Достаточно интересным, по нашему мнению, является исследование ученых В. Штрауса и Н. Хоув, в котором они попытались выделить основные архетипы американской культуры, влияющие на воспроизводимость и цикличность поколений в США. Согласно данным исследования в историческом процессе этой страны последовательно сменяют друг друга четыре архетипа поколений («Герой» – кризисная направленность, «Художник» – коллективистская направленность, «Пророк» – инновационная направленность и «Кочевник» – индивидуалистическая направленность) [19, р. 106–116]. На основании анализа эмпирических данных авторы сделали вывод, что полный цикл смены поколений в американском обществе длится 80–90 лет. Данное утверждение американских ученых весьма противоречиво. Похожую схему периодизации в свое время отстаивал итальянский историк Дж. Феррари (1874), который ввел в научный оборот 110–120-летний цикл из четырех поколений, сменявших друг друга. Последняя концепция получила много критических замечаний и нареканий со стороны оппонентов из-за несоответствия реальных исторических данных предложенной схеме [14 с. 422].

По мнению российского ученого В. Буданова, в теории цикличности существуют свои нерешенные проблемы: авторы строят линейные модели исторических циклов, тогда как историческое время является нелинейным, причем циклы могут

сбиваться и иметь свои особенности [3]. Поэтому этим ученым был разработан собственный метод ритмокаскадов, основанный на использовании синергетического подхода к пониманию истории человечества, позволяющий проводить анализ любого исторического промежутка времени. Суть метода ритмокаскадов сводится к представлению эмпирического современного массива событий как дерева ритмокаскадов (одного или суммы нескольких). Дерево ритмокаскадов ученый определяет как матрицу структурно-функциональных состояний социальной системы, которая растет, заполняется и изменяется со временем, с годовым шагом по специфическому закону, увеличивая свою сложность и количество структурных уровней и используя фрактальный принцип самоподобия.

Особенностью построения фракталов является их дробная размерность, что заставляет исследователя вводить понятие базового архетипа, с помощью которого он может определить определенный аспект реально существующего социального архетипа. Всего им было предложено девять базовых архетипов. С целью упрощения работы с похожими базовыми архетипами ученый проводит последующую кластеризацию, выделяя следующие группы: властная (тип управления), ресурсная (тип социальный), структурная (тип организации) и метасистемна (тип комплексного воздействия Метасистемы – общемировых исторических процессов). По мнению Буданова, в реальной жизни базовые архетипы поочередно объединяются в различные исторические периоды и формируют синтетические архетипы – адаптивные (тип социального гомеостаза) и ценностно-целевые (социальные аттракторы). В истории России XX в. он выделяет следующие синтетические адаптивные архетипы: монархический, социалистический и демократический.

По нашему мнению, такое разделение ученым синтетических архетипов довольно условно, так как в отдельных случаях адаптивные синтетические архетипы могут выступать как социальные аттракторы и выражать определенные ценностно-целевые ориентиры общества. Предложенный В. Будановым метод может найти свое практическое применение в социологических исследованиях общества, но слишком громоздок и требует использования вычислительной техники в процессе построения и анализа деревьев ритмокаскадов. Такой редуцированный подход к реально существующим в истории страны социальным архетипам может объяснить только отдельные их аспекты, которые были выделены исследователем в ходе анализа, и оставить без внимания другие их существенные характеристики.

Определенной новацией в современной теории цикличности в исторической социологии стала разработка представителей украинской школы архетипики, которая предусматривает собственный подход к анализу мировой истории с позиции синергетической методологии. Отказываясь от вульгарно линейного подхода к исследованию исторического процесса, авторы удачно используют идею цикличности, в частности в цивилизационном развитии, для создания в рамках концептуальной модели периодизации социально-исторического развития. Особенно подчеркивается, что социальная синергетика, рассматривая общественно-историческое развитие сквозь призму «круговорота» порядка и хаоса, позволяет синтезировать новые возможности социальной инженерии и получить лучшее понимание социальных процессов. Авторы акцентируют особое внимание на том, что общественное развитие идет не в направлении роста порядка (как полагал О. Конт) и не в направлении степеней свободы (Г. Спенсер), что требует расшатывания существующих норм социального порядка, творческих возможностей хаоса, а определяется эволюцией диссипативных структур, синтезирующих хаос и порядок с точки зрения роста устойчивости социальных систем.

Согласно синергетической методологии социум укладывается в циклы различных иерархий – от космических процессов до «длинных волн» экономической развития и жизнедеятельности поколений и индивидов. Творческим результатом использования такого подхода стало выделение универсальных эпохальных циклов истории как единиц социального анализа конкретных стран и регионов.

Универсальный эпохальный цикл (УЭЦ), по мнению авторов, состоит из четырех трансформационных периодов (фаз): двух нормативных состояний – инволюции и эволюции и двух переходных процессов между ними – коэволюции и революции [12]. При этом следует отметить, что применение вышеуказанной модели УЭЦ для практического анализа переходных периодов достаточно усложнено. В условиях кризисного состояния значительно снижается степень предсказуемости поведения участников общественных отношений.

Так, например, российский ученый С. Кузьмин указывает, что «Для пика кризиса характерен распад общества на множество его индивидуальных элементов и в то же время появление массы новых мелких образований – национально-этнических, религиозных (сект), сословно-корпоративных групп. Заметным становится появление в системе больших масс людей, выпадающих из активной общественной жизни» [10, с. 140]. К тому же авторы признают, что именно в переходный (с обострением) период иногда случаются нарушения подчиненности меньших по ритму и периодичности циклов большим циклам иерархии, которые могут полностью разрушить динамику развертывания больших циклов. Поэтому несколько неожиданной стала попытка авторов определить инвариантный формат структурных элементов социокультурного цикла для всех социальных субъектов (личности, общества, цивилизации) в следующем виде: «революция – инволюция – коэволюция – эволюция – революция» [1, с. 253].

Отметим, что переходный период, кроме двух вышеупомянутых фаз «коэволюция» и «революция», содержит также фазу «распада» или гибели социальной системы, когда ее элементы вовлекаются другими системами. По нашему мнению, для Украины, которая смогла возродиться после нескольких колонизаций, выделение этого периода является обязательным. Непредсказуемость общественных событий приводит к тому, что эти три фазы в пределах переходного периода могут повторяться в различных комбинациях, пока не произойдет процесс выбора направления будущего развития общества.

Также остается открытым вопрос неоднозначности интерпретации авторами понятия «инволюция». Так, с одной стороны, авторы понимают под этим понятием процесс свертывания, упрощения, т.е. обратный развитию социальной системы, а с другой стороны, смысловое историческое наполнение этого периода они видят в «усвоении социальной системой (личностью, обществом, цивилизацией) новых общеобразовательных системных смыслов. Инволюционный период до определенной степени можно сравнить с фазой социализации поколений, когда разнообразная социальная реальность становится своеобразной учебной аудиторией с доминирующими обобщающими символами – императивами и относительно традиционными практиками» [1, с. 254].

По нашему мнению, такое описание более характерно для понятия «эволюция». Данное замечание в определенной степени подтверждается выводом российского культуролога В. Даниленко: «Эволюция – это движение вперед, от простого – к сложному, от хаоса – к порядку, от дисгармонии – к гармонии, а инволюция – это обратное движение» [4, с. 13–14]. Также заслуживает внимания позиция по данному вопросу российского академика РАН, биолога В. Щербакова: «Эволюция – это способ живого противостоять энтропии, нарастающему хаосу и беспорядку. На самом деле эволюция – это процесс создания не просто нового, а нового, которое сопротивляется дальнейшим изменениям. Иными словами, эволюция направлена на прекращение самой себя» [18].

Полезной для дальнейшего анализа развития социальной системы может оказаться обобщенная схема С. Черниковой, отражающая процесс чередования стадий в следующем виде: «хаос – возникновение новой структуры системы (или распад /гибель/) – гомеостаз – кризис – хаос» [17]. При этом обязательно следует отметить, что синергетическая парадигма подчеркивает ограниченность самой схемы разбиения реальности на бытие и становление в чистом виде.

Критическое переосмысление вышеуказанных работ и характеристик различных методов исследования истории культуры с позиций синергетических представлений позволяет прийти к выводу, что до сих пор остается нерешенной проблема соотношения доминирующих архетипов украинской культуры с соответствующими этапами универсального эпохального цикла.

Исследуя психоповеденческие архетипы, украинская исследовательница В. Храмова приходит к выводу, что они «возникают еще на первых этапах формирования этносов, представляют определенный инвариант, который реализуется на общей языковой, культурной и морально-этической основе. Именно это и есть те трудно уловимые особенности национального характера, которые зафиксированы на уровне древнейших архетипов мировосприятия и поведения. Такие свойства в метафизической плоскости называются „духом нации“, „душой народа“» [16, с. 8–9].

По мнению армянского литературоведа Л. Меликсетян, архетипы каждого народа принимают форму цивилизационного мифа, который передается исторической традицией из поколения в поколение, причем каждая эпоха высвечивает и развивает только присущие ей аспекты национальных архетипов, отодвигая остальные архетипы до поры до времени на периферию мировоззренческих констант личности [13].

Разделяя такое видение архетипов народа и исходя из системно-синергетических представлений, предполагается, что в начале каждой эпохи вследствие конкурентной борьбы социальных архетипов выстраивается их определенная динамическая иерархия во главе с одним господствующим (доминирующим) социальным архетипом. Вполне понятно, что такой господствующий архетип должен обладать типологической устойчивостью и высокой степенью обобщения (широкий объем понятия) по отношению к подчиненным архетипам, то есть быть достаточно синтетичным.

По мнению основателя метааналитической психологии К.-Г. Юнга, на «Содержание коллективного бессознательного, представленного архетипами, с которыми мы сталкиваемся при любом контакте с массовыми феноменами, всегда биполярно: оно как положительная, так и отрицательная стороны. Любое проявление архетипа делает такую ситуацию критической, поэтому невозможно предвидеть ее развитие» [14, с. 321].

На наш взгляд, наиболее продуктивным для поиска господствующих архетипов украинской культуры является период второй половины XVI–XVII вв. – раннеמודерна история Украины. Выбор именно этого исторического периода можно объяснить как минимум по двум причинам: во-первых, в данном промежутке времени представлены все периоды (фазы) УЭЦ; во-вторых, отдельные исторические события этого периода получили достаточно контраверсионные оценки со стороны представителей различных поколений. Поэтому можно сформулировать свойства, которым должен обладать господствующий архетип украинской культуры: с одной стороны, он должен быть синтетичным, а с другой – вызывать противоречивые чувства у украинцев различных поколений. Например, архетипы «София» или «Мать-Земля» не являются господствующими, так как в них отсутствуют все вышеперечисленные признаки.

Определение. Под господствующим архетипом будем понимать тот социальный архетип культуры, который способен образовывать или подчинять себе сложную иерархию других архетипов на определенном историческом промежутке времени.

Определение. Определяющий архетип – тот господствующий архетип, который наилучшим образом соответствует характеру социокультурных изменений в обществе на определенном периоде (фазе) универсального эпохального цикла. На основании проведения компаративного анализа произведений П. Кулиша [11], Т. Шевченко, М. Драгомонова, В. Липинского и Д. Донцова [6] как лучших представителей украинской интеллигенции разных времен были выделены следующие господствующие архетипы (см. табл. 1).

Таблица 1

Доминирующие архетипы украинской культуры

Определяющий архетип	Период цикла
Братство	Коеволюционный
Жертва	Революция
Руина – потеря целостного	Распад
Рыцарь-Козак	Эволюционный
Свинопас	Инволюционный

В той или иной степени каждый доминирующий архетип влияет на различные аспекты формирования общества и национального самосознания людей, выполняя следующие функции: смыслообразующую; стратегическую; социально-организационную (структурирующую); психосоциальную.

Коротко рассмотрим смыслообразующую функцию вышеупомянутых господствующих архетипов украинской культуры. Так, для архетипа «Жертва» она сводится к формированию в самосознании людей готовности принести себя в жертву ради успеха революции. Первая пролитая кровь придает всем жертвам революции сакральный характер, в определенной степени оправдывая будущее насилие. Смыслообразующая функция архетипа «Братство» выступает как развитие культурных традиций украинского и других народов на принципах единения, мира и дружбы, тогда как основная функция архетипа «Рыцарь-Козак» заключается в защите Родины и существующих достижений украинской культуры от внешних и внутренних врагов, что в отдельных случаях делает необходимым жесткую централизацию всех видов власти – как законодательной и исполнительной, так и военной.

Активизация архетипа «Руина – утрата целого» происходит в тот период, когда в стране наступают катастрофические события вследствие потери территориальной целостности, что может привести к совершенно радикальным изменениям в обществе. Поэтому основной функцией данного архетипа является приспособление к жизни в новых реалиях.

Для архетипа «Свинопас» основная смыслообразующая функция заключается в сохранении культурных традиций народа в условиях деградации общества за счет внутренней самоизоляции украинцев – хуторянства, что приводит к росту тенденции отмежевания и недоверия к внешнему миру в целом. Например, в условиях колонизации страны использование этого архетипа оправдано тем, что за счет подчинения общественной жизни требованиям внешнего агрессора украинцы избегают лишней потерь в бесперспективной борьбе с более мощным противником, сберегая в семейной жизни культурные достижения украинского народа для будущих поколений. Поэтому нельзя согласиться с мнением В. Калуги, что «украинство, возведенное на принципе „Моя хата с краю“, всегда выступает контрархетипом украинской культуры» [7], наоборот, иногда именно благодаря действию данного архетипа возникает единственный способ ее спасения.

Висновки та перспективи подальших досліджень. Выделенные господствующие архетипы позволяют лучше понять определяющие тенденции исторических периодов универсального эпохального цикла. Публичная политика в сфере национальной безопасности должна быть ориентирована на сохранение и исследование свойств вышеупомянутых архетипов, что позволит усилить потенциал самоорганизационного механизма безопасности народа.

В дальнейших научных исследованиях планируется изучить особенности формирования так называемого странного аттрактора, который образуют как минимум два доминирующих архетипа в условиях переходного периода, а также проанализировать манипулятивное использование доминирующих архетипов других культур с целью разрушения основ национальной безопасности Украины.

Литература:

1. Афонін Е. Універсальне й унікальне в процесі суспільної трансформації / Е. Афонін, А. Мартинов // Публічне управління: теорія та практика. – Вип. 3–4. – Х., 2010. – С. 250–263.
2. Босик З.О. Родинна обрядовість: трансформація та архетипові мотиви весільної обрядовості Середньої Наддніпрянщини : монографія / Зоя Босик. – К. : НАКККиМ, 2010. – 343 с.
3. Буданов В.Г. Ритмокаскады истории и модель будущего России [Электронный ресурс] / В.Г. Буданов // Материалы международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход» (16–19 октября 2006, г. Звенигород). – Режим доступа : <http://spkurdyumov.narod.ru/BudanovRitm.htm>.
4. Даниленко В.П. Инволюция в духовной культуре: Ящик Пандоры / В.П. Даниленко. – М. : Красанд, 2012. – С. 9–14.
5. Дзьобань О.П. Національна безпека в умовах соціальних трансформацій (методологія дослідження та забезпечення) : Монографія / О.П. Дзьобань. – Харків: Константа, 2006. – 440 с.
6. Донцов Д. Дух нашої давнини. / Д. Донцов. – Дрогобич : Відродження, 1991. – 245 с.
7. Калуга В. Архетипи українця [Електронний ресурс] / В. Калуга. – Режим доступу : <http://www.proza.ru/2012/12/20/1170>.
8. Кримський С.Б. Архетипи української культури / С.Б. Кримський // Феномен української культури: методологічні засади осмислення : зб. наук. праць. – К., 1996.
9. Кримський С.Б. Під сигнатурою Софії / С.Б. Кримський. – К. : ВД «Києво-Могилянська Академія», 2008. – 367с.
10. Кузьмин С.А. Социальные системы: опыт структурного анализа / С.А. Кузьмин. – М. : Наука, 1996. – 190 с.
11. Куліш П. Чорна рада / П. Куліш. – К. : Веселка, 1990. – 256 с.
12. Мартинов А.Ю. Історична соціологія (циклічна парадигма) : монографія / А.Ю. Мартинов ; Національний університет внутрішніх справ ; Українське товариство сприяння соціальним інноваціям. – К. : УІАД «Рада», 2004. – 288 с.
13. Меликсетян Л.С. Концепция достойного человека в средневековом рыцарстве и легенды о Короле / Л.С. Меликсетян // Бюллетень научно-образовательного фонда «Нораванк». – Ер., 2006. – № 2. – С. 86–95.
14. Одайник В. Психология политики. Политические и социальные идеи Карла Густава Юнга / В. Одайник ; пер. с англ. – М. : Ювента, 1996. – 382 с.
15. Савельева И.М. История и время. В поисках утраченного / И.М. Савельева, А.В. Полетаев. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 800 с.
16. Храмова В. До проблеми української ментальності / В. Храмова // Українська душа. – К., 1992. – С. 8–9.
17. Черникова С.А. Устойчивое развитие – системно-синергетический поход [Электронный ресурс] / С. А. Черникова. – Режим доступа : <http://narfu.ru/upload/medialibrary/1be/tchernikova.PDF>.
18. Щербаков В.П. Эволюция как сопротивление энтропии. Механизмы видовой гомеостаза / В.П. Щербаков // Журнал общей биологии : т. 66. – 2005. – № 3. – С. 195–211.
19. Strauss W. The Fourth Turning: An American Prophecy – What the cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny / W. Strauss, N. Howe. – New York : Broadway, 1997.

Елена ГУДЗЬ

АРХЕТИПИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МАТРИЦЫ УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСАМИ

Постановка проблемы. Социально-экономическое положение Украины определяется как нестабильное из-за отказа от рычагов государственного регулирования процессов реформирования экономики, которое сегодня дополнительно усложняется вследствие глобального и внутреннего финансового кризиса. Осложнение ситуации обусловлено также неэффективностью управленческих действий по предупреждению и устранению угроз в финансовой сфере. Ориентиры управления финансами традиционно направлены на получение максимальной прибыли, что имеет потребительский характер и является неприемлемым в современных социально-экономических условиях Украины. Управленческие финансовые трансформации в Украине требуют формирования новой матрицы и ориентиров, где главным средством повышения эффективности общественного производства и роста благосостояния населения должна быть социально-экологическая ориентация экономики с элементами социальной справедливости, защищенности, высокого уровня и качества жизни. Финансовые интересы различных экономических субъектов, предусматривающие получение экономических преимуществ, финансовой независимости и высокой конкурентоспособности, остались на уровне стратегических деклараций и не приносят ожидаемых результатов из-за целевой конечной разнонаправленности финансовых вложений. Эти проявления обостряются в современных нестабильных условиях, а матрицы управления финансами нуждаются в трансформации на качественно новой архетипической основе.

Анализ последних исследований и публикаций. Общие проблемные аспекты управления финансами рассматривали в своих трудах такие известные ученые, как И. Балабанов, И. Бланк, А. Василик, В. Геец, М.И. Крупко, В. Ковалев, В. Опарин, А. Поддергин, Р. Сайфулин, П. Стецюк и другие, однако в трудах этих ученых отсутствует комплексный, интегрированный подход к пониманию влияния совокупности социальных и психологических феноменов на современную трансформацию матрицы управления финансами в контуре концепции архетипов.

Проблемы и особенности архетипов в отечественном научном дискурсе нашли отражение в научных трудах Э. Афонина, Т. Ваккулова, Е. Донченко, Л. Кочубея, А. Крутия, А. Пелина, А. Романенко, Ю. Шайгородского, В. Шедякова и др. Их взгляды находятся в фарватере научной мысли, а осуществленные наработки сделали возможным дальнейшее изучение этого феномена и его взаимосвязи с проблематикой трансформации матрицы управления финансами в контуре концепции архетипов в новом свете и использование устоявшихся традиций и мифов как элемента финансового управления и соответствующих финансовых технологий. В то же время зафиксирован недостаток обоснованных предложений относительно возможностей использования архетипических оснований и воздействия совокупности социальных и психологических феноменов на трансформацию матрицы управления финансами.

Целью данной статьи является рассмотрение и обобщение теоретико-методологических и практических аспектов влияния сово-

**ГУДЗЬ
Елена,
GUDZ
Olana,**

доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры
управления и финансов
предприятий
Государственного
университета
телекоммуникаций,
г. Киев.

Аннотация: в статье рассмотрены теоретико-методологические и практические аспекты влияния социальных и психологических феноменов на современную трансформацию матрицы управления финансами в контексте концепции архетипов, осуществлен мониторинг существующих подходов, а также определены проблемы и предложено авторское видение возможностей их решения.

Ключевые слова: архетипика, архетипическая основа, матрица управления финансами, информационные коды, политические мифы, экономические и социокультурные ограничения.

УДК 330.342: 321: 316

купности социальных и психологических феноменов на современную трансформацию матрицы управления финансами в контуре концепции архетипов, мониторинг существующих подходов, определение проблем и обоснование авторского видения их решения.

Изложение основного материала. Становление современной рыночной экономики вызвало деформации макроэкономического пейзажа и всей финансовой системы, в первую очередь финансов предприятий. Финансовые условия хозяйствования претерпели преобразования, обострились с изменениями форм собственности, условий государственного регулирования, систем налогообложения, кредитования, страхования и т.п. Неопределенность мировой экономической перспективы, негативные тренды в области глобальных финансов и кризис национальных бюджетов ведущих западных стран не могли не отразиться на экономике Украины. В 2011 году рост ВВП по итогам года составил 5,2 %. Совокупные активы банков к ВВП составили 90,0 %, обязательства к ВВП – 68,0 %. Соотношение капитала к ВВП составило 12,0 %.

Небанковский финансовый сектор Украины остается маломощным. Так, вместе совокупные активы банков и небанковских финансовых учреждений в 2013 г. достигали 1228,1 млрд. грн., в том числе банков – 1127,3 млрд. грн. (91,8 %), небанковских финансовых учреждений – 100,8 млрд. грн. (8,2 %). Доля проблемных кредитов выросла с 1,4 % кредитного портфеля банков в 2009 г. до 7,2 % в 2011 г. Характерной особенностью этого периода стала активизация привлечения внешних капиталов в форме долговых инструментов. Доля долговых инструментов в объеме иностранных инвестиций в 2012 г. составила 38 %, что вдвое выше, чем в 2010 г. и 2011 г.

После периода относительной стабильности в 2010–2011 годах в 2012 году замедление экономической динамики привело к усилению рисков в сфере государственных финансов. Это связано с обострением противоречий, в частности между динамикой роста доходов и расходов бюджета, потребностями увеличения инвестиционных расходов в условиях замедления экономической динамики и необходимостью повышения объемов социальных расходов с целью обеспечения надлежащего уровня социальной защиты населения, а также между потребностями центрального и местных бюджетов. В 2012 году был обеспечен рост социальных стандартов: прожиточного минимума на одного человека – на 14,9 %; минимальной заработной платы – на 12,9 %; минимальной пенсии – на 10,5 %; должностного оклада для работников бюджетной сферы – на 19,2 %. При этом доля объема выполненных научных и научно-технических работ в ВВП Украины составляла лишь 0,95 %.

Потребность в дополнительном финансировании расходной части обусловила увеличение дефицита бюджета с финансированием за счет внутренних заимствований (в 2012 году государственный долг вырос на 41,8 млрд. грн).

Современные процессы развития отечественных экономических субъектов характеризуются непостоянством, стагнацией, отсутствием действенных механизмов управления финансами, что обуславливает необходимость исследования целого ряда вопросов, связанных как с трансформацией матрицы управления финансами, так и с процессами организации и эффективного использования финансовых ресурсов.

Финансовая наука начала развиваться с XV века. Известны различные экономические школы: меркантилистов-физиократов, классиков политической экономии и пр. Термин «финансы» происходит от латинского слова «*finantia*», что означает обязательную уплату денег. Он начал применяться в конце VIII в. в Италии. В это время появляется и первая финансовая литература. Интересно, что деньги как всеобщий универсальный эквивалент обмена традиционно считаются чем-то стоящим выше традиций и национальных особенностей, что в дальнейшем повлияло и на признание финансов как феномена, который находится на вершине, вне влияния социальных и психологических факторов и традиций. Управление финансами как самостоятельное направление научных исследований и вид управленческой деятель-

ности сформировалось в результате развития предпринимательства, трансформации собственности, разграничения собственности и управления, бурного развития рынка, совершенствования финансовых технологий и растущих рисков финансовых потрясений.

Управление финансами экономических субъектов – это управление потоками входящих и исходящих финансовых ресурсов для их формирования, накопления, распределения, перераспределения и использования, максимизации прибыли, повышения рентабельности и платежеспособности. То есть, традиционно эффективное управление финансами экономических субъектов предполагает такую организацию финансовой сферы, которая позволяет безошибочно использовать собственные финансовые ресурсы и привлекать дополнительные на выгодных условиях, инвестировать их с наибольшим эффектом и проводить прибыльные операции на финансовом рынке.

Поскольку сами финансы определяются как некие финансовые отношения, то философия управления финансами основывается на философии человека и является искусством разработки, отбора и реализации финансовых решений с учетом действия всех возможных факторов, влияния внутренней и внешней среды, прогнозирования возможных угроз и рисков, оценки уровня и характера влияния на финансовую безопасность предприятия с целью достижения определенных целей и реализации задач. Развитие финансовых отношений между экономическими субъектами различных организационно-правовых типов и форм собственности требует новых подходов к управлению их финансами с целью обеспечения эффективности.

Учитывая тот факт, что управление современными финансами происходит и с помощью мифов, можно утверждать, что прошлый XX век стал веком мифотворчества, с помощью которой происходит не только управление, но и манипуляции с сознанием людей с целью эффективного управления финансами. В настоящее время формируется феномен массового сознания, которое глубоко мифологизировано, поэтому обретает актуальность проблема исследования современных мифов, в том числе мифов об управлении финансами. Интересно, что всю историю К. Юнг рассматривал как трансформацию мифов, подъем их на все более высокие ступени. Согласно концепции К. Юнга [9; 10], архетипы организуют восприятие и представления людей о внешнем мире. То, что принято называть знаниями, на самом деле может быть воображением, истоки которого следует искать в архетипах и в их неконтролируемом воздействии на сознание. Тем самым признавалось, что мифологическому мышлению присущи свойства, сближающие его с научным – это обобщение, анализ и классификация.

К. Леви-Стросс [6; 7] считал, что суть мифа заключается не в стиле или манере изложения, а в истории, которая излагается. Такое понимание роли мифа дало основание ученому рассматривать логику мифологического мышления как не менее требовательную, чем логика научного мышления. Устойчивость мифологических образов внушает человеку уверенность в том, что в современном мире есть нечто постоянное, то, на что можно положиться. Например, финансовое обеспечение постоянно сохраняется как неотъемлемая часть жизни.

Архетипы как наиболее общие, фундаментальные мифологические мотивы являются врожденными и общими для всех людей. Понимание и объяснение архетипов делают возможным их использование в управлении финансами.

Институциональные финансовые мифы, как и архетипические, задаются внешней средой, но они представляют собой не врожденные, а сконструированные большими общностями людей мифы. Институциональные финансовые мифы, созданные определенным обществом для ускорения систематизации финансовых принципов и выработки единых для всех членов этого общества стандартов финансового поведения, существенно упрощают окружающую реальность. В огромном потоке информации современного общества выгодно, когда экономические субъекты решают часть финансовых проблем «так же, как и другие» и не тратят время на формирование

собственного управленческого решения. Решение проблем «как все» способствует также налаживанию партнерских отношений и хорошей коммуникации на основе единства взглядов. Таким образом, используя институциональные финансовые мифы, экономические субъекты минимизируют расходы на обработку финансовой информации и входят в круг единомышленников на основе общих принципов, интересов и ценностей.

Институциональные финансовые мифы могут влиять на развитие экономических субъектов как положительно, так и отрицательно. Поэтому современные крупные корпорации вместо пассивного воспроизведения институциональных финансовых мифов активно привлекаются к их созданию и модификации. Социальная отечественная среда нашего века является той платформой, на которой мифологическая традиция смогла не просто сохраниться, но и развивается в новых формах. Миф объясняет человеку непонятные явления окружающего мира. Те объяснения, которые предлагают экономические науки, доступны далеко не всем, поэтому мифы служат моделью реальности для большинства. Миф дает человеку критерии, с помощью которых можно измерять все. Картина мира в мифе проста и доступна любому экономическому субъекту.

Одним из главных источников финансовых мифов служат средства массовой информации. Сейчас СМИ практически полностью контролируют формирование сознания и делают это с помощью мифологии, ими создаваемой. Социум воспринимает финансовый миф как истину. У истоков исследования мифологии стоит работа немецкого философа Э. Кассирера «Миф о государстве» [13].

Архетипическую парадигму начали использовать в активной практической жизни благодаря глобализационным тенденциям, ведь именно архетипы имеют внекультурные и вневременные типологии всеобщего психического, успешно работающие во всех регионах планеты. Важным источником управления и власти, по М. Веберу, является авторитет, обычно – «традиционная» власть, авторитет личностного природного дара (харизма) и, наконец, авторитет так называемой рациональности, то есть легально установленных правил и деловой «компетентности» – власть в том виде, в котором она существует сейчас [4, с. 646–647]. Впрочем, как справедливо отмечает М. Вебер, отношение к каждому из названных «авторитетов» в основном обусловлено мотивами страха и надежды – «страха перед мстостью магических сил или правителя, надежды на вознаграждение в реальной или загробной жизни» [4, с. 647].

К. Юнг назвал архетипами генетически наследуемую структуру накопленного человеческого опыта, что обуславливает определенный тип восприятия, переживания, поведения и понимания. В архетипической ситуации человек действует в соответствии с внутренней типовой схемой. Итак, архетип можно определить как врожденную способность поведения, выработанную в процессе человеческой истории, или как класс психических явлений, содержание которых не имеет своего источника в отдельном индивиду и его биографии.

В монографии Э.А. Афолина, А.Н. Бандурки и А.Ю. Мартынова [3, с. 71–72] отмечается, что структура социальных реформ на определенных этапах исторического развития общества может быть принципиально различной. Стало быть, подходы к управлению финансами должны быть изменены основательно, они должны работать на оздоровление всей экономической системы. Главным принципом, на котором должны базироваться изменения, является принцип инновационности, нетривиальности. Качественные преобразования в управлении финансами нуждаются также в реформировании организационных структур, системы государственных институтов, усвоении управленцами новых императивов, содержания, форм и методов управленческой деятельности.

Современный системный кризис управления финансами прежде всего можно считать кризисом государственного финансового управления, которое не способно

брать на себя ответственность за страну и общество, предложить инновационную социокультурную концепцию экономического развития, которая поддерживала бы стратегическую самоидентификацию отдельного человека, и сосредоточиться на решении финансовых проблем во всех сферах и ценностных преобразованиях.

Этот кризис обусловлен и поддерживается коллективной ментальностью правящей элиты, представители которой понимают сложность проблемы, необходимость изменений внутреннего и внешнеэкономического, политического и идеологического курса, опасность бездействия, но не способны к результативным действиям. Коллективная ментальность строго очерчивает границы всех возможных инноваций, потенциально способных победить кризисные явления, и причиной таких тенденций является факт порождения кризиса коллективной ментальностью и ее несовместимостью с бескризисным развитием [3].

Трансформация матрицы управления финансами требует воплощения в жизнь духовных ценностей, без которых не преуспеют никакие экономические реформы. Именно гуманизм, который проявляется в таких ценностях, как индивидуализм, солидарность, справедливость и свобода, является одним из важнейших признаков западного общества. Он служит основой и сутью новой парадигмы развития государства и общества, центром внимания которой является человек как высшая ценность, цель и главное условие общественного развития [8, с. 4].

Справедливость предусматривает предоставление каждому равных шансов на самоопределение. Солидарность обязывает каждого использовать свою свободу, неся ответственность перед тем или иным обществом как его член. Свободу можно рассматривать как право на самостоятельное развитие личности в соответствии с главными ценностями; каждый человек должен обладать материальными средствами – экономическими, социальными и культурными – для жизни на основе личной ответственности [8, с. 21, с. 26]. Таким образом, на смену «государству всеобщего благосостояния» грядет «общество благосостояния» или «государство возможностей». Каждый человек имеет свою уникальную личность, которая складывается в течение всей его жизни и определяется имеющимся в мозгу индивида набором ментальных структур [5, с. 45–47]. Так, «универсального, одномерного, экономического человека» эпохи Модерна, ориентированного на удовлетворение общественных потребностей, замещает «человек рациональный», жизнедеятельность которого обуславливается собственными знаниями (профессионализмом и компетентностью), собственным интересом и собственным «правовым полем».

Выводы и перспективы. Итак, в условиях жесткой конкуренции экономические субъекты вынуждены искать новые подходы к трансформации матрицы управления финансами. Недооценка влияния совокупности социальных и психологических феноменов на современные финансовые управленческие технологии привела к снижению уровня конкурентоспособности экономических субъектов, нарушению принципов и методов управления финансами, снижению качества их продукции и услуг. Предпосылкой принятия эффективных управленческих решений в сфере финансов по обеспечению социально-экологической ориентации экономики являются их научно обоснованное определение, качественная оценка и методическое обеспечение их измерения. Общие подходы к оценке состояния и проблем современной трансформации матрицы управления финансами требуют подкрепления и обоснования оптимальных вариантов принятия управленческих решений с учетом влияния совокупности социальных и психологических феноменов. Управление финансами является многофункциональной системой, которая призвана выявлять и предупреждать угрозы внешнего и внутреннего характера, находить лучшие источники и направления для финансирования деятельности, адекватно обеспечивать каждый ее элемент в соответствии с возникающими проблемами. Для выявления рисков по достижению финансовых результатов следует проводить качественный анализ, который определяет влияние социальных и психологических феноменов на

обеспечение экономического роста. Теоретические и практические обобщения зарубежного опыта ценны, но национальные различия в управлении финансами делают невозможными их полное применение и требуют соответствующей адаптации к национальным условиям.

Предложенный подход определения ориентиров и гармонизации влияния совокупности социальных и психологических феноменов на современную трансформацию матрицы управления финансами в контуре концепции архетипов будет способствовать повышению конкурентоспособности различных экономических субъектов и повышению их эффективности.

Литература:

1. Афонин Э. Великая коэволюция. Глобальные проблемы современности: историко-социологический анализ / Э. Афонин, А. Бандурка, А. Мартынов. – К. : Парламент. изд-во, 2003. – 383 с.
2. Афонін Е. Проблема психологічного феномена проєкції в політиці [Електронний ресурс] / Е. Афонін, О. Донченко // Політичний менеджмент. – 2009. – № 4 (37). – С. 28–43.
3. Афонін Е.А. Велика розтока (Глобальні проблеми сучасності: соц.-іст. аналіз) / Е.А. Афонін, О.М. Бандурка, А.Ю. Мартинов ; Укр. т-во сприяння соц. інноваціям, відд. інформ.-бібл. забезпечення апарату Верхов. Ради України. – К. : Парапан, 2002. – 348 с.
4. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения / М. Вебер ; пер. с нем. ; [сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова]. – М. : Прогресс, 1990. – С. 646–706.
5. Крупкин П.Л. Россия и Современность. Проблемы совмещения: опыт рационального осмысления / П.Л. Крупкин. – М. : Флинта ; Наука, 2010. 568 с.
6. Леви-Строс К. В травяной лавке мифов. От мифа к литературе / Клод Леви-Строс. – М., 1993.
7. Леви-Строс К. Отношения симметрии между ритуалами и мифами соседних народов / Клод Леви-Строс // Первобытное мышление. – М., 1994. – С. 355–369.
8. Четверікова Л.О. Сучасна парадигма – мета соціального інституту: історико-теоретичні виміри соціальної держави / Л.О. Четверікова, Ю.О. Привалов. – Львів : Астролябія, 2007. – 152 с.
9. Юнг К. Психология бессознательного / К. Юнг. – М. : Канон, 1994. – 320 с.
10. Юнг К. Душа и миф. Шесть архетипов / К. Юнг. – М. ; К. : ЗАО Совершенство ; «PortRoyal», 1997.
11. Di Tella K. Some Uses of Happiness Data in Economics / K. Di Tella, R. McCulloch // Journal of Economic Review. – 2006, June. – Vol. 96.
12. Haule J.R. Evolution and Archetype: The Biology of Jung [Электронный ресурс] / J.R. Haule. – Режим доступа : <http://www.jrhaule.net/evol-atp>.
13. Kassirer E. The Myth About State / E. Kassirer. – New York, 1946.

Елена ДОНЧЕНКО

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ АРХЕТИПА КОНСОЛИДАЦИИ И СОГЛАСИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Постановка проблемы. Вопрос примирения, консолидации и психологического взаимопринятия народов, религий и государств в наше время обретает особую актуальность. Из плоскости политики и идеологии он перешел в сугубо практическую плоскость. Человечество на данный момент времени не обладает тем уровнем психологической культуры, который бы мог служить фундаментом мирного существования, взаимопринятия и взаимопомощи отдельным людям и сообществам, религиям и мировоззрениям.

Любая определенная система взглядов, ценностей и норм, с одной стороны, является самодостаточной, целостной, саморегулированной, а с другой – в то же время она является всего лишь частью целостной системы современного человечества. Любая моносистема сама по себе не в состоянии обеспечить стабильность собственного духовного, политического и экономического развития. Она может существовать как самодостаточная, уникальная целостность только при условии сравнения себя с большим разнообразием таких же уникальных человеческих моносообществ.

Теория, практика и экспертные опросы показали, что нет смысла в архетипах, если они не являются архивом мудрых знаний, способных удержать человечество от саморазрушения. Не в масонских подвалах или пирамидах хранятся эти знания, а в архетипах, которые существуют, чтобы придать смысл человеческому существованию на Земле, чтобы творить порядок из хаоса.

Цель публикации. Согласие и консолидация в политической практике должны строиться на ментально-психологической основе определенной социальной общности (народа) и соответствующей феноменологии архетипов, раскрытию которых в контексте развития идей К. Юнга и посвящена данная статья.

Викладения основного материала. Архетип сам по себе является тенденцией или склонностью к структуризации образов наших переживаний определенным образом. Любой человек рождается со склонностью к формированию определенных образов, которые рождаются в пространстве его психической специализации. Функция различных архетипических образов – встроить «культуру человечества» в коллективное сознание. Любое переживание человека содержит в себе архетипический фундамент – рождение, смерть, любовь, любовь, сексуальное партнерство, брак, конфликт противоположностей, творчество и т.п. И хотя архетипы могут изменяться, эти изменения столь непринципиальны, что именно феномен архетипа может быть признан постоянной величиной в рамках исторического времени человечества.

Следовательно, психическое (в части архетипов и психофракталов) не может быть изменено, к нему человечеству, как и отдельному человеку, необходимо прислушиваться и делать так, чтобы не нарушить основные законы, по которыми живет вселенная.

Проблематика архетипов исходила в современной науке из Тени. И не только бизнес, шоу-бизнес и политики заинтересовались этой проблематикой. Параллельно ею начали интересоваться историки, философы, историографы и даже управленцы (в рамках ежегодного семинара «Актуальные вопросы публичного управления» 13–14 июля в 2010 г. в Украине, в г. Феодосия, проводился с международным участием семинар «Архетипика и государственное управление»

ДОНЧЕНКО
Елена,
DONCHENKO
Elena,

доктор
социологических наук,
профессор, главный
научный сотрудник
Института социальной
и политической
психологии НАПН
Украины, г. Киев.

Аннотация:
Статья написана в
развитие идей К.Г.
Юнга относительно
феноменологии
архетипов. В статье
раскрывается
сущность двух
архетипических
режимов
функционирования
психического – режима
«Я» и режима
«МЫ». Выводится
архетипический закон
отношений.

Ключевые слова:
архетипические
режимы «Я» и «МЫ»,
принятие иного через
уникальность каждого,
архетипический закон
отношений, механизм
консолидации и
согласия.

УДК 159.9.01: 159.922

ние»). Вполне уверенно можно сказать, что начал формироваться дискурс архетипического менеджмента и самоменеджмента.

В частности, без освоения проблематики архетипов невозможно представить себе дискурс ментальностей или коллективной памяти. В западной историографии проблема коллективной памяти была проблематизирована в 80-ые годы прошлого века. Ученых наконец заинтересовало, что прошлое обществ оставляет многочисленное количество отпечатков в обществе настоящего. Иногда эти отпечатки можно увидеть даже на лицах людей, не говоря о помещениях, домах, способе мышления и выражении чувств.

До конца 1990-х годов список исследований, посвященных исторической памяти, выглядел весьма репрезентативно. Он начинался с трудов М. Хальбвакса, который изучал природу коллективной памяти еще задолго до того, как эта тема заинтересовала психологов, политиков и историков. Хальбвакс одним из первых смело приписал память не индивидуальной, а коллективной сущности. Только коллективное мышление, по его мнению, имеет средства для воскресенья в памяти связи между объектами, их смыслового соединения, сцепления. Коллективная память отличается от истории тем, что она непрерывна и естественна, она хранит из прошлого лишь то, что живет и еще долго способно жить в сознании той группы, которая держится на ней и в то же время поддерживает ее. В коллективной памяти прошлое и настоящее не противостоят друг другу. Коллективная память ничего не выбрасывает, куда жив ее носитель, потому что она является картиной сходства, залогом того, что сообщество остается самоидентичным, изменяются только ее контакты с другими, роль которых заключается в том, чтобы продемонстрировать и закрепить собственное содержание, фундаментальные черты группы.

В современном научном дискурсе по данному вопросу появилось еще много понятий о том же явлении – генетическая память, родовые и коллективные представления, архаичные пласты психики, первичные образы, мифологическое сознание, историческая идентичность и т.п. Это стимулировало структуризацию различных уровней в формировании представлений о прошлом и в то же время спровоцировало понятийный беспорядок. Умножение терминов с одним смыслом говорит о том, что и до сих пор не выделено в науке единое понятие, а научные работники говорят метафорами. Однако все сходятся в одном: в современной гуманитарной науке прошлое стало трактоваться как конституирующий исток, необходимый для легитимации социального уклада, социальной мобилизации, консолидации и других просоциальных функций. Работы с мотивами памяти о войнах, Холокосте, ГУЛАГе и т.п. актуализировались потому, что в них возникла объективная социальная потребность. Постсоветские страны, особенно Украина и Россия, в поисках идентичности стали перед выбором, что помнить, что упоминать, а что забыть. От правильности этого выбора зависела нормальная жизнь миллионов, их психологическое самочувствие.

Именно обращение политиков и историков к проблематике памяти имело непосредственное отношение к развитию психологии, нейропсихологии и нейрофизиологии, в том числе по части концептуализации идей касательно коллективного субъекта, индивидуальной и национальной идентичности, групповой, национальной и даже общечеловеческой памяти.

Коллективная память, историческая память, историческое сознание, традиция... В этом полуполитическом и полуполитическом дискурсе не могли не появиться работы, в которых осуществлялся поиск соответствующей парадигмы исследования подобных явлений, а также психологических носителей коллективной памяти.

И среди них чуть ли не самой главной оказалась юнговская концепция коллективного бессознательного с мифологическими архетипами и архетипами психического (последние К. Юнг выделил в «Психологических типах»). Позже С. Гроф заговорил о трансперсональном переживании, А. Р. Ассаджиоли – о высшем Я. Современный ученый из Сибирской АН Чередниченко открыл очередные доказательства реинкарнационной памяти, которая может считаться разновидностью коллективной памяти о прошлом в индивидуальном субъекте. Экспериментально все чаще доказывается, что память о прошлом не исчезает вместе со смертью мозга. Открывая любой учеб-

ник, монографию, научный журнал по нейрофизиологии или нейропсихологии, мы не встретим научные данные о связи мозга с сознанием. Никто и никогда не нашел связь мозга и глубинного центра нашей личности, нашего «Я», нашей души.

Более того, современные исследования приходят к абсурдному на первый взгляд выводу: никакой личной памяти вообще не существует, подобно тому, как нет источника энергии на борту электровоза. Она просто не нужна. Все, что необходимо человеку, имеется в неограниченных вместительных информационных резервуарах коллективного бессознательного, которое может быть интерпретировано как комплекс наследственных кодов или фильтров, обеспечивающих автоматическое «взвешивание» информации. Все уже есть в многоуровневом психическом. Ему просто нужно доверять больше, чем принято.

Архетипы и психофракталы существуют и функционируют в другом времени и пространстве, но при этом регулируют нашу жизнь, будучи неотъемлемыми элементами каждого из нас.

Может, это и странно, но с такой методологической высоты можно спуститься к любой практической проблеме, в частности к проблеме «политики памяти», которую связывают или с идеологизацией прошлого, или с возможностями идеологизации знаний о прошлом и которая, по сути, исполняет функцию украшения коллективной Персоны. Понятно, что в коллективной памяти хранится не только то, что солидаризовало людей и остается стойким смыслосоздающим фактором социального ПФ, но и то, что разъединяет людей внутри общества. Человечество знает, почему исчезали сильные цивилизации: потому что ими начинали руководить слабые, психологически недоразвитые, бездуховные люди, которые обостряли внутренние противоречия в сообществе, чтобы остаться у власти.

Однако ни одно общество и ни один человек в мире не могут обойтись без собственной разумной политики памяти, в которой необходимо различать архетипы и квазиархетипы. Последние, как правило, используются в качестве инструментов политической борьбы или манипуляции другими людьми и больше привязаны к актуальному моменту, ситуации и т.п. Примеры – политическая концепция и практика «голодомора-геноцида» и героизация боевиков ОУН-УПА, которая и до сих пор имеет целью раскол Украины и конфликт с Россией. Это навязано сверху и является политически организованной манипуляцией общественным сознанием.

Второй образ – самоорганизационный: например, когда дети оставляют свои любимые вещи в мемориальном комплексе Хатынь или на плитах с названием нацистских детских лагерей. Назвать это политической манипуляцией сложно, потому что существует неисчерпаемая память сердца, гуманных смыслов и ценностей. Человек с нормальной психикой всегда будет сочувствовать тем, кто не прожил полноценную жизнь и сильно страдал, потому что это несправедливо. Даже если идет речь о далекой древности. Потому что существует этичность природы, о которой говорит Умберто Эко. Основные принципы естественной этики совпадают с принципами этики, основанной на вере в трансцендентное. И невозможно не признать, что они остались в нашем сердце благодаря фундаментальной программе спасения, заложенной в некоторых архетипах. Носителем этой программы является архетип альтруизма-эгоизма. Последний может быть определен как сумма инстинктов и эмоций, на которые опирается совесть. Многие ученые считают, что альтруизм является врожденным архетипом, а не воспитывается кем-то, что инстинкты не могут быть результатом индивидуального опыта, хотя могут усиливаться или ослабляться в течение жизни. Говоря об альтруизме, Эфроимсон использует такие выражения, как «безусловный рефлекс», «комплекс наследуемых этических реакций», «этический инстинкт» и пр.

Для формирования полноценных отношений между всеми уникальностями человеческого мира определенному социальному субъекту необходимо не только считаться с существованием других (и всего другого – ценностей, вкусов и т.п.), уважать их ментальность, душу, но и искать в них то, что может придать ему силы, мощь, стабильность. Так, например, экстраверт неосознанно ищет для комфортного общения интроверта, который придает ему взвешенность, покой, стимулирует процесс открытия экстравертом собственного внутреннего мира. То есть, следует искать пути вза-

имодополнения по всем параметрам, ведь главным в формировании самоотношения и отношений с другими является осознание самого главного факта психической жизни как отдельного человека, так и любого малого или большого сообщества. Факта функционирования психического в двух архетипических режимах – «МЫ» и «Я».

Существуют «Я»-режим (инстинкт самовывживания) и «Мы»-режим (инстинкт пра-любви, пра-солидарности выживания сообщества как единой информационно-энергетической целостности).

«Я»-режим – это сильный режим психоинстинкта, режим инстинктивной самосогласованности, проявленности, утверждения себя во внешнем мире и в то же время отгороженности от всего мира, признания главным в своей внутренней жизни того, что стремится к собственному содержанию и глубине. Этот режим – адаптивно-нелинейный, гибкий, индивидуально эгоцентрический, энергетизированный и эффективный в ситуациях, связанных с самим выживанием субъекта; этот режим у человека во многом является общим с животным миром: как индивиды, так и народы имеют в своем психическом различные инстинкты – «волков», «кукушек», «лебедей», «собак», «лошадей», «львов», «косуль» и т.п. Это аппарат для дифференциации опасных раздражителей (по известному психофизиологическому принципу экономии раздражений, без которой живая ткань погибла бы) и в первую очередь – отношений, несовместимых с жизнью (тех, что со временем приводят к физическим или психическим болезням). Главным механизмом, регулирующим этот режим на индивидуальном уровне, является архетипический метасигнал переживаний, благодаря которым субъект отделяет себя от других (другого), дифференцирует «мое – не мое»: моя ценность, мое дело, мой авторитет, мой цвет и т.п.

Пограничные состояния вызывает сугестивный метасигнал, который может сопровождаться самыми разными эмоциональными формами – разнообразными фрустрациями, тревожностью, напряжением, кошмарами, страхами, истерикой, депрессиями и т.п. Страх или его отсутствие – главные регуляторы, которые стимулируют те или иные психические реакции, то или иное ситуативное поведение и т.п. Но именно появление страха стимулирует психику мгновенно отреагировать на него, запустить механизм мгновенных нелокальных связей всего со всем, то есть механизм перекодирования внутренних психосмыслов, ценностных приоритетов с тем, чтобы преодолеть состояние дезорганизации, ощущения разрушения внутреннего стержня жизни. Преодоление пограничного состояния происходит вроде бы вне времени, вне приобретенного опыта как мгновенное превращение психосмысла. Этот механизм, по высказыванию К. Леви-Строса, является машиной, которая отрицает время. Пограничные состояния появляются тем чаще, чем сильнее субъект сопротивляется переменам и смыслам, которые адекватны его собственной психоформе, но противоречат чужой (референтной) идентичности, к которой индивид хочет себя подтянуть. Такая борьба с самим собой наиболее интенсивна в подростковом возрасте субъекта (как человека, так и сообществ), когда он познает мир обобществленных ролей и идентичности.

Однако стоит помнить, что любому субъекту присущ еще и Групповой Разум, который является носителем не всегда проявленной (активированной) связи со всем Человечеством. В зависимости от многих факторов уровень этой проявленности различен, различны и высшие «Я» того или иного субъекта. Режим «МЫ» – генетически общий для всех фактор выживания. Режим «МЫ» – это режим психоэкологической согласованности с земной природой, космосом, другими людьми, ценностями и государствами; это высший режим общих ценностей, в котором хранятся архетипические аспекты пути и опыта; более высокий, но, к сожалению, и более слабый.

Слабый не только потому, что связан с «проблемой Вавилонской башни» – проблемой установления эквивалентных отношений между различными «языками», ментальностями, ценностями и т.п. Слабый потому, что развитие сообществ, народов и социумов на Земле происходит неравномерно и характеризуется различными психосоциальными состояниями на горизонтальном срезе истории. Современные государства, народы и сообщества, например, живя в одном времени, но в различных психосоциальных пространствах, имеют на этом срезе все тональности – от апатии

и аномии до экстремального энтузиазма. А различные состояния усугубляют проблему взаимопонимания между народами.

К. Кастанеда, который вместе с доном Хуаном побывал в собственном энергетическом теле в каком-то городе, затем спросил в Хуана, где он находился. Хуан ответил: «Вне этого мира», но добавил при этом: «Путешествие было реальностью, ты видел город, я видел энергию. Ни ты, ни я не были правы. Ни ты, ни я не ошибались. Наши версии различны потому, что на тот момент мы с тобой имели разные характеристики однородности и внутренней связанности. А я тебе уже говорил о том, что именно эти характеристики и есть ключ к восприятию» (К. Кастанеда).

Режим «МЫ» слаб еще и потому, что содержится на периферии психики, освоение которой происходит в масштабах человечества очень медленно; человечество еще не научилось использовать положительную энергию высших архетипов с целью выживания, оно как бы игнорирует ее, напуганное силой отрицательных, низших архетипов (к категории высших архетипов можно присоединить и украинскую категорию – ноосферу Вернадского). Многие исследователи глубинной психологии просто запугивают людей возможностью встречи с архетипическим (коллективным) бессознательным, словно оно существует где-то вдали от человека, как будто он не боится его. Однако оно (коллективное бессознательное) проявляет себя слишком бурно именно потому, что на него, как иногда на ребенка, не обращают внимания, отталкивают от себя, не замечают, занятые собственной социальной Персоной. И тогда оно прорывается собственной фрустрацией от онемения и оскудения, от запущенности и одиночества. Сильная, свободная, но невоспитанная энергия высших архетипических ценностей и смыслов сама тогда находит себе применение и, как правило, это происходит в ужасных формах.

Именно эта проблема является наиболее актуальной в современной Украине: несмотря на существование и признание одинаковых для единой страны целевых ценностей, отношения между центрально-западной и юго-восточной Украиной часто наталкиваются на препятствия, информационно энергетическая природа которых внеперсональна и трансгисторична; «волки» не могут найти общий язык с «гадюками», а «лебеди» – с «кукушками». И происходит это потому, что «волки» не знают, что они – «волки», а «кукушки» думают, будто они – «лебеди». Так же искажено представление и о других – своих геополитических соседях, партнерах и т.п. Робкая и интеллигентная рациональность многие века отказывалась от контакта с иррациональным, внерациональным, «низким», в результате чего субъект перестал верить сам себе, своим ощущениям, интуиции, эмоциям и т.п.

Архетипический закон отношений, между тем, является главным законом стабильной жизни любого субъекта: определенный тип внутренних отношений субъекта (между элементами психической жизни субъекта, различными его субличностями и т.п.) формирует соответствующий тип внешних отношений, соответствующую форму его поведения, которая и транслируется в окружающую среду.

И нетрудно понять, почему нелюбовь к себе глубинному (частичному, не такому, как хотелось бы, и т.п.) трансформируется в нелюбовь к ближнему. И наоборот. Ненасильственное толерантное отношение к другому может включаться только при условии самосогласованности и самопринятия. Только на основе открытия субъектом собственной личностной миссии, которая сопровождается налаживанием здоровых внутренних отношений между взглядами, желаниями, мыслями, делами и т.п., можно эффективно строить интеракции другого уровня. Отказаться от «Я» в пользу «МЫ» (в своем собственном жизненном пространстве) можно лишь при условии открытия того же собственного «Я»!

Без способности нажать кнопку внутреннего лифта, спустив свою взлелеянную, любимую и потому самодостаточную природу на первый этаж, невозможно строить полноценные интеракции на высших этажах. Даже если партнер по общению на такое не способен. Именно поэтому он нуждается в вашей любви, а не вашем экспансивном «Я». Именно пра-любовь как общечеловеческий ресурс выживания, как защитное «МЫ» является единственной данностью, на основе которой можно решать интерактивные проблемы психозкологическим способом. Пра-любовь как защитное

«МЫ» является главным архетипическим управленческим механизмом другого режима работы психического.

Режим «МЫ», в отличие от первого, психоинстинктивного режима – это режим первобытной толерантности, здравого смысла, позволяющего выжить субъекту. Это то, что включает социальную ответственность за свои поступки, то, что позволяет ему первым протянуть руку взаимопонимания, это стремление к компромиссу и способность не искать бревно в чужом глазу, не категоризировать других по принципу «старшего брата»; это то, что вынуждает интересоваться другими культурами и изучать другие языки, чтобы не оказаться Робинзоном на необитаемом острове, и т.п. Казалось бы, любовь и здравый смысл – это оппозиции, которые не могут быть вместе в конкретном жизненном проявлении. Но в этом случае речь идет об архетипическом объединяющем принципе, накопленном огромным опытом человечества, который необходимо активировать в себе каждому субъекту любого дискурса: политического, культурного, научного и т.п. – принцип здравого смысла любви.

Режим «МЫ» формирует сферу между смыслами, дает субъекту ресурс времени для выхода из сильного режима и для перехода на уровень эффективных интеракций, на уровень упрощения интерактивных проблем в мире, который и так переполнен осложнениями разного рода. Вроде бы все – и общий язык, и общее социальное поле, и общепринятые нормы и правила – существует для оптимального функционирования режима «МЫ». Однако применение всего общего с целью упрощения интерактивных проблем зависит от способности частицы быть полноценной и относительно самодостаточной частицей (что означает способность субъекта к адекватному самоотжествлению). Частичная природа психики человека объективно нуждается в этом упрощении из-за невозможности дифференцированного реагирования на разноплановость проявлений других людей. Услышать друг друга можно только при условии пребывания одного из партнеров в режиме «МЫ», то есть в режиме желания услышать и понять другого. Когда один в отчаянии открывает другому свое наиболее и нуждается в отражении, второй должен находиться в режиме любви. Иначе первый не получит отражения, и его душевная боль будет порождать боль вокруг. Даже совершенное изучение премудростей дифференциальной психологии не поможет людям найти общий язык, если они не научатся гибко переходить на «МЫ»-режим. Казалось бы, что может быть проще, чем настроиться на толерантные отношения! Но практика доказывает, что это сделать не так просто.

Способность переключения на режим толерантности требует серьезной отработки режима «Я». Познание себя естественного, своей собственной психической специфики – процесс непростой и длительный. Практика показывает, что инстинктивно ребенок идентифицируется со своей душой (неосознанно прокладывает свой ПУТЬ) приблизительно к середине первого класса. Затем он постепенно расходится с ним, что в работах по проблемам адаптации трактуется как «дезадаптированность». Начинается психосоциальное перепрограммирование ребенка на единый психокультурный паттерн. Понятно, что это перепрограммирование может быть для ребенка более или менее насильственным. Подростковый возраст становится для ребенка тем сложнее, чем дальше психокультурный паттерн отходит от собственного «Я», чем сильнее становится напряжение между базовой, естественной программой и искусственной, которая представляет семейные и школьные требования и требования социума в целом. На этом этапе происходят чуть ли не самые первые осознания человеком разницы между двумя программами, с которыми необходимо считаться и устанавливать между ними определенные отношения.

Естественное и искусственное создают в человеке тот же вечный конфликт с самой собой. На самом деле это конфликт природы с тем, что ее разрушает. На уровне сознания впервые выходят две субличности, которые должны найти средний путь. Это возраст, когда стартует способность человека к конструктивному сотрудничеству.

Подростковый возраст характерен для большинства современных народов и обществ. И все вышеупомянутое является характерным как для человека, так и для сообщества. Архетипический закон отношений срабатывает, когда внутренние на-

пряжения находят общий язык, и не обязательно новые взаимоотношения внутри субъекта будут идеальными. Они могут быть просто деловыми, а могут повторять любой семейный стиль отношений, который семью все-таки сохранил, они могут приобрести миражный оттенок, хороший для комфортного отдыха. Не имеет значения. Главное – это нахождение того компромисса, который будет способен продолжать конструктивное функционирование собственного психического, которое, повторимся, имеет особенность транслироваться на внешнюю среду.

Переключение на режим «МЫ» можно назвать механизмом консолидации и согласия.

Этот механизм регулирует отношения, складывающиеся в дружбе, любви, в партнерских отношениях и т.п. Вспомним Э. Берна с его «я хороший – ты хороший», «я плохой – ты хороший», «я хороший – ты плохой» и т.п. Приблизительно такие же или иные внутренние оценки играют решающую роль в формировании механизма «Я – МЫ-перехода». Он может быть каким угодно: мягким или жестким, постепенным или внезапным, эго-отрицающим или эго-сберегающим и т.п. Но, как бы субъект рационально ни оценивал своего внутреннего ребенка (свой внутренний «гарем» парциальностей), любовь к нему, согласие с ним все равно является, с одной стороны, смыслом жизни субъекта, а с другой – залогом его мирного сосуществования и даже конструктивного взаимодействия с другими.

В случае социальных отношений, оценок и взаимоотношений именно характер внутреннего механизма переключения с «Я» на «МЫ» создает предпосылки для выбора каждым социумом своей собственной формы выживания, в частности политической формы правления и взаимоотношений между разными ветвями власти (тоталитарный, авторитарный, либеральный, демократический, инвайронментальный и т.п.), внутренних психосоциальных организационных и самоорганизационных механизмов настраивания социальной структуры (полевые, пирамидальные или смешанные и др.).

Природа психики подчиняется постепенности, она не прощает пропусков, любой этап нужно отрабатывать, чувствовать, переживать, и тогда, по словам Ницше, «с самого низшего высшее достигает вершины».

Отношения между людьми и государствами усложняются с усложнением жизни, с разрушением смыслов, с гипертрофическим увеличением доли прагматических, денежных ценностей. Люди утратили толерантность, перестали общаться так, как общались раньше, им легче достичь взаимопонимания с компьютером, чем с другим человеком, перейти на виртуальное общение и т.п., а государства продолжают разговаривать между собой на языке более сильного, то есть на языке инстинктов, на языке режима «Я».

Второй режим включает психический процесс творческого синтеза исходных параметров дуальных оппозиций, которые открывали бы выход в новое психосоциальное пространство, в новое качество восприятия мира. Именно на этом режиме реализуется Homo Nous – самоценный божественный человек Духа, Пневмы, Души. Именно на этом режиме работает духовность.

Но оба режима работают у современного субъекта преимущественно искаженно: с одной стороны, люди и целые народы перестали верить самим себе и своим чувствам, собственной интуиции и т.п.; с другой – их заставили разочароваться в высших силах и чувствах, они стали даже стесняться собственной мягкости, сензитивности, любви и толерантности, а другие – собственной рациональности, прагматичности, деловитости, точности, дисциплинированности, закрытости. Из-за выученного игнорирования инстинктивно-архетипической разницы между людьми и между сообществами возникают серьезные перекосы во взаимопонимании на любых уровнях. А высший уровень трансперсональных отношений – «МЫ», или Любовь – люди уже много веков пытаются конвенционировать, узаконивать и т.п. То есть, человек заставил другого человека поверить в то, что высшие законы взаимодействия управляются и организуются ими же. То есть, их можно и нужно нарушать. Ведь законы дарвинизма и вера в теорию эволюции, которые господствуют везде, где есть социальные проблемы, уже давно объединили силу и закононепослушность. На постсоветском

пространстве действительно успешно выживают функционирующие только по этому принципу – силы и незаконности.

На первый, невнимательный взгляд, эти два режима работы психофрактала наминают две социальных фазы идентичности в теории символического интеракционизма Дж. Мида – индивидуальную (play) и коллективную (game) игру. Play воспроизводит субъективное усвоение ребенком собственной идентичности путем знакомства и овладения системой социальных ролей, а game – общий принцип действия как ориентир, позицию определенного организованного сообщества, которое предлагает личности целостную идентичность, обобщенного Другого, социальные нормы и ценности общества, значимые в определенных ситуациях. Здесь речь может идти скорее об отдаленном сходстве play и game с архетипическими механизмами функционирования индивидуальной и социетальной жизни.

Дж. Мид анализировал также бессознательное «импульсное, уникальное Я» человека как досоциального существа, которое не подвергается социализации и избегает социального самоконтроля индивида с его ориентацией на значимого другого, а также «рефлексивное Я» как социальную конструкцию, как множественное число ожиданий и требований общества относительно человека, как общественный аспект идентичности, совокупность знаний и систематизированных установок, приобретенных в процессе социализации. Наш режим «Я» имеет много общего с «импульсным Я» Дж. Мида. Можно сказать, что «рефлексивное Я» Дж. Мида принимает участие в работе пограничных процессов между «Я» и «МЫ» – в сфере трансформации смыслов.

Существуют две фундаментальных дихотомии знания о человеке: между концепцией человека как существа, творящего самого себя (К. Маркс) и концепцией «человеческой природы» (З. Фрейд). Теория архетипов объединяет эти дихотомии, анализируя два оппозиционных режима функционирования психики, которые демонстрируют естественные корни внутреннего конфликта любого социального субъекта психического – индивида, группы, сообщества, социума и т.п. Конфликта между «я хочу» и «я должен», «я такой» и «я должен стать другим» и т.п. Уровень этого конфликта во многом зависит от типа социализации индивида – «успешной» или «неуспешной» по П. Бергеру и Т. Лукману. Под успешной имеется в виду установление высокого уровня симметрии между объективной и субъективной реальностью (равно как и идентичность), а неуспешной – наоборот. Максимально «успешная» социализация происходит в первичных, простых обществах, где вообще нет проблемы идентичности и где не возникает в принципе вопрос «кто я такой», где рыцарь является рыцарем, а земледелец – земледельцем как для себя, так и для других. Здесь речь не идет о «потайных глубинах». Чем дифференцированнее и сложнее общество, тем ближе человек приближается к потребности осознания себя глубинного, тем сильнее потребность разделения Персоны и Эго, социальных ролей и единственной, от Бога данной, миссии души.

Восточная культура уже давно предложила для решения таких проблем выбирать «срединный путь», ДАО. Западная культура разделилась: одни сообщества «выбирают» первый, сильный, конкурентоспособный, но не стабильный режим, другие – второй, слабый, традиционно нормативный, но стабильный. Но есть и такие, что успешно пользуются обеими педалями, и именно их выполнение является самым милым. П. Сорокин говорил по этому поводу, что главные моральные заповеди всех великих религий, всех правовых кодексов, всех нравов и народных обычаев относительно соответствующих членов группы, их «Ты должен» и «Ты не должен» очень похожи, часто идентичны. И что за нарушение нравственных законов (высший режим – Е.Д.), как и за нарушение физических законов природы (низший режим – Е.Д.) они должны заплатить тяжкую цену в виде различных губительных для них последствий...

П. Сорокин на основании изучения процесса альтруизации великих апостолов указывает на три типа альтруистов. 1 тип – счастливые (fortunate), которые с раннего детства избирают путь любви, высшей «самости» или Бога – проявляют скромное эго, удачно выбранные социальные афiliationи и ряд моральных ценностей, спокойно и без кризисов растут в своем творчестве (наша же современная психология ут-

верждает, что без кризисов нет развития); это А. Швейцер, Дж. Вулман, д-р Ф. Гааз и др. 2 тип – катастрофические (catastrophic) и поздние (late), жизнь которых резко разделяется на два периода: доальтруистический, предшествовавший их обращению, и альтруистический, который наступает после полной трансформации личности вследствие дезинтеграции их эго, ценностей и групповых афiliation, а также ускоренный катастрофами, болезнями, смертями и т.п. Процесс трансформации (или сфера между полюсами дуальной оппозиции – см. ниже) таких личностей бывает сложным и болезненным и может длиться от нескольких месяцев до нескольких лет. Это процесс тяжелой ломки своих эго, ценностей, и групповых афiliation, процесс их подчинения высшей ценности – любви. Будда, Св. Франциск Ассизский, брат Джозеф, Игнатий Лойола, Св. Августин, Св. Павел и другие представляют данный тип. 3 тип – промежуточные (intermediari), которым присущи черты счастливых и позднекатастрофических: Св. Феодосий, Св. Василий Великий, М. Ганди, Св. Тереза, Шри Рамакришна и др.

П. Сорокин говорит также и о возможности «трансформации» простых людей. Этими тремя путями движется все человечество к «положительной нравственной поляризации», которая необходима для противостояния с «деструктивной, отрицательной поляризацией». Ученый выводит закон поляризации, который может трактоваться как определенные последствия функционирования дихотомий: в зависимости от типа (курс. мой – Е.Д.) личности разочарования и неудачи часто вызывают противодействие в двух направлениях: положительной поляризации, например взрыв творческого начала (глухота Бетховена, слепота Мильтона), и отрицательной поляризации (самоубийство, душевное расстройство, звериная жестокость или некое повиновение). То же самое происходит в массовом масштабе. Ведь известно, что именно в катастрофические периоды растут деморализация, преступность, депрессии, и вместе с тем возникают великие религиозные и моральные системы (Древний Египет, Китай, Индия, Израиль, Греко-Римская империя или страны Запада).

Выводы и перспективы. Мы хорошо осознаем, что глобализация и современные технологии общественных жизнеустройств, безусловно, отвечают на вызовы времени. Однако они содержат в себе не только благо, но и блуд, они ускоряют то, что не ускоряется технологическими средствами, а происходит эволюционно, то есть психологически.

Литература:

1. Донченко Е.А. Социетальная психика / Е.А. Донченко. – К. : Наукова думка, 1994. – 208 с.
2. Донченко Е.А. Фрактальная психология (доглубинные основания индивидуальной и социетальной жизни) / Е.А. Донченко. – К. : Знання, 2005. – 323 с.
3. Канетти Э. Человек нашего столетия / Э. Канетти. – М. : Прогресс, 1990.
4. Хиллман Дж. Архетипическая психология / Дж. Хиллман. – СПб : Б.С.К., 1996.
5. Сорокин П. Главные тенденции нашего времени/ П. Сорокин. – М. : Наука, 1997.
6. Юнг К.Г. Психология бессознательного / К.Г. Юнг. – М. : Канон, 1994.
7. Кастанеда К. Искусство сновидения : т. 5. : кн. 9 / Карлос Кастанеда. – К. : София, 1993. – 319 с.
8. Дубровский Д.И. Психика и мозг. Мозг и разум / Д.И. Дубровский. – М. : Наука, 1994.
9. Гроф С. За пределами мозга / С. Гроф. – М. : Соцветие, 1992.
10. Бехтерева Н.П. О мозге человека / Н.П. Бехтерева. – СПб : Нотабене, 1994.
11. Данилевский И.В. Структуры коллективного бессознательного: квантоподобная социальная реальность / И.В. Данилевский. – Казань : изд-во КГЭУ, 2004. – 436 с.
12. Лурия А.Р. Маленькая книжка о большой памяти / А.Р. Лурия. – М. : Эйдос, 1994.
13. Лесков Л.В. Информационная модель вселенной. Гносеологические аспекты соотношения науки и богословия / Л.В. Лесков. – СПб, 1993. – С. 53–58.

**КЛИМЕНКО
Илона,
KLYMENKO
Ilona,**

кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры информационной политики и технологий Национальной академии государственного управления при Президенте Украины, г. Киев.

Аннотация: статья посвящена исследованию профессиональных компетенций государственных служащих в сфере поиска, принятия и внедрения управленческих решений, влияния на них свойств личности государственного служащего в контексте архетипики, что позволяет сформировать инновационную систему образования и повышения квалификации руководящих кадров государственной службы.

Ключевые слова: компетенция, принятие управленческих решений, государственный служащий, ситуативный центр управления.

УДК 351:316:519

Илона КЛИМЕНКО

ПРОФЕСІЙНІ КОМПЕТЕНЦІЇ ДЕРЖАВНИХ СЛУЖБОВЦІВ: АРХЕТИПНИЙ ПІДХІД

Постановка проблемы. Для успешной перестройки информационного общества и электронного управления в Украине, результатом которой должно стать государство с высоким уровнем качества жизни граждан, необходима адекватная, чувствительная к изменениям система государственного управления, ядром которой являются высокопрофессиональные государственные служащие, обеспечивающие процессы принятия и реализации управленческих решений для успешного функционирования всех сфер жизнедеятельности государства и общества. Профессионализация государственной службы предусматривает выполнение следующих заданий: управление подготовкой и развитием персонала на основе компетентного подхода, управление компетенциями государственных служащих на основе разработанных учреждениями моделей и профилей профессиональных компетенций персонала (на их основе формируются задачи и планы учебы, кадровый резерв), управление подбором и сертификацией персонала, управление компенсациями и бенефитами, а также карьерным ростом государственных служащих. Решение задач профессионализации государственной службы нуждается в определении профессиональных компетенций и механизмов их формирования, а также применения инновационных подходов к адаптации профессиональной подготовки и повышению профессиональной компетенции государственных служащих к задачам развития электронного управления в Украине как инновационной формы государственного управления.

Анализ последних исследований и публикаций. Внимание к проблеме формирования и оценивания профессиональной компетентности государственных служащих в отечественной и зарубежной научной традиции является актуальным и постоянно растет. Так, вопрос кадрового обеспечения государственной службы рассмотрен в исследованиях В. Игнатова, А. Понеделькова, В. Аверьянова, Г. Атаманчука, В. Борденюка, С. Вдовенко, З. Гладуна, Н. Гончарук, О. Демина, О. Крупчана, А. Крусяна, О. Кучеренко, Ю. Лебединского, П. Любченко, В. Малиновского, Т. Мотренко, П. Надолишнего, С. Серегина, Д. Стеченко, С. Дубенко, Н. Липовской, В. Олуйка, Т. Пахомовой, О. Оболенского, В. Цветкова и других научных работников. Проблемам профессиональной компетенции государственных служащих и ее оценивания посвящены научные труды А. Бураковской, Л. Пашко, Л. Пономарева и И. Мельника.

Однако вопросам профессиональной компетенции государственных служащих в сфере подготовки и принятия управленческих решений, ее адаптации к заданиям развития электронного управления и практике их приобретения надлежало бы уделять больше внимания.

Целью статьи является рассмотрение профессиональных компетенций государственных служащих в сфере принятия и внедрения управленческих решений, а также освещение вопросов, связанных с системой формирования таких компетенций.

Изложение основного материала. На сегодняшний день выделяют такие виды компетенций: теоретические и

профессиональные знания, навыки выполнения профессиональных заданий и универсальные навыки (коммуникативные, управленческие, аналитические и т.п.), способность к овладению новыми видами деятельности, ценностные ориентации и характеристики мотивации, личностные качества и психофизиологические особенности.

На уровень формирования компетенций государственными служащими и способность к их углублению и развитию влияют личностные черты и архетипы, то есть первичные естественные образы, идеи, переживания, которые свойственны человеку как субъекту коллективного бессознательного. По К. Юнгу, восприятие и поведение человека регулируются двумя основными сферами его психики, а именно сознательным и бессознательным.

Каждый человек в силу своих уникальных биологических способностей и индивидуального жизненного опыта усваивает форму архетипа и его энергию по-своему, не задумываясь ни о структуре, ни о бессознательном его содержании. Однако личность многое чувствует благодаря тому, что в ее психике заложен пласт личностного индивидуального бессознательного. При этом архетипы оказывают большое влияние на индивида, формируя его эмоции, этические представления и мировоззрение; архетипы влияют также на взаимоотношения индивида с другими людьми и тем самым могут определять его судьбу. Архетипы могут влиять на действие как творческих, так и разрушительных сил человеческой психики, поскольку они создают новые идеи, воодушевляют, но они же и разрушают, когда идеи становятся постоянными суевериями сознания, что препятствуют дальнейшему развитию. В коллективном бессознательном можно увидеть ту психологическую основу, которая цементирует народ, расу, нацию, семью, профессиональную или этнорелигиозную группу, то есть все то, что объединяет людей в обществе, в частности и профессиональность управленцев.

Проявления коллективного бессознательного со всеми разнообразными его видами и формами нельзя считать произвольными. Они закономерно вытекают из социальной природы человека и его общественного взаимодействия. Коллективное бессознательное формирует также установки общества, государства, отдельных людей и социальных групп, их готовность действовать и реагировать в определенном направлении. Установка – это состояние внутренней готовности людей на специфическое для них проявление ощущений, интеллектуально-познавательной и волевой активности, динамики и характера общения, наглядно-практической деятельности и т.п. Возникновению установки обычно предшествует осознание людьми определенной потребности и тех условий, в которых данная потребность может быть реализована.

Так, ученые отмечали, что существуют два типа людей, которые по-разному реагируют на ту или иную ситуацию, а именно: первый тип людей с интровертной установкой, психически настроенный на восприятие внутренней сущности предметов и вещей; второй – с экстравертной установкой, характеризующей психическую настроенность на восприятие внешних форм предметов и вещей. Эта настроенность, собственно, и формирует материалистическую картину мира, в то время как первому типу людей свойственна идеалистическая картина мира.

Т. Новаченко отмечает, что экстравертам присущи такие особенности, как объективное оценивание фактов и событий, ориентация на окружающий мир и взаимодействие с ним, уверенность в своих силах, инициативность, склонность к риску и т.п. [1], а особенности интровертов включают субъективность в определении и оценивании фактов и событий, неуверенность, недооценку своих сил, сдержанность в разговоре, ориентацию на свои ощущения, мысли, впечатления и т.п. Различие экстравертов и интровертов относительно социальной активности, по К. Юнгу, связана с разным уровнем развития психических функций – мышления и эмоций (логика-этика), интуиции и ощущений (интуитики-сенсорики). Эмоциональному типу людей присуще следующее: способность влиять на других своими эмоциями,

принятие решений в зависимости от симпатии к людям, ориентация на общение с людьми, чувство вины, которое выливается на других и т.п., тогда как мыслительному типу людей логики присущи ориентация на систему, структуру, закон и порядок, склонность к анализу и установлению логического порядка; убедить их в правоте можно лишь логическими аргументами. Интуитивные люди живут в прошлом и будущем, поэтому во время беседы могут находиться рядом, но думать о чем-то другом; им присущи нерешительность и сомнения; они более склонны к теории, чем к практике, тогда как сенсорики «живут здесь и сейчас», они практичны, реально оценивают факты и события, не спешат начинать новое дело, любят делать что-либо своими руками. То есть, сенсорики являются тактиками, а интуитивные люди – стратегами. К. Юнг также делил людей на рациональных и иррациональных. Рациональные люди по своей природе несколько консервативны, им импонирует постоянство системы, а необходимость изменений нарушает их равновесие. Иррациональные же люди, наоборот, желают изменений и спокойно их воспринимают. Рациональность и иррациональность являются сложными качествами личности, которые характеризуют средства обработки информации и взаимодействие человека с миром.

Э. Афонин и Е. Донченко отмечают, что по шкале «экстраверсия/интроверсия» общество может быть оценено с точки зрения уровня его ориентированности на ценности окружающего мира (экстраверсия) или на собственные ценности (интроверсия) [2]. При этом слишком высокий уровень его экстравертности может свидетельствовать об экспансивности и агрессивности общества или определенной его части по отношению к другим, о легкомысленности, безответственности и слабости духа касательно решения собственных внутренних проблем. И наоборот, сверхвысокий уровень интровертности свидетельствует о закрытости и нежелании вести диалог с другими людьми, группами людей, странами и народами. В целом же любая избыточность уровня сформированности указанных социетальных признаков может свидетельствовать как о силе, так и о слабости общества; показатель «экстернальность/интернальность» отражает особенности механизмов социального контроля: его ориентированность на внешние (общественные) или внутренние (индивидуальные) формы ответственности, контроля или самоконтроля. Проведенный авторами мониторинг проявлений архетипов для Украины отражает пассионарность властно-политической элиты и «переходное» состояние свойств руководящих кадров государства; в частности, «экстраверсия» (41,5 %) настраивает их на устаревшие материальные ресурсы реализации государственной политики, лишает возможности реалистично оценить изменения в современном обществе, в том числе новые место и роль в нем человека и в целом субъективного фактора как базового не только для реализации, но и для творения государственной политики и общественно-политических реформ. «Интуитивность» (72,7 %), говорит, что в контексте создания государственной политики они все еще отдают предпочтение «глобальным», «универсальным», «инвариантным», «абстрактным» способам мышления и действия. Именно это отдалает современную властно-политическую элиту от практических аспектов преодоления системного кризиса, реализации общественных реформ. «Прагматичность» (16,4%), которая по своей природе настраивает людей на принятие утилитарных ценностей, лежащих в плоскости современных европейских ориентаций, охватывает малую часть руководящих кадров.

Также следует вспомнить о процессах формирования «нового» человека в информационной Постмодерной эпохе. Так, «универсальному, одномерному, экономическому человеку» эпохи Модерн, ориентированному на удовлетворение собственных материальных потребностей, противопоставляется «человек рациональный», жизнедеятельность которого обуславливается знанием собственного профессионализма и компетентности, собственного интереса и собственного правового поля. Человека Постмодерна отличают многоплановость, творчество, очерченная индивидуальность; его движущей силой служат необходимость преод-

оления социально-экономического и политического отчуждения, освобождение от обезличивающей массовости индустриального общества, самореализация и самоутверждение в творческой деятельности в каких-либо сферах жизнедеятельности страны и общества. То есть, при формировании профессиональных компетенций государственных служащих необходимо использовать личностно-ориентированный подход с учетом рациональности, иррациональности, экстра- и интровертности их личностей.

Актуальные процессы модернизации и реформирования системы государственного управления требуют таких компетенций государственных служащих высшего звена управления, которые влияют на оперативность и качество принятых и реализованных управленческих решений проблем в штатных/нештатных управленческих ситуациях. Компетенции, связанные с применением информационных технологий при принятии управленческих решений, позволяют государственным служащим не только проводить углубленные, дифференцированные, многовариантные расчеты отдельных экономических, социальных, финансовых и прочих показателей, но и совершенствовать методический аппарат планирования. Умение применять современное программное обеспечение позволяет разработать имитационные модели типа «подбор параметра» (оценка необходимого значения планового показателя для достижения установленного значения целевого показателя); «разработка сценариев» (оценка различных вариантов развития кризисной ситуации); создание и решение силами самой рабочей группы реальных оптимизационных задач (определение наилучших управленческих решений при выбранном значении целевой функции и системе ограничений области изменения отдельных параметров); использование для обоснования анализа рисков результатов исследования динамических рядов, скользящих средних, корреляционно-регрессионного и кластерного анализа, анализа чувствительности, метода Монте-Карло и пр. Информационно-технологическая поддержка принятия управленческого решения позволяет рабочей группе и ее руководителю всесторонне проанализировать объективные составляющие проблемы, оценить ситуацию с учетом ограничений, которые накладывает внешняя среда (финансы, время, нормативно-законодательная база, поддержка/противодействие населения, органов власти и т.п.); выявить и проранжировать преимущества рабочей группы, сформировать совокупность альтернативных решений, оценить их, используя наложенные ограничения и преимущества, проанализировать последствия (состояние преодоления кризисной ситуации и ее предотвращения в дальнейшем) в зависимости от выбора альтернативного управленческого решения и избрать наилучшее альтернативное решение с точки зрения рабочей группы.

На сегодняшний день принципиальными при принятии управленческого решения являются следующие параметры: скорость реагирования на динамику характеристик и показателей состояния объекта управления; высокая степень ответственности за результат управленческого влияния; информационное взаимодействие органов власти разного уровня; эффективные коммуникации между государственными служащими и должностными лицами органов местного самоуправления относительно состояния объекта управления с помощью современных информационно-телекоммуникационных технологий [3].

Необходимым условием при принятии управленческого решения являются всесторонний анализ информации об объекте управления и динамике значений показателей его состояния, моделирование и прогнозирование сценариев состояний объекта управления, оптимальное распределение ресурсной базы, координирование действий подчиненных и привлеченных государственных структур.

В соответствии с требованиями становления и развития современного государства управленец должен обладать следующими компетенциями:

- принимать управленческое решение, используя формы и методы отбора и анализа соответствующей информации об управленческих ситуациях, возникающих в органах государственного управления;

- применять коммуникативные и информационные технологии в процессе подготовки, принятия и внедрения государственно-управленческих решений;
- принимать управленческое решение, используя формы и методы отбора и анализа соответствующей информации в сфере информационной безопасности;
- принимать управленческое решение, используя формы и методы отбора и анализа соответствующей информации при надлежащем использовании ИКТ (информационно-коммуникационных технологий);
- осуществлять планирование, организацию и контроль выполнения задач государственных, региональных и отраслевых (межотраслевых) программ и проектов развития и построения информационного общества в Украине, внедрения электронного правительства, применяя современные методы администрирования (координирование) международных, государственных, региональных и отраслевых (межотраслевых) проектов и программ, используя методы разработки и принятия решений;
- выбирать альтернативы, критерии и матрицы решений в соответствии с принципами оптимальности, используя технологии принятия решений в государственных иерархиях;
- принимать управленческое решение по оптимизации социальных и экономических процессов в обществе на основании системного анализа их показателей, применяя методологию государственного управления и результаты оценивания экономического и социального состояния развития государства, территории или отрасли;
- принимать управленческое решение, используя формы и методы отбора и анализа соответствующей информации в сфере решения ситуативных штатных/внештатных проблем, которые возникают в органах государственного управления;
- организовывать общественную поддержку управленческих решений (путем участия в брифингах, пресс-конференциях и других мероприятиях для предания огласке принятых решений, их донесения широкой общественности), которые содействуют развитию предпринимательства и хозяйственных связей с партнерами на основе изучения и оценки экономической ситуации, мирового опыта ведения хозяйства на принципах мировой и европейской интеграции, используя методы и средства информационного моделирования, методы приобретения и распространения информации на основе новейших информационных технологий;
- осуществлять надлежащее информирование общественности о деятельности органа управления путем постоянной связи со средствами массовой информации, внедряя современные ИКТ;
- осуществлять мониторинг инноваций путем экономического оценивания нововведений и расчета эффективности проектов средствами информационных технологий;
- определять эффективность действующих форм и методов государственного управления в сфере построения информационного общества по результатам анализа соответствующих программ развития территории или отрасли, отечественного и зарубежного опыта их реализации в контексте европейской интеграции, используя методы сравнительного и институционального анализа;
- разрабатывать предложения (проекты) по определению стратегических целей и задач развития информационного общества, развития информационно-аналитического обеспечения территории или отрасли с использованием систем поддержки принятия решений и геоинформационных систем.

Для отработки и закрепления указанных профессиональных компетенций, на наш взгляд, наилучшим является внедрение в образовательную практику ситуативных центров управления (далее – СЦ), содержащих информационное пространство для эффективного мониторинга, прогнозирования, принятия решений и контроля их выполнения, что позволяет реализовывать новый формат управления в условиях жесткого дефицита времени и ресурсов, оценивать возможные стратегические, поли-

тические, экономические, социальные и экологические риски, которые могут возникнуть при различных сценариях управленческих ситуаций. Для минимизации рисков используют долгосрочное прогнозирование развития управленческих (кризисных) ситуаций, разработку и моделирование разнообразных сценариев их развития.

Интеллектуальным ядром ситуативно-аналитического центра является комплекс взаимосвязанных моделей [4, 5, 6] таких, как:

- динамическая модель объекта управления, способного адаптироваться к требованиям внешней среды и целенаправленно влиять на нее;
- индикаторная модель критериального пространства, которая взаимодействует с другими моделями ситуативного центра посредством входных и выходных информационных потоков;
- модель выявления проблемных ситуаций, предупреждения и разработки мероприятий по их устранению и ликвидации негативных последствий;
- информационная модель объекта управления на основе интерактивных баз знаний, которая предстает в удобном для руководителя виде и позволяет моделировать ситуацию, генерировать и представлять варианты оперативных решений и протоколов их разработки, осуществлять информирование руководителей и исполнителей, принимающих участие в решении конкретной проблемы, о принятых документах, а также осуществлять текущий контроль за ходом выполнения управленческих решений;
- система искусственного интеллекта для поддержки принятия долгосрочных и оперативных решений разного уровня на основе многосторонней стратегической компьютерной информации как средства поиска оптимального решения для всех заинтересованных сторон в соответствии с имеющимися у них ресурсами и возможностями;
- модель гибкого социально-экономического мониторинга, способная адаптироваться к динамике развития проблемной ситуации;
- модель управления психической и физической активностью населения, оперативно моделирующая поведение людей в зависимости от сложившейся ситуации с учетом их психофизиологических особенностей.

Аппаратное обеспечение ситуативного центра управления чаще всего включает в себя следующие составляющие.

1. Системы мультитекранного отображения данных разного вида (электронные карты, видеоизображения, графики и диаграммы, текстовая документация в электронном виде, таблицы) на экран коллективного пользования (видеостена, проекционная установка). Благодаря модульной конструкции система может конфигурироваться индивидуально под конкретные помещения и задачи. Ключевым свойством экрана коллективного использования являются разрешающая способность и информационная емкость, позволяющие представлять на одном экране множество «окон», которые содержат изображения, поступающие из разнообразных источников. Необходимые средства визуального отображения информации подбираются в зависимости от размеров помещений и их конфигурации. Это могут быть системы прямой и обратной проекции, видеостены, плазменные и ЖК-экраны, интерактивные доски. Также может быть реализована возможность просмотра видео- и графических материалов из DVD-проигрывателей и компьютеров.

2. Средства видеоконференцсвязи включают систему озвучивания и видеонаблюдения и позволяют передавать видеоизображение и звук участникам совещания или конференции независимо от них месторасположения. Система озвучивания является одним из важнейших элементов конференц-зала. Основное требование к ней – это четкость воспроизведения речи и равномерность ее звучания по всему залу. В ее состав входят дискуссионная система, усилитель мощности, акустические системы и источники звука. Дискуссионная система обеспечивает удобную работу участников совещания с помощью индивидуальных пультов и автоматического наведения видеокамеры на выступающего.

3. Электронные средства оперативного введения и вывода графических данных используются для моделирования и анализа возможного развития ситуаций, построения прогнозов на базе соответствующего программного обеспечения и вычислительных мощностей. Компьютерный парк в данном случае в значительной степени определяется заданиями СЦ, но, как правило, машинный парк СЦ легко может достигать десятков единиц, таких как графический контролер, рабочие станции подготовки и ввода /вывода информации, серверы хранения данных и т.п.

4. Интерактивный дисплей, предназначенный для нанесения в ходе обсуждения рассмотренных ситуаций пометки на сенсорном экране графическими средствами.

5. Интегрированные системы управления, необходимые для технологически сложных комплексов, где для профессионального управления состоянием объекта управления требуется одновременное переключение множества устройств. Использование интегрированных систем управления дает возможность контролировать все оборудование СЦ с экрана универсальной сенсорной панели. В интегрированной системе управления задаются цели сценариев, и при нажатии кнопок на сенсорной панели система выполняет поток управленческих действий (переключением входов-выходов коммутаторов сигналов подключаются источники, активируется система конференцсвязи и т.д.). Все необходимые сценарии работы оборудования предварительно программируются специалистами СЦ. Пользователь видит только интуитивно понятный интерфейс управления системами СЦ и активирует соответствующий сценарий работы оборудования простым прикосновением к сенсорной панели.

В учебной практике более целесообразно использовать распределенный ситуативный центр, который представляет собой сеть ситуативных центров и позволяет первым лицам государственных учреждений и ведомств наладить эффективное управление и непрерывный обмен информацией со всеми структурными подразделениями при проведении различных производственных мероприятий, решении текущих оперативных задач и ликвидации чрезвычайных кризисных ситуаций независимо от их местонахождения. Основные задачи этого центра — мониторинг состояния объекта управления; поддержка оперативных решений, прогнозирование развития ситуации на основе аналитической обработки информации, моделирование последствий управленческих решений на базе использования информационно-аналитических систем; экспертная оценка принятых решений и их оптимизация; управление ликвидацией чрезвычайных и кризисных ситуаций; руководство сложными производственными мероприятиями; проведение плановых выездных мероприятий; руководство и управление событиями удалено и непосредственно на месте; координация работы и обмен информацией между стационарными и передвижными центрами управления; обеспечение комфортабельных условий работы для должностных лиц и персонала, в том числе на месте события.

Распределенный СЦ включает в свой состав стационарные ситуативные центры, мобильные пункты управления и виртуальные ситуативные центры. Стационарный ситуативный центр может быть реализован и как элемент распределенной инфраструктуры СЦ, и отдельно. Мобильные пункты управления — это мобильный ситуативный центр, предназначенный для повышения эффективности управления непосредственно на месте события, в том числе при ликвидации последствий кризисных ситуаций, оснащенный современным инфокоммуникационным оборудованием, обеспечивающим оперативное перемещение и развертывание, а также комфортные условия для работы и отдыха персонала. Мобильный пункт управления может быть создан на базе различных транспортных средств: автобусов, железнодорожных вагонов, автомобилей повышенной проходимости, самолетов, катеров и т.п. Дальнейшим развитием идеи мобильного пункта управления является создание виртуального ситуативного центра на базе распределенной группы экспертов.

Виртуальные ситуативные центры предназначены для повышения эффективности, качества и скорости принятия решений и основаны на методике управления коллективным разумом распределенной группы экспертов, они строятся на основе

информационно-коммуникационных технологий дистанционного взаимодействия, в т.ч. процессов поиска, сбора и, анализа потоков информации, и использования методов гибридного интеллекта. Технологии виртуальных ситуативных центров базируются на оптимизации следующих трех факторов интеллектуальной деятельности распределенной группы экспертов: организационный фактор – готовность к инновациям, работа в группе, гибкость, адаптация и т.п.; информационные технологии – сетевые коммуникации, управление данными, знаниями и информацией, системы гибридного интеллекта; человеческий фактор – управление знаниями, креативность, лидерство, информационная культура, интуитивное мышление, мотивация.

Ведущей проблемой остается построение системы оценивания профессиональных компетенций государственных служащих. Высокий показатель валидности оценки компетенций предоставляет применение комплекса методов [7], в который входят следующие: наблюдение за действиями управленца при имитации управленческих ситуаций; психологическое тестирование и тестирование способностей (выполнение заданий за ограниченное время), личный опрос относительно стилей поведения в определенных ситуациях; экспертное оценивание в ролевых и деловых играх; способность решить проблему в групповых дискуссиях и индивидуальных деловых задачах (работа с документами и принятие решения по определенной проблеме); проведение аналитических презентаций и выступлений; упражнения на сбор информации, консультирование и коучинг.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Подытоживая вышеизложенное, отметим, что исследование состава профессиональных компетенций государственных служащих относительно поиска, принятия и внедрения управленческих решений и влияния на них свойств личности государственного служащего в контексте архетипики позволит сформировать инновационную систему образования и повышения квалификации руководящих кадров государственной службы, в которой центральное место будут занимать распределенные, стационарные и мобильные учебные ситуативные центры управления. Наличие высокопрофессиональной государственной службы служит важнейшим фактором развития и укрепления целостности государства, социально-политической стабильности общества и стратегической составляющей обеспечения высокого уровня качества жизни граждан.

Перспективой дальнейших разведок является разработка методики оценивания профессиональных компетенций государственных служащих, в частности в сфере принятия и внедрения управленческих решений.

Литература:

1. Новаченко Т.В. Архетипова парадигма авторитету керівника : монографія / Т.В. Новиченко ; за наук. ред. Е.А. Афоніна. – Ніжин ; Київ : видавець Лисенко М.М., 2013. – 320 с.
2. Афонін Е.А. Психокультура України: «помаранчевий перехід» / Е.А. Афонін, О.А. Донченко, В.О. Антоненко // Соціальна психологія. – 2006. – № 4. – С. 77–93.
3. Бакуменко В.Д. Формування державно-управлінських рішень: Проблеми теорії, методології, практики : монографія / В.Д. Бакуменко. – К. : вид-во УАДУ, 2000. – 328 с.
4. Матеріали сайту ТОВ «Інтерруссофт»[Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://ta.interrussoft.com/s_centre.html.
5. Матеріали сайту компанії-розробника програмного забезпечення ЗАТ «Делайт2000» [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.delight2000.com>.
6. Бакин В. Ситуационные центры в системе управления органов власти [Электронный ресурс] / Владимир Бакин // Connect! Мир Связи. – 2011. – № 8. – Режим доступа : <http://www.ситцентр.рф/pressa/bakin.pdf>.
7. Спенсер Л. Компетенции на работе / Л. Спенсер, С. Спенсер. – М. : НРРО, 2005. – 384 с.

**МАЛЮСКАЯ
Виктория,
MALYUSKA
Viktoriia,**

кандидат наук
государственного
управления,
доцент кафедры
государственного
управления и
менеджмента
Национальной академии
государственного
управления при
Президенте Украины,
г. Киев.

Аннотация:

Рассмотрены особенности духовного подхода при осуществлении государственного управления и государственно-управленческих отношений в контексте современных преобразований на трансформационном этапе государственных процессов. Определены основные подходы и направления относительно развития института государственного управления с учетом духовных подходов в контексте современной парадигмы социально-ориентированного государственного управления.

Ключевые слова:

духовность, духовно-ценностные ориентиры, сакральная культура.

УДК 351.758.5:322.2

ДУХОВНЫЕ ОСНОВАНИЯ РАЗВИТИЯ УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА: АРХЕТИПНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

Постановка проблемы. Особенностью современных преобразований в обществе и государственном управлении является ориентация на материальные блага и концепция потребления; современный человек ориентируется больше на концепцию получения, чем на концепцию отдачи и жертвенности. В то же время стоит отметить, что в обществе и государственном управлении действуют законы, в основе которых наибольшую и наиболее весомую роль играют вопросы духа и духовности.

Процессы преобразований и духовного развития остаются в стороне от как научных, так и практических исследований. В то же время формирование основополагающих аспектов развития общества связано с субъектом, который является трисложной частью общества. У человека есть душа, дух и тело. соответствующие компоненты нуждаются в своем развитии и удовлетворении потребностей. При отсутствии развития одной из составляющих начинаются паразитические процессы, которые оказывают отрицательное влияние как на субъекта, так и на формы его жизнедеятельности. Важным в современном обществе становится вопрос удовлетворения не только материальных, а и духовных потребностей для развития человека, государственного управления и государства.

Анализ последних исследований и публикаций. Актуальным вопросом государственного управления в целом и государственного управления с учетом духовных принципов посвящены многочисленные исследования украинских и зарубежных специалистов в разных сферах научного знания, в частности в отрасли государственного управления – работы В. Бондаренко, В. Климова, Ю. Кальныша, О. Кудрявцева, Р. Небожука, М. Новиченко, С. Семина, Т. Тесли, М. Трофимчука, М. Шахова; религиоведения и философии – М. Бабия, Б. Боцюркива, В. Еленского, М. Заковича, С. Здиорука, А. Колодного, П. Косухи, А. Красикова, М. Мариновича, А. Нурулаева, Ф. Овсиенка, Ю. Решетникова, О. Сагана, Ф. Сисина, О. Уткина, С. Фирсова, Л. Филипович, П. Яроцкого; правовых наук – М. Васина, А. Деркача, Г. Друзенка, А. Залужного, Г. Криловой, И. Куницина, П. Рабиновича, В. Речицкого, А. Себенцова, С. Феррари, Й. Фишера, Г. Моцкина; политологии – М. Бурдо, С. Рамета, П. Мойзеса, О. Шубы, Л. Хомера и др.

Развитие общества тесно связано со многими процессами. Сочетание социального и экономического компонентов и духовных принципов требует учета контента государственного управления для осуществления новейших преобразований. Изменение ценностных подходов и представлений нуждается в изменении сознания, а изменение последнего необходимо для формирования не потребительского восприятия мира, а ценностно-цивилизационного, которое характеризуется пониманием первооснов духовности, а не материальных благ в общественном строе. На сегодня общество все большее значение уделяет материальным благам и все меньшее значение – понятиям духовности. В данном контексте важно показать и обосновать цивилизационный духовно-ценностный подход и его ключевую роль в развитии общества, государственного управления и государства в целом.

Цель статьи – осветить особенности построения украинского общества с учетом принципов духовно ориентированной парадигмы государственного управления.

Освещение основного материала исследования. Формирование человека происходит в течение всей его жизни. На ранних этапах происходит закладывание основных добродетелей и ценностей. В дальнейшем они требуют своего развития. Особым в данном разрезе является вопрос государственной службы и государственного управления как высшей надстройки общественной жизни.

Духовный вакуум, мировоззренческий хаос и ориентация на бездушный интелектуализм за последние десятилетия охватили национальную систему образования. Необходимость коренного реформирования современного образовательного пространства связана с идеей возврата к главному принципу развивающей педагогики – приоритету духовно-воспитательных ценностей над материально экономическими. Эта идея традиционно содержится в религиозных и культурологических направлениях философии образования. Ее развивали педагоги, опиравшиеся на традиционные для нашего общества научные основы педагогического искусства. Так, Константин Ушинский писал: «Мы смело высказываем убежденность в том, что влияние духовное составляет главную задачу воспитания, которая намного важнее, чем развитие ума вообще и наполнение головы знаниями».

Наряду с этим на современном этапе становления и развития личности в обществе и государстве продолжает развиваться ошибочное представление о секуляризованном человеке, который игнорирует духовные фундаменты (основы) своего бытия.

По мнению классической педагогики, психологии и медицины, ведущих отечественных и международных экспертов в данных сферах, у человека существует глубинная потребность в трансцендентном, в существовании Высших Добра и Справедливости. И это неслучайно, поскольку в своем историческом развитии человек возникает, прежде всего, как homo religiosus. Поэтому воспитание – это, в первую очередь, передача следующим поколениям традиционной духовной иерархии ценностей, благодаря которым были сформированы наилучшие достижения отечественной культуры.

XXI век ООН назвал «Веком человека». Человек превращается в реального субъекта своей жизни. В этом смысле перед образованием возникает задача не только интеллектуального развития выпускника учебного заведения, овладения им необходимыми знаниями и компетенциями, но и формирование духовно стимулирующих принципов его дальнейшего жизненного пути.

Согласно Концепции национального воспитания студенческой молодежи «Роль государства в национальном воспитании заключается в координации усилий всех институтов общества, обеспечении единства и приоритета общегосударственных и национальных интересов. Национальное воспитание – это система взглядов, убеждений, идеалов, традиций, обычаев, создаваемая на протяжении веков украинским народом и призванная формировать мировоззренческие позиции и ценностные ориентиры молодежи, которая реализуется через комплекс соответствующих мероприятий. Ответом на вызовы современного мира должно стать национальное воспитание студенческой молодежи, которая будет формировать ядро украинской интеллигенции на основе национальной идеи».

Национальная идея объединяет и консолидирует общество, способствует выработке активной жизненной позиции молодого человека, становлению его как личности. Национальный характер воспитания заключается в формировании человека как гражданина Украины независимо от его этнического и социального происхождения, вероисповедания и предусматривает создание сообщества самодостаточных людей, которые объединены национальной идеей и берегут свои ценности и свободы» [1].

В данном контексте важной составляющей наряду с учебной функцией является вопрос духовно-стимулирующего воспитания. Духовно-стимулирующее воспита-

ние – это организованный педагогический процесс, направленный на способствование духовному становлению и росту личности, овладение и принятие ценностей, укорененных в тысячелетнем наследии христианской культуры. Преподавателю необходимо комплексно применять весь арсенал педагогических приемов и педагогического мастерства, подавать личностно-ориентированные примеры собственных характера и поведения, убедительно доказывающие силу и влияние духовно-ценностных достояний человека для его самореализации. Ориентиром для роста в духовно-ценностном направлении должны стать фундаментальные ценности, апробированные и усвоенные человечеством в течение истории. В современном секуляризованном мире все большее значение приобретает материальная составляющая развития общества, но каждый человек как личность осознает потребность и тянется к высшим идеям. Поэтому вполне уместной в образовательном процессе будет становиться история государства, длительное время опиравшаяся на христианскую культуру и христианские ценности.

Во время подготовки государственных служащих будет не лишним уделить внимание гармонизации на принципах двухтысячелетней христианской культуры и цивилизации духовного пространства образовательной среды – пространства ценностного взаимодействия субъектов воспитания: слушателей, научно-педагогических работников высшего учебного заведения (внутреннее пространство) и органов государственной власти (внешнее пространство).

В данном контексте актуализируется вопрос системы духовно-образовательного воспитания и развития, которое заключается во всестороннем содействии созданию познавательной среды, в формировании духовного мировоззрения и в росте качественно образованной, высокодуховной, творческой личности путем изучения наилучших образцов опыта отечественного благочестия. Кроме того, не менее важна прививка базовых принципов традиционных добродетелей христианской культуры, которые исторически сформировались на фоне святоотеческого предания и были освящены примером личного поступка выдающихся соотечественников [2].

Для достижения цели, которая заключается в развитии духовных ценностей на основе христианской культуры, необходим учет аксиологического содержания воспитания духовного сознания личности государственного служащего.

Содержание воспитания концентрируется вокруг базовых национальных ценностей. В педагогическом контексте каждая из них формулируется как вопрос, поставленный личностью к себе самой. Это воспитательная задача, на решение которого направлена учебно-воспитательная деятельность. Каждая из базовых ценностей, педагогически определенная как вопрос, превращается в воспитательное задание. Базовые ценности не локализованы в содержании отдельного учебного предмета, формы или вида образовательной деятельности, они пронизывают весь спектр учебных планов и дисциплин. Также данный подход должен быть присущ всему учебному процессу, процессу профессионального функционирования личности государственного служащего, раскрывать всю ее многоплановость и разнообразность задач.

Система базовых национальных ценностей создает смысловую основу пространства духовно направленного развития личности. В этом пространстве по мере формирования духовной культуры человека постепенно нивелируются барьеры между отдельными предметами, между профессиональной деятельностью и семьей, школой и обществом, школой и жизнью.

Все определенные выше структурные составляющие способствуют формированию и пониманию того, что для развития и приумножения духовных ценностей необходимо введение в систему подготовки, переподготовки и повышения квалификации государственных служащих и личности должностных лиц местного самоуправления специальной дисциплины духовно ценностного направления. Эта дисциплина будет иметь не вероучительный, а культуротворческий характер, что не

противоречит Конституции Украины и нормативно-правовым актам украинского законодательства. Поэтому в данном контексте возникает объективная необходимость духовно-ценностной подготовки специалистов по нескольким направлениям. Также важной составляющей является подготовка преподавателей, слушателей и соискателей научных степеней по духовно-ценностным направлениям.

Нами предложены следующие три составляющих подготовки государственных служащих в контексте духовно-ценностного подхода:

1. подготовка преподавателей для системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации государственных служащих путем введения дисциплины «Духовно-ценностные подходы и христианская этика в государственном управлении»;
2. подготовка слушателей различных форм обучения и специальностей путем изучения дисциплины «Духовно-ценностные подходы и христианская этика в государственном управлении»;
3. подготовка соискателей научной степени посредством проведения занятий духовно-ценностного направления и введения дисциплины «Духовно-ценностные подходы и христианская этика в государственном управлении».

Целью такого нововведения должны стать «становление и развитие личностных духовно-ценностных принципов христианской этики». Методологической основой дисциплины должны стать принципы андрагогики, которые рассматривают образование в контексте жизненного пути человека и исходят из отношения к личности как к наивысшей ценности общественного развития, опираются на индивидуальные особенности человека и развивают его способность работать в команде.

Первая составляющая предложенной системы – подготовка преподавателей – предусматривает проведение в контексте повышения квалификации преподавателей Академии специального учебного курса (раз в 3 года) духовно-ценностного направления. Этот курс будет включать как теоретическую компоненту, так и практико-ориентированную составляющую изучения духовного достояния.

Значительный акцент во время преподавания этой дисциплины сделан на христианском подходе, поскольку христианская культура – чрезвычайно важная часть мировой и отечественной культуры. Знакомство с ней в вузе основано на знаниях, полученных во время изучения учебных курсов по культурологии, религиоведению, философии, истории, этике, эстетике и искусству. Однако эти знания, образуя определенную мозаичность, не складываются в целостную систему видения христианской культуры, не дают последовательного представления о ее содержании, цели, задачах, проблемах и достижениях.

Спецкурс относится к мировоззренческим дисциплинам. Однако он является принципиально не идеологическим и не вероучительным, а культурологическим, что отвечает статьям Конституции Украины о свободе совести и об отделении школы от церкви. Он способствует пониманию христианской культуры как наивысшего духовного подъема в истории человечества. Срочная потребность в учебной дисциплине такого содержания в вузе определяется своеобразием общекультурной ситуации, сложившейся в нашем обществе. Для поддержания духовной безопасности в условиях углубления морального кризиса и все растущей активизации разнообразных деструктивных организаций, которые под прикрытием духовного «просветительства» деморализуют общество, предлагая ему суррогаты вместо высокой культуры, осознается необходимость предметного ознакомления государственных служащих с христианскими ценностями, под положительным влиянием которых в течение тысячелетий формировалась и развивалась украинская нация [3].

Спецкурс разработан в духе традиций отечественного гуманитарного образования, где исторически связываются наука, философия и богословие. Такое единство рационально-логического, чувственно-эмоционального и волевого восприятия положительно влияет на развитие целостного, масштабного, а не дискретного мышления.

Содержание курса приближенно к личным интересам современной личности: творческим, морально-этическим, религиозным, правовым и т.п. Основу активных форм обучения составляет «смысловой диалог» преподавателя и слушателя, который способствует успешному усвоению учебного материала. Особенностью спецкурса является то, что он дополняет цикл гуманитарных дисциплин и помогает интегрировать полученные в течение обучения знания в единую мировоззренческую систему. Проблематика спецкурса содержит в себе воспитательный потенциал, способствует определению приоритетных ценностей для украинской общественности и отдельной личности.

Важно сочетание религиозных и светских подходов во время осуществления учебной и воспитательной деятельности, а одна без другой невозможна, поскольку процесс обучения очень тесно связан с воспитательным процессом. Как утверждает академик РАН Валерий Локтионов, «Истинное нравственное воспитание существует только в тесном и неразрывном единстве с религиозным образованием и воспитанием, и ни о каком-либо нравственном воспитании вне религии не может быть и речи» [4].

Нами предложена такая приблизительная структура дисциплины с ориентировочным названием «Духовно ценностные подходы и христианская этика в государственном управлении».

Целью учебной дисциплины является формирование нового гуманистического мышления, которое является условием создания любой культуры, обогащение слушателей духовно-этическими знаниями, возрождение жизнеутверждающего мышления и приобретения поступкового опыта на основе христианского вероучения, формирование духовно-ценностной позиции средствами христианского наследия.

Дисциплина «Духовно-ценностные подходы и христианская этика в государственном управлении» имеет междисциплинарный характер, она интегрирует в соответствии со своим предметом знания из других образовательных и научных отраслей, а именно истории Украины, мировой истории, богословия, религиоведения, украинской и мировой культуры и литературы и государственного управления.

Ориентировочный тематический план дисциплины:

1. христианская картина мира;
2. понятие, сущность и содержание христианской этики; духовность и духовные ценности;
3. 10 Заповедей Божьих – моральная основа жизни человека и опора в профессиональной деятельности;
4. церковь и государство; взаимодействие Церкви и государства в Византийской империи;
5. культурологическая практика христианства.

Дополнительная лекция для преподавателей – «Христианская педагогика, ее принципы и значение для светского учебного заведения». Дополнительная лекция для слушателей – «Учебные заведения христианского духовно-богословского направления в Украине и мире». Дополнительная лекция для соискателей научной степени – «Наука и религия – единство духа в союзе мира».

Введение данной дисциплины в систему подготовки, переподготовки и повышения квалификации государственных служащих, должностных лиц местного самоуправления, научно-педагогических работников и слушателей предоставит возможность формирования качественно новой парадигмы государственной службы и государственного управления на принципах духовно-ценностных ориентиров и на традициях христианской культуры посредством изучения культурологического достояния христианства, которое органично присуще украинскому народу. И в данном контексте Национальная академия государственного управления при Президенте Украины станет априорным учебным заведением с новейшим подходом к формированию класса государственных служащих, поскольку Академия является

главным заведением в системе подготовки, переподготовки и повышения квалификации государственных служащих, а главной задачей Академии является подготовка высокопрофессиональных, инициативных, ответственных кадров, способных осовременить деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления, компетентно и ответственно исполнять управленческие функции, внедрять новейшие социальные технологии. В то же время стоит отметить, что профессиональная подготовка должна гармонично сочетать в себе и ценностную подготовку, для осуществления которой Национальная академия имеет все необходимые ресурсы: научно-педагогические, материальные и др. и может в этом контексте проводить курсы повышения квалификации в ценностном направлении для различных государственных структур и учебных заведений, не проводя кардинальных институциональных преобразования. Так, она может сотрудничать со всей системой государственной службы и такими ее составляющими, как Национальное агентство по вопросам государственной службы, территориальные органы Национального агентства по вопросам государственной службы, областные центры переподготовки и повышения квалификации работников органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных предприятий, учреждений и организаций [5]. Сотрудничество с этими институтами может быть аккумулировано в контексте ценной компоненты обучения.

Необходимость духовно-ценностной подготовки связана с тем, что общество, ориентирующееся на материальные блага и пренебрегающее духовными ценностями, может себя уничтожить. В то же время соблюдение и ориентирование на духовно-ценностный подход и христианскую этику, положения которой отображают адекватное состояние существования общества и привлекают внимание человека к вечным добродетелям, будут способствовать гармоничному развитию общества.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Соблюдение духовных истин на основе христианской культуры и этики поможет ликвидировать и избежать многих проблем общества, которые на сегодня являются грузом и общественной нагрузкой. Возвращение к духовно-ценностным ориентирам должно способствовать формированию качественно нового типа человека – человека духовно-ценностного – на основах христианской культуры, ценности которой отображают общечеловеческие ценности высшего порядка. В то же время остаются актуальными дальнейшие разведки относительно практических механизмов воплощения принципов духовности в жизнь общества на всех уровнях.

Литература:

1. Тернопільський Б. Релігійна свобода і релігійні права в контексті державно-церковних відносин [Електронний ресурс] / Б. Тернопільський // Державне управління: теорія та практика. – 2007. – Вип. 2. – С. 23–28. – Режим доступу : <http://www.nbu.gov.ua/l-journals/Dutp/2010-2/txts/Ternopilskiy.pdf>. – Заголовок з екрана.
2. Актуальні проблеми державно-церковних відносин в Україні. – К. : [б. в.], 2001. – 242 с.
3. Релігійна свобода і права людини. Правничі аспекти : у 2 т. – Львів : [б. в.], 2001. – Т. 1. – 230 с.
4. Деркач А.Л. Государственно-церковные отношения / А.Л. Деркач. – К. : Издат. отдел УПЦ, 2009. – 320 с.
5. Дуда Н.М. Світові релігії : навч. посіб. для студ. вищ. навч. закл. III–IV рівнів акредитації / Н.М. Дуда, О.О. Тарасенко ; Нац. лісотехн. ун-т України ; каф. соціології та культурології. – Львів : ЗУКЦ, 2008. – 200 с.

**МЕРКОТАН
Екатерина,
МЕРКОТАН
Kateryna,**

кандидат политических
наук, независимый
исследователь,
г. Борне Сулиново,
Республика Польша.

Аннотация: статья посвящена проблемам власти и демократии в современной Украине. Анализируется опыт применения различных архетипов в создании предвыборного имиджа Президента Украины. Рассматривается архетип героя как эффективная модель воздействия на массовое сознание. Подчеркивается насущная необходимость формирования в Украине действенной власти и демократии.

Ключевые слова:
архетип, власть,
архетип героя,
демократия в Украине.

УДК 321.7

Екатерина МЕРКОТАН

АРХЕТИПЫ ВЛАСТИ И СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Постановка проблемы. События, происходящие в Украине начиная с ноября прошлого года, заставляют в очередной раз переосмысливать основы государственности, политический режим, значение власти и гражданского общества.

Ситуация настолько обострена, что просто трудно теоретически рассуждать о будущем нашего государства и его территориальной целостности. Вместе с тем необходимо проанализировать то, что произошло, и попытаться наметить дальнейшие шаги выхода Украины из кризиса и налаживания нормальной (стабильной) жизни.

При нынешних обстоятельствах Украинское государство должно ответить как на внутренние, так и на внешние вызовы времени. Ответ должен быть однозначным, потому что различные колебания, неопределенность или многозначность могут способствовать разрушению государственности вплоть до потери независимости.

К сожалению, такой неутешительный сценарий не обоснован. Последние события свидетельствуют о том, что испытания независимости только начинаются, причем в экстремальных условиях. Евромайдан и гибель более 100 мирных лиц («Небесная сотня»); позорное бегство бывшего Президента Украины В. Януковича; сначала оккупация, а затем аннексия Крыма Российской Федерацией; массовые беспорядки в Донецке, Харькове, Луганске и других городах восточной Украины. Все это свидетельствует о слабости независимого Украинского государства, о хрупкости украинской демократии или, как метко отметил французский политолог Ж. Бешлер, о «дефиците демократии» [1]. Обычно такой дефицит возникает вследствие противоречия между идеалом демократии и его воплощением в жизнь.

Сегодня уже не возникает сомнений по поводу того, что вышеупомянутое противоречие на украинской территории требует своего безотлагательного разрешения. Идеалы демократии безжалостно уничтожены, расстреляны на Майдане. Суровая реальность заставляет пересмотреть так называемые демократические ценности и выстроить новую мировоззренческую (ценностную) концепцию демократического общества в Украине. Сложность заключается в том, чтобы создать действенную демократию, а не формальную. Последняя уже существует с 1996 года, то есть со времени принятия Конституции Украины. Впрочем, реальность оказалась далека от конституционных норм. И не потому, что Конституция Украины несовершенна, скорее из-за ее невыполнения.

Задекларированные демократические ценности – это только возможность демократии, а не сама демократия. В свое время В. Вильсон (президент США 1913–1921 гг.) метафорически заметил: «Если мужик может стать королем, не думай, что в королевстве уже демократия». Таким образом, лауреат Нобелевской премии мира стремился подчеркнуть важность формирования демократических традиций, культуры демократического управления, демократических ценностей.

Анализ последних исследований и публикаций. Для Украины проблема демократии была и остается весьма актуальной, так же, как и демократические модели политического поведения, политиче-

ского участия, политической культуры. Более того, государственная власть (как элемент демократии) не является механической совокупностью народных избранников, институтов и процедур государственного управления. Без ценностной составляющей, без политических традиций демократия остается теоретической конструкцией, далекой от политической реальности.

Именно поэтому в современном политическом дискурсе появляются многочисленные модели демократии (либеральная, консенсусная, партиципативная, плюралистическая, консолидированная, информационная, электронная, имитационная и т.д.). Все они указывают на те или иные трудности в развитии демократических процессов. Об этом свидетельствуют исследования зарубежных и отечественных ученых (Р. Даль, Р. Далтон, Дж. Сартори, Ф. Шмиттер, Т. Карозерс, К. Джанда, А. Лейпхарт, Л. Даймонд, М. Паренти, П. Лемье, А. Ковлер, Л. Сморгун, М. Ильин, Ф. Рудич, Н. Головатый, С. Телешун, Э. Афонин, В. Бортников, Н. Латыгина, А. Фисун и др.).

С методологической точки зрения каждая из вышеуказанных моделей раскрывает отдельные признаки и особенности демократического развития и не может служить для объяснения демократии как целостного явления. Поэтому возникает проблема теоретического инструментария для исследования демократии как политологической категории. Например, трудно анализировать так называемую «гибридную демократию» (каковой, по сути, является Украина), используя только признаки, присущие демократии. В результате без внимания остаются недемократические (авторитарные) процессы. В частности, использование административного ресурса на выборах, коррупция в органах власти и несоблюдение прав и свобод граждан являются признаками скорее гибридности, чем демократичности политического режима.

Сама же демократия призвана создавать условия для развития свободы и конкуренции во всех сферах и для всех участников общественной жизни. Достижение этой цели зависит от внутренних и внешних обстоятельств развития политических процессов, политических сил, особенностей политического поведения, политического опыта и политической конкуренции.

Изложение основного материала. В последнее время демократическая практика демонстрирует чрезмерную требовательность к соблюдению политических процедур, тем самым несколько уменьшая значение политической мотивации. Это не всегда позволяет правильно спрогнозировать направление развития демократических процессов. По меткому выражению американского политолога А. Пшеворского, такая демократия определяется как «определенность процедур при неопределенности конечных результатов» [2].

Следует отметить, что уровень «неопределенности» украинской демократии довольно высок и поэтому весьма опасен для дальнейшего ее развития. Как никогда актуальна проблема общественного договора и перевод в правовое поле (институционализация) процедур урегулирования конфликтов и обеспечения относительной стабильности политической системы. Однако, учитывая право всех граждан на участие в принятии государственных решений, их последствия (результаты выборов, средства воздействия власти на общественность и общественности на власть и т.п.) порой непредсказуемы.

Таким образом, в условиях демократии конкуренция ограничена, а определенность политических процедур сочетается с неопределенностью результатов. В неопределенности результатов кроется основная функциональная слабость демократии – отсутствие действенных механизмов, предотвращающих приход к власти авторитарных и тоталитарных группировок. Вместе с тем уменьшить риски распространения авторитаризма представляется возможным, если соблюдать демократические процедуры (касается всех участников политического процесса).

Понятно, что это декларация на все времена. Впрочем, страны с длительной историей демократических традиций (США, западноевропейские страны) демонстрируют образцы действенной демократии. Речь идет, прежде всего, об эффективных

средствах взаимодействия власти и гражданского общества, что уменьшает риски неопределенности демократии.

В последнее время популярными стали исследования по определению демократических рейтингов, индексов демократии и т.п. Учитывая повторяемость таких исследований и авторитетность исследовательских организаций, выработанные критерии демократичности могут служить существенным основанием для определения уровня демократии и выявления проблем демократического развития.

В частности, компания «The Economist Intelligence Unit» (аналитическое подразделение британского журнала «Economist») исследует индекс демократии, используя пять критериев демократизации, а именно уровень электоральных процессов и плюрализма, функционирования правительств, политического участия, политической культуры и соблюдения гражданских свобод [3]. Такое сочетание сущностных признаков демократии позволяет выявить уровень готовности гражданского общества и государства к демократическим преобразованиям, их индивидуального и коллективного восприятия. Более того, становится понятна взаимосвязанность политических, экономических, правовых и других процессов, что делает возможным создание качественных прогностических моделей развития демократии [4, с. 120].

Известная международная неправительственная организация «Дом свободы» (Freedom House – FH) исследует демократию по семи критериям: электоральный процесс, гражданское общество, независимые СМИ, демократическое правительство, демократическая местная власть, независимое правосудие, уровень коррупции. Согласно вышеупомянутым критериям FH уровень демократии в Украине в 2012 году составлял 4,86 по семибальной шкале (1 – самый высокий уровень, 7 – самый низкий уровень демократии) [5]. По результатам исследования «Freedom in the World» [6] ситуация в Украине в 2013 г. по понятным причинам выглядит довольно пессимистично. Во-первых, Украина определяется как частично свободное государство; во-вторых, показатели уровня демократии снижаются (политические права – 4, гражданские свободы – 3); в-третьих, отмечается тенденция негативных изменений; в-четвертых, Украина оценивается международными экспертами лишь как электоральная демократия.

Кажется, что Украина все еще на пороге демократических перемен. Собственно «дверь» демократии давно открыта. Вот только Украина чувствует себя недостаточно уверенно. Да и сама демократия по-украински – это только бодрияровский симулякр, имитация формы, лишенная содержания.

В начале 1990-х гг. будущее Украины выглядело довольно оптимистично. Украина имела реальные шансы создать новое, действительно демократическое государство, но, увы, получила демократический симулякр. Присутствуют формальные признаки демократичности, которые, к сожалению, не превратились в атрибуты демократии. Парламент, избирательная система, многопартийность, институт гражданского общества – все это существует более 20-и лет, а демократия, как и прежде, остается в зачаточном состоянии. Более того, нынешняя, даже формальная демократия под большой угрозой.

Следовательно, продолжительность демократического симулякра ограничена. Ярким доказательством этого стали трагические события в разных регионах Украины в результате обострения противоречий между властью и гражданским обществом. Страна осталась на некоторое время без власти и стала мишенью для внешних захватчиков.

Почему же власть, а именно Президент Украины Виктор Янукович, тоже оказался симулякром? Важно понять, что спровоцировало такое поведение главы государства. Это частный случай или симптом незрелого демократического правления?

Собственно ответы на эти вопросы не лежат на поверхности. Их следует искать в глубинных пластах человеческой психики на уровне коллективного бессознательного. Там можно найти прообразы современной власти, наделенной сакральными

чертами. Речь идет о так называемых архетипах власти, которые позволят понять поведение действующих украинских политиков.

Архетипы, или «первичные модели» (К. Юнг) побуждают людей к определенному восприятию и переживанию определенных событий. Прежде всего это предрасполагающие факторы, под влиянием которых люди реализуют универсальные модели в своем собственном поведении. Врожденной является лишь тенденция реагировать эмоционально на конкретные ситуации, например на рождение или смерть, на измену, любовь или ненависть и т.д. В любом случае архетипическое поведение всегда окрашено эмоционально (положительно или отрицательно). При этом уровень эмоционального переживания выталкивает коллективное бессознательное из недр человеческого опыта и актуализирует его в сознании отдельной личности.

В современном политическом пространстве использование архетипов стало довольно распространенным явлением. На сегодня некоторые сферы политической жизни, а именно политический консалтинг, политический маркетинг и политический брендинг, уже трудно представить без так называемого «архетипического» инструментария, ведь для конструирования политической реальности архетип как символическая форма бытия служит убедительным средством воздействия на общественное сознание. При умелом сочетании с удачно созданным политическим мифом архетипы монтируются в современную политику и становятся действенным аргументом, в частности в формировании имиджа политического лидера. Наибольшее значение архетип как политическая технология приобретает во время избирательных кампаний, особенно президентских.

Сначала кандидаты в президенты, а затем избранный президент охотно используют архетип Героя, наполняя его положительным содержанием. Собственно героизм – это человеческое качество, которое мотивирует политических лидеров и власть в целом. Герой является архетипическим образом, который воспринимается как своеобразная форма персонификации сакрального мира. Архетип Героя, воплощенный в политической мифе, становится идеальным образом мира политики. Теоретическое подтверждение этому находим в трудах М. Винока, М. Озуф, А. Труайя, Д. Бурстина, Б. Майрофа и др.

На основании описанных К. Юнгом архетипов (анима, анимус, персона, тень, мудрец, самость и др.) можно выделить архетипы украинской власти как определенные символы украинского политикума. Не последнюю роль в этом процессе играют личности народных депутатов и президентов независимой Украины. Все они охотно, сознательно или бессознательно, использовали для создания новой модели украинского политического бытия, в частности, архетип Героя. Собственно схема героического мифа выступает определенной матрицей политического дискурса так называемой «обновленной» Украины.

В целом героизм как модель коллективного бессознательного приобретает особое значение на переходных этапах развития страны. Учитывая длительный переходный период к независимости (который еще не закончился), в Украине приобретают популярность политические мифы, главными персонажами которых становятся герои разного сорта: спасители, создатели, мессии и др. Каждый из них является олицетворением символического мира политики, который преимущественно оторван от реальной жизни. Однако с помощью определенных мифологем политик (или политтехнолог) выстраивает алгоритм политического поведения по образцу действия богов и героев, а само воспроизведение героического архетипа легитимизирует деятельность того или иного политика. Собственно, подтверждается концепция выдающегося исследователя мифов М. Элиаде о ритуальности человеческой деятельности. Политика является ярким примером ритуальности, принесения себя в жертву ради будущего. Правда, жертвами в основном становятся рядовые граждане...

Каждый Президент Украины, начиная с Л. Кравчука и заканчивая В. Януковичем, пытался стать «пророком в своем отечестве», великим реформатором, собственно Ге-

роем. Об этом свидетельствуют масштабность и пафосность их предвыборных программ. Анализируя указанные документы¹, не возникает сомнений в их преувеличенности, несоответствии реальности задекларированным обещаниям. При этом одни и те же обещания повторялись от выборов к выборам, а в период между выборами президенты почему-то о них забывали. В 1991 г. Л. Кравчук впервые пообещал гражданам Украины создать крепкое экономическое государство, «эффективную систему трудоустройства, нетрудоспособным – социальную защиту и помощь со стороны государства», возродить украинское село, интегрироваться в европейское и мировое экономическое пространство и т.д.

Л. Кучма продолжал обещать лучшую жизнь в Украине в течение двух следующих президентских сроков (1994–2004 гг.). Как ни странно, но кучмовские обещания не очень отличались от кравчуковских. В частности, предвыборная программа 1999 г. включает уже знакомые разделы: «За эффективную власть», «Построим социально ответственное государство», «К экономике благосостояния», «В согласии с миром». Опять читаем о «надежных гарантиях для работающих», о «адресной помощи для социально незащищенных», о новых возможностях для украинского села.

В последнем разделе программы Л. Кучмы появляется тезис о «стратегическом партнерстве с Россией». Однако вряд ли можно установить прямую причинно-следственную связь между программным положением второго Президента Украины и нынешней оккупацией России украинских территорий.

Но так называемый «героизм» (читай – манипулирование общественным сознанием) первого и второго Президента Украины – это лишь «разминка» в сравнении с деятельностью В. Ющенко и В. Януковича. Их путь к власти проложен с помощью архетипов не только Героя, но и Трикстера и «архетипов трансформации». Это означает, что используются более изощренные средства манипулирования избирателями. Но неизменной остается цель – получить власть. В который раз читаем о создании новых рабочих мест (В. Ющенко обещал их пять миллионов!), о сильной экономике (у В. Януковича она определяется как действенная инвестиционно-инновационная модель развития), об обеспечении приоритетного финансирования социальных программ (В. Ющенко) и внедрении европейских стандартов социальной защиты (В. Янукович), о власти, которая будет работать для людей, о расширении прав и укреплении финансовой базы для эффективного самоуправления (В. Ющенко) и о расширении полномочий местных советов, максимальном устранении бюрократического аппарата от решения вопросов развития территориальных общин (В. Янукович).

И уже просто обязанность каждого последующего президента – несколько тезисов об украинском селе. Обещания В. Ющенко касались продажи земли для тех, кто на ней трудится, кардинального повышения уровня доходов крестьян, обеспечения справедливых закупочных цен на сельхозпродукцию, возобновления работы школ, клубов, фельдшерско-акушерских пунктов в каждом селе и т.п. В свою очередь, В. Янукович обещал реализовать национальную программу возрождения украинского села с юридической гарантией защиты земельных паев, со своевременной выплатой государственных дотаций отечественным сельхозпроизводителям и компенсацией процентов по кредитам инвесторам сельхозпроектов и т.п.

Как видим, архетип Героя в руках украинских представителей власти – это скорее «пророк», «мессия», «трибун». В целом это определенный символический феномен, определенный образец, которого обычно не существует в реальной жизни. Тем не менее, политики создают мифы о лидере-герое, а граждане охотно воспринимают эту сказку, потому что им хочется верить в светлое будущее.

Следовательно, архетипы власти структурно воспроизводят героические образцы коллективного бессознательного, при этом архетип Героя символически воспроизводит украинский опыт смены политической власти. Собственно, украинская по-

¹Предвыборные программы взято с веб-портала Центральной избирательной комиссии – www.cvk.gov.ua

литическая культура до сих пор утверждается за счет так называемых героических эпосов. И не важно, что современные «герои» уже не наделены магической силой Прометея или Геракла (как у К. Юнга), а в основном используют силу денег, подкупа, психологического давления и т.п.

Как правило, путь к власти тернист. Чтобы легче преодолеть «терновые заросли» политики создают свои героические легенды. В свое время Дж. Кэмпбелл проанализировал типичный путь Героя, используя понятие мономифа [7]. Герой вынужден каждый раз привлекать к себе внимание. Для этого у него под рукой всегда есть набор определенных символов и ритуалов, демонстрирующих его величие и триумфальное шествие ради спасения человечества. Обычно символика путешествия Героя направлена на создание так называемого национального мифа, который будет положен в основу программы действий (в случае победы на президентских или парламентских выборах). Существенным становится ритуальное дополнение путешествия, а именно героический обряд перехода из существующей политической реальности в новую символическую реальность новым героем (читай – новым президентом, новым парламентом, новым правительством).

Следует подчеркнуть, что вышеупомянутый Дж. Кэмпбелл подробно описал алгоритм становления и деятельности Героя (выход, инициация, возвращение). С помощью этого алгоритма можно проследить и понять, какой была мотивация того или иного политика, а также (что самое важное) спрогнозировать его дальнейшее поведение. Анализируя, например, «героическое поведение» Президента Украины В. Януковича, сразу возникает в памяти содержание «Тысячеликого Героя». На «выходе» – «зов путешествий и приключений», преодоление первых препятствий. Припоминаем, что жизненный путь Януковича начинался с неприятных приключений и тюремного опыта. Его «инициация» как «путь испытаний» вплоть до «вознаграждения в конце пути» – это дорога к президентству. Согласно Дж. Кэмпбеллу последний этап героического пути – возвращение, где одним из эпизодов становится «волшебный побег». Побег Януковича не был таким уж волшебным и вообще не таким, как описал его автор «Тысячеликого Героя».

Вместе с тем, симптомы «геройства» Януковича не являются уникальными. Они давно описаны известными исследователями архетипов и мифов. В частности, все тот же Дж. Кэмпбелл, описывая возвращение Героя, акцентирует внимание на вероятности его отказа от выполнения своих обязанностей. Сознательно отходя от содержания, заложенного Кэмпбеллом, привожу еще одну его цитату, словно списанную с последних дней президентства В. Януковича: «если трофей был добыт вопреки воле стражников сокровищ, или желанию героя вернуться в мир противостоят боги или демоны, тогда последняя стадия мифологического круга превращается в живую, в основном комическую погоню. Побег обрастает подробностями – всевозможными чудесами магических преград и уловок» [7, с. 122]. Если не знать, что «Тысячеликий герой» написан в 1949 году, может сложиться впечатление, что Дж. Кэмпбелл был лично знаком с В. Януковичем, потому что так ярко и удачно описал его побег из Украины...

Собственно на примере политической деятельности В. Януковича наблюдаем действие искаженного архетипа Самости. К. Юнг считал настоящей психической катастрофой случаи, когда Эго ассимилируется Самостью. Более того, «если Эго на время попадает под контроль бессознательных факторов, его адаптация нарушается, и открывается путь для различных случайностей» [8, с. 15]. Гипертрофированная Самость начинает искать выход через квазисознательные поступки политического деятеля. Герой превращается в Антигероя, т.е. архетип Тени или Трикстера, злого двойника Героя (по классификации архетипов К. Юнга). Впрочем, единичные превращения не есть олицетворение общественного зла, несмотря на дуальный характер мира в целом и архетипов в частности. Ведь политический мир служит ярким примером сосуществования противоречивых начал, а именно власть и оппозиция, демократы и консерваторы, друзья и враги, и т.д.

В целом проблема заключается не в том, что политики используют различные архетипы для создания своего имиджа, а в том, что используют их с манипулятивной целью. Надев ту или иную «персональную» маску, политик видоизменяет свой общественный портрет в соответствии с общественными требованиями. По К. Юнгу, «персона» должна производить впечатление на других или скрывать от других истинную сущность личности. Однако если данный архетип (персона) абсолютизируется, то человек (в нашем случае – политик) сосредоточивается обычно на одной роли (власть) и отчуждается от общества, создавая свой собственный символический мир политики.

В этом случае речь идет уже не о власти, а лишь об архетипах власти, а точнее об архетипическом брендинге [9]. Собственно архетипы используются как универсальные матрицы для конструирования политической реальности и восприятия политического товара. В результате политическая коммуникация тоже приобретает признаки символичности, граждане общаются уже не с политиками, а с политическими брендами. Понятно, что в такой ситуации эффективным становится использование архетипа Героя. Да и сущность власти тоже извращается, ее символичность неумолимо приближается к симулякрности.

Подытоживая изложенное, следует подчеркнуть настоятельную необходимость формирования в Украине действенной власти и демократии. Кровавые события в восточных и южных областях являются убедительным свидетельством того, что время симулякров прошло, что необходимо действовать быстро и решительно. Понятно, что не удастся в короткие сроки создать действенную власть и сформировать демократическое общество. Однако важно начать процесс демократических преобразований, не останавливаясь на формальных принципах, а идя дальше, воплощая задекларированные демократические ценности в жизнь. Это нужно самой Украине, а еще больше тем, у кого остались некоторые сомнения относительно целостности и независимости украинского государства. Наконец, чтобы каждый гражданин Украины смог сказать, как когда-то дальновидно отметил в своей предвыборной программе Л. Кучма: «Мы выстояли. Украина состоялась. Отныне – навсегда».

Литература:

1. Бешлер Ж. Демократия. Аналитический очерк / Ж. Бешлер ; пер. с франц. – М. : Наука, 1994. – 358 с.
2. Пшеворський А. Переходи до демократії / А. Пшеворський // Політологія : хрестоматія. – К., 2004. – С. 385–406.
3. Democracy Index 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://pages.eiu.com/rs/eiu2/images/Democracy-Index-2012.pdf>.
4. Меркотан К. Сучасна демократія: «зміна архетипів» чи переосмислення сутності? / К. Меркотан // Публічне управління: теорія та практика : збірник наукових праць Асоціації докторів наук з державного управління : Спеціальний випуск. – Х. : Вид-во «ДокНаукДержУпр», 2012. – С. 117–123.
5. Nations in transit 2013: Authoritarian Aggression and the Pressures of Austerity [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.freedomhouse.org/report/nations-transit-2013/nations-transit-2013-authoritarian-aggression-and-pressures-austerity>.
6. Freedom in The World 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://freedomhouse.org/sites/default/files/Freedom%20in%20the%20World%202014%20Booklet.pdf>.
7. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий Герой / Дж. Кэмпбелл ; пер. с англ. А. Хомик. – М. : Ваклер, 1997. – 230 с.
8. Юнг К.Г. ЭОН: Исследования о символике самости / К.Г. Юнг. – М. : Академический проект, 2009. – 340 с.
9. Марк М. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов / М. Марк, К. Пирсон ; пер. с англ. под ред. В. Домнина, А. Сухенко. – СПб : Питер, 2005. – 336 с.

Татьяна НОВАЧЕНКО

ИМПЕРАТИВЫ И МАКСИМЫ ЛЕГИТИМНОСТИ АВТОРИТЕТА СОВРЕМЕННОГО УКРАИНСКОГО РУКОВОДИТЕЛЯ КАК АРХЕТИПЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЗИДАНИЯ

Постановка проблемы. Новейшие тенденции современного общественного развития очерчиваются существенными изменениями, которые претерпевают теория и практика государственного управления. Все увереннее в обществе укореняются рациональность и гуманистическая аргументация государственно-управленческой деятельности. Для Украины своеобразным является то, что государственно-созидательный процесс происходит на фоне перехода от колониального статуса к независимости, самостоятельности в определении государственных приоритетов политического, социально-экономической и культурной жизни. Однако ни политика, ни экономика, ни технология, ни любая технологическая сторона цивилизации или ее культуры не могут соперничать с уровнем фундаментальности и относительной устойчивости, которыми характеризуются психика и психология социального субъекта. Иначе говоря, успех нынешних общественных реформ лежит в плоскости отношений, складывающихся между материальным и идеальным, внешним и внутренним, психическим и социальным в человеческой природе, а конфликты, сопровождающие общественные преобразования и реализацию государственно-политических решений, сосредоточиваются преимущественно в психокультуре политико-управленческой элиты и украинского общества [1]. Соответственно возникает возможность расширения взглядов на процесс государственного созидания благодаря тем или иным архетипам, которые указывают на глубинный уровень восприятия данного процесса.

Анализ последних исследований и публикаций. Исследованиям архетипов занимались Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс, К.Г. Юнг, В. Пропп, Е. Тайлор, Дж. Фрезер и М. Элиаде. Исследованию архетипов в отечественном научном дискурсе уделяют большое внимание Э. Афонин, Л. Бурлачук, Е. Донченко, С. Крымский, А. Мартынов, Ю. Романенко и др. Следовательно, учет архетипичности социальной жизни позволяет сформулировать обоснованные прогнозы и предоставляет возможность адекватной оценки выдающихся событий в жизни общества и поведения человека.

Целью данной статьи является обоснование императивов и максим легитимности авторитета современного украинского руководителя как архетипов государственного созидания.

Изложение основного материала. Авторитет руководителя в органах государственной власти должен выстраиваться на его обязанности выполнять не только должностные функции, но и моральные, неся за них личную ответственность. Известно, что мораль и нравственность исследует самая древняя философская дисциплина – этика, к проблемам которой в разное время обращались Аристотель, Спиноза, Кант, Маркс и др. Предпосылкой для понимания проблемы императивов и максим легитимности авторитета современного руководителя служит концептуальное положение философии И. Канта о том, что в осознании значимости практики необходимо руководствоваться разумным поведением человека. Поскольку в на-

НОВАЧЕНКО
Татьяна,
NOVACHENKO
Tetyana,

кандидат педагогических наук, доцент, докторант кафедры государственной политики и управления политическими процессами Национальной академии государственного управления при Президенте Украины, г. Киев.

Аннотация: показано, что императивы и максимы легитимности авторитета современного руководителя являются архетипами, способствующими процессам создания государства. Представлены результаты исследования феномена доверия как императива легитимности руководства, определены наиболее значимые качества, присущие личности государственного служащего. Выявлено проявления гуманистических побуждений в их управленческой деятельности, а также понимание необходимости сбережения моральных принципов на фоне усвоения нового набора ценностей, законов и правил.

Ключевые слова: императивы, максимы, архетипы, доверие, ответственность.

УДК 35.01 35.071

стоящее время власть как сила оказывает существенное влияние на социальные и политические действия, должна измениться роль морали, которая обязана соответствовать причинному измерению ее действия. В практической философии И. Канта основные тенденции новоевропейской этики, такие как утверждение автономии человека и рациональное обоснование морали, достигли наибольшего развития. Ученый с наибольшей полнотой и последовательностью высказал принцип: свобода и разум являются неперенными предпосылками нравственности личности. И. Кант утверждает, что мораль служит своеобразным средством принуждения к поступкам – через повинность, специфическим выражением которой является нравственный закон в форме императива (лат. *imperativus* – требование, приказ, закон; общезначимое предписание), в противоположность личностному принципу – максиме (максима – правило, которое выражает долженствование, т.е. объективное принуждение поступать так, а не иначе) [2].

И. Кант считает, что императивы выражаются через обязательства, однако характер их смыслов может быть разным. Так, одни поступки совершаются ради достижения определенного практического результата, а другие ценны и значимы сами по себе, безотносительно какой-либо практической цели. Следовательно, определяется два типа императивов – гипотетические и категорические. Все императивы, хотя и по-разному, направляют человека к благу, ориентируя его на какую-то возможную цель – это «технические правила умения» или истинную цель – это «прагматические советы благоразумия». Категорический императив выражает безусловную, неуклонную повинность, он устанавливает форму и принципы, которым нужно следовать в поведении. Ученый утверждает, что максимы – это приближенные к ситуации более или менее тривиальные правила поведения, в соответствии с которыми выстраивается обычная практика индивида [3, с. 244–245].

Итак, категоричный/нравственный императив – это совокупность общечеловеческих нравственных принципов, которые, безусловно, регулируют и ограничивают поведение и действия всех людей, а максимы регулируют их повседневное поведение. Иными словами, максимы – это способы разрешения конфликтов. Максима моральна, если она согласована с нравственным законом и определяется человеком на основе осознания им морального долга. Человек должен стремиться к тому, чтобы максима его поступка могла стать частью общего законодательства, и он был бы способен согласовывать свои индивидуальные максимы с моральным законом. Поэтому к любым максимам необходимо подходить с позиций блага и справедливости. Последнее касается вопроса нравственности, однако имеет ограниченный смысл, поскольку результат такого морального размышления не отделяется от личной перспективы того или иного индивида. Особенностью категорического императива является то, что он не ориентирует на какую-либо цель, но требует от человека определенного поведения. Этот нравственный закон базируется на трех принципах, где первый утверждает необходимость согласования индивидуальной максимы с общим законодательством: «поступай так, чтобы максима твоей воли в любое время могла стать принципом всеобщего законодательства» [3, с. 250]. Очевидно, что в этом принципе находит отражение универсальный характер нравственного закона, смыслом которого является утверждение человеком правила, которое становится «общим законом природы».

Второй практический принцип привносит в действие категорического императива определенные ограничения. Человек не имеет права утверждать как общие, так и любые другие правила, поэтому во всех своих действиях он должен руководствоваться следующим императивом: «поступай так, чтобы ты всегда использовал человечество и в своем лице, и в лице всякого другого только как цель, но никогда как средство» [3, с. 156].

Следовательно, ограничения, которые накладывает на действия этот принцип, является, по своей сути, весьма содержательным. Так, например, последовательно действующий государь, готовый предоставить произволу признаки всеобщности –

сильный всегда прав, рано или поздно будет противоречить сам себе. Всеобщность не является единственным качеством нравственности поступка, поскольку моральный поступок – это еще и содержательные определения, поэтому он должен быть ориентирован на человека как таковой, безотносительно к каким-либо внешним обстоятельствам или характеристикам.

Третий практический принцип задает характер категорического закона и статус власти. Утверждая некую максимум как общую, человек считает ее органичной частью общего законодательства. Поэтому моральная воля проявляет себя не только как законодательная, но и как подчиняющаяся закону. Эту мысль Кант закрепляет следующим высказыванием: власть «не просто должна быть подчинена закону, а подчинена ему так, чтобы она выглядела создателем этого закона» [3, с. 159]. Очевидно, этот принцип указывает на автономию власти, которая содержится в представлениях о безусловности долга: поскольку он не обуславливается никакими внешними факторами, постольку и власть, проявляя себя через обязанность, не может зависеть от какого-либо интереса.

Таким образом, провозгласив приоритет практического разума, И. Кант характеризует человека как субъекта, который обязан нести ответственность за свои действия, а сама ответственность является основой статуса человека как существа духовного.

Перемены, происходящие в современном обществе, породили необходимость изменения традиционных этических систем, когда должна быть создана новая этика – этика ответственности. Этот императив соответствует новому типу действий, которые должны демонстрировать руководители в органах государственной власти. Принятие руководителями ответственности на себя обеспечивает надежность и оптимальность социальной коммуникации. Кроме того, ответственность может решить проблему предсказуемости в руководстве государством. В то же время ответственность – это и механизм контроля за руководством, который предоставляет возможность предупредить бездействие и желание расширить свои полномочия.

Как известно, одним из показателей эффективности политической власти является ее легитимность (от лат. «legitimus», «legitima», «legitimum») – законный, правомерный, юридический, правовой. Однако в такой трактовке этот термин может применяться как синоним понятия «легальный» – собственно законный. Иными словами – это понятие является оппозиционным в положении о легитимности с точки зрения моральных категорий оправдания власти, поскольку ее легальность – это нормативно-правовая законность, которая закреплена в государственных документах. Поэтому легитимность не сводится к признанию права, а является процессом с применением мер, благодаря которым власть получает оправдание. Легитимность означает согласие народа с властью, когда он добровольно признает ее право принимать решения, которые должны выполняться. Следовательно, любая легитимная власть – форма политического правления, с помощью которой руководители успешно сохраняют претензию на то, что они управляют по праву согласно закону или традиции, подтверждают свой авторитет, доказывая населению, что именно они в наибольшей степени отвечают его интересам. Спецификой легитимного авторитета является то, что этот феномен обеспечивает особую конфиденциальность – доверительность властных отношений, их признания и согласованность.

М. Вебер в работе «Хозяйство и общество» (опубликована в 1922 г.), определяет три «идеальные типы» легитимности власти, отмечая, что понятие «легитимная власть» и «авторитет» – синонимы. Ученый вводит в социологию понятие «признание» и превращает его в категорию «ориентация на другого», что служит определяющим моментом социального действия. Современное общество, принимая правила легитимации власти, предусматривает возможность различного понимания ее смыслов, где каждый из них может быть социально признан, что означает быть ценным и авторитетным. Поэтому легитимность – это не свойство социального строя, а свойство определенного представления и признания власти. Иначе говоря, легитимная власть – это та, которая признается теми, кто ей подчиняется, за счет предоставле-

ния ей бонуса, вознаграждения в форме доверия. Очевидно, доверие является основополагающим в понятии «легитимность», выступая индикатором моральности отношений между руководителем и подчиненными, базирующейся на вере, ответственности, честности, надежности и авторитетности. Одновременно показателем авторитетности руководителей органов государственной власти современного общества также признается доверие. Иными словами, уровень доверия к власти служит показателем ее авторитета.

Авторитетные отношения являются одними из главных фундаментов человеческих отношений, поскольку в любом взаимодействии участвуют не безымянные исполнители «социальных ролей», а субъективно обеспокоенные лица, поведение которых в большой степени содержит характер поступков. Данная мысль находит свое полное созвучие с идеей К. Юнга о том, что «психическое – это большая сила, которая во много раз превосходит все силы на свете» [4, с. 384].

Общеизвестно, что человек – сложное существо, регуляция деятельности которого осуществляется на многих уровнях. При этом люди считают, что способны объяснить свои действия в различных ситуациях, а также контролировать свое отношение к тем или иным социальным объектам. Однако учеными доказано, что не всегда результат, воплощенный в образ, отношение и поведение людей может быть истолкован рационально. Довольно часто невозможно предсказать действия людей, часто они действуют необъяснимо с точки зрения элементарной логики и рациональности. Ход и развитие политических и социальных преобразований, имеющих сегодня в украинском государстве, приводят к тому, что все больше людей проявляет интерес к личностям, стоящим у руля власти, и задумываются над тем, как выбрать такое руководство, которое смогло бы улучшить состояние дел в обществе, лучше выполнять возложенные на него полномочия, то есть деятельность политиков должна способствовать развитию их авторитета. Потребность в авторитете – это потребность в постоянном понимании и оценке социумом общественных процессов. Следовательно, речь идет об отдельных лицах или группе лиц, которые в результате избрания или назначения занимают первые позиции в политической организации общества, которым доверяют, которые несут ответственность за принятие политических решений. Поэтому авторитет является социальным феноменом, заложенным в отношениях господства – подчинения, что дает право предположить о присоединении к процессу государственного созидания архетипов как концентрата всего человеческого опыта, живущего в каждом из нас сегодня.

Получить подтверждение сказанному можно, обратившись к результатам опроса, который был проведен Центром «Социальный мониторинг» и Украинским институтом социальных исследований им. Александра Яременко в марте 2012 г. и в апреле 2013 г. То, что оно проводилось дважды, позволяет сравнить результаты опроса относительно уровня доверия к политическим деятелям. Опрашиваемым было предложено ответить на вопрос о степени доверия к каждому из названных политических деятелей. Если же имя какого-то из политиков им было неизвестно, предлагалось сказать об этом. Сравнив результаты опроса, можно констатировать, что подавляющее большинство населения не доверяло ведущим политическим руководителям, представляющим как оппозицию, так и власть. Уровень доверия населения к действующему в то время Президенту Украины Януковичу почти не изменился: в 2012 г. – 30,9 %, в 2013 г. – 30,8 %; в отношении лидера партии «Фронт Перемён» А. Яценюка показатель несколько уменьшился: в 2013 г. – 33,3 %, тогда как в 2012 г. он отвечал цифре 33,9 %. В. Клычко доверяла почти половина опрошенных: 47,0 в 2012 г. и 48,5 % в 2013 г. Однако самым высоким является показатель доверия к Ю. Луценко, лидеру оппозиционного общественного движения – 63,9 % [5].

Вполне естественно возникает вопрос относительно причин недоверия к большинству политических деятелей. Как уже отмечалось, события Майдана 2004 года продемонстрировали стремление украинского народа к объединению. Люди, уставшие от бюрократии и неэффективных руководителей, начали искать новых. Однако,

как известно, руководители Майдана не оправдали доверие народа, которое было предоставлено им в качестве бонуса; свои обещания они не выполнили, несмотря на «паралич» оппозиции. Наверное, эту ситуацию можно объяснить двумя факторами. Во-первых, участники «Оранжевой революции» рассчитывали на полную преданность и жертвенность руководителей в оправдании и исполнении идей «Майдана». Однако, получив кредит доверия, или кредит легитимности под честное слово, те не оправдали его и не понесли ответственность за полученное доверие, что запечатлелось в памяти народа. Доверие как императив легитимности авторитета формируется «не словом, а делом», поэтому не надо говорить о честности, а просто необходимо действовать честно, однако очевидно, что это не просто.

В связи с изложенным возникает еще несколько вопросов: во-первых, почему так кратковременно проявилась самоорганизация общества; во-вторых, почему так и не появился авторитетный руководитель. Наверное, украинское общество больше ориентировалось на традиционность и универсальность, чем на современность. Такая позиция проявляется в желании «твердой» руки или героя, который решит проблемы и защитит от неприятностей. Однако при таких обстоятельствах граждане теряют остатки ответственности за свою деятельность, не могут «вырастить» авторитетного руководителя.

Приведенные выше умозаключения находят свое подтверждение в результатах исследования «Украинский характер», проведенного Центром социальных исследований в марте 2011 г. Выявлено, что на символы успеха, связанные с профессиональной деятельностью, указало менее трети респондентов. В иерархии атрибутов жизненного успеха приоритетными оказались символы благополучия, непосредственно связанные с частной жизнью (материальное благосостояние – 74 %). Следует подчеркнуть несоответствие высокого значения, которое респонденты предоставляют материальному благосостоянию (высшая позиция в рейтинге), и сравнительно невысоких рейтинговых показателей атрибутов, призванных обеспечить благосостояние, таких как «престижная работа», «карьера», «частный бизнес», «хорошее образование». Итак, на профессиональной ниве украинские граждане не очень амбициозны, у них нет особого желания «гореть» на работе. Умеренность украинского характера проявляется, в частности, и в том, что большинство (57 %) опрошенных считает, что «в жизни лучше не рисковать, а постепенно, планомерно идти к намеченной цели». Лишь треть (36 %) респондентов разделяет точку зрения, что «для достижения успеха надо рисковать, лишь так можно достичь желаемого». Такие черты менталитета вряд ли можно считать адекватными рыночным реалиям и конкурентным измерениям. В отношении создания новых проектов, делового и организаторского новаторства, творчества, креатива, поиска новых путей решения проблемы украинцы очень пассивны. Они легко и даже с некоторым удовлетворением воспринимают то, что на руководящую роль идут другие люди, даже иностранцы [6].

Итак, как уже указывалось, вера в то, что чужаки будут управлять лучше, чем свои, «срабатывает» на уровне коллективного бессознательного. Пассивность и зависимость характеризуют общество как экзекутивное, избегающее инноваций и устремленности в будущее.

Результаты «Европейского социального исследования» свидетельствуют, что украинские граждане больше, чем граждане других европейских стран, демонстрируют склонность к таким ценностям, как «безопасность», «комфортность», «обогащения» и «традиция», и меньше – к таким ценностям, как «открытость для изменений», «самостоятельность», «инициативность» [7]. Этот факт демонстрирует желание украинских граждан с традиционным комплексом ценностей, таких как потребность в государственной защите и консерватизме. Сказанное хорошо иллюстрирует известное высказывание А. Макаренко, перефразирование которого сохраняет его смысл: не только общество – это обломок органа государственного управления, а и орган государственного управления – это обломок общества.

События, происшедшие во время революции Достоинства (Евромайдан 2014 г.), –

большое сообщество людей, разделяя важнейшие общие ценности, продемонстрировало небывалую в Украине солидарность. Иначе говоря, люди соответствовали себе, веря в собственную правоту и собственные силы (а это – свойства людей-интровертов), стали индивидуальным народом – Самостью, к которой неосознанно стремится каждый народ. Евромайдан выдвинул новое руководство государственной власти, однако с требованием служить народу Украины, предоставляя таким образом кредит доверия новому руководству, однако предупредив о строгом контроле над всеми его действиями.

Мониторинг общественного мнения, который был проведен центром «Социальный мониторинг» в сотрудничестве с УИСИ им. О. Яременко (1–6 марта 2014 г.) по измерению уровня доверия к основным социальным и политическим институтам страны после революции Достоинства, позволил прийти к следующим результатам. Часть населения, которая поддерживает идею сплошной «перезагрузки» власти на всех уровнях через проведение досрочных выборов (переизбрание областных, местных советов, мэров городов, председателей поселковых советов), составляет 48,5 %, выступает против такой идеи – 40 %, колеблется с ответом – 11,5 %. Исследование зафиксировало кардинальное изменение отношения населения к Верховной Раде Украины (доверие выразили 30,1 % опрошенных). Уровень доверия к этому органу власти улучшился почти в два раза: если в сентябре 2013 г. баланс доверия составлял –61 % (т.е. часть тех, кто не доверяет этому органу власти, превышала показатели тех, кто ему доверяет, на 61 %), то сейчас баланс, хотя и отрицательное, но улучшилось и составляет –33,7 %. Последний раз такие показатели фиксировались в 2007 г. Новоизбранному Председателю Верховной Рады Украины О. Турчинову по результатам опроса доверяет 41,2 % опрошенных, а не доверяет 52,7 %. Таким образом, баланс доверия/недоверия к нему составляет –11,6 %. В исследовании не зафиксировался традиционный для мониторинга показатель доверия к Кабинету Министров Украины в связи с незначительным сроком работы нового состава. В то же время был задан вопрос о поддержке решения Верховной Рады Украины назначить А. Яценюка премьер-министром Украины. Это решение поддерживается большинством опрошенных – 54,7 %, не одобряют его 40,1 %. Лишь 5 % населения Украины колеблется с ответом. Анализ ответов в региональном разрезе показывает, что положительное отношение существенно зависит от региона проживания опрошенных [9, с. 4].

Таким образом, невероятный всплеск общественной активности привел к кардинальному изменению в осознании гражданами своей роли в развитии государства и своего места во взаимоотношениях с властью, а также возможностью влиять на нее. Важным фактом является то, что императивами и максимами легитимности для современной власти предстают ответственность и доверие. Руководитель, который внедряет в свои действия эти законы и правила, создает позитивное восприятие государственного органа как «осколка общества».

Для понимания ориентиров относительно императивов и максим, которые выбирают государственные служащие в своей деятельности, что, собственно, и создает их авторитет, был проведен опрос в фокус-группе численностью 83 человека. Для достижения поставленной цели был разработан опросник. Опрос был проведен во время прохождения курсов повышения квалификации в группах начальников (заведующих) отделов (управлений) образования районных государственных администраций и горисполкомов, заместителей начальников (заведующих) отделов (управлений) образования районных государственных администраций и горисполкомов, а также специалистов отделов (управлений) образования районных государственных администраций и горисполкомов (без выделения профиля). Возрастная структура опрошенных была следующей. Младшая группа состояла из государственных служащих, а именно специалистов отделов (управлений) образования районных государственных администраций и горисполкомов (без выделения профиля) в возрасте до 25 лет, которая в исследовании представлена 6 %. Эту группу государственных служащих

составили лица, которые закончили высшие учебные заведения несколько лет назад. Молодые государственные служащие, в возрасте от 26 до 30 лет, которые уже имеют хотя и небольшой, но опыт работы, составляли 16 % респондентов. Больше половины (51 %) опрошенных – государственные служащие в возрасте от 31 до 49 лет. Старшую и наиболее опытную группу государственных служащих в возрасте свыше 50 лет составляла группа начальников (заведующих) и заместителей начальников (заведующих) отделов (управлений) образования районных государственных администраций и горисполкомов (26 %). Следовательно, наибольшую часть опрошенных составляли государственные служащие в возрасте от 31 до 49 лет.

Опрос осуществлялся очно, письменно, с использованием метода наблюдения и сравнительного анализа ответов. В результате наблюдения и опроса было зафиксировано 83 интеракции, которые в процессе обработки группировались и обобщались. Одним из первых вопросов, предложенных респондентам, был вопрос относительно личной удовлетворенности своей работой. Достаточно большая часть (45 %) респондентов не смогла дать однозначный ответ, в частности таких, кто был целиком или частично удовлетворен, наше исследование выявило около трети (39 %), а доля недовольных составляла 16 %. Такой уровень удовлетворенности работой свидетельствует, что многие из государственных служащих не имеют целостного позитивного чувства от того, что делают, а это, в свою очередь, может свидетельствовать о наличии внутреннего личностного конфликта, о выборе профессии не по призванию, о низкой оплате труда, неадекватном социально-психологическом климате в коллективе, плохом состоянии здоровья и т.д. По мнению государственных служащих, рейтинг факторов, формирующих авторитет любого человека, это, в первую очередь, высокий уровень компетентности лица (этот тезис поддержало подавляющее большинство респондентов – 67 %), а во-вторых, честность (за этот фактор высказались 63 % опрошенных). Вышеуказанные обстоятельства авторитета, по мнению респондентов, фундаментальны, и именно они являются его основой.

Большинство респондентов на первые позиции выдвинуло такие личностные качества государственного служащего, как «ответственность», «порядочность», «доброжелательность».

Среди качеств, которые, по мнению респондентов, являются значимыми для формирования авторитета государственных служащих доминируют «ответственность», «честность» и «доброжелательность».

Как видно из таблицы, В процессе опроса необходимо было определить факторы, которые способствуют повышению авторитета государственных служащих. Среди них, респонденты назвали доверие к государственным служащим (71 %), положительные черты характера (67 %), высокий уровень профессиональной компетентности (60 %). Несколько меньший процент получил такой важный фактор, как убедительные достижения в работе (36 %). В содействии авторитету не последнее место занимает здоровый социально-психологический климат в коллективе (21 %), где работает государственный служащий, и удачно выбранная профессия (20 %). Наименее значимым фактором из тех, что способствуют повышению авторитета государственных служащих, респонденты назвали наличие деловых связей. Определение факторов, способствующих повышению авторитета государственных служащих среди ближайшего окружения, позволило выяснить, что такой фактор, как «дефицит деловых связей» также мешает государственным служащим достичь желаемого уровня авторитета. Согласно этому факту можно сделать предположение о неустойчивости ценностей, господствующих в обществе вообще, в том числе и у представителей такой категории, как государственные служащие. Однако очевидно и то, что нынешний период развития украинского общества приобретает качественно иные человеческие качества.

Итак, проведенная диагностика дала возможность зафиксировать реальное состояние мыслей, взглядов и позиций опрошенных государственных служащих относительно законов и правил поведения, необходимых для легитимности их авторитета.

Приоритет рациональности и гуманистических побуждений в управленческой деятельности наблюдается еще не достаточно. Этот факт можно объяснить несовместимостью двух типов мышления – технологического и гуманистического, что отсылает к поискам определения и утверждения новой ценностной доминанты как общества, так и руководителей органов государственной власти.

Выводы. Данное исследование базировалось на определении И. Канта о двух типах императивов – гипотетических и категорических/моральных. Категорический императив – это совокупность общечеловеческих нравственных принципов, которые безусловно регулируют и ограничивают поведение и действия всех людей, а максимы регулируют повседневное поведение людей. Максима моральна, если она согласована с нравственным законом и определяется человеком на основе осознания им морального долга. Человек должен стремиться к тому, чтобы максима его поступка могла стать частью общего законодательства, и он смог бы согласовывать свои индивидуальные максимы с моральным законом.

Поэтому к любым максимам можно подходить с позиций блага и с позиций справедливости. Ход и развитие политических и социальных преобразований, существующих сегодня в украинском государстве, приводят к тому, что все больше людей проявляет интерес к личностям, которые стоят у руля власти, и задумывается над тем, как выбрать такое руководство, которое смогло бы улучшить состояние дел в обществе, лучше выполнять полномочия, которые на него возлагаются. Деятельность современных руководителей основывается на доверии и ответственности – императивах и максимах легитимности авторитета. Последний, будучи социальным феноменом, издавна заложенным в отношениях господства – подчинения, дает право предположить наличие архетипов в процессе создания государства.

Архетипы являются продуктом общества; проявившись у первых людей, они воспроизводятся с каждым новым поколением, с каждым новым этапом эволюции общества. В таком бесконечном процессе на современного украинского руководителя накладываются социальные, психологические и культурные слои и эпохи, определяя императивы и максимы легитимности авторитета как архетипы государственного созидания.

Литература:

1. Афонін Е.А. Психокультура України: «помаранчевий перехід» / Е.А. Афонін, О.А. Донченко, В.О. Антоненко // Соціальна психологія. – 2006. – № 4. – С. 77–93.
2. Яценко Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов / Н.Е. Яценко. – СПб : Лань, 1999. – 524 с.
3. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант. – М. : Думка, 1994. – 591 с.
4. Юнг К.Г. Психология бессознательного / К.Г. Юнг. – М. : Канон, 2001. – 397 с.
5. Рівень довіри та електоральні орієнтації: квітень 2013 року [Електронний ресурс] / Центр «Соціальний моніторинг»; УІСД імені Олександра Яременка. – Режим доступу : http://uisr.org.ua/img/upload/files/uisr/PR_SMC-UISR_2013_04_26.pdf.
6. Ермолаев А. «Вишневы сад» украинского традиционализма [Електронний ресурс] / А. Ермолаев, А. Левцун // Зеркало недели. – 2011. – С. 11. – Режим доступу : http://gazeta.zn.ua/SOCIETY/vishnevyy_sad_ukrainskogo_traditsionalizma.htm.
7. Головаха Є. Тенденції соціальних змін в Україні та Європі: за результатами «Європейського соціального дослідження» 2005–2007–2009 / Є. Головаха, А. Горбачик. – К. : ІСНАУ, 2010. – С. 94.
8. Новий тлумачний словник української мови : у 4-х : т. 2 / уклад.: В. Яременко, О. Сліпущко. – К. : Аконт, 1999. – 912 с.
9. «Українська весна». Моніторинг громадської думки : березень 2014 р., м. Київ [Електронний ресурс] / Український інститут соціальних досліджень імені Олександра Яременка. – Режим доступу : <http://www.uisr.org.ua/news/36/81.html>.

Виталий ОМЕЛЬЯНЕНКО

НАЦИОНАЛЬНЫЕ АРХЕТИПЫ В КОНТЕКСТЕ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫМ РАЗВИТИЕМ

Постановка проблемы. В контексте анализа конкурентоспособности национальных экономик и эффективности государственного управления всегда возникает ряд вопросов, в частности, что мешает некоторым странам занимать лидерские позиции, почему в определенных странах гениальные идеи и разработки рождаются чаще и чем объяснить всплески технологической креативности в разных обществах в разные периоды. Ответ на эти актуальные вопросы находится именно в плоскости национальных особенностей ментальности.

Инновация – с новым продуктом в центре, который сегодня часто становится невозможным без комплекса маркетинговых, информационно-технологических, организационных, социокультурных и финансовых инноваций. Объективный процесс развития инноваций в глобальной бизнес-среде предусматривает необходимость более комплексного рассмотрения инноваций на основе междисциплинарного подхода, который позволяет ответить на ряд вопросов эффективности инновационной проблематики.

Десятилетие экономических преобразований со всей очевидностью показало бесперспективность простого проектирования заграничных моделей экономического развития в реалии Украины. Авантюризм этого стал явным в середине 90-х гг. XX в., когда вместо выхода из кризиса страна погружалась в хаос псевдореформ, которые приводили к еще большему разрушению экономики. Главной причиной этого стало откровенное игнорирование особенностей исторического развития страны и ее национального менталитета.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопрос национальных особенностей и архетипов, которые влияют на экономическую сферу, рассматривали С.М. Голубка, В.М. Гринева, С.В. Дегтярева, В. Коскин, А. Новак, Г.Е. Смитюх, В.В. Стрелецкий, О.Л. Терентьева, О.В. Юринец и др. В частности, С.М. Голубка [2] отмечает, что именно национальные традиции исторического прошлого в симбиозе с настоящим, используя мировой опыт, формируют специфические признаки национальной идентификации экономического развития Украины. О. Стражний [6], автор работы «Украинский менталитет: иллюзия – миф – реальность», отмечает, что «тот самый народ с тем самым менталитетом, но с разным управлением может устроить себе как жалкое существование, так и обеспечить экономический взлет. Примеры – славянские племена, которые весьма по-разному жили в IX ст. и во времена Киевской Руси, а также такие страны, как Китай, Япония, Корея, НДР и ФРГ, Финляндия и Литва, Латвия, Эстония». В работах С.В. Дегтяревой [4] был исследован менталитет (социально-экономический генотип) как неформальный праинститут, содержащий в себе всю генетическую информацию, которая обеспечивает социальное воспроизводства общества данного типа и направленность его институциональных изменений.

Целью статьи является анализ теоретических основ влияния архетипов на выбор модели государственного управления инновационной деятельностью.

ОМЕЛЬЯНЕНКО
Виталий,
OMEL'YANENKO
Vitaliy,

аспирант кафедры
экономической
теории Сумского
государственного
университета, г. Сумы.

Анотація: в работе
рассмотрены
особенности
управления
национальной
инновационной
системой на основе
использования
парадигмы архетипов.
Предложена концепция
формирования
конкурентных
преимуществ с
использованием
культурной
составляющей,
учитывая
эффективность
трансфера технологий.

Ключові слова:
архетип,
инновационная
система, культура,
менталитет,
трансфер технологий.

УДК 330.341.1:159.9

Изложение основного материала. Важнейшей характеристикой современности являются инновационные процессы, проходящие через все сферы и уровни социальной реальности и жизнедеятельности человека. Решающее значение интеллектуальных факторов в обеспечении устойчивого социально-экономического развития и надежной системы национальной безопасности обуславливает необходимость рассматривать вариант интенсивного развития инновационного потенциала как необходимый [1]. Однако опыт показывает, что любые инновации (продуктовые или управленческие) обречены на провал, если они не связаны с человеческой поддержкой, с реальной программой воспитания, обучения и развития людей, которые должны внутренне принять предлагаемые им извне целевые установки.

Сегодня проблемы инноваций выходят за рамки собственно процесса разработки нового продукта, расширяя фокус на решение вопросов бизнес-моделей, цепочки создания ценности, процессы патентования, каналы, услуги, бренд, клиентский опыт.

Анализ влияния архетипов выступает составляющей нового этапа развития концепции национальных инновационных систем на основе эволюционного подхода к анализу явлений и процессов, происходящих в экономике. Учитывая выводы, которые содержатся в отчете «Глобальный инновационный индекс – 2013», уделяющем значительное внимание динамике инноваций на местном уровне, которая остается недооцененной в глобальном масштабе, а также отмечает появление оригинальных инновационных экосистем, возникает необходимость отхода от общепринятой тенденции, заключающейся в стремлении воссоздать ранее реализованные успешные инициативы. Поэтому исследование особенностей «уникальных» экосистем (национальных, региональных, локальных) инноваций следует продолжать.

Базовым ресурсом и результатом инновационной экономики являются технологии. Согласно Философскому словарю [12] «технология представляет собой сложную динамичную систему артефактов, производственных операций и процессов, ресурсных источников, подсистем социальных следствий информации, управления, финансирования и взаимодействия с другими технологиями». Таким образом, ключевым опять-таки становится аспект восприятия, т.е. способность стимулировать или сдерживать перетекание знаний и трансфер технологий.

Говоря о барьерах инновационности наций, ряд исследователей отмечает именно национальные особенности, в частности культуру, которая является материализованным в поступках, словах и делах людей сознанием, а также взаимодействие, взаимопереход и сопряженность знаний, привычек и убеждений. В результате фактор сознания и культуры нашел свое отображение и в экономической методологии. В частности, концепция человеческого развития в свое время изменила классические теории экономического роста, которые базировались на показателе ВВП и рассматривали экономический рост в качестве главной цели прогресса.

К. Юнг назвал архетипами универсальные конструкты человеческой психики, которые представляют собой генетически наследуемую структуру накопленного человечеством опыта, выражающегося в форме склонности к определенному типу восприятия, переживания, действия и понимания. Архетипы проявляются непрерывно на протяжении всей жизни человека независимо от его воли и на уровне бессознательного, позволяя соотносить реальность с опытом существования предыдущих поколений.

Что касается Украины, то ее национальный менталитет основывается на таких архетипах [14, с. 341]:

- Мать-Земля, который нашел проявление в таких свойствах, как адаптация и привязанность к земле, трудолюбие;
 - Воля – свободная, творческая работа, индивидуализм;
 - Вера – верность национальным традициям, высокая ответственность.
- Указанные базовые архетипы позволили Украине довольно рано стать на путь ин-

новационного развития. Об этом свидетельствует наличие уникальной городской инфраструктуры, прототипов письменных знаков, художественных ценностей, опередивших время, технологий, более раннего по мировым масштабам освоения бронзы, позволяющего утверждать, что трипольское общество было по тем временам одним из наиболее интеллектуально развитых.

Опыт экономически прогрессирующих стран свидетельствует, что наиболее эффективны модели экономического развития, построенные на основе имеющихся параметров национального менталитета, а не вопреки им [7, с. 290], что должно быть стержнем экономической системы государства, так как в нем отражены национальные традиции и опыт хозяйствования в условиях определенных естественных богатств и окружающей хозяйственно-торговой среды.

Схема инновационного развития на основе национальных факторов представлена на рис. 1. Таким образом, основной задачей в Украине является создание украинского измерения инновационной системы с соответствующими приоритетами

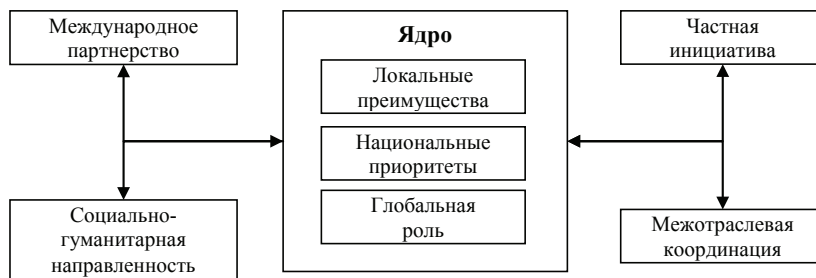

Рис. 1. Механизм инновационного развития национальной экономики

Национальный эгоизм в экономике и инновационной системе должен проявляться в трех направлениях [7, с. 285]:

- учет национальной аутентичности при создании экономической системы;
- неуклонное соблюдение и защита национальных экономических интересов;
- использование национального опыта управления хозяйством.

В контексте этого мы предлагаем рассматривать государство в качестве третьего субъекта стратегического развития наряду с продавцами и потребителями, который исполняет на рынке специфическую роль. Непосредственно не удовлетворяя нужды потребителей, оно должно регулировать этот процесс и оказывать содействие эффективному достижению компромисса интересов с минимальными затратами общества, т.е. стимулировать инновации.

В первую очередь следует учитывать, что человеческий капитал создается, «выращивается» с помощью сложных технологий, что является главным достижением каждой страны. Каждая страна «проектирует» своего гражданина по аналогии с проектированием самолетов или атомных электростанций [13].

В частности, успех Европы в цивилизационной конкуренции XVI–XVIII вв. обеспечила ассоциативная психология. Она базировалась на идее «изготовления полезного человека». Ее технологию создавали выдающиеся ученые от Дж. Локка и Д. Юма до Д. Милля, Д. Андерсона и др. В основу «изготовления полезного человека» был положен метод предъявления, который наполняет долгосрочную механическую память человека и формирует стереотипы поведения.

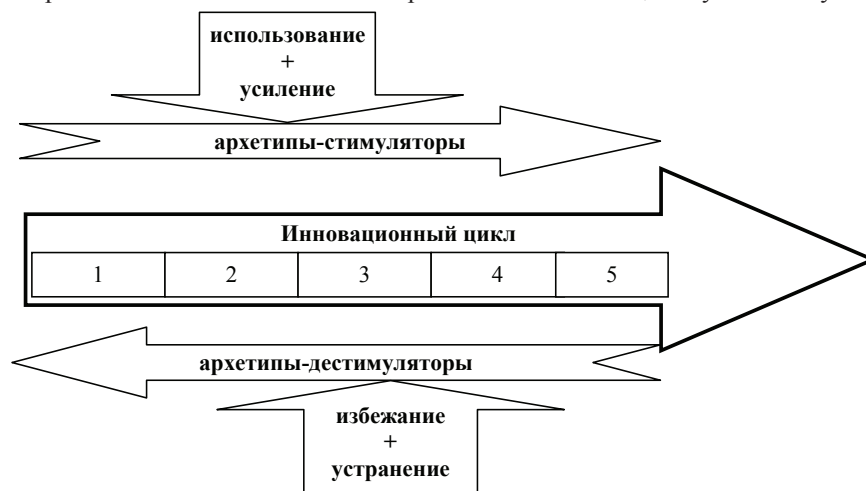
Политические и экономические достижения США обеспечены технологией бихевиоризма. Бихевиоризм породил идею «создания нужного человека». Эта идея началась с Манифеста Дж.Б. Уотсона и со временем была поддержанная Б. Скиннером, Э. Торндайком, Э. Толменом, К. Халлом и др. «Соискатель успеха» стал идеалом бихевиоризма, лежащего в основе современной социальной политики. Награды и наказания были использованы для мотивации. Так появилась технология познавательной активной деятельности.

Большинство достижений Западной Европы в XX ст. обеспечено гештальт-психологией, которая породила идею «изготовления творческого человека». Гештальт вообще означает организованное целое, свойства которого не могут быть получены из свойств частей. Практические выводы были сформулированы М. Вертгаймером, В. Келлером и К. Кафкой для развития интеллекта человека, направленного на решение проблем. В процессе «изготовления» человеку предъявляются проблемные ситуации, построенные на методах научного познания. «Творческий человек» стал целью и основой подготовки кадров для создания современных высоких технологий и массового научного познания.

Что касается Украины, то ее изначальные архетипы сейчас изменились. Трудно отрицать влияние на национальный архетип «Украина» «советского архетипа», искаженного генетический код украинцев [9]. Среди основных характеристик «советского» менталитета следует отметить отсутствие воли к улучшению судьбы собственными силами (так как «родная партия обо всем позаботится»), трудолюбие напоказ («чтобы руководство заметило, а работа как-то делается»), патернализм («он за это деньги получает, поэтому пусть позаботится обо всех нас»), беспомощность («все равно кто-то придет и сделает, а мое дело маленькое»). Все это противоречит тезису об ответственности и инициативе, что является основой инноваций.

Конечно, сейчас созданы условия для «устранения» этих архетипов, особенно в молодежной среде, однако этот процесс нуждается в целенаправленной политике. Важным аспектом при этом становится развитие инновационного сознания, которое является частью экономического сознания, включающего интересы, цели, мотивы и ориентации, связанные с осуществлением нововведений. От уровня развития у людей инновационного сознания непосредственно зависит степень их инновационной активности. В инновационной сфере архетипы проявляются на когнитивном уровне как интерес к инновациям, инновационной деятельности и получению специальных знаний в сфере инноваций (в сфере инновационной деятельности) или общих знаний в сфере менеджмента инноваций. На аффективном уровне это отношение к инновациям и мотивация к инновационной деятельности. На поведенческом уровне это инновационное потребление, инновационная деятельность во всех формах – от любительских разработок до профессиональной деятельности.

На рис. 2 показана схема влияния архетипов на инновационную систему.

1–5 – этапы инновационного цикла (фундаментальные и прикладные исследования, исследовательско-конструкторские работы, формирование портфеля технологий, производство, маркетинг)

Рис. 2. Карта влияний архетипов-стимуляторов и архетипов-дестимуляторов

Сейчас главной трудностью в Украине является практически отсутствующая предпринимательская конкуренция, поскольку она подменена специальными государственными программами по стимулированию инновационной деятельности, а это – бесперспективный путь, ведь опыт различных ведущих стран показывает, что залогом успеха служат главным образом децентрализованные процессы экономической деятельности в условиях жесткой международной конкуренции. Такие разные экономические системы, как США и Китай, достигли успехов благодаря созданию мощных стимулов и возможностей для предпринимательства и свободного рынка, а также открытости экономики к конкуренции на международном и внутреннем рынках.

В Украине значимость государственного управления обусловлена тем, что среда для предпринимательства и развития инновационных технологий сегодня во многом зависит от деятельности чиновников на региональном и местном уровнях, которая имеет как плюсы, так и минусы, поскольку именно децентрализация и передача полномочий на местный уровень в свое время позволили Китаю развить необходимый инновационный динамизм даже при отсутствии сильных формальных рыночных институтов.

Оценки инвестиционного климата на примере России, по мнению экономиста Всемирного банка Дж. Литвака, показывают, что около 20 % больших предприятий в обрабатывающей промышленности не ощущают особого конкурентного давления на внутреннем рынке, а еще 29 % не ощущают конкурентного давления со стороны иностранных предприятий [11]. В Украине, где численность предприятий намного меньше, эта ситуация еще хуже.

Проблемы состоят также в отсутствии четкой государственной стратегии, законодательной базы трансфера технологий из науки в промышленность, в очень высоких рисках и ориентации предпринимателей на краткосрочные вложения.

Соотношение моделей поведения ряда высокопоставленных чиновников большинства экономических ведомств с моделями поведения экономических экспертов показывает, что эти модели чаще всего совпадают. Чиновники высказывают свою точку зрения после того, как решение уже принято. Указанная модель противоречит тенденциям краудсорсинга в инновационной сфере, которая предусматривает привлечение всех заинтересованных сторон к разработке решения.

Следует вспомнить, что Канада в свое время предоставила переселенцам-украинцам все условия, и теперь это сельскохозяйственная страна высокого уровня, и такой ее сделали именно украинцы. Это лишь подтверждает тезис, что когда украинец попадает в условия, при которых он может проявить свое трудолюбие, хозяйственность и экономическое видение, он творит чудеса.

В контексте конвергенции современных высоких технологий надо также отметить, что украинец – это универсал, который легко переключается на освоение нескольких смежных профессий, в затруднительных ситуациях умеет быстро найти нестандартное решение.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Для повышения эффективности государственного управления инновационной сферой необходимы использование «местных ресурсов» для развития инновационной деятельности, развитие творческой и междисциплинарной составляющей образования и усиление его гуманитарной составляющей как источника неявных активов (социальные компетенции); интенсификация научных исследований в сфере кросс-культурных факторов развития инновационной экономики; интернационализация образования и науки, пропаганда инноваций и инновационных ценностей в СМИ. В дальнейших исследованиях необходимо определить влияние конкретных архетипов на инновационную систему (например, привязанность к земле и разработка и внедрение биоинноваций для повышения эффективности отечественного АПК) и построить матрицы архетипов, где

будут отражены соответствующие мероприятия, которые позволят использовать соответствующие архетипы, а затем и повысить эффективность принятых институциональных решений.

Литература:

1. Абдрахманова Т.М. К вопросу о популяризации современной науки и формирования инновационного сознания [Электронный ресурс] // Научное пространство Европы : материалы международной научно-практической конференции (7–15 апреля, 2010 г., Перемишль). – Режим доступа : http://www.rusnauka.com/10_NPE_2010/Pedagogica/61737.doc.htm.
2. Голубка С.М. Фінансова українська – новий інтегруючий науковий напрям сучасності [Електронний ресурс] / С.М. Голубка // Соціум. Наука. Культура. – Режим доступа : <http://intkonf.org/kandekononmnauk-golubka-sm-finansova-ukrayinika-noviy-integruyuchiy-naukoviy-napryam-suchasnosti>.
3. Гриньова В.М. Державне регулювання економіки / В.М. Гриньова, М.М. Новикова. – К. : Знання, 2008. – 398 с.
4. Дегтярева С.В. Становление институциональной системы экономики и институциональные изменения / С.В. Дегтярева // Научные труды Донецкого национального технического университета. – Донецк, 2007. – Вып. 31-1 (117). – С. 70–73. – (Серия : Экономическая).
5. Егоркин В.Г. Философия инноваций / В.Г. Егоркин // Общество. Среда. Развитие («TERRA HUMANA»). – 2006. – № 1. – С. 14–25.
6. Коскін В. Український менталітет як засіб досягнення успіху / В. Коскін // Дзеркало тижня. – 2008. – № 28 (707). – С. 14.
7. Новак А. Як підняти українську економіку / А. Новак. – К. : Гнозис, 2006. – 304 с.
8. Омеляненко В.А. Управління процесами створення регіональної екосистеми інновацій з урахуванням особливостей інституційних архетипів / В.А. Омеляненко // Публічне управління: теорія та практика : збірник наукових праць асоціації докторів наук з державного управління. – 2013. – Спеціальний випуск. – С. 64–70.
9. Смітюх Г.Є. Україна сакральна: минуле, сьогодення, майбутнє / Г.Є. Смітюх, В.В. Стрілецький. – К. : Знання України, 2006. – 36 с.
10. Терент'єва О.Л. Менталітет як чинник розвитку державотворення в Україні : автореф. дис. ... канд. наук з держ. упр. : 25.00.01 «Теорія та історія держ. упр.» / О.Л. Терент'єва ; Харків. регіон. ін-т держ. упр. Нац. акад. держ. упр. при Президентові України. – Х., 2010. – 18 с.
11. У России не инновационный менталитет? [Электронный ресурс] // Электронная газета «БЕК». – 06.12.2006. – Режим доступа : <http://wek.ru/u-rossii-ne-innovacionnyj-mentalitet>.
12. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – 7 изд., перераб. и доп. – М. : Республика, 2001. – 719 с.
13. Царь, нация и инновации [Электронный ресурс] // Forbes. – 20.10.2010. – Режим доступа : <http://www.forbes.ru/mneniya-opinion/opyty/58449-tsar-natsiya-i-innovatsii>.
14. Юринець О.В. Аналіз впливу національного менталітету на формування організаційної культури / О.В. Юринець, М.М. Федорів // Вісн. Нац. ун-ту «Львів. політехніка». – 2010. – № 684. – С. 336–342.
15. Andrew J.P. The Innovation Imperative in Manufacturing. How the United States Can Restore Its Edge / J.P. Andrew, E.S. De Rocco, A. Taylor // BCG, MI, NAM. – March, 2009. – 32 pp.

Оксана ПАНЬКОВА

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В КОНТЕКСТЕ АРХЕТИПИКИ УКРАИНСКОГО СОЦИУМА

Постановка проблемы. Процессы цивилизационных изменений актуализируют поиск ресурсов, которые способны увеличивать национальное богатство страны и обеспечивать ее жизнеспособность. К таким ресурсам относится человеческий потенциал общества. Социокультурная, интеллектуальная, инновационная, культурная, духовно-нравственная, профессионально-образовательная и демографическая составляющие человеческого потенциала служат показателями конкурентоспособности страны, предпосылками ее успешности как субъекта преобразований и независимого игрока на международной арене.

Мировой опыт свидетельствует о том, что именно в тех странах, которые сумели правильно использовать полученное культурное наследие, модернизация оказалась наиболее эффективной.

На современном этапе перед Украиной особенно остро стоят проблемы поиска устойчивых основ жизнедеятельности и механизмов саморегуляции и равновесия, направленных на обеспечение национальной безопасности в условиях глобальной и локальной неопределенности. Ведь она оказалась в ситуации неподготовленности к ударам многомерной критической нестабильности внутреннего и внешнего характера. Открыта для исследовательского поиска проблема исследования изменений в природе самого человека, способов его самоорганизации, активности и жизнедеятельности в современных условиях цивилизационного развития.

Анализ последних исследований и публикаций. Поиск источников восполнения жизненных и социокультурных ресурсов, а также способов выживания людей и сообществ в разных социокультурных ситуациях и средах становится приоритетной задачей, решить которую призвана современная социология, прежде всего украинская. О состоянии, способностях и возможностях украинского общества дать ответы на вызовы современности, о направленности и специфике процессов социокультурных, социоструктурных, институциональных и социально-психологических изменений в условиях нестабильности пишут многие украинские ученые. Данной тематике посвящены работы отечественных социологов Н. Шульги, Е. Злобиной, Н. Паниной, Е. Головахи, Л. Бевзенко, Н. Костенко, Ю. Саенко, Н. Соболевой, И. Мартынюка, А. Стегния, А. Ручки, О. Куценко, С. Макеева, В. Пилипенко, Т. Петрушиной, В. Резника, О. Резника, Е. Суименко, Л. Сохань, Л. Сокуржанской, В. Степаненко, В. Танчера, В. Хмелько, П. Кутуева, Л. Хижняк, Ю. Яковенко, Е. Михайлевой, А. Арсеевко и др. Существенен вклад в решение обозначенных проблем представителей отечественной экономической науки Э. Либановой, А. Колота, А. Алимова, Е. Гришиновой, В. Куценко, Г. Задорожного, О. Колинко, О. Новиковой, В. Антонюк, Н. Хвесыка и др.

Проблемы национальной идентичности и ментальности украинского народа в условиях глобализации поднимаются в работах современных исследователей Э. Афонина, А. Бандурки, Е. Дончен-

**ПАНЬКОВА
Оксана,
PANKOVA
Oksana,**

кандидат кандидат
социологических наук,
доцент, докторант
Института социологии
НАН Украины, г. Киев.

Аннотация: в статье раскрывается сущность социокультурной составляющей человеческого потенциала Украины, а также ментальных и архетипических оснований в обеспечении жизнеспособности общества и человека в условиях усиления социальной неопределенности. Выявлена роль социокультурных факторов в процессах интеграции страны в поликультурное пространство глобализирующегося мира, в способности и готовности общества дать ответ на вызов идентичности.

Ключевые слова: человеческий потенциал, условия нестабильности, социокультурные аспекты устойчивости, ментальность, концептосфера украинской архетипики.

УДК 316. 422. 42

ко, С. Крымского, Р. Додонова, О. Иващенко, В. Тарасенко, П. Гнатенко, В. Храмовой, В. Стецюк, В. Кургузова и др.

Значительный методологический вклад в исследование модернизационных и трансформационных процессов в странах постсоветского пространства в условиях глобализации сделан российскими исследователями Т. Заславской, Н. Римашевской, О. Яницким, В. Пригожиным, А. Кравченко, О. Шкаратаном, М. Шабановой, Г. Силласте, В. Федотовой, И. Соболевой, Б. Юдиным, Ю. Левадой, Н. Наумовой, В. Колесовым, Ю. Корчагиным, В. Ядовым, З. Голенковой, В. Радаевым, Р. Рывкиной и др. Также необходимо отметить работы белорусских ученых Г. Соколовой, Е. Бабосова, Н. Сечко, Е. Тарановой, Р. Смирнова, Т. Кузьменко, С. Шавель и др.

Несмотря на наличие множества публикаций и авторских разработок, где раскрываются причины и последствия глобальных и локальных изменений в Украине, все же недостаточно освещены вопросы, связанные с характером и способами реагирования украинского общества на цивилизационные вызовы современности и ролью человеческого потенциала в этих процессах.

Цель статьи – раскрыть сущность социокультурной составляющей человеческого потенциала, роли менталитета и архетипических оснований в обеспечении жизнеспособности общества и человека в условиях усиления нестабильности и неопределенности.

Изложение основного материала. Жизнеспособность как комплексная характеристика, отражающая совокупный потенциал общества – его способность и готовность адекватно отвечать на внешние и внутренние вызовы современности, непосредственно влияет на позиции страны в мировом сообществе. Цивилизационные вызовы современности могут выступать в качестве стимула усиления жизнеспособности общества, если оно стремится дать на них достойные ответы. Отсутствие же ответов свидетельствует о низкой жизнеспособности общества, об истощении его жизненных ресурсов, что неминуемо снижает рейтинг страны в международном сообществе. Поэтому уровень жизнеспособности и ее динамика служат обобщенным критерием эффективности развития стран.

Геополитический потенциал государства определяется эффективностью внешнеполитического курса и позицией страны в международных рейтинговых сравнениях, что во многом зависит от экономической и военной мощи страны, от уровня развития человеческого капитала и человеческого потенциала и от социокультурной и инновационно-деятельностной его составляющих. Т. Заславская как раз и относит человеческий потенциал общества к одному из ключевых факторов жизнеспособности общества, т. к. его качественно-количественные характеристики определяют степень «прочности» общества и позиции страны в геополитическом пространстве [1, с. 163–171]. В то же время отсутствие этой «прочности» превращает страну в «жертву», в объект манипуляций для других, более сильных стран, которые заставляют ее играть по своим правилам, жертвуя своими общенациональными интересами. Таким образом, человеческий потенциал общества имеет прямое отношение к национальной и социальной безопасности страны, является показателем защищенности национальных интересов и эффективности проводимой внешней и внутренней государственной политики страны, а также ее социальной политики.

Именно историко-культурный потенциал отражает общечеловеческую значимость исторического опыта нации, ее «вклад» в историю человечества, общую мощь национальной культуры (как материальной, так и духовной), уровень развития науки, образования, культуры, искусства и технологий. Социокультурная составляющая человеческого потенциала общества по своей природе, отражая духовно-нравственное состояние населения, сложившиеся социально-психологические и поведенческие стереотипы, является отражением ментальных черт национального характера. В условиях глобализации это приобретает особую ценность, т. к. позволяет обществу и человеку не раствориться в глобальной массовой культуре, а сохранить собственную самоценность, свое лицо как субъекта. Через процессы идентификации происходит

вписывание человека в общий социальных контекст за счет соотнесения доминирующих в данном сообществе норм, ценностей, стилей жизни, способов и средств общения с собственными.

В наших предыдущих публикациях [2; 3; 4] излагалась сущность матричной структуры вызовов глобализации относительно украинского общества, были раскрыты аксиологические основания человеческого развития в координатах цивилизационных вызовов современности. В этой статье мы остановимся на раскрытии сущности социокультурной составляющей человеческого потенциала, на роли менталитета и архетипических оснований в жизни общества и человека в условиях нестабильности.

Именно условия усиления социальной нестабильности, ее разрушительные деструктивные последствия для украинского общества и человека заставляют искать устойчивые основы жизнедеятельности и способы реагирования на неожиданные изменения. И здесь мы снова обращаемся к человеческому потенциалу, т. к. он выступает в качестве самой инертной из социетальных характеристик общества и «закреплен в таких физических и духовных качествах граждан, значительная часть которых зависит от генофонда страны, условий социализации новых поколений и особенностей национальной культуры. Характер менталитета, структура ценностей, типы личностей сравнительно слабо изменяются на протяжении жизни людей, в значительной мере передаются от поколения к поколению» [5]. Поэтому человеческий потенциал, а именно его социокультурная составляющая, содержит в себе качественные характеристики фундаментальных устойчивых оснований, которые фиксируются в социетальной психике общества, отражая социально-психологические черты народа в его коллективном и индивидуальном сознании. В матрице цивилизационных вызовов современности эта взаимосвязь имеет прямое отношение к ответу на вызов идентичности, который остро ставит вопрос о сохранении национальных традиций, черт и особенностей народа в процессе интеграции страны в поликультурную систему глобализирующегося мира.

Среди множества существующих авторских интерпретаций содержания социокультурной компоненты человеческого потенциала наиболее комплексную характеристику предложила Т. Заславская. Мы предлагаем ее несколько расширить и включить в ее состав:

1. уровень образования населения;
2. особенности национального менталитета;
3. характер нормативно-ценностного сознания, мировоззрения, мировосприятия, особенности политических убеждений и верований;
4. уровень морали и нравственности, социально-психологическое состояние, социальное самочувствие;
5. типы мотивационного комплекса и способы поведения людей;
6. ценностную ментальность, сложившееся соотношение ценностей свободы – самостоятельности – независимости или покоя – защищенности; готовности к личной ответственности и риску или патернализма; ориентаций на личный успех или на коллективное выживание;
7. степень культурной интеграции разных групп и слоев, способность индивидов и личностей к эффективному взаимодействию для достижения общих целей.

Составляющие социокультурной компоненты человеческого потенциала являются отражением социетальной психики общества, той духовно-психологической внутренней среды, которая влияет и во многом определяет критерии качества населения. Украинские ученые Е. Донченко и А. Овчаров [7, с. 173–175], исследуя проблему социетальной психики Украины, предлагают отказаться от употребления понятия «общество» в его классическом понимании, обосновывая это тем, что в нашей стране не сложилось такого ценностного социального феномена, как общество, а воплощением его сути может выступать социум: географическая, историческая, природная и культурная область на планете Земля, ограниченная определенными материальными

и нематериальными возможностями. Социум – это наш духовно-психологический воздух, которым все дышат, но который не принадлежит никому. Вероятно, именно поэтому его так трудно изучать и так трудно идентифицировать, но от степени «экологической чистоты» этого воздуха, целиком зависит здоровье вдыхающего его – и прежде всего человека, а значит, он не может не отразиться на динамике изменений и качестве человеческого потенциала населения – на его психическом, физическом и социальном здоровье, на духовно-нравственном состоянии. Это подтверждают результаты социологических исследований Института социологии НАН Украины.

Самоидентификационные выборы граждан Украины фокусируются на микроуровне – семьи и друзей (53 %), лишь 36 % населения страны идентифицируют себя с гражданами Украины. Это значит, что население не чувствует себя комфортно в социальной макросреде, государство не создает условий для его продуктивной жизнедеятельности, поэтому фиксируется стабильно низкое социальное самочувствие населения.

Результаты исследований различных социологических центров это подтверждают. Так, А. Ермолаев и специалисты Центра «София» [8] определили, что среди украинских граждан доминирует сдержанное, в меру критическое отношение к своей стране – без излишнего пафоса и фанатизма. Большинство (55,4 %) опрошенных считают Украину «обычной страной, не лучше и не хуже, чем другие». Гордятся Украиной и считают ее лучшей в мире страной только 17,8 % респондентов. Практически столько же (18,1 %) сожалеют о том, что им приходится жить в этой стране.

Эмоциональное отношение украинцев к своему государству сосредоточено в поле негативных чувств – беспорядка, нищеты, разрухи, противостояния (диапазон различий – от 12,7 % до 62,4 %). В течение 10 последних лет, по результатам социологического мониторинга Института социологии НАН Украины [9], наблюдается значительное усиление ощущений беспорядка и противостояния, что не говорит о позитивных процессах адаптации человека к социуму, да и сам украинский социум не адаптировался к меняющимся, нестабильным условиям и продолжает курс на выживание, «дрейфуя на обочину». Беспорядок и противостояние разрывают живую социальную ткань социума, не дают возможности человеку спокойно созидать и преобразовывать, а способствуют накоплению негативной разрушающей энергии социума. А факторами, которые объединяют людей в Украине, выступают недовольство властью (так считают от 29,4 % до 40,5 %), общие трудности жизни (33,3 % до 40,4 %), страх перед будущим (от 28,7 до 30,3 %).

Доминирование в Украине таких психологических характеристик, как неудовлетворенность, страх, тревога, психическое напряжение, дискомфорт и амбивалентность, свидетельствуют о том, что украинский социум – социум фрустрированный, что подтверждается данными мониторинговых исследований Института социологии НАН Украины [9], Центра «София» [10], Центра Разумкова [11] и др. Деятельностно-преобразовательный потенциал населения Украины составляет лишь пятую часть от его общей численности. Это та часть населения страны, которая активно приспособилась к социальным условиям, удовлетворена своим положением в обществе, готова в большей степени, чем другие, брать на себя ответственность за свою жизнь и жизнь страны. Результаты социологического мониторинга Института социологии НАН Украины [9] показывают, что внутренние ресурсы инициативности, самостоятельности, решительности и уверенности в своих силах и достижении собственных целей у населения есть. Нехватку этих важных ресурсов самоактуализации фиксирует меньшее число респондентов. Эти важные внутренние ресурсы присущи более чем трети населения (от 30 до 42 %), что становится основанием для того, чтобы эти ресурсы были востребованы обществом, т. к. именно эти люди в условиях нестабильности формируют созидательный потенциал преобразований.

Неопределенность будущего, отсутствие упорядоченности в социальной жизни на макро-, мезо- и микроуровнях, низкое качество трудовой и социальной жизни, постоянные социальные стрессы и дома, и на работе, и в стране истощают человека,

травмируют его психику, что отрицательно сказывается на состоянии социальной психики общества в целом. Кризис сознания, кризис идентичности становятся фактически нормой нашего времени... В Украине значительная часть населения до сих пор не смогла конструктивно адаптироваться к изменчивым рыночным условиям и продолжает терять, нерационально растрачивать имеющиеся внутренние ресурсы. Эта часть населения является слабобесурсной, и в ней накапливается дезадаптивная энергия социума, которая несет в себе потенциальную депрессивно-разрушительную силу. Опасность в том, что часть такого населения готова пойти на все ради выживания, и таких людей в Украине более трети (от 23 до 35 %).

Наблюдается позитивная динамика в изменениях личностного потенциала населения. При том, что почти 40 % населения оценили высоко свои личностные ресурсы инициативы и самостоятельности, уверенности в своих силах, все же практическое их применение и востребованность развиты меньше – лишь у трети. 33 % населения решительны в достижении цели, и 31 % смогли развить в себе умения и выработать собственные механизмы адаптации к изменчивым рыночным условиям. Позитивная динамика наблюдается в оценках населением состояния своего здоровья. Соотношение и динамика изменений деятельностно-преобразовательного и адаптационно-регрессивного потенциалов населения указывает на вектор происходящих в Украине процессов, степень адаптированности к условиям нестабильности и общества, и человека, а также раскрывает востребованность и реализацию потенциала человека и человеческого потенциала населения. Для более глубокого понимания и объяснения такой картины необходимо обратиться к архетипическим, ментальным истокам украинских граждан, которых в структуре национального состава населения страны 84 %.

Е. Головаха и А. Горбачик, проанализировав результаты «Европейского социального исследования», пришли к выводу, что украинские граждане больше, чем граждане других европейских стран, демонстрируют приверженность к таким ценностям, как «безопасность», «конформность», «обогащение», «власть», «традиция», и меньше – таким ценностям, как «открытость для перемен», «самостоятельность», «добродетельность». «Людам с таким ценностным симптомокомплексом присущи потребность в государственной защите, консерватизм и безынициативность в сочетании с жадой власти и обогащения. Такие черты определяют преимущественно традиционалистское сознание, которое не характерно для современного цивилизованного европейского человека» [12].

Здесь сложившиеся архетипы советского прошлого играют значимую роль. Подтверждает этот тезис мнения экспертов, опрошенных в рамках исследования «Украинский характер» [10]. «Украина является страной посттоталитарной, постколониальной и постгеноцидной. Все это не могло не отразиться на сознании и подсознании людей», – считает эксперт И. Лосев.

Е. Головаха отмечает, что советская система была жесткой и ориентированной на безынициативного и социально безответственного человека. Стояла задача сформировать человека, который будет выполнять определенную функцию. Нужно было внедрить в массовое сознание, что стратегические решения всегда принимает вышестоящая инстанция, что единственным источником адекватных решений является тот, на чью власть, на чью компетенцию ты ориентируешься. Отсюда и отсутствие предпосылок для самоорганизации людей на основе взаимного доверия. В этих условиях зоной доверия оставалась только микросреда.

Амбивалентность политического сознания стала следствием колоссальной нестабильности, которая возникла в результате процессов, связанных с распадом Советского Союза и кризисом 90-х годов, когда люди, с одной стороны, получили светлый образ демократии, а с другой стороны, увидели, что она приносит только проблемы.

В массовом сознании произошел когнитивный диссонанс. Наши граждане дезориентированы тем, что общественные механизмы (демократия, рыночные отношения), неплохо работающие в других странах, приводят в Украине к абсолютно

непредсказуемым последствиям. Важнейшей социально-психологической особенностью украинских граждан является склонность к изоляционизму. Речь идет об ограниченности сферы жизненных интересов рамками частной жизни и ближайшего социального окружения (семья, близкие родственники, друзья, соседи, кумовья и т. п.), слабой ориентации на достижения в рамках профессиональной деятельности. Для украинцев характерны обособление и дистанцирование от внешнего социального окружения – общества в целом (макросоциума). Ключевыми проявлениями изоляционизма являются недоверие к своим согражданам (если они не входят в ближайшее окружение), низкая готовность к солидарным действиям, иными словами – ограниченность социального капитала.

А. Ермолаев на основе проведенных исследований Центром «София» обосновывает наличие такого украинского феномена, как «догражданский индивидуализм», приводя следующие аргументы. Наши соотечественники могут активно отстаивать свой личный интерес, а порою идти на радикальные меры. Казалось бы, бурная двадцатилетняя история, богатая на протестные акции, забастовки и майданы, должна была свидетельствовать о высокой гражданской зрелости украинцев. Если бы не одно «но». Как правило, все проявления социальной активности прекращались, когда решалась конкретная личная проблема, либо граждане получали сигнал, что с завтрашнего дня проблема может быть решена. Даже «оранжевая революция» не стала этапом развития новых форм самоорганизации: «великое стояние» на Майдане закончилось новыми великими утопиями... Смогут ли события конца 2013 – середины 2014 г. сломать сложившийся стереотип – покажет время.

Сегодняшние реалии являются ярким свидетельством того, что самоорганизационные процессы внутри украинского общества действительно имеют кардиопатриотическую природу, где на фоне проявлений изоляционизма эмоционально-чувственное революционное начало является доминирующим, блокируя рациональные механизмы принятия стратегических решений, а поэтому носит скорее агрессивный разрушительный характер, чем созидательный, что моментально используется рационально мыслящими ближайшими соседями. Поэтому, как отмечает Е. Донченко, патриотические чувства украинцев носят амбивалентный характер. Она объясняет природу «кардиопатриотизма» украинцев так: в ее основе – сердечный, эмоциональный, но не рациональный патриотизм. Украинский патриотизм – это патриотизм в рамках ближайшего окружения. Любят Украину, которая живет у них в чувствах [10]. Пожалуй, этим можно объяснить героизм ребят, которые погибли за будущее Украины на «Евромайдане». Высочайшую степень ответственности, профессионализма и патриотизма обязаны проявить правящие элиты, которым доверена судьба страны и которая досталась такой дорогой ценой – ценой человеческих жизней. Слабая развитость рациональных основ самоорганизационных процессов, преобладание эмоциональных импульсивных непродуманных действий, отсутствие опыта и несформированность политической культуры социально активной протестующей части населения, несогласованность и конфронтации внутри самоорганизовавшихся групп, отсутствие четкой стратегии выхода страны из постреволюционной стадии нестабильности и проекта развития страны и ее регионов, а также ее социально-экономической сферой на новых принципах, отсутствие сильного, профессионального и ответственного лидера, который одновременно был бы признан и активной самоорганизовавшейся частью населения, и всем остальным населением Украины и ее регионов стали причинами того положения, в котором сейчас находится страна и ее юго-восточные области. Удастся ли Украине сохраниться как государству и выступить в роли самодостаточного социального субъекта на международной арене? Вопрос остается открытым, ведь украинцы – народ, который руководствуется традиционными ценностями. Но знание социокультурных особенностей населения страны и ее регионов, уважение к культурным традициям и ценностям прошлого позволят грамотно выстраивать управленческие механизмы в таких сложных и опасных условиях.

На уровне общества самоорганизационные процессы стали приобретать угрожающий неконтролируемый характер. На уровне обыденного сознания произошли смешение и хаотизация смыслов, которые не укладываются в обычные схемы восприятия. Состояние тотальной опасности стало блокировать рациональные механизмы восприятия человеком происходящего. Украинское общество стало опасным для самого себя, стало превращаться в расколотое и легкоманипулируемое, в котором роль действующей силы начала играть та часть населения, которой нечего терять и которая готова на все, для того чтобы просто выжить (заметим – силы, но не субъекта!).

Здесь нельзя не привести результаты социологического мониторинга 2013 г., по результатам которого зафиксировано наличие некоего социального субъекта, который способен повлиять на всю систему безопасности страны, ее правоохранительные органы, органы правосудия, армию, милицию и Президента. Этот субъект определен как «тот, кто заплатит», так называемый «кукловод», влияющий на судьбу Украины и ее народа. И состояние нестабильности, хаотизации, социального пространства служит благоприятной средой для установления этим субъектом своих правил игры и «зон влияния». Возможно, происходит борьба нескольких субъектов за политические, территориальные, финансово-экономические и человеческие ресурсы страны, усиливается противостояние между центральными и региональными элитами.

Эти обстоятельства ставят Украину еще в более сложный формат нестабильности – многослойный, полисубъектный, непрогнозируемый. Ситуация значительно осложняется тем, что именно социокультурные различия стали пусковым механизмом начавшегося противостояния населения регионов страны после событий февраля 2014 г. На фоне того, что все население страны уже многие годы объединяют чувство неудовлетворенности властью и общие трудности жизни, эти социально-политические факторы не стали механизмом единения и взаимопонимания внутри украинского народа, т. к. социокультурные различия – язык, традиции, особенности менталитета, символы социальной памяти, разное прочтение исторического прошлого страны послужили – основой формирования и кристаллизации в сознании людей разных картин мира, разных интерпретаций происходящего, разных представлений о будущем страны и ее геополитическом курсе. Поэтому внимание к социокультурной составляющей человеческого потенциала общества должно быть самым пристальным, т. к. она затрагивает глубинные социально-психологические, ментальные и архетипические основы мировосприятия человеком окружающего мира, именно здесь локализованы механизмы формирования и понимания смыслов происходящего, регуляции и саморегуляции поведения.

«Период Советского Союза сформировал феномен «советского человека» – бессубъектного индивида, внутренне Я которого растворялось в государственно-общественном МЫ», – пишет В. Ядов [13, с. 26]. За годы независимости происходило постепенное разрушение института человека, что отрицательно повлияло на развитие способностей и готовности (прежде всего психологической) личности к самоуправлению, самоорганизации, основанным на рациональном (в функциональном и сущностном аспектах) влиянии личности на внутренний и внешний мир для реализации своих прав и интересов без ущемления прав и интересов других людей.

Если учесть, что сознание украинцев в основном строится на традиции, а значит на культурно-историческом опыте предков, ментальном и эмоционально-психологическом коде, то архетипические основания выступают действенным механизмом саморегуляции и устойчивости внутренней картины мира современного украинца в условиях усиления нестабильности. Архетипические основания украинского социума выстраиваются, согласно теории архетипических структур С. Б. Крымского [14], на концептосфере «Дом – Поле – Храм», которые испокон веков выступали смысло-жизненной константой украинцев. Именно она лежит в основе их социальной памяти и менталитета как ценностного основания культурного потенциала украинского народа. Это символическая Троица, которая является отражением украинских национальных архетипов. «Дом» – символ священной среды обитания,

где человек занимает видное место, где, по выражению Т. Шевченко, «своя и правда, и сила, и воля»; «Поле» – символ не просто степи, а связи Дома с окружающим миром, который дает жизненный тонус, определяет судьбу, выступает источником процветания и жизни; «Храм» – святыни, которые исповедует человек, имеющие двойную природу – внутреннюю и внешнюю. Эти структуры вследствие своей символичности могут в разные эпохи и у разных этносов иметь различную интерпретацию, но тематически они присутствуют всегда. Таким образом, концептосфера украинских архетипов «Дом – Поле – Храм» в современном прочтении можно соотносить с триадой «Семья – Труд (Дело) – Бог», выступающей смысложизненной соотнеской ментальности украинцев, обеспечивающей человеку возможность выстоять в сложнейших условиях многомерной нестабильности, сохранить себя, свой мир.

Архетипическая триада «Семья – Труд – Бог» является той константой, которая способна для современного украинца выступить устойчивой основой упорядочения жизненного мира в условиях хаоса и неопределенности, обеспечить ему возможность выстоять в условиях многомерной нестабильности, сохранить себя, свой жизненный мир, преодолеть сложнейшие жизненные обстоятельства. Способность и готовность человека выстраивать свой внутренний мир на основе выявленной архетипической константы, заложенной в коллективном сознании, создает прочные основания его укорененности в нестабильном социальном мире, является залогом его психического, физического, духовного и социального здоровья.

Выводы. Проведенный анализ позволяет утверждать, что учет социокультурных основ человеческого потенциала общества, включающих и особенности социальной психики украинского социума, приобретает ведущее, ключевое значение в определении судьбы страны и ее регионов, а также самого человека. Сформированная в Украине система общественных отношений ограничивает возможности для человеческого развития, сильные звенья социокультурной его составляющей не используются и не задействованы в полном объеме в процессы общественных преобразований, что при невзвешенных ошибочных действиях власти приводит к жесткому противостоянию между различными по социокультурным признакам группами украинского населения.

Выявленные социокультурные особенности человеческого потенциала страны необходимо учитывать в практике социального управления и государственного регулирования, для того чтобы предвидеть возможные последствия эмоциональных и поведенческих реакций населения. Слабая развитость рациональных оснований самоорганизационных процессов, преобладание эмоциональных импульсивных непродуманных действий, неопытность и несформированность политической культуры социально активной радикальной части населения, несогласованность и конфронтации внутри самоорганизованных групп, отсутствие национального проекта развития страны и ее регионов стали причинами того положения, в котором сейчас находятся страна и ее регионы, а общественные механизмы – демократия, социальная активность и мобилизация населения – приводят в Украине к совершенно непредсказуемым последствиям.

На макроуровне необходима «перезагрузка» системы и новый формат отношений между главными социальными субъектами страны – властью, государством, бизнесом и обществом, целью и результатом которых должны выступить социальная стабилизация и сбалансированность всех систем и институтов общества. Необходимо разработать и внедрить новые принципы взаимодействия между центром и регионами, между жителями территорий, общественными организациями и органами местного самоуправления, где главным приоритетом будет выступать культура диалога, ответственности и профессионализма. Этим требованием должны руководствоваться политическая элита, представители центральных и региональных органов власти. Необходим всеукраинский конструктивный социальный диалог ради общего блага – сохранения социального мира и целостности страны. В его основе должно лежать единомыслие украинского политикума в отношении судьбы Украины, кото-

рая одновременно является и Домом, и Полем, и Храмом. Политику внутреннего государственного строительства необходимо проводить в контурах выявленной архетипической концептосферы, что поможет рационально использовать имеющиеся ресурсы и сохранить жизнеспособность социума и человека, сберечь человеческий потенциал Украины.

Литература:

1. Заславская Т.И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации : учеб. пособие / Т. И. Заславская. – М. : Дело, 2004. – 400 с.
2. Панькова О.В. Человеческий потенциал и потенциал человека в координатах цивилизационных вызовов современности / О.В. Панькова // Социальное знание и современные проблемы развития белорусского общества : материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 21–22 ноября 2013 г.) / ред. кол.: Котляров И.В. (гл. ред.) и др. ; НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2013. – С. 128–132.
3. Панькова О.В. Аксиологические основания развития человека и человеческого потенциала общества в координатах цивилизационных вызовов современности / О.В. Панькова // Социальная экономика. – Харьков : Изд. центр ХНУ им. В. Н. Каразина, 2014. – № 2. – С. 36–48.
4. Панькова О.В. Особенности и возможности развития человеческого потенциала Украины в зеркале международных рейтинговых сравнений мире / О.В. Панькова // Социологический альманах. – Минск : «Беларуская навука», 2014. – № 5. – С. 421–434.
5. Заславская Т. Человеческий фактор в трансформации российского общества : (Проект) [Электронный ресурс] / Т. Заславская // Публичные лекции «Полит.ру». – 2005. – Режим доступа : <http://polit.ru/article/2005/10/13/zaslavskaya.html>.
6. Бауман З. Идентичность в глобализирующемся мире / З. Бауман // Индивидуализированное общество. – М. : Логос, 2002. – С. 176–177.
7. Донченко Е. Адаптационный невроз социума как следствие управленческого кризиса / Е. Донченко, А. Овчаров // Социология: теория, методы, маркетинг. – 1999. – № 1. – С. 173–186.
8. Ермолаев А. «Вишневый сад» украинского традиционализма [Электронный ресурс] / А. Ермолаев, А. Левцун ; Центр социальных исследований «София». – Режим доступа : <http://new.sofia.com.ua/page156.html>.
9. Українське суспільство 1992–2013. Стан та динаміка змін. Соціологічний моніторинг / за ред. д. е. н. В. Ворони, д. соц. н. М. Шульги. – К. : ІС НАНУ, 2013. – 566 с.
10. Ермолаев А. Аналитический доклад: украинский характер (Характерные социально-психологические особенности населения Украины) [Электронный ресурс] / А. Ермолаев, А. Левцун, С.Денисенко ; Центр социальных исследований «София». – Режим доступа : <http://www.sofia.com.ua/page157.html>.
11. Центр Разумкова. Соціологічні дослідження [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Центру Разумкова. – Режим доступу : <http://razumkov.org.ua/ukr/socpolls.php>.
12. Головаха Є. Тенденції соціальних змін в Україні та Європі: за результатами «Європейського соціального дослідження» 2005–2009 / Є. Головаха, А. Горбачик. – К. : Інститут соціології НАН України, 2010. – С. 114–115.
13. Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе / В.А. Ядов // Социологический журнал. – 1994. – № 1. – С. 26.
14. Кримський С.Б. Заклики духовності ХХІ століття : (3 циклу щорічних пам'ятних лекцій імені А. Оленської-Петришин, 2002 р.). / С.Б. Кримський. – К. : Академія, 2003. – 32 с.
15. Афонин Э.А. Великая коэволюция: Глобальные проблемы современности: историко-социологический анализ. Открытая исследовательская концепция / Э.А. Афонин, А.М. Бандурка, А.Ю. Мартынов ; пер. с укр. Ж.Н. Маркус. – 2-е изд-е, перераб. и доп. – К. : Парламентское изд-во, 2003. – 384 с.

**ПЛАХТИЙ
Тарас,
PLAKHTIY
Taras,**

независимый
исследователь,
г. Львов.

Аннотация: на основе анализа трех взаимосвязанных групп архетипов – личностных, мировоззренческо-ценностных и культурных – разработана архетипная модель бессознательного социальной психики, выявлена степень влияния на нее внутренних и внешних факторов и предложены соответствующие организационные инструменты для осуществления архетипного управления социальными системами.

Ключевые слова: архетип, архетип личностный, архетип мировоззренческо-ценностный, архетип культурный, социально-групповая динамика, политические организации, динамическая сеть.

УДК 329.001 (100)

Тарас ПЛАХТИЙ

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ АРХЕТИПНОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМИ СИСТЕМАМИ

Постановка проблемы. Большинство мыслящих людей осознает сложность общественно-политической ситуации в Украине и с грустью наблюдает за нарастанием ухудшающих ее негативных процессов деградации общественной морали, роста пассивности граждан, углубления имущественного и образовательного неравенства, нарастания апатии и озлобленности широких масс. Их ускорение происходит вследствие того, что практически все политические организации деградируют и вырождаются, а власть все больше удаляется от украинского народа, пытаясь открыто или скрыто формировать из него аморфную биомассу, неспособную к осознанию собственных интересов и осуществлению осмысленных шагов по их отстаиванию.

В одной из своих публикаций [1] украинский ученый Георгий Почепцов констатирует, что хотя в истории человечества социальные системы в целом постепенно трансформируются в сторону демократии, демократия все же всегда конструируется искусственно, а затем удерживается с помощью дополнительных усилий со стороны государства, поскольку она не является формой, органично присущей социальной системе. В этом контексте становится очевидно, что усилия, которые прилагает сегодня государственная власть, чтобы удержать Украину в рамках демократии, недостаточны. Более того, некоторые ее шаги часто бывают откровенно направлены на сворачивание демократии в стране и на становление и закрепление в ней авторитаризма.

По словам Г. Почепцова, ситуация осложняется тем, что, как подчеркивает «философ» современного британского правительства Блонд [2], и коммунизм, и капитализм атомизировали человека для облегчения управления им. В результате было построено неравенство, когда 50 процентов населения владеют 1 процентом собственности. Процесс сепарации на бедных и богатых с углублением имущественного неравенства особенно остро проявился в Украине, население которой вследствие длительного пребывания в тоталитарной коммунистической системе стало уязвимым к манипулятивному медийному воздействию, экономически безграмотным и полностью утратило навыки к самоорганизации.

Таким образом, можно определить проблему, остро стоящую перед украинскими элитами и, соответственно, перед государственным управлением, которое они осуществляют, находясь во власти: что следует делать, чтобы привести и стабильно удерживать украинскую социальную систему в рамках демократии, а также как остановить процессы моральной и социальной деградации украинского общества, запустить процессы его духовного очищения и массового проявления лучших человеческих качеств украинцев?

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Российские ученые А.В. Брушлинский и П.Н. Шихерев в предисловии к книге известного социолога С. Московичи «Машина, которая творит богов» [3] раскрывают один из ключевых тезисов автора: при анализе человеческого общества социальное можно отделить от психического

лишь в абстракции, в предметах различных наук и теоретических предпочтений, но реально они неразделимы. Психическое (верования, страсти и т.д.) чаще, чем это принято считать, лежат в основе социального (общественных структур, продуктов, институтов и т.д.), и поэтому психология находится в основе социологии. По С. Московичи, общество – это система связей между социальными субъектами, групповыми и индивидуальными, которые самоопределяются через отношение друг к другу. В модели общества на передний план выдвигаются его динамические, а не статические, структурные свойства. Таким образом, общество – это система динамических отношений, нечто текучее, непрерывно меняющееся, и поэтому сравнимое с психикой, с динамизмом страстей и верований, которые составляют суть духовной жизни реального человека. При этом в модели человека в таком контексте на передний план выступают, с одной стороны, потребность в вере и переживаниях, а с другой и – способность удовлетворить эту потребность. Иными словами, человек «символический» уступает человеку «верующему». Авторы предисловия подчеркивают один из ключевых тезисов С. Московичи: ядром психологического отношения одного человека к другому является отношение этическое, а ядром психики – система нравственных ценностей. В то же время социальное является заведомо и потенциально этическим, определяющим его развертывание в форме взаимно положительных отношений – миролюбия, сотрудничества, хорошего взаимного общежития. Таким образом, нравственное и концептуально, и содержательно оказывается тем слоем бытия, где сходятся социальное и психическое. Данная сфера духовного бытия имеет и свое материальное выражение. Это сфера культуры – особой, человеком созданной реальности, в которой объективирована, остановлена в менее переходных и более дизъюнктивных формах динамика страстей и переживаний, моральных дилемм и морально-этических конфликтов.

Украинский социальный психолог Елена Андреевна Донченко отмечает [4], что центром социального качества является не индивид (как это принято считать в гуманистической психологии), а тип взаимодействия одних характеристик социальной структуры с другими. Именно тип взаимодействия является главной причиной тех или иных социальных тенденций и преобразований. Компетентный политик должен точно знать, где, на каком именно историческом этапе находится тот социум, которым он занимается, каковы его статические и динамические характеристики, в чем заключаются его болезни, и какие конкретно лекарства здесь смогут помочь. То есть, речь идет об отношении к социуму как к специфической форме жизни с определенными законами развития, с историко-культурными и психологическими особенностями, в которых воплощается его индивидуальность.

Наше коллективное бессознательное содержит информацию о тех этапах социальной эволюции, которые пройдены человечеством. В каждом из нас есть фундамент, на котором выстраивается та или иная характерологическая конструкция. Природа закрепления специфических психосоциальных ориентационных механизмов в психике отдельного индивида и их происхождение кроются в четырех типах жизнеустройства социальных общностей (тоталитарный, авторитарный, либеральный и демократический). Эти механизмы – своего рода информационные генофонды, совокупность социальных кодов, которые классифицируют опыт жизни многих миллионов поколений.

Е. Донченко делает следующий вывод: если анализировать объективно субъективные факторы возможного поворота Украины к открытому обществу, то главным среди них является опосредованный путь через изменения в структурных элементах фрактальной модели. Эти изменения могут происходить как при условии адекватного (учитывающего архитектурное строение и тенденции движения социума) управления, так и при медленных и ужасных, с точки зрения человечности, самоорганизационных процессах. В современной Украине происходит последнее.

Швейцарский психолог и психиатр Карл Густав Юнг, изучая сны пациентов, обнаружил в них образы и идеи, которые никак не связывались с опытом человека в

рамках одной жизни. Так были открыты архетипы [5] – мощные психические прототипы, скрытые в глубинах бессознательного, врожденные универсальные идеи, начальные модели восприятия, мышления и переживания. Это своего рода первичные представления о мире и жизни, которые не зависят от уровня полученных знаний. Они передаются из поколения в поколение и составляют генетически наследуемую структуру общечеловеческого опыта. Индивидуальный жизненный опыт не изменяет их, а лишь дополняет новым содержанием. Согласно учению К. Юнга архетипы являются формирующими элементами структуры бессознательного, его своего рода «универсальной матрицей». Из этих элементов вырастают архетипические образы, которые доминируют в мышлении людей и в их культуре. Как только объект сознательного попадает в ячейку этой «универсальной матрицы», вся она моментально наполняется усвоенным опытом человека, объединяя осознанное с имеющимся опытом и наделяя единичный факт глубоким общечеловеческим содержанием. Это происходит через механизмы резонанса – когда из общей массы разнообразной информации человек выделяет ту, на которую он настроен, которая им востребована в конкретных жизненных обстоятельствах. Отраженная в сознании реальная ситуация непосредственно обращается к образу, встроенному в глубинах психики, пробуждая осознание и осмысление чего-то знакомого и значимого и запуская своего рода соответствующее «программное обеспечение», что напрямую влияет на наши поведенческие схемы и ценности.

Одна или несколько архетипических программ задействованы постоянно. Продолжая аналогию с компьютером, следует сказать, что как невозможно открыть сразу все программы и работать в них – так же и архетипы находятся в состоянии покоя в бессознательном до тех пор, пока их не откроют или не запустят. Описанный механизм непосредственно влияет на скорость адаптации человека к новым жизненным обстоятельствам, в которые он попадает на протяжении своей жизни, что, в свою очередь, увеличивает его шансы выжить в неблагоприятной среде.

Итак, осознанная нами реальная ситуация резонирует со структурами бессознательного, активируя соответствующие архетипы, что приводит к синхронизации выбранных нами поведенческих схем и «подстройки» глубинных ценностей под их содержание.

Такие выводы прекрасно коррелируют с результатами ряда социально-психологических экспериментов, в частности с результатом Стэнфордского тюремного эксперимента Филиппа Зимбардо [6], который однозначно показал, что правила игры и сама роль (даже искусственная), которую людей могут заставить выполнять тем или иным способом (то есть, осознанная реальная ситуация), в большой степени формирует их установки и влияет на существующие, что, в свою очередь, приводит к выбору ими соответствующих поведенческих схем и стратегий. Интенсивность таких процессов, то есть наша адаптационная способность, и определяется синхронизацией наших поведенческих схем и стратегий, а также «подстройкой» глубинных ценностей под архетипы бессознательного.

Существует ряд методов анализа социальных систем на основе архетипов. Один из основателей Украинской школы архетипики Эдуард Афонин [7] в течение многих лет в своих исследованиях [8] использует бинарные шкалы-оппозиции для наблюдения и анализа изменения психосоциальной культуры Украины, которые способны отразить как устойчивую, исторически неизменную составляющую психологии украинского социума, так и составляющую переменную, динамичную. В частности, речь идет о таких шести бинарных шкалах-оппозициях, как «Экстраверсия / Интроверсия», «Эмоциональность / Прагматичность», «Иррациональность / рациональность», «Интуитивность / Сенсорность», «Экстернальность / Интернальность», «Экзекутивность / Интенциональность». Каждая из этих психологических характеристик является следствием, своеобразным историческим результатом того, что не раз повторялось в поведении отдельных людей и целого народа, а следовательно, вполне может служить инструментом измерения самобытности Украины или откло-

нений от нее. Иначе говоря, речь идет о социетальной идентичности как многомерной психосоциальной реальности, определяемой как надежное средство гармонизации внутренней жизни социума, как залог его же принятия и дальнейшего развития. Автор утверждает, что успех современных общественных реформ лежит в плоскости отношений, которые складываются между материальным и идеальным, внешним и внутренним, психическим и социальным в человеческой природе, а конфликты, сопровождающие общественные преобразования и реализацию государственно-политических решений, сосредоточены преимущественно в психокультуре политико-управленческой элиты и украинского общества.

В своей работе « Душа денег» [9] Бернар Б. Лиетар на основе карты человеческой психики, созданной психологами Робертом Муром и Дугласом Жиллетом [10], предложил модель Архетипического Человека – единую карту, которая включает все аспекты эмоциональной сферы мужчины и женщины в сбалансированном виде. Критерием для отбора архетипов для этой карты стала возможность охватить максимально широкий спектр человеческих эмоций, используя минимальное их количество. Автор усовершенствовал карту предшественников, дополнив ее подавленным, на его взгляд, архетипом Великой Матери, и на основе полученной модели провел детальный анализ денежных систем, существовавших на протяжении всей истории человечества. Одним из выводов его работы, имеющим отношение к методу данного исследования, является вывод о необходимости рассмотрения каждого из архетипов или их групп одновременно в их взаимосвязи и динамическом взаимодействии. Сам метод архетипного анализа, предложенный Б. Лиетаром, заключается в выявлении подавленного архетипа через резонанс его теней с тенями соответствующего типа других проявленных архетипов и в выработке рекомендаций по практической «интеграции» подавленного архетипа, что определяет оптимальный путь сбалансирования всей социальной системы и практические шаги его реализации.

Большинство мыслителей, ученых, общественных, религиозных и политических деятелей, а также лидеров украинских партий и общественных движений, объединений и организаций прошлых эпох и современности рассматривали и рассматривают решение поставленной в начале проблемы в двух направлениях: в деятельности национальных элит по целенаправленному совершенствованию граждан с помощью их образования и всестороннего развития (фактически путем просвещения), а также путем создания нового политического мифа – украинской национальной или цивилизационной идеи, способной вызвать мощную вспышку пассионарности в украинском обществе, энергию которой можно было бы использовать для построения процветающего государства. Однако исторический опыт каждый раз доказывает недостаточность усилий только в этих двух направлениях – будь то в рамках Украины или в рамках любой другой страны мира. Волны глобальных экономических кризисов последних лет и исследования ученых [11], обнаруживших концентрацию значительной части материальных и финансовых ресурсов в руках владельцев ограниченного круга корпораций, свидетельствуют о протекании определенных негативных процессов в странах западного мира, которые прежде считались образцами демократии и процветания. То есть, существуют и другие, неучтенные факторы, влияющие на определение направления ключевых процессов в социальных системах, которые, в свою очередь, обуславливают деградацию или процветание последних. Определим один из неучтенных и наиболее важных, на наш взгляд, факторов, управление которым обусловит успешное решение поставленной в начале проблемы.

Цель статьи, постановка задачи. Взяв за основу представленное выше понимание целостности социального и психического и их сочетания в сфере этического, сформируем модель произвольной социальной системы как взаимодействие трех групп архетипов, которые прямо или косвенно соответствуют данным понятиям. Далее, исходя из существования взаимовлияния индивида и социальной системы, элементом которой он является, и используя основные понятия описанных методов исследований, проведем анализ созданной модели и найдем основные регуляторы

и соответствующие им организационные инструменты для ее настройки, которые были бы доступны для использования украинскими элитами в рамках собственных политических организаций и властных институтов.

Освещение основного материала исследования. Существует множество классификаций и группирований архетипов, а самих их некоторые ученые выделяют сотни и даже тысячи. Понимая, что все архетипы в совокупности составляют определенную целостную структуру, которая формирует матрицу бессознательного, выделим среди них три взаимосвязанные группы для создания архетипной модели бессознательного социетальной психики социальных систем: личностные архетипы, мировоззренческо-ценностные архетипы и культурные архетипы.

Личностные архетипы. Воспользуемся описанием выделенных американскими исследователями Маргарет Марк и Кэрл Пирсон в книге «Герой и Бунтарь» [12] двенадцати основных личностных архетипов, для упрощения выделив для нашей модели лишь три из них: архетипы Героя, Правителя и Мудреца.

Обычно люди, которые приходят в общественно-политические организации, являются носителями фоновых или активированных архетипов, например Героя, Бунтаря, Искателя или Заботливого. По мере своей деятельности и личностного развития в рамках траектории общественно-политической организации они могут активировать в себе и закрепить качества любого из архетипов другой группы – Правителя, Мудреца, Мага или Творца. Кроме того, каждая конкретная ситуация приводит к временной активации любого из перечисленных архетипов, что на короткий срок может существенно изменить поведение индивида. По такому механизму происходит перевоплощение рядовых членов организации, которых случайно назначили руководить группой коллег для реализации разового поручения.

Маргарет Марк и Кэрл Пирсон выделяют три положительных уровня каждого из архетипов и один отрицательный – их тень.

Бернар Б. Лиетар [9] утверждает, что подавленный архетип заявляет о себе двумя тенями, которые разделены эмоционально – страхом – и являются как бы двумя сторонами одной монеты: одна из теней (Ян) обладает избытком энергии самого архетипа, а другая (Инь) – ее нехваткой. Все тени объединяет одно – страх противоположного полюса. Например, двумя тенями архетипа Правителя являются Тиран и Слабое Звено, причем Тиран всегда боится стать Слабым Звеном, а Слабое Звено – стать Тираном. Тенями архетипа Героя (Воина) являются, соответственно, Садист и Мазохист. Тот, кто выбрал для себя одну из теней, будет бессознательно собирать вокруг себя людей, которые предпочли противоположную тень – Тиран, например, будет стремиться окружить себя Слабыми Звеньями и наоборот. При этом существует взаимосвязь между всеми тенями типа Ян различных архетипов с одной стороны и всеми тенями типа Инь – со другой, аналогичная явлению резонанса в физике.

Для того чтобы не усложнять модель, на ее схеме ниже обозначим высший – третий уровень каждого из личностных архетипов, а также ту из его теней, которая содержит избыток энергии самого архетипа (будем считать, что у членов элитных групп, как правило, проявляется тень типа Ян). Это позволит отразить непрерывность личностных архетипов и потенциальную возможность их проявления в любом качестве в зависимости от реальных обстоятельств, а также установить факторы, которые обуславливают такое проявление.

Мировоззренческо-ценностные архетипы. Следующая группа архетипов – мифотворческая, которая включает наши врожденные представления о справедливости, свободе, равенстве, честности, достоинстве и т.п. Все они в разных пропорциях являются инвариантными составляющими политических мифов или идей, которые циклически возникают, распространяются и угасают в обществе в виде религий, идеологий, национальных и цивилизационных идей. Юнг подчеркивал, что все наиболее мощные идеи в истории происходят от архетипов.

Известная украинская социолог Любовь Бевзенко [13] считает, что миф служит способом упорядочения реальности на уровне мифопоэтического сознания, который по мере своего становления начинает формировать реальное, хорошо структу-

рированное социальное мифологическое пространство с его символами, ритуалами и ритмами. Миф – это разделение на своих и чужих, причем присутствующее на глубинном, бессознательном уровне. Он обуславливает симпатию к своему и тревожность, переходящую в агрессию – при виде чужого. Миф обладает способностью создавать на своей основе определенную социальную целостность, множество людей оказываются под действием какой-то надличностной силы, которая координирует и согласовывает их действия, наделяет свойствами тонко чувствовать друг друга и способностью к ритмической синхронизации своих действий.

Украинский исследователь Евгений Ланюк сосредоточил свое внимание [14] на сути и специфике политического мифа как социального феномена, проблеме его соотношения со священным мифом с одной стороны и идеологией и утопией – с другой; рассмотрел основные концептуальные подходы к определению осмысления политического мифа (в частности, проанализировал взгляды Платона, Б. Малиновского, Ж. Сореля, Фрейда, К. Юнга, Э. Кассирера, М. Мюллера и Р. Барта), определил структуру политического мифа и специфику его использования в социокультурных и политических условиях современности.

Украинский политолог Наталья Пробыйголова [15] сделала обзор изменений интерпретации самого понятия мифа в современной науке, проанализировала феномен мифа в политической жизни современных обществ и его использование в качестве элемента социального управления в соответствующих технологиях избирательных кампаний. Несмотря на видимую рационализацию массового и индивидуального сознания, миф и сегодня играет намного большую роль в жизни общества и отдельного индивида, чем это принято считать. Классические мифы являются целостно оформленными рассказами, которые имеют логическое начало, кульминацию и конец, современные же, по сравнению с ними, как правило, отрывочны, логически не завершены и объясняют лишь определенный момент, эпизод. В мифологии нашего времени сочетаются сознательное и бессознательное, реальное и идеальное, рациональное и иррациональное. Истинная сущность мифа состоит в скрытом от непосредственного анализа смысле, который содержится в мифе и оказывает влияние на его потребителя. С точки зрения автора, структура мифа включает следующие элементы: архетип какой-либо ситуации, содержание конкретного опыта, мифологизированную идею, политическую символику, стереотипы поведения, мотивационные потребности, ценностную систему, политический юмор, коммуникативность и атрибуцию, системообразующие отношения. То есть, политический миф является формой синтеза мифологического и политического сознания, эмоционально окрашенным чувственным представлением о политической действительности, которая в значительной степени смещает и вытесняет реальные представления о ней, а также системой, элементами которой выступают конкретные представления, которые репрезентируют систему ценностей, сформированную мифологизированной политической идеей. Большинство современных мифологов сконструированы на основе знаний об особенностях функционирования человеческой психики, актуальных достижений в области психологии, социологии и психолингвистики.

Технологии модификации мифов подробно описывает в своих книгах и публикациях украинский ученый Георгий Почепцов [16]. В основе его концепции лежат переходы между тремя пространствами: информационным, виртуальным (который наиболее соответствует сущности мифа) и физическим – изменения в информационном пространстве порождают изменения в пространстве виртуальном, что, в свою очередь, приводит к изменениям в пространстве физическом. Изменения в физическом пространстве, возникшие в результате таких переходов, создают информационные поводы, по которым реализуется обратная связь, что позволяет корректировать управляющие информационные воздействия на социальные системы.

Чтобы упростить сверхсложные современные конструкторы мифа, рассмотрим его функциональную модель как информационную систему, включающую в определенном соотношении важнейшие инварианты – архетипические представления о справедливости, свободе, равенстве, честности, достоинстве и т.п., причем ключевым

параметром такой системы, который определяет ее интегральный смысл, качество и основные свойства, будем считать распределение указанных архетипов и их антитез между «своими» и «чужими» («другими», «иными»). То есть, соотношение инвариантов мировоззренческо-ценностных архетипов в мифе и их отношение к «своим» и «чужих» определяет степень его агрессивности, его «оттенки».

Культурные архетипы. Еще одним из факторов, которые в условиях общественно-политических систем влияют на направление проявления перечисленных личностных архетипов, являются архетипы культурные. Воспользуемся их классификацией, приведенной в книге под редакцией Т.Ю. Базарова и Б.Л. Еремина «Управление персоналом» [17], в которой авторы выделяют культуру консолидации, культуру конфронтации, культуру конкуренции и культуру кооперации. Соотношение и степень активации культурных архетипов в данном обществе в своей совокупности обуславливает тип его организационной культуры.

Перечисленные культурные архетипы хорошо коррелируют с метафорическим описанием четырех пространств Бытия [18] украинского исследователя Игоря Когана: пространства страданий, пространства борьбы, пространства приключений и пространства свободы. Кроме того, они соответствуют нашей классификации [19] уровней организационной сложности социальных систем по критериям первоочередной реализации интересов и типа взаимоотношений между теми, чьи интересы на самом деле реализуются: 1-й уровень – индивид, 2-й – иерархия, 3-й – корпорация, 4-й – упорядоченная сеть. Также можно проследить определенную аналогию культурных архетипов с предложенной украинским специалистом по менеджменту Валерием Пекарем цветной классификацией организаций [20] в соответствии с принципами «спиральной динамики» [21].

Очевидно, что культура конфронтации наиболее соответствует Домодерну, культура конкуренции – Модерну, а культура кооперации – Постмодерну. Украинская исследовательница Светлана Благодетелева-Волк отмечает [22], что если в период Домодерна люди, их группы и сообщества жестко разделялись на «своих» и «чужих» по критерию «любящий / агрессивный», то во времена Модерна состоялось его смягчение – он дополнен критерием «эффективный / неэффективный», причем понятие «чужой» трансформировалось в понятие «другой», «иной». Во времена Постмодерна на передний план наряду с уже упомянутыми критериями выходят критерии человекоцентричности, возможности достижения им полноты бытия. Такую эволюцию сегрегации социосистем необходимо учитывать при дальнейшем комплексном анализе составляющих архетипной модели.

Подробно перечисленные культурные архетипы как организующие принципы фрактального архетипа психосоциальной эволюции описаны украинскими учеными Е.А. Донченко и Ю.В. Романенко [4]. Авторы считают, что эти принципы составляют своеобразную матрицу упорядочения, которая накладывается на хаос таким образом, что любое содержание находит себе место. Организующие принципы расположены на фрактале не случайно, а закономерно, в соответствии с реальными корреляциями и взаимопереходами феноменальных структур. Отдельные признаки, которые представляют то или иное жизнеустройство, не отражают его целостность. Только в совокупности они образуют некий организационный тип общества, задают его духовную атмосферу, его целостность: дух социума, его ауру, самочувствие людей в целом. Авторы выделяют следующие составляющие фрактального архетипа: тоталитарный (тотемный) тип жизнеустройства общества, авторитарный тип жизнеустройства общества, либеральный тип жизнеустройства, демократический уклад жизни.

Итак, культура консолидации, присущая архаическим обществам, и является наиболее древним архетипом, в рамках которого формировались и закреплялись все прочие культурные архетипы. То есть, в рамках архаических обществ в различных социальных группах и сообществах зарождались и закреплялись взаимоотношения конфронтации, конкуренции и кооперации.

Конкуренция представляет собой промежуточную неустойчивую культуру, стабильность которой зависит от множества факторов и представляет собой относи-

тельное равновесие 2 процессов на организационном уровне – концентрации власти и собственности на верхних уровнях правящей иерархии и распределения власти и собственности среди широких масс. Разница в скорости течения этих процессов определяет направление движения общества: в случае ускоренного протекания первого процесса происходит трансформация культуры конкуренции в культуру конфронтации, что способствует активации теней личностных архетипов, а при ускоренном протекании второго процесса культура конкуренции трансформируется в культуру кооперации, способствуя активации высших уровней личностных архетипов.

Совершенно очевидно, что переход от одной культуры к другой, означающий смену доминирующего культурного архетипа, обуславливает неизбежную смену актуальных общественных ценностей. Соответственно, целенаправленное изменение ценностей способно обеспечить изменение в заданном направлении доминирующего культурного архетипа и соответствующей ему организационной культуры.

Интегральная архетипическая модель бессознательного социетальной психики социальных систем и основные регуляторы для ее настройки. Учитывая особенности и взаимообусловленность описанных выше трех групп архетипов, сформируем интегральную архетипную модель бессознательного социетальной психики социальных систем и выделим основные регуляторы для ее настройки (Рис. 1).

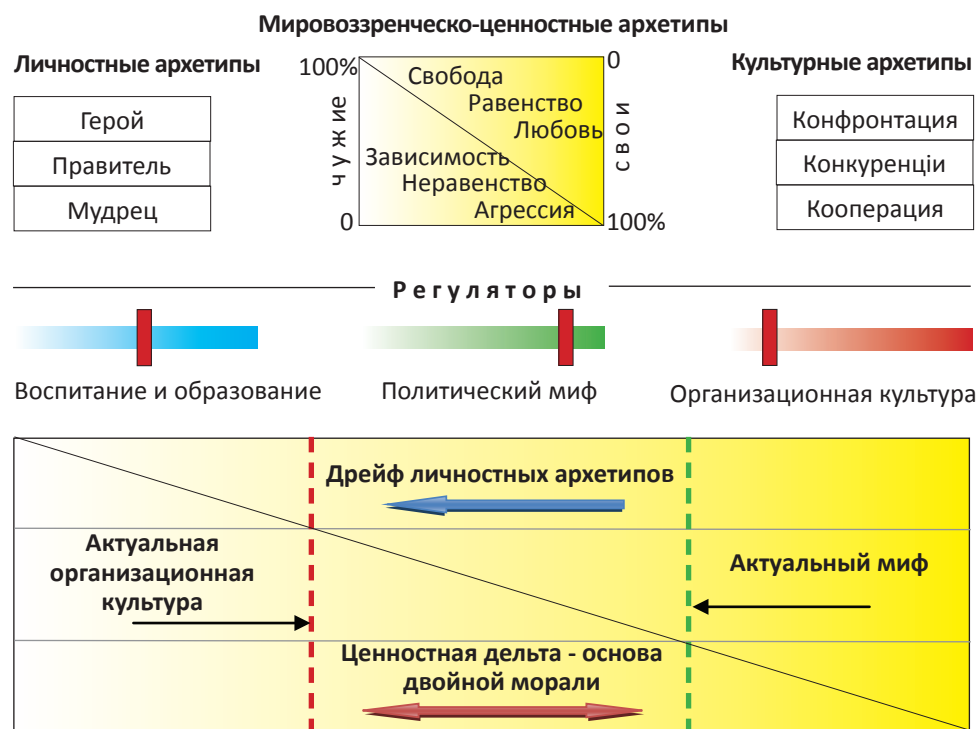

Рис. 1. Интегральная архетипная модель бессознательного социетальной психики социальных систем и основные регуляторы для ее настройки.

Очевидно, что на проявление тех или иных уровней личностных архетипов влияет, с одной стороны, оттенок актуального для данного общества политического мифа, а с другой – актуальный для этого же общества доминирующий тип культурного архетипа и соответствующая ему организационная культура. Как миф, так и организационная культура имеют осознанную (имеющую место в реальном времени) и неосознанную (исторически обусловленную и заложенную в габитусе) компоненты, суммарное взаимодействие которых и определяет проявленную сторону активированных личностных архетипов, что, в свою очередь, обуславливает выбор тех или иных поведенческих схем и стратегий членами общества. При этом множество исторических примеров свидетельствует о том, что, как правило, светлый полити-

ческий миф властные элитные группы того или иного общества легко сочетают с авторитарной или тоталитарной организационной культурой, которая базируется на культурном архетипе конфронтации, и что, как правило, такое сочетание со временем приводит к превращению исходного светлого мифа в свою противоположность.

Для каждой из групп архетипов установим основные регуляторы представленной на схеме 1 модели, с помощью которых можно осуществлять ее настройку.

Личностные архетипы могут изменяться по шкале от светлой их стороны (3-го уровня согласно [12]) до тени. Зафиксируем регулятор оттенка этих архетипов на светлой части шкалы, считая, что удержание его в течение длительного времени в этой позиции и предотвращение дрейфа в теневую часть соответствует задекларированной цели нашего исследования. Оттенок политического мифа можно регулировать путем добавления, выделения или усиления тех или иных его инвариантов в процессе воспитания и образования, что будет менять его непосредственно, а также повлечет соответствующее смещение оттенка личностных архетипов. Следует отметить, что смена политического мифа является довольно инертным и длительным процессом, однако иногда, вследствие действия образованных положительных обратных связей, такое изменение может происходить чрезвычайно быстро [23].

Третьим, наиболее перспективным с точки зрения практической реализации регулятором является изменение доминирующего культурного архетипа и соответствующей ему организационной культуры. Сразу отметим, что в нашем исследовании речь идет прежде всего о политических организациях элитных групп, которые находятся во власти. Будучи референтными, эти организации в лице своих лидеров определяют критерии успешности для всех остальных членов общества, а их поведенческие модели, стратегии и схемы копируют все пытающиеся занять как можно более высокий общественный статус и добиться успеха и признания. Поэтому изменение качества политических организаций властных элитных групп автоматически повлечет соответствующие изменения качественных параметров всего общества.

В нашей публикации [23] было показано, что лидеры иерархически структурированных политических организаций элитных групп благодаря системным особенностям этих организаций обречены выбирать стратегии конфронтации при взаимодействии с конкурентами на лидерство как внутри организаций, так и с конкурирующими институтами внешней среды. Несмотря на то что актуальный политический миф в украинском обществе в целом является довольно светлым и лежит в правой части представленной на схеме 1 модели, украинские политические организации элитных групп и их лидеры находятся в перманентной конфронтации, а взаимодействие между ними происходит по правилам игры с нулевой суммой и обуславливает формирование в обществе двойной морали: публично декларируя светлые общественные ценности, политические лидеры в условиях конфронтации выбирают поведенческие схемы и стратегии, принадлежащие к соответствующему ей ценностному диапазону. Это вызывает дрейф активированных личностных архетипов от высших уровней к тени, что в результате обуславливает нравственный и социальный упадок всего украинского общества, его деградацию и неотвратимость социальных катаклизмов.

С другой стороны, для целенаправленной и надежной активации высших уровней личностных архетипов у членов украинского общества наряду с формированием и удержанием как можно более светлого актуального политического мифа необходимо надежно удерживать их взаимодействие внутри политических организаций национальных элитных групп и взаимодействие этих организаций между собой в рамках культурного архетипа кооперации.

В нашей публикации [23] мы доказали, что главным условием выбора организованными элитными группами стратегий сотрудничества в противовес стратегиям конфронтации в условиях их конкурентного взаимодействия в рамках национальной элиты является устранение на системном уровне возможности прямых межличностных и межгрупповых конфликтов с целью долговременного удержания взаимодействия участников элитных сред в позициях «равный с равным» в рамках культурного архетипа кооперации.

Организационные инструменты архетипного управления социальными системами. Рассмотрим организационные инструменты, с помощью которых этого можно достичь – то есть осуществить архетипное управления социальной системой – как политической организацией, так и целым украинским обществом с целью изменения его качественных параметров в лучшую сторону. Согласно представлениям современной социальной психологии [24] групповая динамика состоит из определенной последовательности стадий, которые, хотя и не имеют четко выраженных границ и накладываются друг на друга, но всегда присутствуют в процессе развития группы.

Большинство научных дисциплин, занимающихся исследованием группового взаимодействия людей и командообразованием, – от социальной психологии до менеджмента организаций – сосредоточены на изучении и упорядочении взаимодействия членов групп на стадии стабилизации и сотрудничества в позициях «лидер – подчиненный», сформировавшейся после стадии конфликта, ход которого автоматически активировал культурный архетип конфронтации и сделал его доминирующим – определяющим текущую организационную культуру, глубинные ценности членов политических организаций и выбор ими соответствующих поведенческих схем и стратегий. Считается, что процессы проявления всех предыдущих стадий развития группы неотвратимы, нестабильны и быстро преходящи, поэтому эти стадии считаются непригодными для организации эффективной групповой деятельности.

Однако очевидно, что кооперация без конфронтации возможна лишь при взаимодействии членов организаций в жестко зафиксированных позициях «равный с равным» – только такое взаимодействие в течение длительного времени способно активировать культурный архетип кооперации и сделать его доминирующим. Это обуславливает потребность исключить переход группы в стадию конфликта, который завершается появлением неформальных лидеров и их дальнейшей формализации.

Анализ представленной обобщенной модели развития группы позволяет сформулировать гипотезу о том, что единственным способом избежать перехода процесса развития группы в стадию конфликта является длительное его удержание на стадии формирования клика, причем, понимая, что этот процесс невозможно предотвратить, предложим осуществлять управление им путем упорядочения процессов образования и распада клика таким образом, чтобы групповая динамика достигла динамического равновесия и стала квазистабильной. Очевидно, что содержание динамического равновесия на стадии формирования клика в течение длительного времени возможно лишь в случае их циклической реструктуризации по определенному алгоритму.

Описанное квазистабильное состояние групповой динамики на стадии образования клика можно проиллюстрировать метафорой динамического равновесия во время езды на велосипеде – именно поступательное движение удерживает его от падения, несмотря на опору только на две точки. Так же и в нашем случае упорядочение процессов образования и распада клика в рамках большой группы по циклическому алгоритму позволит удержать динамическое равновесие на стадии образования клика и обеспечит квазистабильное состояние групповой динамики.

Отсутствие в течение длительного времени личных и межгрупповых конфликтов при взаимодействии членов политических организаций элитных групп в позициях «равный с равным» автоматически активирует и делает доминирующим культурный архетип кооперации, который, в свою очередь, сформирует и будет удерживать в психике этих членов соответствующие ему глубинные ценности вследствие синхронной активации присущих им личностных архетипов на высших уровнях, заблокировав их дрейф в тень. Итак, одним из организационных инструментов, способных обеспечить квазистабильное состояние групповой динамики и установление динамического равновесия на стадии образования клика путем упорядочения процессов их формирования и распада, является использование при построении политических организаций элитных групп переменных структур, а также выработка и усвоение соответствующей им организационной культуры.

В нашей публикации [25] были представлены описанные инструменты для управления групповой динамикой в первичных структурах общественно-политических

организаций путем внедрения предложенных нами алгоритмов и правил взаимодействия их членов, которые в совокупности представляют собой динамическую сеть. Динамическая сеть [26] – это переменная структура общественно-политических организаций, которая упорядочивает и удерживает в бесконфликтном состоянии взаимодействие всех своих членов путем их циклической реструктуризации в малые группы различного функционального назначения по определенному алгоритму, обеспечивающему выработку, согласование и принятие коллективных решений участниками в позициях «равный с равным», а выполнение – во множестве временных иерархических проектных, исполнительных и процессных групп с ответственными исполнителями во главе.

Алгоритм выработки, согласования и принятия коллективных решений разработан путем объединения в одно целое двух составляющих: 1) методики классического мозгового штурма, во время первой части которого участники выдвигают идеи без критики, которые обсуждаются на втором этапе в группах с другим составом; 2) методику перекрестных групп, которая используется в педагогике и включает освоение в начальных группах частей определенного массива информации и взаимообучение участниками друг друга этим частям в перекрестных группах. Бесконфликтная работа участников обеспечивается алгоритмическим воспроизведением их взаимодействия не как личностей, а как представителей уже расформированных перед этим функциональных групп – носителей согласованных групповых решений. Потенциальные межгрупповые конфликты преодолеваются непрерывным изменением состава перекрестных групп, что способствует формированию поля доверия между всеми участниками и исключает закрепление внутренних групповых рамок.

Выводы и перспективы дальнейших научных исследований. Для осуществления архетипного управления социальными системами – собственными политическими организациями и украинским обществом в целом – прогрессивные национальные элиты наряду с повышением уровня существующих и формированием новых политических мифов путем изменения смыслов и содержаний генерируемых информационных потоков в сторону усиления любви к ближнему, снижение агрессии и расширения круга «своих» за счет сужения круга «чужих» – могут воспользоваться организационными инструментами, применив при строительстве собственных организаций современные переменные структуры, позволяющие обеспечить активацию и удержание в течение длительного времени своих членов в рамках культурного архетипа кооперации с соответствующей ему организационной культурой. Это обусловит синхронную активацию в их психике высших уровней личностных архетипов и обеспечит выбор ими соответствующих поведенческих моделей, схем и стратегий в рамках ценностей, сложившихся в условиях минимизации расхождений между актуальным политическим мифом и доминирующим культурным архетипом.

Литература:

1. Почепцов Г. Конструювання демократії: політичні, економічні й інформаційні фактори [Електронний ресурс] / Г. Почепцов // Телекритика. – 2011. – Режим доступу : <http://osvita.mediasapiens.ua/material/3962>.
2. Blond Phillip. The man, who wrote Cameron's mood music [Електронний ресурс] / Phillip Blond // The Guardian. – 2009. – Режим доступу : <http://www.theguardian.com/theguardian/2009/aug/08/philip-blond-conservatives-david-cameron>.
3. Московичи С. Машина, творящая богов / С. Московичи ; пер. с фр. – М. : Центр психологии и психотерапии, 1998. – 560 с.
4. Донченко О.А. Глибинні регулятиви психополітичного повсякдення / О.А. Донченко, Ю.В. Романенко. – К. : Либідь, 2001. – 334 с.
5. Иващенко А. Теория архетипов и практика брендинга [Електронний ресурс] / А. Иващенко // Энциклопедия маркетинга. – 28.02.2006. – Режим доступа : http://www.marketing.spb.ru/lib-comm/brand/inner_motivation.htm.
6. Зимбардо Ф. Стэнфордский тюремный эксперимент [Электронный ресурс] / Ф. Зимбардо // Socioline.ru. – 2009. – Режим доступа : <http://socioline.ru/pages/f-zimbardo-stenfordskij-tyuremnyj-eksperiment>.

- 141

**РАДЧЕНКО
Александр,
RADCHENKO
Oleksandr,**

доктор наук государственного управления, профессор, заместитель директора Института проблем государственного управления и местного самоуправления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины, г. Киев.

Аннотация: в статье рассматривается проблематика архетипических оснований формирования и реализации государственной молодежной политики, ее сущности и содержания. Сделан вывод, что украинская молодежь демонстрирует все более возрастающий уровень гражданской культуры и становится все более мощным фактором формирования и реализации не только молодежной, но и государственной политики в целом.

Ключевые слова: молодежь, государственная молодежная политика, основные принципы государственной молодежной политики.

УДК 351.84

Александр РАДЧЕНКО, Алексей КРЮКОВ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА: ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ПРИНЦИПЫ КАК АРХЕТИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Постановка проблемы. Перспективы развития любого общества вполне справедливо связываются с молодежью, являющейся чрезвычайно активным и деятельностным социальным слоем любого общества. Молодежь наиболее продуктивна и в социально-демографическом отношении. Она является неотъемлемой составляющей в естественном процессе смены поколений, обеспечения численного обновления населения и достижения таким образом его длительного существования. Поколение молодых всегда идет на гребне общественно-политических реформ, легко откликается на инновации, полно сил и энергии для осуществления различных общественных действий. Именно от способности молодежи быть активной, дееспособной и творческой силой зависят перспективы процесса государственного созидания. Поэтому для каждого государства одной из стратегических задач является формирование и реализация эффективной, направленной на позитивные изменения, государственной молодежной политики.

Как отмечает украинский исследователь И. Парубчак «молодежная политика всегда и почти полностью ориентирована на будущее, тесно связана с динамикой конкретных общественных изменений, в этом ее принципиальное отличие от любой другой политики в особенностях характера и цели. Государственная молодежная политика признана в Украине приоритетным и специфическим направлением деятельности государства, поэтому, в настоящее время, в Украине обостряется необходимость анализа поэтапного становления молодежной политики, повышения эффективности деятельности государственных институтов и разработки практических шагов в решении наиболее острых молодежных проблем» [1, с. 167].

Следует отметить, что в Украине государственная молодежная политика в основном не поспевает за ростом гражданской и политической активности молодежи. Именно недовольная действиями и политикой государственной власти молодежь в украинских реалиях стала генератором и основной движущей силой Революции Достоинства конца 2013 - начала 2014. Революция осветила серьезные противоречия между подлинными интересами и стремлениями украинской молодежи и предложенной для нее государственной молодежной политикой. Это особенно актуализирует научные исследования базовых принципов, даже самих понятий и категорий молодежной политики государства.

Молодежная политика является инструментом, который должен обеспечить в комплексе стратегическое развитие страны, геополитическую конкурентоспособность Украинского государства, а также развитие местных общин в ближайшие десятилетия. Разнообразные данные анализа и прогнозов средне- и долгосрочных тенденций определяют, что наиболее важными изменениями будущего является переход к самоорганизации общества.

Самоорганизация политически зрелых граждан, их объединений и бизнеса, их взаимодействие с органами публичной власти – должны стать основой общества будущего. Одновременно, традицион-

ная система образования и воспитания молодежи, как и государственная молодежная политика и общественные организации, не совершали целенаправленного воспитания самостоятельной, ответственной молодежи и ее подготовки к жизни в самоорганизующихся обществе.

С другой стороны, весь комплекс проблем и противоречий, с которыми столкнется Украина в ближайшие 10-15 лет, формирует достаточно жесткий набор требований к новым поколениям. Жизнь молодого человека в прогнозируемых условиях не будет развиваться прямолинейно, как последовательность простых переходов от общего образования к профессиональной, от образования к труду, от жизни в семейном доме к созданию собственной семьи. Новые условия потребуют от каждого молодого человека и его семьи мобильности, поиска новых нестандартных вариантов построения собственной жизни. Приоритетными должны стать такие направления молодежной политики, реализация которых даст молодежи возможности для самостоятельного решения проблем, которые возникают. Только такой подход будет способствовать взаимоувязки улучшения качества жизни подавляющего большинства молодежи и развития страны в целом. Надо определить, что эффективная практическая реализация может происходить как на все украинском уровне, так и на уровне местных общин, которые приближены к реальным потребностям и участия молодежи в их решении [2, с. 145].

Анализ последних исследований и публикаций свидетельствует о широком внимании к исследуемой проблематике. Государственная молодежная политика в Украине и отдельные ее аспекты уже неоднократно становились объектом исследования современных украинских ученых. Этому вопросу уделяли внимание в своих исследованиях Е. Бородин, А.Васильев, М. Головатый, И. Ильинский, М. Канавец, Л. Кривачук, О. Кулинич, В. Лисовский, В. Луков, Н. Метелкина, В. Орлов, И. Парубок, М. Перепелица, В. Чупрунов, А. Шаронов и др. Однако исследования указанных авторов не в полной мере решили проблемы формулировки категориального аппарата государственной молодежной политики в Украине. Поэтому, на наш взгляд, есть необходимость в продолжении исследований в области терминологии, определении основных архетипов и принципов государственной молодежной политики и т.д.. С точки зрения авторов в постреволюционную эпоху украинского государства наступает время выработки принципиально новых подходов к взаимоотношениям государства и молодежи, для чего следует обратиться к глубинным архетипическим основаниям формирования и реализации государственной молодежной политики, ее сущности и содержания, чему и *посвящена данная статья*.

Изложение основного материала. В современном научном понимании молодежь – это общественно-дифференцированная социально-демографическая общность, которой присущи специфические физиологические, социально-психологические, теоретико-познавательные, культурно-образовательные свойства, характеризующие ее биосоциальное созревание как осуществление самовыражения ее внутренних сущностных сил и социальных качеств [3, с. 224].

Принципиальной особенностью молодежи является то, что ее существенные характеристики и черты находятся в состоянии формирования и становления, когда важную роль в формировании индивида играют внешние факторы. Однако для этой социальной группы характерен ограниченный доступ к значимым экономическим, со-

**КРЮКОВ
Алексей,
KRYUKOV
Olexiy,**

доктор наук государственного управления, профессор, профессор кафедры политологии и философии Харьковского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины, г. Харьков.

Аннотация: в статье рассматривается проблематика архетипических оснований формирования и реализации государственной молодежной политики, ее сущности и содержания. Сделан вывод, что украинская молодежь демонстрирует все более возрастающий уровень гражданской культуры и становится все более мощным фактором формирования и реализации не только молодежной, но и государственной политики в целом.

Ключевые слова: молодежь, государственная молодежная политика, основные принципы государственной молодежной политики.

УДК 351.84

циальным и культурным ресурсам, низкий уровень готовности взять всю ответственность за свое будущее на собственные плечи. Не случайно английский ученый С. Фрис рассматривая социальный контекст состояния молодости, как процесса перехода от детства к взрослости, отмечает, что основными направлениями изменений от детства к взрослому человеку является переход от зависимости – к независимости и от безответственности – к ответственности [4].

Сегодня в Украине ситуация очень похожа на ту, что была в Европе после Второй Мировой войны. Молодежь знает об определенных сферах жизни гораздо больше взрослых, во многом она способна быстрее научиться и овладеть инновационными достижениями цивилизации (как говорят молодые – «гаджетами»). Скажем, даже маленькие дети быстрее осваивают новые технологии – компьютеры, айфоны и т.д..

Собственно, определение понятий «дети» и «молодежь», используемых в разных странах, как правило, соответствуют возрастным нормам, установленным для мужского и женского пола, по таким критериям: обязательного образования, работы по найму и труду несовершеннолетних, согласия на сексуальный контакт, достижения совершеннолетия, приобретения гражданских и политических прав, права на брак, возможность пользоваться определенными услугами без согласия родителей, права на определенные льготы в рамках государственных программ

В терминологии и практике ООН используются следующие основные определения в отношении детей и молодежи: дети – лица, не достигшие 18-летнего возраста; подростки – лица в возрасте 10-19 лет (включая младший, средний и старший подростковый возраст); молодежь – лица в возрасте 15-24 лет [5, с. 4].

Включение молодежи в активную общественную жизнь функционально имеет два связанных аспекта – процессы социализации молодежи, а также биологического и психосоциального воспроизводства общества. Включая молодежь в систему существующих общественных отношений, общество меняется и само: процесс социализации перерастает в процесс обновления общества. В свою очередь, изменяя общество, молодежь меняется и сама, становясь активной частью общества, включаясь в общественный механизм. Условием успешной социализации является изменение поведения лица в соответствии с потребностями общества и согласно желанию самого индивида. Таким образом, процессы социализации молодежи и трансформации общества должны рассматриваться во взаимодействии. Как отмечал К. Мангейм: «ответ на вопрос, почему и как нужно учить молодежь, в большой степени зависит от характера того вклада, который ожидает от молодежи общество» [6, с. 442].

Политика представляет собой идеологическую, программную, организационную и регулятивно-контрольную сферы общественной деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, охватывающие практически весь спектр существующих общественных отношений. Этот термин (от греческого «politike» – искусство управлять государством) охватывает общественную деятельность, связанную, прежде всего, с участием в получении, содержании и реализации власти в государстве. Как сфера общественной жизни политика включает в себя также политические идеи и соответствующие им учреждения.

Государственная политика, которую в широком смысле этого слова можно определять как государственно-управленческую деятельность, это «сознательная и целенаправленная последовательная деятельность, связанная с реализацией государственно-властных полномочий субъектами государственного управления, в результате чего происходит изменение общественных состояний, событий и явлений. Государственно-управленческая деятельность представляет собой совокупность непрерывных взаимосвязанных действий и функций, направленных на обеспечение достижения целей государства [7, с. 164].

Как относительно самостоятельные архетипические структуры элементов государственной политики принято выделять: социальные субъекты (лидеры государства, лидеры политических партий и др.), разрабатывающие стратегический курс и институциональную иерархию государственной политики; высшие органы государственной власти, определяющие направления развития государственной политики и

Гармоничная государственная молодежная политика ставит целью создание социально-экономических, политических, организационных, правовых условий и гарантий для жизненного самоопределения, интеллектуального, нравственного, физического развития молодежи, реализации ее творческого потенциала как в собственных интересах, так и в интересах страны. Эффективность государственной молодежной политики зависит от активности и готовности молодежи к партнерству с государственной властью, налаживанию двусторонней связи, готовности взять на себя ответственность за признание и поддержку этой политики [10, с. 177].

К главным принципам государственной молодежной политики относятся: уважение взглядов молодежи и ее убеждений; предоставление прав и привлечение молодежи к непосредственному участию в формировании и реализации политики и программ, касающихся общества в целом и молодежи в частности; правовой и социальной защите молодых граждан; содействие инициативе и активности молодежи во всех сферах жизнедеятельности общества.

Несмотря на внешнее сходство определений молодежной политики и государственной молодежной политики, они обозначают различные общественные явления, ведь государство является не единственным субъектом молодежной политики.

145

цессе функционирования политической системы интересы ее составляющих в той или иной степени совпадают с интересами государства. И в рамках деятельности по обеспечению этих интересов они становятся субъектами государственной молодежной политики. Эта политика реализуется на общенациональном уровне. Центральные органы власти осуществляют ее в отдельных регионах с учетом их специфики.

Одновременно, в рамках каждого региона она осуществляется областными, районными, городскими органами государственной власти и органами самоуправления, как и в каждой местности на уровне района, города, поселка, села, в трудовых коллективах. Таким образом, молодежная политика – это комплексное явление, являющееся результатом практической, научно-теоретической, идеологической и иной деятельности социальных институтов в отношении молодежи. По нашему мнению, ее можно рассматривать как интегральную функцию многих переменных: деятельности государства, партий, общественных, религиозных организаций. Молодежная политика включает в себя многие элементы и имеет сложную структуру.

Сегодня украинское общество постепенно начинает понимать, что нашей интеграции в Европейское сообщество мешают не столько политические факторы, сколько факторы ментальные. Европейцы не хотят видеть в своем союзе людей, не разделяющих их ценности, прежде всего в правовом поле, ведь высокое правосознание индивидов и олицетворение себя как ответственного гражданина является фундаментальной основой демократической теории и практики.

Поэтому украинскому государству необходимо сформировать целенаправленную государственную молодежную политику с главной ее фокусировкой на демократическом просвещении нашей молодежи. Институциональная база для этого в виде сети школ, колледжей и высших учебных заведений, молодежных общественных, общественно-политических и партийных организаций в стране существует. Необходима государственная программа демократического просвещения молодежи как составной целенаправленной политической социализации, конвертируемая в учебные планы, комплексы, программы и дисциплины.

То же время программа демократического просвещения молодежи должна быть канализирована не только институционально (в виде учебных курсов), но и коммуникативно (задействование наиболее распространенных среди молодежи каналов коммуникации) и инструментально (путем создания таких условий социальной деятельности, при которых возникает мотивация к следованию демократическим поступкам, правилам и действиям, а следовательно – закрепляется склонность к демократии). Закон сохранения энергии в его социетальной интерпретации провозглашает, что при отсутствии государственных усилий целенаправленной социализации молодежи, каналы молодежной коммуникации будут заполнены совсем другими ценностями и на формирование молодого поколения могут решающим образом повлиять уже не государственная идеология, национальная идея, а, например, такие особенности молодежной психологии как попытка к созданию собственной субкультуры, склонность к ненормативному или девиантному политическому поведению, стремление к радикализации. О такой общественной угрозе пренебрежения демократического просвещения молодежи предупреждали еще теоретики постмодерна и постиндустриального общества Белл, Ж.-Ф. Лиотар и Ж. Бодрийар [8, с. 51].

Влияние государства на социализацию молодежи должно осуществляться и через приобщение к соответствующим общественным ценностям с познавательными и эмоциональными нагрузками, создания соответствующей политической мифологии, пантеона «национальных героев», которые должны быть примером для других, через создание широкомасштабных программ обмена студентов как фактора личной вовлеченности в аргументацию преимуществ демократии в Европе.

Выводы. Подытоживая необходимо отметить, что консервация современного отсутствия осознанной целостной государственной политики демократического просвещения, публичной демонстрации гегемонистских авторитарных моделей политического поведения руководителями страны, пренебрежения интересов молодежи и их проблем в угоду «политической целесообразности») все больше отдалит Украину

Литература:

- 147

**РЕБКАЛО
Валерий,
REBKALO
Valerii,**

доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины, заведующий кафедрой государственной политики и управления политическими процессами Национальной академии государственного управления при Президенте Украины, г. Киев.

Аннотация: раскрывается специфика влияния архетипических особенностей в развитии ценностного потенциала государственного управления с точки зрения теории утилитаризма и гуманизма. Особое внимание уделяется гуманизму, в основу которого положена идея доминирования естественных прав человека и их обеспечения в качестве основной задачи государства в процессе управления обществом.

Ключевые слова: архетипика, государственное управление, утилитаризм, гуманизм, демократия.

УДК 329:352

Валерий РЕБКАЛО, Владимир КОЗАКОВ

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ УТИЛИТАРИЗМА И ГУМАНИЗМА

Постановка проблемы. Проблема ценностей, ценностных ориентаций общества является более глубокой, чем может показаться на первый взгляд. Особенно это чувствуется в трансформирующемся обществе, которое находится на рубеже исторических эпох, на пути от тоталитарного к демократическому обществу, от централизованной к рыночной экономике, от части империи к самостоятельному государству, от доминирующего интернационализма к осознанию национального. Архетипическая парадигма переоценки общественных ценностей глобальна, а сам процесс – не только необходимый, но и достаточно болезненный и длительный.

Анализ последних исследований и публикаций. Среди работ, посвященных социально-ценностным основам государственного управления, формированию национального сознания и другим аспектам современного процесса создания государства в Украине, следует отметить работы Э. Афонина, Г. Атаманчука, В. Бакуменко, В. Козбаненко, В. Князева, И. Надольного, М. Пирен, Г. Сытника, П. Штомпки, Ф. Шамхалова и др. Содержательно-функциональные особенности архетипики ценностного потенциала государственного управления с точки зрения теории утилитаризма связаны прежде всего с именами таких мыслителей, как Дэвид Юм, Иеремия Бентам и Джон Стюарт Милль. Однако место архетипики в становлении и развитии эвристического потенциала аксиологии государственного управления в научной литературе почти не рассматривалось, поэтому актуальность темы статьи не вызывает никаких сомнений.

Цель статьи состоит в анализе влияния архетипических особенностей развития ценностного потенциала государственного управления с точки зрения теорий утилитаризма и гуманизма.

Изложение основного материала. Формирование ценностной системы, которая была бы принята большинством членов общества, является важнейшим принципом его существования и одновременно – основным инструментом общественных реформаций. Не случайно стратегической целью любого политического режима является стремление сформировать систему базисных ценностей и сориентировать на них большую часть общества. Эффективность этого процесса, несомненно, зависит от того, в какой «плоскости» массового сознания – мотивационно-смысловой или исключительно инструментальной, «разместились» декларируемые ценности. Если ценности политического режима становятся мотивами деятельности, человек будет искать и обязательно найдет средства (в том числе управленческие) их воплощения. Если же ценности, которые декларируются в обществе, противоречат ценностям-мотивам, они будут лишь инструментом для достижения другой, возможно диаметрально противоположной цели.

Архетипическая парадигма политической теории формулирует и конструирует моральные предписания государства, а в прикладном смысле говорит о возможности применения моральных рецептов к

практике государственного управления. Как таковая она приобретает нормативный характер.

Нормативные политические теории имеют давнюю традицию, начиная с греческой философии на Западе и индуистской философии на Востоке. Нормативное теоретизирование представляется вполне естественным: если люди волею судьбы или обстоятельств вынуждены жить вместе, то почему бы не подумать, как это можно организовать наилучшим образом? Иными словами, такие теории привлекают внимание ученых к проблеме организации и устройства общественной жизни в государстве.

Нормативные теории быстро развиваются, как и знания о политике, и в наши дни. Нормативная политическая теория – это способ рассуждений о политических институтах, особенно тех, которые связаны с государственной властью, а также об отношении индивидов к этим институтам. Она занимается моральным узакониванием имеющегося политического устройства или формированием его альтернатив. Теоретики этого направления используют различные методы. Наиболее типичны для нормативной теории следующие три черты:

1) нормативные теории стремятся прежде всего добиться внутренней связанности моральных аргументов, поэтому теоретики данного направления в последнее время часто обращаются к архетипам аналитической философии;

2) они опираются на социальные науки, например на социальную антропологию и историю, для того чтобы проверить правильность эмпирических предпосылок и аргументов;

3) наконец, выводы сопоставляются с интуитивными представлениями самого теоретика.

После 70-х г. в нормативной политической теории можно четко различить два основных направления. Первое занимается преимущественно проблемами распределительной справедливости и соотношением справедливости и свободы. Второе направление интересуется преимущественно деятельностью и целями институтов государственной власти.

Нормативные политические теории, конечно, опираются на фундаментальные основы моральной философии. По сути, от того, к каким основам нравственной философии обращается теоретик, зависят и содержательные особенности самой политической теории.

Основной доминантой современной западной нормативной политической теории считается утилитарный подход (утилитаризм), который предполагает, что лучшей является такая форма организации государственной власти, которая приносит максимальную пользу. В более широком смысле утилитаризм – это теория, которая пытается оценивать любое решение политического вопроса с точки зрения его последствий. Польза при этом считается если не единственной, то, по крайней мере, фундаментальной ценностью.

Именно польза придает смысл всем нашим действиям, а все остальное имеет лишь инструментальную ценность. Все ценно лишь постольку, поскольку способствует обеспечению пользы. Отсюда следует вывод, что целью утилитаризма является максимизация пользы [1, с. 590–593].

Поскольку для утилитаризма характерен принцип максимизации, то основные различия в утилитаристских теориях, как правило, свя-

КОЗАКОВ
Владимир,
KOZAKOV
Volodymyr,

доктор государственного управления, профессор, профессор кафедры государственной политики и управления политическими процессами Национальной академии государственного управления при Президенте Украины, г. Киев.

Аннотация:
раскрывается
специфика влияния
архетипических
особенностей в
развитии ценностного
потенциала
государственного
управления с точки
зрения теории
утилитаризма и
гуманизма. Особое
внимание уделяется
гуманизму, в основу
которого положена
идея доминирования
естественных
прав человека и их
обеспечения в качестве
основной задачи
государства в процессе
управления обществом.

Ключевые слова:
архетипика,
государственное
управление,
утилитаризм,
гуманизм, демократия.

УДК 329:352

заны с различиями во мнениях по поводу того, что означает пользу. В утилитаризме доминируют три направления:

1) классический утилитаризм, начало которого было положено И.Бентамом, интерпретировал пользу с гедонистической точки зрения – как удовольствие; высшим благом для него является получение удовольствия, все остальное – вторично;

2) утилитаризм благосостояния связан с современной экономической теорией благосостояния; с точки зрения представителей этого направления, максимизировано должно быть не удовольствие как таковое, а удовлетворение желаний и потребностей как фактических и предполагаемых преимуществ;

3) идеальный утилитаризм признает, что и другие вещи могут иметь высшую ценность; английский этик Г. Мур, например, понимал под ценностями личные отношения и эстетический опыт [2, с. 178].

Остановимся на том, что подлежит утилитаристской проверке. В основном утилитаризм применяется касательно трех сфер.

Во-первых, это сфера индивидуального выбора и этики. Определяя, что является лучшим в жизни, утилитарист утверждает: ценно все то, что приносит пользу. Здесь ясно выделяются два подхода: эгоистический и универсалистский. Между ними нередко возникают противоречия.

Во-вторых, это сфера формирования государственной политики, т.е. принятия решений о налогообложении, обороне и т.д. Людям, принимающим решения, рекомендуют придерживаться утилитаристских принципов. Трудность здесь состоит в том, что нередко такие решения могут идти в разрез с демократическими принципами.

В-третьих, возможна оценка социальных структур в целом.

Остановимся на том, как применяется принцип максимальной пользы в управлении государством:

Первый способ – это действия государства, направленные на достижение наивысшего счастья для наибольшего числа людей. Вторая формула утверждает, что «каждый человек перед государством считается одной индивидуальностью, и никто не может считаться более чем одним». С утилитаристской точки зрения, удовольствие, которое получает министр, ничуть не важнее, чем счастье простого работника. Третья формула касается вопроса о том, какое именно счастье рассматривается. Мы должны составить иерархию применения принципов, если хотим наметить план по их поддержке.

Четвертая проблема касается того, стоит ли максимизировать среднее или совокупное благо. Совокупное (общее) благо формируется путем суммирования показателей счастья каждого человека. Среднее благо – это общее благо, разделенное на число индивидов. Стоит отметить, что мы можем увеличить общую сумму блага, снизив одновременно среднее благо посредством увеличения населения. Так случится, если ресурсы, которые сейчас используются для поддержания среднего уровня блага, будут направлены на новых людей. Аналогичным образом мы сможем поднять средний уровень блага и снизить общий, если уменьшить численность населения. Таким образом, от того, является правящая элита сторонником общего или среднего блага, зависит государственный подход к решению большинства общественных проблем.

Итак, политически утилитаризм направлен на создание такой системы государственного управления, которая будет способствовать максимизации общественного блага (удовлетворение, пользы и т.д.).

Классический утилитаризм подвергся серьезной критике. Сама по себе идея о том, что удовольствие и боль могут быть выражены количественно, многими исследователями рассматривается как неприемлемая. Многие критики выражали беспокойство по поводу гарантий прав человека и прав меньшинства, которые теория утилитаризма не учитывает, поскольку рассматривает общество как агрегат и отрицает какие-либо ограничения социальных действий, без чего обеспечение прав человека

невозможно. Утилитаризм строится на основе человеческих преимуществ, однако ничего не говорит о том, что некоторые желания могут быть антиобщественными (например, расистскими, антисемитскими и т.п.).

Сама по себе модель максимизации пользы представляет собой грубую апологию идеи свободного рынка. Не удивительно, что последователями утилитаристов во многих странах стали «новые правые». Представители культурной элиты, а также религиозные мыслители опасаются, что уравнивание всех преимуществ неизбежно приведет к подрыву культуры в целом и вообще всех ценностей общества.

Утилитаризм – это принцип, который должен служить нравственным гидом в процессе принятия государственно-управленческих решений. Какие же моральные нормы должны быть включены в нравственную систему? Утилитаризм также требует учитывать психологические факторы в процессе выработки правил управленческой деятельности. Только таким путем может быть создана моральная система, направленная на максимизацию благосостояния.

В. Брандт стремился найти место для устоявшихся представлений о правах и справедливости, вписав их в саму структуру утилитаризма. Действительно, права человека стали предметом обсуждения именно потому, что приверженность к справедливости и правам человека способствует увеличению общего блага для большего числа людей. Если бы права человека не способствовали большему благу людей, они вскоре были бы уничтожены. По мнению упомянутого автора, теоретики прав человека правильно подчеркивают их значение, но они ошибаются, утверждая независимость этих прав. Права не служат обоснованием утилитаризма, это утилитаризм узаконивает права человека.

Понятно, что утилитаристские калькуляции по поводу процессов государственного управления должны быть довольно сложными. Если бы мы стали организовывать государственное управление только в соответствии с утилитаристскими рекомендациями, то должны были бы иметь невероятное количество информации о том, что именно нравится людям, начиная с употребления пищи и заканчивая социальными институтами. Расчеты утилитаристов настолько сложны, что они и сами, как правило, ограничиваются только общими соображениями о возможных положительных результатах деятельности различных управленческих структур.

Наконец, отметим и то, что считается главной слабостью утилитаризма – его неспособность предложить справедливую социальную практику и государственно-управленческие институты.

Максимизируя идею общественного блага в стране с развитой рыночной экономикой, утилитаризм приходит к выводу, что большинство управленческих структур, которые призваны воплощать государственную социальную политику, не нужны, поскольку производство и распределение блага происходят на свободном рынке. Если государство оперирует идеей среднего блага, то рассуждения о социальной справедливости, а значит и об управленческих мерах, направленных на ее достижение, излишни. Практика показывает, что в таком государстве своего рода «центр ценностей», кроме собственно ценностей потребления, смещается из системы государственного управления в систему правосудия (она начинает выполнять функции перераспределения блага, исходя из других ценностей, существование которых предполагает идеальный утилитаризм) и в политическую систему с разветвленной практикой лоббирования и т.п. Примером такой управленческой системы могут быть США.

В странах с развивающейся рыночной экономикой (это актуально для Украины), наоборот, – утилитаристское государство стремится создать как можно больше управленческих структур, деятельность которых направлена на выполнение функций перераспределения сплошного блага с целью достижения хотя бы минимального среднего благосостояния. Это, в свою очередь, не способствует собственно развитию рынка. На этапе, когда, кроме ценностей потребления, идеальные ценности общества

еще слабо институционарованы, такой подход может быть оправдан.

Вместе с тем в утилитаризме есть некоторая доля истины. Очевидно, в обществах, называемых либеральными демократиями, как считается, уровень удовлетворения может быть выше, чем в других странах. Однако проблема заключается в том, что утилитаризм не в состоянии узаконить и обосновать политические ценности либерализма, так же, как и устройство государства, которое бы приняло эти ценности и воплотило их в жизнь. Иными словами, вполне возможно, что в каких-то случаях утилитаризм приходит к правильным выводам, но предпосылки этих выводов неправильны, а аргументы неубедительны. Наконец, утилитаризм не в состоянии поддерживать и либеральные идеалы – а это и есть главный аргумент против утилитаризма со стороны большинства либеральных теоретиков в современной политической и государственно-управленческой науке.

Лишь немногие мыслители проявляют готовность признать тип рассуждений, свойственный утилитаризму, поскольку считают вывод, содержащийся в нем, морально неприемлемым. В частности, часто утверждается, что утилитаристская мораль допускает несоблюдение требований справедливости и даже требует его. Утилитаризм в своем стремлении к «счастью» допускает жестокую несправедливость в отношении отдельных людей и групп людей [3].

Анализ нормативной политической теории утилитаризма и ценностных основ сложившейся на ее основе системы государственного управления позволяет утверждать, что утилитаристский подход частично способен удовлетворить ценностные потребности организации государственного управления преимущественно в экстремальных для общества ситуациях (острая нехватка ресурсов, война, широко-масштабная природная катастрофа, революционная ситуация и т.д.). Одновременно основы теории утилитаризма вступают в противоречие с современными представлениями демократии о месте и роли прав человека как отдельно взятой личности в формировании демократических основ политической системы и ценностных основ государственного управления.

В философской литературе гуманизм определяется как отрефлексируемый антропоцентризм, объектом которого является человек как высшая ценность [4, с. 461].

В числе гуманных качеств людей еще древние греки называли дружелюбие (Демокрит), человеколюбие (Аристотель), а римляне – человечность (Цицерон). Отметим, что изначально гуманизм существовал преимущественно в форме филантропии, то есть гуманного отношения к людям. Распространение термина «гуманизм» и внедрение его в широкое обращение связывают с именем Цицерона [5, с. 37–66]. В Античности было сформировано ценностное ядро гуманизма, состоящее из релятивистских и абсолютистских элементов, которые в зависимости от исторических условий наполнялись разным содержанием.

Каждой социальной парадигме соответствует своя парадигма гуманизма. Процесс гуманизации реализуется в них достаточно противоречиво. В наследственном ядре каждой парадигмы кумулятивно накапливаются абсолютные ценности гуманизма, в переменной части парадигмы остаются релятивистские элементы [6, с. 63]. Однако следует отметить, что размывание гуманистических ценностей в наше время достигает иногда угрожающих объемов. Достаточно обратить внимание на то, как часто нормы и понятия гуманизма становятся своего рода «игральной картой» в создании положительного имиджа того или иного политического деятеля.

Вместе с тем, если реально не насытить сознание гражданина, причастного к делам управления государством, гуманистическим мировоззрением, то пустота, которая образуется в результате отказа от ценностей, щедро культивируемых прежней системой государственного управления, быстро заполнится радикальными или экстремистскими идеями, поскольку в стране с нарушенными народными традициями, с отсутствующей религиозной нравственностью и не сформировавшейся бытовой культурой невежество быстро превращается в цинизм.

В отличие от утилитаристской системы ценностей, парадигма гуманизма заключается в том, что «Благо личности – есть высший закон». Стоит обратить внимание на то, что благо личности гуманизмом рассматривается не как абстрактное благо – «благо-состояние» – или исключительно как благо-состояние каждого индивида. Оно – в реализации его естественных и гражданских прав. Оказывается не благо-состояние, а права человека – главная ценность, источник гуманности законов и «руководство к действию» для демократического государства.

Какие же гуманистические ценности демократического государства должны воплощаться в системе его управления?

Прежде всего, это естественные права человека, принадлежащие ему с самого момента рождения, и поэтому никто, в том числе и государство, не имеет права ограничивать их и не может их отнять. Идея прав человека возникла в рамках христианской традиции. В ст. 39 Великой Хартии Вольностей (1215) записано, что «Никто не может быть лишен собственности, изгнан из страны или заключен под стражу без решения суда». Наконец, в 1776 г. появляется Декларация независимости США, в преамбуле которой провозглашается, что «Все люди наделены Творцом определенными неотчуждаемыми правами: на жизнь, свободу и стремление к счастью». С тех пор чем более цивилизованным и демократическим становилось государство, тем чаще в его правовых актах появлялись указания на необходимость соблюдения естественных прав человека. Таким образом, государство, эволюционируя, наконец-то поняло свой основной долг: обеспечение блага личности посредством неукоснительного соблюдения его прав. Человек есть разумное существо, и поэтому он не только имеет естественные права, но и осознает их, готов за них бороться и добиваться их реализации. Естественные права ни в коем случае не являются продукт государства. Они – основа существования человека и общества.

Если права человека нарушаются государством или при его попустительстве, то человек и общество могут и должны бороться против такого государства. Кроме того, с таким государством должно бороться и все мировое сообщество в стремлении к гуманизму, миру и международному сотрудничеству с целью обеспечения блага личности во всем мире. «Граждане обязаны подчиняться только тогда, когда правительство защищает их права», – утверждал еще Джон Локк. В 1789 г. во Франции государство признало, что «Если права народа ущемляются, он может и должен поднять восстание». В пятой поправке к Конституции США также признается право граждан сместить негодное им правительство. Подобное и было сделано украинским народом в декабре 2004 г. и 2013 г.

Права человека являются условием обретения общественного согласия, когда государство управляет социально-экономическими отношениями, скорее – регулирует их. «Каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и всестороннее развитие его личности... При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, которые установлены законом исключительно с целью обеспечения должного соблюдения свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе» (ст. 29 Всеобщей декларации прав человека) [7]. Основное содержание этих положений отражено и в статьях Конституции Украины. В демократическом обществе каждый учится уважать права другого и осознавать свои права. В первую очередь это утверждение касается людей, которые управляют государством.

Экономические права человека необходимы для развития рыночной экономики. Мировой опыт доказал, что экономика, основанная на труде бесправного человека, неэффективна. В высшей же степени эффективна (что является несомненным благом для личности) либеральная рыночная экономика, которая рассматривает государство, как «ночного сторожа», обязанного только гарантировать экономические права человека. Итак, права человека должны лежать в основе экономического развития.

Каждая личность осознает себя таковой только через свои права, общество состоит из личностей, а государство служит инструментом реализации прав граждан, и это должно лежать в основе законодательства и системы управления развитой демократического государства.

Гуманистическая системология ценностей государственного управления предусматривает, что в идее общественного блага как цели государственного управления сочетаются две составляющие:

— общее благосостояние не отдельной социальной группы, а всего общества и не усредненный, а наивысший уровень, которого можно достичь при имеющихся условиях экономического развития и ресурсообеспечения общества;

— счастье граждан как осознанное эмоциональное состояние каждого, или по крайней мере подавляющего большинства членов общества.

Архетипическая парадигма, в отличие от официальной идеологии, выступает основой формирования нормативной политической теории и системы ценностей государственного управления общества. Политика и государственное управление в процессе своей реализации должны постоянно соотноситься с требованиями социальной парадигмы. Однако следование социальной парадигме является требованием, а не целью государственного управления, поэтому относительно последнего ее следует рассматривать не как абсолютную, а как универсальную ценность, которая всегда присутствует в системе ценностей государственного управления, хотя ее содержание может меняться.

Подобно утилитаристской, гуманистическая система ценностей государственного управления включает в себя понятия «власть» и «ресурсы власти». Следует отметить, что и большинство других ценностных парадигм государственного управления (религиозная, утопистская, элитаристская и т.п.), хотя в рамках данного исследования они и не анализировались, включают в свою ценностную систему эти понятия. Следовательно, их можно рассматривать как универсальные ценности государственного управления. Что же касается ценностей «третьего» рода, которые мы предлагаем называть «инструментальными», то именно они претерпевают существенные изменения в процессе изменения парадигмы государственного управления. Например, если утилитаристская система ценностей государственного управления рассматривает как одну из ресурсных ценностей человеческий ресурс и предполагает его расход, гуманистическая система ценностей рассматривает данный ресурс как кадровый, предполагая его задействование исключительно на добровольной основе, а возможные потери — только в кадровом (профессиональные служащие), а не в человеческом потенциале.

В системе инструментальных ценностей государственной власти также наблюдаются коренные различия. Сила и принуждение не отбрасываются гуманистической парадигмой, однако они уже не находят места в системе ценностей, они — суть лишь крайние средства управленческого воздействия, находятся почти на грани гуманистической социальной парадигмы. Их место в системе ценностей занимают легитимность и компетентность государственной власти.

В полной мере легитимность государственной власти в демократическом сообществе, по нашему мнению, выражается в сочетании понятий правовой, идеологической и электоральной легитимности. Компетентность государственной власти не сводится к ее профессионализму и опыту, однако эти составляющие, несомненно, присутствуют и занимают значительное место в иерархии инструментальных ценностей государственного управления.

Выводы и дальнейшие направления научных исследований. Анализ подходов в формировании социально-ценностной базы (аксиологических основ) современных систем государственного управления, показал следующее.

1. В течение XX — в начале XXI в. доминирующими подходами в формировании социально-ценностного базиса систем государственного управления в развитых

3. Фактором родства утилитаристского и гуманистического подходов является базовая идея социально-ценностной системы государственного управления – стремление к общественному благу. Однако утилитаризм рассматривает дефиницию «блага» как «благо всего общества», а гуманизм – как «благо каждого человека». Соответственно, ценностная система тоталитарной демократии стремится к высокому уровню усредненных социальных показателей (выражающих уровень благосостояния общества в целом, но не обязывающих государство обеспечить высокий уровень блага для каждого индивида), а ценностная система либеральной демократии – к максимальным показателям (достижение которых для каждого члена общества в принципе невозможно).

Литература:

- 155

**САДОВСКАЯ
Алена,**

аспирант кафедры
социальной и
гуманитарной
политики
Национальной академии
государственного
управления при
Президенте Украины,
г. Киев.

Аннотация: в статье
актуализирована
роль коммуникаций
в государственном
управлении в контексте
архетипного
похода. Исследовано
особенности
коммуникативной
составляющей
в формировании
государственной
политики в
социогуманитарной
сфере. В статье
поднимается вопрос
о необходимости
изменений в стратегии
диалога между
органами власти
и гражданами для
изменений в этой
сфере.

Ключевые слова:
коммуникативная
сфера, архетипный
подход, диалог,
социогуманитарное
пространство, новые
коммуникативные
инструменты.

УДК 351: 35.078.3

Алена САДОВСКАЯ

ККОММУНИКАТИВНАЯ СФЕРА В СОЦИОГУМАНИТАРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: АРХЕТИПНЫЙ ПОДХОД

Популярное правительство без общедоступной информации или средств для ее распространения – пролог либо к фарсу, либо к трагедии, а возможно, к тому и другому вместе.

Дж. Медисон, 4-й президент США

Постановка проблемы. Информация и знания становятся одним из стратегических ресурсов государства, а их доступность – один из ключевых факторов демократического развития. Информационно-коммуникативную сферу в современных условиях можно рассматривать как фундамент для общественных преобразований. Кроме того, это мощный властный ресурс, с помощью которого государственные учреждения конструируют, продвигают и легитимизируют ценности, идеалы, образы и т.д. Фактически органы государственной власти формируют «информационную повестку дня» для средств массовой информации, которые являются не только ретрансляторами информации, но и одним из источников формирования общественного мнения, а в результате – общественных ценностей и настроений. В условиях модернизации социогуманитарной сферы важное место занимают открытость и прозрачность, диалог с гражданским обществом.

Массовая информация имеет мощный воспитательный ценностно-ориентационный потенциал и социальную обусловленность. С ее помощью приобретает массовость тиражирование моральных, эстетических, духовных ценностей и социальных норм [4].

Политические события в Украине (в декабре 2013 года – феврале 2014 года) актуализировали роль и необходимость качественного и полноценного диалога в обществе, незаангажированных и объективных СМИ, активного гражданского общества, целесообразность создания общественного телерадиовещания. События Майдана проиллюстрировали дисбаланс в построении коммуникаций между органами государственной власти и гражданами, фактически пропасть между ними, региональную социокультурную и мировоззренческую асимметрию, дефицит объективной информации о ситуации в государстве. Несовпадение задекларированных демократических законодательных принципов и реальной государственно-управленческой практики стало одним из серьезных источников политической нестабильности и конфликта.

Актуальность темы возрастает в постмайданный период – период модернизации всех сфер жизни, особенно в контексте построения конструктивного диалога, формирования национальной идентичности, единства, восстановления доверия населения к власти, учета мнения общественности и экспертной среды при разработке пакета реформ и шагов для решения проблем политической, социально-экономической и гуманитарной сфер. Модернизация государства невозможна без участия общественности в разработке и создании государственной политики, формирования открытой и

прозрачной власти, активного гражданского общества. Поэтому актуальными вопросами являются внедрение стандартов партисипативной демократии, разработка концептуальных основ и стратегии развития коммуникативной сферы для налаживания диалога и поиска консенсуса в обществе.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблематике архетипов посвящены работы К. Юнга и М. Элиаде. Архетипы в государственно-управленческой деятельности, социальной и гуманитарной сферах исследуют Э. Афонин, О. Валевский, М. Лашкина, О. Суший. Разным аспектам информационно-коммуникативного менеджмента, национального информационного пространства посвящены исследования В. Андрущенко, В. Бебика, М. Головатого, Л. Губерского, В. Кременя, Е. Макаренко, С. Москаленко, В. Набруска, И. Слисаренко, О. Соснина, С. Телешуна, Н. Томенко, В. Трощинского и др.

Теоретические и прикладные аспекты коммуникаций между представителями органов власти и общественностью уже были предметом исследований отечественных и зарубежных ученых, однако коммуникации в социогуманитарной сфере как основы общественной жизни еще не были предметом отдельного исследования.

Цель статьи – попытка исследовать коммуникативную сферу социогуманитарного пространства с помощью архетипного подхода.

Изложение основного материала. Архетипы (с гр. «начало», «образец») в различных научных сферах рассматриваются как прототип, исходный образец. Например, в литературных произведениях архетипы – это образы, которые часто повторяются и лежат в основе литературных сюжетов, в искусстве – оригинал, лежащий в основе мифов, сказок и культуры в целом.

С точки зрения представителей школы аналитической психологии (К. Юнг), архетипы – это универсальные психические структуры, составляющие коллективное бессознательное. Они отражаются в нашем опыте через определенные представления, мотивы, сновидения и т.д. Характерным признаком архетипов является значительное влияние на эмоции человека [5, с. 237].

Сейчас именно информация через СМИ, коммуникация через диалог, знания через образование оказывают ключевое влияние на формирование психоэмоционального состояния людей. Так, масс-медиа могут быть источником дезинформации, паники, психологического беспокойства.

Коммуникативную сферу можно рассматривать в узком и широком значениях. В первом случае это чисто техническая и технологическая плоскость информационного общества, изучение которой длительное время доминировало. В 2006 году ЮНЕСКО приняло межправительственную программу «Информация для всех», в которой предусмотрена переориентация интенсивного и массового внедрения информационных и коммуникационных технологий на удовлетворение социальных и духовных потребностей людей, гуманизацию общественных отношений [6].

В широком аспекте это социокультурная среда, состоящая из информационной инфраструктуры, которая окружает человека, где через различные коммуникативные средства создается и распространяется большое количество информации. В этой сфере государство устанавливает «правила игры» и является ее координатором, играет ключевую роль для продуцирования общественно значимой информации и конструирования ценностей для осведомленности граждан и их включенности в процессы управления, а также для удовлетворения потребностей людей.

В новой парадигме государственного управления трансформируются традиционные представления о коммуникации между органами власти и их взаимодействии с гражданами. Поэтому следует говорить о трансформации от информационного подхода к информационно-коммуникативному, ведь таким образом создается определенное диалоговое окно «государственные служащие – граждане», возрастает необходимость постоянной коммуникации и поддержания обратной связи, а не только пассивного одностороннего информирования о действиях власти. Таким обра-

зом, архетип обратной связи является ключевым в формировании коммуникативной сферы.

Понятие коммуникативной сферы возникает как ответ на необходимость объяснения нового типа социальных взаимодействий. Органы государственной власти должны создать постоянную, действенную модель информационно-коммуникативного взаимодействия с гражданским обществом. Безусловно, возникает вопрос, какова роль государства в управлении и регулировании коммуникативной сферы, каковы границы вмешательства государства в информационные процессы? Важно определить баланс между архетипом свободы и соотношением частного/публичного при построении информационной политики.

Роль государства – создание законодательства для регулирования информационных процессов и коммуникации, деятельности субъектов информационной деятельности.

Органы государственной власти должны создать постоянную, действенную модель информационно-коммуникативного взаимодействия с гражданами и гражданским обществом, потому что результатом наполнения коммуникативной сферы становятся ценностная система убеждений общества, интеллектуальный потенциал и активность граждан. Эта сфера дает возможность приблизить граждан к участию в управлении от локального до общегосударственного уровня, а также выстроить конфигурацию социально-культурных процессов в обществе в определенный исторический промежуток времени. В условиях информационного общества внимание должно акцентироваться на гуманитарных ценностях, в первую очередь – на формировании объединительной мировоззренческой позиции граждан, гражданского общества, качества информации и содержательного наполнения информационных продуктов.

Управленческая деятельность по своей сути является коммуникативной, ведь она связана с непрерывным созданием, передачей и получением информации как в рамках государственной системы, так и через установленные связи с внешней средой и через средства массовой коммуникации.

Система государственного управления состоит из ряда подсистем, которые информационно-коммуникативная сфера объединяет и обеспечивает их целостность.

Одной из его важных подсистем является социогуманитарное пространство. Национальное социогуманитарное пространство можно определить как совокупность сфер общественно-культурной деятельности, которые в полной мере способны обеспечивать культурные и языковые потребности граждан Украины. Оно охватывает сферы художественной, просветительской и досуговой деятельности (профессиональной и любительской), эфирное пространство электронных СМИ, национальный рынок печатных СМИ, книгоиздание и книгораспространение, другие культурные продукты и услуги, а также смежные сферы – образование, науку, деятельность структур гражданского общества [3, с. 80]. Также к его составляющим исследователи относят межэтнические и межконфессиональные отношения.

Факторами формирования единого гуманитарного пространства выступают национальная идентичность и историческая память [2, с. 157–159]. Благодаря этим составляющим государство может способствовать развитию инновационного потенциала и консолидации общества, формировать духовные ценности и ценности прогресса. Как отмечал К. Юнг, «в коллективном бессознательном помещается вся духовное наследие эволюции человека, которое возрождено в структуре мозга каждого индивидуума» [10, с. 70].

Коммуникативная сфера является важной составляющей единого социогуманитарного пространства, задает тон и динамику развития образования, здравоохранения, культуры, науки и других социогуманитарных отраслей, а также обеспечивает становление и развитие личности. Кроме того, процессы и реформы, происходящие в этих отраслях, затрагивают огромное количество людей, которые должны быть причастны к созданию государственной политики через механизмы участия.

Отдельного внимания заслуживают образование и культура, которые могут стать катализатором инновационного развития и общественных изменений, инструментами формирования гуманистических ценностей. Автор считает, что коммуникативная сфера тесно взаимосвязана с образовательной, ведь без постоянного обновления информации, информационных технологий, современных программ, учебников, а главное без коммуникации и обмена, изучения языков, она будет отставать от потребностей современного учителя и ученика, общественного развития.

В. Шейко отмечает, что трансформация информационного пространства в Украине прямо пропорционально зависит от уровня культуры общества, от процесса формирования культурной политики государства, особенно во внешнем аспекте. Глобализационные явления требуют создания условий для налаживания международного культурного обмена, диалога культур [9, с. 8]. Недаром К. Юнг особое внимание уделял культурным символам, которые являются важной частью ментальности [1, с. 92].

Стремительное распространение информации влияет на специфику общения и ценностно-мировоззренческие установки. Эти новые коммуникативные формы создают новую социокультурную среду. Информация является своеобразным инструментом, способствует функционированию и развитию культуры. Она обеспечивает сбор, хранение, переработку и распространение сведений, воспроизводит культурные явления [8, с. 82]. В. Семиноженко, анализируя гуманитарные векторы национального развития, подчеркивает, что наряду с гуманитарной совместимостью, идентичностью и этикой важным компонентом современной государственной политики является информационная и мониторинговая прозрачность [7].

В этом контексте становится важным вопрос доступности информации и вовлеченности граждан в процессы управления в социогуманитарных вопросах. Оперативными путями получения информации является официальный сайт органа государственной власти, социальные медиа и непосредственная отправка информационных запросов.

Насколько доступна информация для граждан? С целью поиска ответа на этот вопрос был осуществлен мониторинг выполнения министерствами социогуманитарного блока Закона Украины «О доступе к публичной информации» и мониторинг информационного наполнения их веб-сайтов. Из 18 министерств выбрали 5 министерств соответствующего профиля, а именно Министерство образования и науки Украины (МОН), Министерство здравоохранения Украины (МОЗ), Министерство культуры Украины, Министерство молодежи и спорта Украины и Министерство социальной политики Украины.

Мониторинг доступа к публичной информации состоял из двух частей: анализа наполнения разделов доступа к информации на сайтах (по 11 параметрам) и путем отправления в течение трех месяцев информационных запросов. По результатам мониторинга наполнения разделов о доступе к публичной информации лидерами стали МОН, МОЗ и Министерство социальной политики, которые получили по 11 баллов. 9,5 баллов набрали Министерство культуры (из-за отсутствия системы учета публичной информации и отсутствия обновления отчетов о запросах); Министерство молодежи и спорта (аналогичные причины).

В течение трех месяцев было отправлено три волны информационных запросов в министерства. Для оценки ответов использовались следующие критерии анализа: наличие и удобство поиска контактов для отправки запросов, своевременность ответа, предоставление ответа как такового с учетом наличия актуальных реквизитов (официального названия и подписи) распорядителя информации на бланке с ответом; полнота ответа.

Второй составляющей исследования стала проверка соблюдения органами исполнительной власти Закона Украины «О доступе к публичной информации» и другого информационного законодательства путем мониторинга наличия необходимой публичной информации на официальных сайтах в марте 2014 года (максимальный балл – 200).

Таблица 1
Результаты выполнения министерствами социогуманитарного блока ЗУ «О доступе к публичной информации»

Название министерства	1 волна	2 волна	3 волна	Средний балл	Рейтинг
Министерство культуры	5	5,5	4,5	5	4
Министерство молодежи и спорта	5,5	0	5,5	3,6	5
МОН	5	6	6	5,6	2
МОЗ	6	6	6	6	1
Министерство социальной политики	5	5	6	5,3	3

Стоит отметить, что сайты статичны и не предусматривают непосредственной коммуникации на странице, тогда как на многих зарубежных сайтах органов государственной власти есть формы обратной связи и возможность комментирования информации. В украинской практике имеется лишь опрос общественного мнения по профильным вопросам на сайтах Минобразования и Минздрава.

Таблица 2
Результаты мониторинга официальных веб-сайтов министерств

Название министерства	Баллы	Рейтинг
Министерство культуры	125	5
Министерство молодежи и спорта	126	4
МОН	155,5	2
МОЗ	170	1
Министерство социальной политики	134	3

Сегодня целесообразным является использование новых коммуникативных инструментов как удобных, оперативных, массовых источников коммуникации. Кроме того, новые медиа дают возможность органам государственной власти получить быструю обратную связь и узнавать реакцию граждан на распространенную информацию. В законодательном поле представление деятельности органов государственной власти в новых медиа не регламентировано, это инициатива самих органов власти. Поскольку новые медиа – это массовая целевая аудитория и информационное влияние, то их использование в работе – это не требование времени, а норма. Все министерства имеют собственные официальные страницы в 1–3 сетях.

Таблица 3
Наличие официальных страниц министерств в социальных сетях

Название министерства	Новые медиа	Страница в Facebook	
		Предпочтение	Обсуждения
Министерство культуры	Facebook	1998	348
Министерство молодежи и спорта	Facebook	2572	Группа
МОН	Facebook Youtube Twitter	3256	331
МОЗ	Facebook Youtube Vkontakte	4061	181
Министерство социальной политики	Facebook	1518	47

Результаты мониторинга в течение трех месяцев свидетельствуют о позитивных изменениях в их информационном наполнении, однако не все рубрики актуальны и достаточно удобны в поиске. Поэтому работа по организации доступа к публичной информации должна совершенствоваться и соответствовать нормам законодательства. Целесообразно использовать современные технологии работы.

Выводы. Таким образом, коммуникативная сфера фактически является интегрирующим и системообразующим фактором. В контексте архетипного похода это своеобразное зеркало действительности, благодаря которому формируется общественное мнение, его образовательный и интеллектуальный капитал. В нем хранятся и передаются традиции и культурное наследие, формируются мировоззренческие позиции граждан.

Коммуникативную сферу следует рассматривать как фактор активизации общественного развития, средство укрепления национальной идентичности, консолидации (или наоборот раскола) общества. Она может приумножать (или нивелировать) прогрессивный потенциал современного общества в гуманитарной политике. Развитие коммуникаций можно рассматривать как одну из важнейших, базовых подсистем социогуманитарного пространства. Это путь к противодействию коррупции, формированию информационного равенства граждан и консолидации общества, а также к формированию эффективной системы государственного управления. Украине важно строить коммуникации во всех сферах жизни не в режиме «пожарной команды», а применять стратегический поход к построению коммуникаций.

Література:

1. Бебик В.М. Інформаційно-комунікаційний менеджмент у глобальному суспільстві: психологія, технології, техніка паблік рилейшинз / В.М. Бебик. – К. : МАУП, 2005. – 440 с.
2. Державна політика в соціогуманітарній сфері : підручник / [авт. кол.: В.А. Скурятінський, В.П. Трошинський, П.К. Ситник та ін.] ; за заг. ред. В.А. Скурятінського, В.П. Трошинського. – К., 2010 – 265 с.
3. Експертна доповідь «Україна в 2006 році: внутрішнє і зовнішнє становище та перспективи розвитку». – К. : ПП Інтертехнологія, 2007 – 256 с.
4. Коневщинська О. Ціннісно-орієнтаційний потенціал засобів масової інформації та проблеми сучасної інформаційної культури [Електронний ресурс] / О. Коневщинська // Вісник Львівського університету ім. І. Франка. – 2005. – Вип. 19. – Ч. 1. – С. 356–360. – Режим доступу : www.lnu.edu.ua/Pedagogika/periodic/visnyk/.../47_konevshchynska.pdf. – (Сер. : пед.).
5. Лашкіна М. Інформаційний простір як чинник трансформації архетипу національної держави в умовах глобалізації / М. Лашкіна // Публічне управління: теорія та практика : збірник наукових праць Асоціації докторів наук з державного управління. – Х. : ДокНаукДержУпр, 2013. – Спеціальний випуск. – 272 с.
6. Інформація для всіх : Програма ЮНЕСКО [Електронний ресурс]. – Режим доступу : lozschoo12.ucoz.ua/DomZadanie/10klass/zrazok_1.6.8.docx.
7. Семиноженко В.П. Гуманітарні вектори національного розвитку [Електронний ресурс] / В.П. Семиноженко. – Режим доступу : <http://www.semynozhenko.net/documents/5>.
8. Тортіка О.О. Інформаційно-комунікаційний простір як відображення сучасного соціокультурного середовища / О.О. Тортіка, О.Л. Біличенко // Вісник ХДАК. – 2010. – Випуск 30. – С. 80–88.
9. Шейко В.М. Формування інформаційного простору та зовнішньої культурної політики України в роки незалежності / В.М. Шейко // Вісник ХДАК. – 2010. – Випуск 29. – С. 4–17.
10. Юнг К. Сознание и бессознательное / К. Юнг. – Минск : Попурри, 1998. – 295 с.

СЕРГЕЕВ
Владимир,
SERGEEV
Vladimir,

научный сотрудник
Института
вычислительной
математики и
математической
геофизики Сибирского
отделения Российской
Академии наук,
г. Новосибирск, Россия.

Аннотация: в статье
даются определения
необходимым тер-
минам, связанным с
процессами сепара-
тизма и федерализма.
Решаются вопросы их
реализации и законного
регламентирования.
Описываются роль
в этом и методы
внешних катализи-
рующих и инициру-
ющих сил. Задаются
и прорабатываются
необходимые теоре-
тические вопросы. Всё
это иллюстрируется
на событиях в Украине,
происходящих в 2014-ом
году.

Ключевые слова: лами-
нарная и турбулентная
дивергенция, сепара-
тизм, федерализация,
государственный и
групповой терроризм,
дезинформация, этнос,
нация, архетип.

УДК 30+32+34+35+39

Владимир СЕРГЕЕВ

К НОРМАТИВАМ ЛАМИНАРНОЙ ДИВЕРГЕНЦИИ

1. Дивергенции, их формы и регламентация

Под «дивергенцией» (Д) в философии [1, с. 237] понимается (1) расхождение признаков у родственных организмов (или социумов) в процессе их эволюции или (2) распад сообщества организмов (социумов) на составляющие. В технике и математике Д является мерой интенсивности потока из источника, в лингвистике – обособлением диалектов из языка [2, с. 539]. Здесь мы будем говорить в связи с государственным правлением только о социальной и политической дивергенции и в основном о её частных и важных подвидах: сепаратизме (=С) и федерализме (=Ф). Как С, так и Ф в некоторой стране S могут реализовываться или ламинарно (=бесконфликтно), или турбулентно (=конфликтно).

Применительно к социальной практике: сепаратистское разделение Чехословакии на Чехию и Словакию шло ламинарно; СССР на независимые страны – почти ламинарно; раздел Югославии, попытки отделения от России частей Северного Кавказа и отделение Абхазии и Южной Осетии от Грузии (усилиями России!) – турбулентно; недавняя аннексия Крыма Россией и попытки России и боевиков, захватывая с оружием здания органов власти, создать Донецкую народную республику, отделить восточные области Украины (с их возможным присоединением к России) происходили весьма турбулентно.

Могут ли столь же батальные турбулентно-дивергентные события, подобные происходящим ныне в паре Украина – Россия, иметь место в других парах одноязычных («братских») стран, например Канада – США, Новая Зеландия – Австралия, Австрия – Германия? Видимо, нет. Причина – в более высокой нравственности и законопослушании в этих странах.

Сепаратизм (С) не должен считаться предосудительным, если он не реализуется средствами террора. Семья – прекрасная модель для более крупных социумов. На уровне семьи во многих странах давно решена проблема ламинарного сепаратизма (и этически, и юридически). Есть законы, нормы и обычаи, на основе которых выросшие дети могут отделиться от родителей, один супруг – от другого и т.п. Такие «бракоразводные» процедуры прописаны и отработаны по срокам, по имуществу, по членам семьи. Но беда в том, что на уровне ойкумены сепаратизм остаётся полузапретным процессом, не обеспеченным всемирно принятыми законами «развода» этносов. Да и кого считать «этносом»? Соглашаясь с Ю.В. Бромлеем [3, с. 13–14], этносом надо считать любую группу людей, ощущающую себя особенной по некоторым признакам культуры (главное – их самоопределение!). Нация – это граждане одной страны S. До сих пор, решая, как относиться к сепаратизму, правители руководствуются (в зависимости от собственной выгоды) то Принципом-Н «неделимости страны S и её территориальной целостности», то Принципом-П «права народов (=этносов) Sk, входящих в S, на самоопределение вплоть до отделения». В частности, не отпуская из России Чечню, Дагестан и Татарстан, власти РФ опирались на Принцип-Н, а «откусывая» от Грузии Абхазию и Южную Осетию, от Украины – Крым, педалировали на Принцип-П. Политикам при проявлениях

С всегда нужно действовать мирно, не доводя до силовых столкновений; снимать нарождающиеся противоречия политическими, экономическими и культурологическими мерами, не раздражать жителей в Sk резкими заявлениями и действиями властей S; вовремя начинать спокойный, вдумчивый и справедливый «бракоразводный» процесс (когда дивергентные устремления Sk из S стали уже слишком велики и необратимы). Совсем не идя навстречу пожеланиям сепаратистов, жестоко пресекая их попытки отделения от S, проблемы лишь загоняют внутрь, а не ликвидируют. Особая забота всех должна быть о молодых нациях!

С федерализацией – то же самое. Понятийный мрак в этой сфере также мешает регулированию. Можно доказать в качестве строгой теоремы, что количество всех возможных вариантов Ф бесконечно. Все эти варианты политологи и юристы пытаются втиснуть в прокрустово ложе известной тройки «унитарное, федеративное, конфедеративное» государство. А суть в том, что каждый вариант Ф есть договор между Sk и S о том, какие и в какой мере права и обязанности Sk и S находятся в их совместном ведении, а какие – только в ведении Sk и только в ведении S. Но нет главного: международного закона о необходимых и допустимых фрагментах сценариев федерализации, о порядке её узаконивания, её возможного пересмотра и о её содержании в любой отдельной стране S.

Что делать для устранения дискриминации, страданий народов Sk в S при дивергентных войнах? Необходимо: (1) срочно выработать и принять международные законы о С и Ф; (2) международно осудить как тягчайшие преступления государственного терроризма все формы неприглашённых высшей властью страны S вмешательств любой страны Q в страну S для решения проблем С и Ф в стране S; (3) высшим властям страны S жёстко пресекать противозаконные (особенно силовые!) методы С и Ф, идущие от любых Sk. И важно понять, что азартно и масштабно идущая в мире дорогостоящая борьба с терроризмом (=Т) тщетна без уместных шагов к утолению жгучих нужд тех, кто взялся за оружие. Не оправдывая Т, у К.В. Жаринова [4, с. 24] справедливо отмечается, что «Т появляется как ответная реакция на длительное затягивание решения политических проблем». Примеры тому – не только на Северном Кавказе (где продолжается тысячежертвенная война, начатая Россией летом 1999 года под выборы в РФ нового президента-«преемника»), но и в Северной Ирландии, в Испании, в Турции, в Китае, в Шри-Ланке и т.д.

Очевидно, что бурных событий весны 2014 года в Крыму и в Восточной Украине могло бы и не быть, если бы некоторые действия, опубликованные намерения и высказывания политических лидеров Киева были бы более осторожны и компромиссны. Возможно, действительно в чём-то история повторяется [5].

2. Терроризм индивидуальный, групповой и государственный, их виды и цели

В определении Т в законе [6] отсутствует фиксация субъектов-исполнителей террора, но зато указаны (среди прочих) важные для нас цели террористов: <a> «оказание воздействия на принятие органами власти решений, выгодных террористам», и «посягательство на жизнь политического или общественного деятеля». В книге Е.П. Кожушко «Современный терроризм: Анализ основных направлений» [7, с. 11] констатируется, что общепринятого определения для Т нет, и предлагается своё: «Т = это тактика политической борьбы с систематическим применением идеологически мотивированного насилия, выражающегося в убийствах, диверсиях, саботаже, похищениях и других действиях, представляющих угрозу жизни и безопасности людей <...> во имя достижения определённых политических, религиозных, социально-экономических целей». Согласимся с этим и дополним следующим.

{1} Субъектами Т (организаторами и исполнителями) могут быть не только индивидуумы или их группы, но и целые государства. Они осуществляют Т в форме войн (широкомасштабных, ограниченных или диверсионных), в форме государственных переворотов, в форме геноцида и массовых репрессий [7–11]. В этом случае имеет место государственный терроризм (ГТ) в военной форме (ВГТ). Особо опасна при этом опора на уголовников и спецназ.

{2} Помимо военного ГТ, странами применяется дипломатический ГТ (ДГТ), экономический ГТ (ЭГТ) и медийный (информационно-идеологический) ГТ (МГТ).

{3} Возможными целями ГТ страны-террориста Q являются противозаконные или несоразмерно жестокие действия властей Q против граждан Q или частей Qk, а также против властей другой страны S, против граждан в S или частей Sk в своих политических, экономических или идеологических интересах.

Оккупация и захват Крыма в марте 2014 года с помощью спецназа РФ явилось комплексным актом ГТ = ВГТ + ДГТ + ЭГТ + МГТ России против Украины. Таким же ГТ является содействие России сепаратистскому бандитизму и терроризму в Восточной Украине в последующее время. В этом – предмет для подачи иска Украиной в Гаагский трибунал. Психологические мотивы госуправленцев и акторов ГТ – от врождённых подсознательных архетипов коллективного бессознательного [1; 2] до индивидуально рациональных.

3. Костры информационной войны

Телеэкраны всех ведущих прогосударственных каналов России весь 2014 год истерически и лживо разжигают ненависть к центральным властям Украины («хунте», «нелегитимным», «нацистам», «фашистам») и обеляют агрессивные банды вооружённых сепаратистов («народ», «повстанцы», «ополченцы», «мирные граждане», «дети и старики»). Акты двойной морали и всяческое искажение достоверной информации осуществляются ежеминутно и журналистами, и политическими лидерами РФ. Всё – по известным рецептам МГТ [10; 12]. Проявлениям национализма в Украине лживо либо безграмотно приписывается смысл «нацизма» и «фашизма» [2], запугивают жупелом антисемитизма.

Антисемитизм проявляется в Украине не в большей степени, чем в России [13]. Антисемитизм (как и априорная ненависть ко всем представителям какой-либо национальности или расы) предосудителен (в Украине, в России – везде). Однако статистически в целом народ одной национальности или расы (а также какого-то их слоя) может обладать какими-то особыми признаками (внешности, физиологии, психологии, поведения). Эти признаки могут быть для кого-то полезными, вредными или нейтральными. Отсюда и возникают бытовые антипатии. Например, для кого-то немцы излишне педантичны и скупы, а для кого-то – пунктуальны, аккуратны, дисциплинированы и бережливы. Например, среди евреев можно выделить [14] К-евреев (за капитализм) и С-евреев (за социализм); Р-евреев (религиозных) и А-евреев (атеистов); среди российских К-евреев – КП-евреев (пропутинских) и КЗ-евреев (прозападных); среди израильских евреев выделяются Ж-евреи (жёстко агрессивные против арабов) и Т-евреи (толерантные к арабам). Точно так же возможны деления и группирования и среди русских, и среди украинцев и др. Симпатии или антипатии к таким группам бывают так же различны.

4. К сиризации Украины?!

Отрезвляет порой сравнительный взгляд со стороны. Посмотрите в таблицу, нет ли аналогии, не туда ли мы все катимся?!

ПАРАМЕТРЫ	Сирия	Украина
Площадь (тис. кв. км)	185	600
Население (в млн чел.)	15	43
Этносов	Свыше 2	Свыше 2
Срок войны	2.5 года	Пока что...
Разрушения в городах	Сплошные	Весьма малые
Число убитых (всего)	Свыше 200 тысяч	Десятки
Стороны войны	Власть – боевики	Власть – боевики
Втянутые стороны	Страны ислама, Россия, США, НАТО	США, НАТО, Россия

5. Вопросы ламинарности в украинской дивергенции

В условиях украинской турбулентности и возникшей острой информационной войны между Украиной и Россией накануне даты 9 мая для обеих этих стран уместны и важны честные и спокойные ответы на следующие откровенные вопросы.

В. 1: Допустимо ли в ходе разноаспектного освещения одних и тех же событий однобоко демонизировать знаковые личности, например, с одной стороны, называть Степана Бандеру фашистом, не упоминая о том, что он был самоотверженным патриотом украинского народа [15], а с другой стороны, справедливо называя Сталина палачом массовых преступных репрессий, голодомора и предателем ленинцев [14], умалчивать о том, что он заботился о трудовом народе, был советско-интернациональным патриотом СССР и руководил (не без провалов!) страной при разгроме фашистов? – Не допустимо.

В. 2: Уместно ли считать Сталина столь же преступным, как и Гитлера, на том основании, что они оба совершали акты военной агрессии и аннексии в соседних странах, что перед войной заключили секретный договор о дружбе и сотрудничали в торговле, производстве и (даже!) в военной сфере? – Нет! У Гитлера была особая цель (и её реализация): завоевание, порабощение и уничтожение неарийских народов Земли ради процветания Германии, а у Сталина аналогичной цели не было.

В. 3: Не состоял ли главный мотив сотрудничества бандеровцев и части прибалтов с Вермахтом в их выборе «между двух зол» (по их мнению) – Гитлер и Сталин – в пользу Гитлера (как меньшего из зол)? – Видимо, да (как и у генерала Власова).

В. 4: Только ли антисемиты повинны в Холокосте, и не привело ли к антисемитизму и Холокосту сочинение евреями в «Ветхом завете» пассажа об их «богоизбранности» (чем не «высшая раса», конкурирующая с нацистами?!) с последующим их культурным и экономическим самообособлением среди других народов? – Да, привело.

В. 5: Может ли сверхбогатый еврей быть суперполезным даже тому народу, представители которого некогда участвовали в его погромах и геноциде? – Да, может, и примеры тому – Ходорковский, Коломойский, Фирташ.

В. 6: Может ли бедный еврей истово и самоотверженно трудиться не ради личной наживы и процветания его соплеменников, а ради создания интернационального общества, лишённого экономической эксплуатации богатыми бедных? – Да, такими были Маркс, Троцкий и многие другие.

В. 7: Может ли еврей-суперэрудит, выросший в Украине, уничижительно считать украинцев с их языком недонацией, живущей на кусках чужих территорий и тянуть их в Россию, в российский Таможенный союз от Европы? – Может, почитайте «Украина и остальная Россия» А.А. Вассермана [16].

В. 8: Всякое ли государство способно долго, благополучно, прогрессивно и внутренне мирно существовать в состоянии «плавильного котла» из разных национальностей, религий, культур? – Да: Швейцария, США, Бразилия и (с оговорками!) Китай, а также бывший СССР (важно: в «котле» успех определяется качеством строя, правителей и менталитета народа; по мере ухудшения качества правителей в СССР, начиная со Сталина и «благодаря» ему, деградировали КПСС, власти и народ, что и закончилось в 1991 году распадом).

В. 9: Есть ли вполне процветающие однопациональные государства? – Конечно: Германия (испорченная притоком мигрантов!), скандинавские страны, Япония, Тайвань и др.

6. Оптимальный путь санации страны с проблемными регионами

В стране S с С- и Ф-проблемами (в частности в Украине), по моему мнению, стоило бы пошагово двигаться по следующему пути.

Шаг 1: сформировать рабочие группы (РГ) для выработки разных альтернативных проектов Конституции (К) страны. Шаг 2: в каждой РГ выработать пакеты конституционных идей (КИ) для соответствующих проектов К. Шаг 3: в течение

агитационного срока (какого?) обсудить в СМИ эти пакеты КИ и типы К. Шаг 4: провести общий референдум страны с мягким рейтинговым голосованием за эти пакеты КИ. Шаг 5: пакет КИ, получивший наибольший рейтинг в S (при более чем П % от его минимальной поддержки в отдельных Sk, П=50 %?), принимается в доработку до текста К (силами его РГ с добавлением экспертов). Шаг 6: принять закон о конституционном референдуме. Шаг 7: вынести разработанный текст К (включающий решения проблем С и Ф) на референдум в S. Шаг 8: если К будет принята (большинством в П % во всей S и в каждой Sk), то назначить и провести выборы Президента, Парламента и местных органов власти. Шаг 9: выработать систему законов для S и для каждой Sk, соответствующих принятой К. Шаг 10: обеспечить выполнение этих законов.

Для современной Украины, безусловно, необходимо (как и планируется властями в Киеве) завершить контртеррористическую операцию в Восточной Украине (ВУ), отсрочить проведение референдума в ВУ 11.05.2014, провести выборы Президента 25.05.2014 (или позднее – после окончания боевых действий в ВУ).

Литература:

1. Философия: энциклопедический словарь / под. ред. А.А. Ивина. – М. : Гардарики, 2006. – 1072 с.
2. Первый толковый БЭС (Большой энциклопедический словарь). – СПб : Норинт ; М. : РИПОЛ-Классик, 2006. – 2144 с.
3. Бромлей Ю.В. Етносоциальные процессы: теория, история, современность / Ю.В. Бромлей. – М. : Наука, 1987. – 334 с.
4. Жаринов К.В. Терроризм и террористы: исторический справочник / К.В. Жаринов ; под. общ. ред. А.Е. Тараса. – Мн. : Харвест, 1999. – 606 с.
5. Дежкин Г. История украинской болезни / Г. Дежкин // Аргументы недели (Россия). – 2014. – № 15. – С. 8–9.
6. О противодействии терроризму : Федеральный закон РФ : от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ.
7. Кожушко Е.П. Современный терроризм: анализ основных направлений / Е.П. Кожушко ; под. общ. ред. А.Е. Тараса. – Мн. : Харвест, 2000. – 448 с.
8. Мессенджер Ч. Войны, изменившие мир / Ч. Мессенджер. – М. : АСТ ; Астрель, 2010. – 237 с.
9. Норден А. Так делаются войны / А. Норден. – М. : Прогресс, 1972. – 391 с.
10. Петров М.Н. Механизмы государственных переворотов: историко-теоретическое исследование / М.Н. Петров ; под. общ. ред. А.Е. Тараса. – М. : АСТ ; Мн. : Харвест, 2005. – 400 с.
11. Геноцид и массовые репрессии: истребление по национальным и религиозным мотивам. – Мн. : Литература, 1996. – 576 с.
12. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием / С. Кара-Мурза. – М. : Алгоритм, 2000. – 736 с.
13. Еврейское сообщество / Мухин А.А. и др. – М. : Алгоритм, 2005. – 240 с.
14. Сергеев В.А. Генезис-гипотезы WE20 / В.А. Сергеев // Коммуникативные стратегии информационного общества : труды 5-ой Междунар. науч.-теор. конф. – СПб, 2012. – С. 137–145.
15. Степан Андрійович Бандера [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа : <http://ru.wikipedia.org>.
16. Вассерман А.А. Украина и остальная Россия / А.А. Вассерман. – М. : АСТ, 2013. – 544 с.

Сергей СИБИРЯКОВ, Анна ШАПИРО

ГРАЖДАНСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА КАК ФАКТОР РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В УКРАИНЕ В КОНТЕКСТЕ АРХЕТИПИКИ

Постановка проблемы. Согласно теории К. Юнга сознание индивидуума формируется с учетом информации глубоких подсознательных уровней психики – архетипов. Они являются структурными элементами человеческой психики, скрытыми в коллективном бессознательном, общем для всего человечества. Архетипы задают общую структуру личности и последовательность образов, возникающих в сознании в случае пробуждения творческой активности, поэтому духовная жизнь несет на себе архетипический отпечаток [1]. Архетипы условно можно разделить на три основные группы: универсальные архетипы, которые невозможно изменить; этнокультурные архетипы, которые слабо изменяются; динамически изменчивые архетипы культуры. Решение указанной проблемы находится в русле государственного управления в рамках диалога власти и индивидуума, организацию такого управления в современных условиях можно осуществлять с помощью Интернета.

Развитие Интернета превратило человечество в одно большое глобальное село. Он предоставил возможность организации коммуникаций в режиме реального времени людям из разных частей планеты. Появилось довольно большое количество людей, для которых эти виртуальные коммуникации кажутся более привлекательными, чем реальное вербальное человеческое общение. Таким образом, формируется поколение, обладающее новыми идентификационными параметрами и воспринимающее виртуальную реальность как более комфортную среду существования.

Появление такой особой коммуникативной среды приводит к смене архетипов и форм социальных взаимодействий, которые сложились в социуме. На основании указанного выше автор считает, что социальные медиа на определенном этапе развития общества приобретают качество мощного инструмента изменения состояния сознания человека. Если наука или политикум не предложат методические рекомендации относительно организации управляемого и контролируемого процесса влияния социальных медиа на формирование сознания членов общества, то с помощью этого же инструмента под воздействием внешних факторов может быть сформировано отрицательное восприятие отдельных решений по вопросам государственного управления. Это может нанести вред национальной безопасности и национальным интересам страны. Следовательно, исследование по вопросам использования данного инструмента влияния на смену архетипов и культуры индивидуума становится актуальной задачей для науки «государственное управление». Исследование влияния этого инструмента на «положительную трансформацию» сознания человека, а также вопросов целесообразности использования этого влияния в политических коммуникативных практиках в государственном управлении является *целью публикации*.

Анализ последних исследований и публикаций. В блогосфере и социальных сетях Интернета часто возникают дискуссии о том, что

**СИБИРЯКОВ
Сергей,
SIBIRYAKOV
Sergii,**

соискатель кафедры государственной политики и управления политическими процессами Национальной академии государственного управления при Президенте Украины, научный сотрудник Украинского центра культурных исследований Министерства культуры Украины, г. Киев.

Аннотация: в статье описано совместное исследование украинской блогосферы. Для исследования было выбрано сто влиятельных блогов. Исследовалось развитие украинской блогосферы: основные тенденции содержания поднимаемых в ней вопросов; гражданский потенциал влияния деятельности блогосферы на общество.

Ключевые слова: гражданский потенциал, государственное управление, гражданское общество, гражданская культура, гражданское образование, власть, социальная самоорганизация, социальные сети, социальный капитал, социальные медиа.

УДК 32.001:001.895:004

ШАПИРО
Анна,
SHAPIRO
Ania,

магистр искусств
Гарвардского
университета по
теме регионов –
Россия, Восточная
Европа, ассистент
Международной
программы развития
Фонда Открытого
Общества США.

***Анотація:** в статье
описано совместное
исследование
украинской блогосферы.
Для исследования
было выбрано сто
влиятельных блогов.
Исследовалось
развитие украинской
блогосферы: основные
тенденции содержания
поднимаемых в ней
вопросов; гражданский
потенциал влияния
деятельности
блогосферы на
общество.*

***Ключові слова:** граж-
данский потенциал,
государственное управ-
ление, гражданское об-
щество, гражданская
культура, гражданское
образование, власть,
социальная самооргани-
зация, социальные сети,
социальный капитал,
социальные медиа.*

УДК 32.001:001.895:004

Интернет способствует коллективному зомбированию. В сравнении с телевидением Интернет – значительно более мощная и более гибкая система передачи информации, поэтому его влияние эффективнее телевизионного манипулирования массами. Через Интернет-сеть можно убеждать и зомбировать намного эффективнее, чем с помощью телевидения.

Важные моменты: чтобы «зомбировать» человека, его сначала нужно завлечь, привести на свои площадки и побудить (заставить) читать, слушать, просматривать и комментировать определенную информацию конкретного направления и высказываться соответствующим образом. Атомизированный человек – это человек, у которого нет своего круга общения, который не знает реальных авторитетов или не может задать им вопрос. Исследовалась украинская блогосфера с точки зрения ее основных тенденций развития, содержания и потенциального влияния на общество.

Блогеры рассказали о своем опыте и целых созданиях блогов, а также об изменениях целей в процессе развития своих Интернет-ресурсов. Также блогеры: оценили значение языка общения в Интернете и особенности украинской блогосферы; обсудили возможности влияния Интернета на процесс украинизации и отношения между украинско- и русскоязычными в стране; прокомментировали возможности влияния блогосферы на языковую диглоссию; определили адекватность украинской блогосферы ведущим тенденциям в развитии общества; спрогнозировали будущее украинской блогосферы – в идеале и на практике. Среди опрошенных блогеров были политики [2; 3; 4], политологи [5; 6; 7], руководители региональных Интернет-проектов [8; 9], преподаватели вузов [10; 11; 12] и журналисты [13; 14; 15; 16], которые влияют на украинское общественное мнение. Кроме того, своим взглядом на украинскую блогосферу поделились с автором исследования авторитетные блогеры из Белоруссии [17] и Израиля [18]. Проведем короткий анализ и выделим главные тенденции в ответах опрошенных.

В контексте «гражданской» и «негражданской» категорий наблюдаются двенадцать основных тем.

Самыми популярными темами для «гражданской» категории являются российская политика, украинские политики, события истории, культуры и социальные проблемы, тогда как «негражданские» сообщения, как правило, сосредоточены на следующих темах: эротика, фотографии, личные вопросы, видео, интересная информация относительно фактов профессиональной жизни. Рассмотрены комментарии в блогах с делением на пять различных категорий – пассивное / некритическое отношение, то есть согласие; активное / критическое: поддержка или критика подкрепляется мотивированным доказательством и/или другими логическими призывами; оскорбительное: пламя войны, преднамеренно провокационные или грубые комментарии без рационального обоснования; нейтральные разъяснения по теме.

Наконец, изучена потенциальная возможность использования популярных блогеров влиять на украинское общество. Фактически украинская блогосфера состоит из двух частей – пользователи, пишущие на русском языке, и пользователи, которые отдают предпочтение украинскому языку. При этом первая часть значительно больше (92 %). Это достаточно объективная оценка языковой ситуации в Украине, поскольку в сети крайне сложно заставить людей писать на неродном языке. В итоге Интернет стал «пристанищем»

для свободного самовыражения в языковом плане для обеих языковых групп.

Чем можно объяснить этот контраст? Ярослав Федорак, учредитель сайта *Ukrains'ka Blohosofera*, объяснил: «при написании контента блога на русском языке вы можете привлечь не только блогеров украинской аудитории, но и намного больше блогеров из российской аудитории» [19].

И русскоязычные, и украиноязычные блогеры утверждают, что в Украине притесняют их родной язык. Русскоязычные блогеры не воспринимают насильственной украинизации общества, а украиноязычные блогеры опасаются преобладания русского языка в Украине. Русскоязычные блогеры воспринимают язык главным образом как практическое средство общения, без идеологического подтекста. Эти блогеры считают статусность своего родного языка в обществе само собой разумеющейся. Для многих украиноязычных блогеров роль языка имеет идеологический оттенок. Они придают роли языка в Интернете большее значение, потому что считают необходимым повышение статуса украинского языка. При этом нужно отметить, что произошло определенное разделение русскоязычного и украиноязычного сегментов украинской блогосферы. Каждый из них стал больше «вариться в собственном соку», чем это было 2–3 года до того.

Бинарное противопоставление русского и украинского языков также переносится на украинскую блогосферу. Соответственно, украинский язык считается неподходящим для политической и профессиональной тематики. Это отношение к языку закрепляет нехватку тематических украиноязычных блогов, и, следовательно, мнение о том, что украиноязычная блогосфера обречена на неудачу и презренна. Заколдованный круг.

Русскоязычные блогеры ощущают больше ксенофобии и национализма в украинской блогосфере, чем в реальной жизни. Может быть, в Интернете эти тенденции просто более очевидны. Скажем так, в ряде случаев тенденции проявляются в более концентрированном виде, чем в реальности. В других же случаях – наоборот, ведь пока что структура пользователей Интернета в Украине далеко не совпадает со структурой общества (как возрастной, так и профессиональной, образовательной и т.п.). По мере выравнивания разницы между ними степень отражения и опровержения будет также соответственно выравниваться.

По мнению эксперта по экономике и маркетингу Павла Мельника, главная особенность украинской блогосферы – высокая заполитизированность, то есть наверно больше половины блогосферы занято вопросами политики и критикой политиков и их действий. «В украинской блогосфере очень хорошо отслеживать основные политические события и настроения, связанные с политической жизнью в стране. Остальная сфера деятельности страны там присутствует довольно слабо, потому говорить о полном отображении всех тенденций пока что рановато», – отмечает эксперт [8].

Редактор проекта «Сокол – Юробоз» (Судебно-общественный контроль) Роман Подолян (блогер – *roman_sharp*) считает одним из эффектов Интернета то, что в нем легко пересекаются люди, не пересекающиеся в реальной жизни. «Мы не увидим в жизни и даже в прессе много дискуссий между одесситами и львовянами – но увидим в Интернете. Я не думаю, что будет какая-то особая разница в отношениях, но будет эффект усиления – как в плане „громкости“, так и в плане „частоты“, будут больше общаться и пересекаться разные люди, и больше видеть, насколько они разные», – сообщает эксперт [15].

Эксперт по развитию гражданского общества, общего проекта ЕС и «Содружества потребителей и общественных объединений», Денис Полтавец уверен, что украинская блогосфера будет развиваться по двум основными направлениями – «личностным» и «рыночным». «То есть, блогеры будут писать / будут читать или по каким-то внутренним, фантазийно-эмоциональным мотивам (какое-то подобие психотерапии), или – за деньги, для денег и отталкиваясь от денег. Политический блогинг почему-то не очень развит, очевидно, в связи с тем, что в нем совсем непрозрачно сливаются две отмеченные тенденции, отягощается еще и неустойчивой национальной (в смысле – страновой) идентичностью», – думает эксперт [9].

Профессор кафедры инноваций и информационной деятельности в образовании НПУ им. Драгоманова Светлана Благодетелева-Вовк считает, что украинская блогосфера имеет свою специфику – она отличается, например, от российской более толерантным, терпимым отношением блогеров друг к другу, отсутствием оскорблений, хотя народ любит «затаить обиду» на конструктивные высказывания. «От англоязычной блогосферы она отличается отсутствием (малым количеством) отзывов на материалы, цитирования. Думаю, это потому, что мы мало ценим друг друга и свою способность генерировать что-то стоящее. Интернет влияет на все процессы в мире, поскольку он – культурная инновация, коренным образом меняющая жизнь людей. Украинизация – важен процесс самопознания и самоидентификации украинцев. Безусловно, Интернет способствует формированию среды интеллектуалов, поднимающих проблемы самоидентификации, культурного развития украинства, которое должно стать основой нашего особого места в глобализующемся мире», – надеется эксперт [10].

По мнению известного на постсоветском пространстве одессита, политконсультанта Анатолия Вассермана, украинской блогосфере присущи глубокий провинциализм и уверенность в безуспешности собственных попыток хоть в чем-то сравняться с метрополией – характерные черты менталитета всех, кто пытается доказывать отличие украинцев от других русских – очень выразительно проявляются и в блогосфере. «На литературном русском языке доступно несравненно больше качественных ресурсов, чем на южнорусском диалекте. Поэтому Интернет – эффективное средство приучения населения к общероссийскому языку и менталитету», – констатирует эксперт [13].

С точки зрения профессора Национальной академии государственного управления при президенте Украины, доктора социологических наук Эдуарда Афонина, украинская блогосфера в своих показателях динамики психосоциальных изменений в значительной степени опережает украинское общество в целом. «А это один из ключевых показателей поведения украинских блогеров. Во-первых, как мне кажется, чтобы Интернет-сообщества стали реальным фактором развития общественных отношений, в том числе в затронутом отношении, доля пользователей Интернет должна достичь минимально возможного уровня самовоспроизводства данной среды (около 16 млн. человек). Во-вторых, существенное значение имеет степень „открытости“ Интернет-сообществ, которые возникают в „национальном сегменте украинской блогосферы“. В-третьих, сама „открытость“ блогосферы в значительной степени связана с состоянием развития психокультуры Украины в целом. В-четвертых, необходимым психосоциальным изменением пока что мешает много политических, экономических, образовательных и других еще существующих в нашей общественной жизни ограничений, в которых просматриваются еще несбалансированные интересы крупных украинских собственников – олигархов», – выказывает оптимизм исследователь [11].

Первый политик-блогер украинской блогосферы, народный депутат Украины 5-го созыва Олег Антипов рассказал, как восприняли в украинском парламенте его блогерскую деятельность. «Осенью 2006 года я занимался разработкой нескольких законопроектов. Тогда и возникла у моих соавторов идея о создании онлайн площадки для обсуждения наших законопроектов в сети Интернет. Свой блог в ЖЖ я создал в ноябре 2006 года, что вызывало ажиотаж в украинских СМИ. Я едва успевал отбиваться от приглашений на телеканалы. К сожалению, по приглашениям было понятно, что журналистов мало интересовало содержание журнала, просто хотелось вживую пообщаться с депутатом, способным самостоятельно стучать по клавиатуре», – поделился депутат [2].

Белорусский политолог, директор Центра по проблемам европейской интеграции Юрий Шевцов оценил уровень культуры дискуссий в украинской блогосфере и отметил особенности в развитии украинской блогосферы в сравнении с белорусской. «В Украине более жесткая риторика во время дискуссий. И в Украине невозможно уклониться от политических дискуссий. В Беларуси в этом плане все проще:

люди оппозиционных взглядов являются маргиналами, не имеют ни информации о принятии решений в стране, ни опыта подготовки и принятия таких решений. Это – своего рода вечные романтики, вечные политические радикалы, порой городские сумасшедшие и политические бизнесмены низкого уровня. Они редко способны на спокойное обсуждение каких бы то ни было вопросов. Всегда скатываются к трем-четырем важным для них вопросам, обычно о скором свержении Лукашенко, народе, который „быдло”, и о том, что вокруг ужас. В отличие от украинских, например, националистов, белорусские их аналоги не отвечают за свой народ, не несут ответственность даже моральной, они не интересны интеллектуально, говорить с ними, в сущности, не о чем, и вполне возможно с ними ни о чем и не говорить годами. Влияния в обществе они все равно не имеют, их позицию и их самих весьма можно просто не замечать», – проводит аналогии эксперт [17].

Израильский политолог и политтехнолог Давид Эйдельман в последние годы активно участвовал в украинских избирательных кампаниях и хорошо знаком с реалиями украинской блогосферы. «В украинской блогосфере слишком много оперируют как объективной данностью всяческими всемирными заговорами, каббалистическими наговорами, мировым правительством. Верят в теневое представительство, в Мондиалистский прожект, в масонские ложи, в невидимую руку, секретную науку, в колено Дана, в хазарские кланы, в сионских мудрецов. И в украинской блогосфере этого полно. Может быть, все эти теории заговоров вносят в жизнь хоть какое-то объяснение, логику, смысл. Трудно же совсем без смысла. Хотя обычно конспирологическое объяснение ничего на самом деле не объясняет. Только еще больше запутывает. Конспирология – современная форма язычничества! Ведь появление язычничества – оно и было вызвано попыткой древнего человека понять мир и как-то сориентироваться в нем. В язычничестве божество видится в каждой вещи, в каждом предмете, в каждом явлении, в каждом абстрактном понятии. И у конспирологов олицетворение не очень-то блесит конкретностью. На вопрос „Имена, адреса, явки?” – они многозначительно хмыкают и параноидально косятся», – отмечает эксперт [18].

Изложение основного материала. Социальные сети и блогосфера Интернета – хорошее подспорье для организаторов цветных революций, ведь социальные медиа не стоит переоценивать. Но и их недооценка чревата для власти, о чем свидетельствует опыт арабских «твиттерных» революций. Рунет необходимо исследовать и изучать, чтобы в нужный момент иметь инструменты для предотвращения критических ситуаций. Американцы это хорошо понимают и уделяют изучению Рунета много внимания. Об этом свидетельствует и наше с Центром российско-евразийских исследований им. Дэвиса Гарвардского университета совместное исследование украинской блогосферы, которое завершилось успешной защитой диссертации магистра под названием «Гражданский потенциал украинского Интернет-пространства» американской аспирантки Анны Шапиро в мае 2012 года в Бостоне [20].

Оранжевая революция служит прекрасным примером того, как цифровые медиа могут ускорить и усилить народный протест, если общественные деятели используют их с целью объединения общества для решения конкретной цели. Исторически сложилось, что демократические преобразования инициировали профсоюзы, диссидентские элиты и популярные группировки. Например, в 1980-х годах в Польше независимый профсоюз коалиции боролся за демократические выборы путем организации мирного протеста и круглых столов с коммунистическим правительством. В Южной Корее студенческие группы, профсоюзные организации и религиозные общины объединялись в народное движение за демократию и смену авторитарного режима Чон Ду Хвана в 1987 году. Коммуникационные технологии также способствовали политическим переменам. Например, по словам Ю. Хабермаса, распространение политических журналов ускорило демократизацию в Европе. Позже теоретики утверждали, что влияние СМИ на коммуникации во многом зависит от внешних социальных, политических, правовых и технологических факторов. Например, в руках старого режима, которому присуще «бессилие», виртуальная среда становится потенциально вредной [21, с. 157]. В Украине успеху целевого исполь-

зования цифровых ИКТ технологически подкованными лидерами оппозиции способствовали политические условия. Хотя этот факт не отрицает убеждения Макфола в том, что Оранжевая революция была первой, которая в значительной степени была организована в Интернете в режиме онлайн; он отмечает, что традиционные акторы находились еще у руля [73, с. 95].

Наиболее важными и влиятельными организациями гражданского общества во время Оранжевой революции были «Майдан» и «Пора». Организация «Майдан» была сформирована в 2000 году на форуме молодежи из сторонников демократии, обеспокоенных авторитарным политическим климатом в стране. До 2004 года их веб-сайт www.maidan.com.ua стал оживленной площадкой для критических диалогов. 20-гигабайтный архив этого сайта до сих пор хранит все – начиная от юмора и материально-технических советов до фотографий с улиц. Эффективность работы «Майдана» в Интернете обеспечена его централизованным руководством, которому удалось даже собирать пожертвования от сторонников во всем мире. В онлайн-режиме «Майдан» проводил наблюдение за выборами, тренинги в каждом административном регионе Украины. Им охвачено учебой свыше 500 граждан касательно навыков для наблюдения за президентскими выборами.

«Пора» является одним из важных примеров мультиплатформного активизма. Черпая вдохновение в более ранних общественных движениях в Венгрии и Чехословакии, «Отпоре» в Сербии и «Кмара» в Грузии, молодежный альянс «Пора» использовал проверенные и подлинные формы активизма из современных технологий. Включая более 150 местных украинских общественных организаций из 30 000 зарегистрированных участников, «Пора» является крупнейшим гражданским движением в истории Центральной и Восточной Европы [20, с. 18]. Его наибольшее влияние во время выборов, однако, крылось в широте методов коммуникации.

Изучение опыта движения «Пора» с одновременным использованием традиционных и современных ИКТ позволяет нам сравнить плюсы и минусы различных тактик мобилизации. По данным лидеров движения «Пора», их печатные послания получило примерно двадцать пять миллионов украинских граждан, свыше 50 процентов населения. Между тем в стране значительно меньшая часть общества имела возможность прямого доступа к их веб-сайту www.pora.com.ua. Конечно, очень важно отметить, что информация, распространенная онлайн, не существует в вакууме и легко распространяется на не-пользователей Интернет с помощью реальных социальных сетей. В случае «Майдана», его веб-сайт был специально направлен на граждан, которые были особенно хорошо связаны и имели возможность влиять на более широкую аудиторию, – на юристов, студентов, журналистов.

Это двухступенчатые теории течения, которые свидетельствуют, что политические мнения не образуются во время непосредственного контакта со средствами массовой информации, а складываются на социальном уровне благодаря распространению информационной продукции в результате коммуникаций между социально близкими людьми. Эта модель могла бы объяснить эффект «снежного кома», наблюдавшийся во время Революции, невзирая на небольшое количество людей, которые смогли получить прямой доступ к контенту о мошенничестве и протестах в онлайн-режиме в связи с жесткой цензурой новостей прессы и телевидения. Учитывая скорости, Интернет был, несомненно, более эффективен в мобилизации масс, чем печатные материалы. Конечно, эффективности Интернет в Украине помогло отсутствие со стороны власти вмешательства в онлайн-деятельность.

Тем не менее, отсутствие цензуры в украинском веб-пространстве было по тем временам относительно уникальным явлением для полуавторитарного режима и позволяла многочисленным новостным сайтам оппозиции процветать. Во время революции сайт «Украинская правда» был самым популярным источником новостей на Уанете. В третьем раунде голосования этот сайт имел почти два миллиона посещений за день. 22 ноября, сразу же после второго тура выборов, сайт «Украинская правда» имел 319 024 дискретных посетителей – одну треть всех пользователей Интернета в Украине.

Согласно статистическим данным большинство украинцев появилось в Интернете для того, чтобы найти информацию и новости, которые не поддерживали линию правительства. Несмотря на относительно низкий процент пользователей Интернета в Украине, большая часть оппозиционных источников новостей предоставила несколько ключевых преимуществ веб-пространству в сравнении с традиционными медиа-платформами, во-первых, потому, что обмен информацией в Интернете быстрее, чем когда-либо прежде; во-вторых, Интернет остался почти полностью вне властной юрисдикции; в-третьих, он продолжал информировать международное сообщество о политической ситуации в Украине, что повышало вероятность внешней финансовой поддержки и увеличивало давление на правительство с целью демократизации организации третьего тура выборов.

Вполне возможно, что причина того, что Интернет оказался в состоянии играть такую заметную роль в массовой мобилизации в Украине, была связана с характером самого движения. Оранжевая революция была не продуктом коллективных длительных постоянных действий, как это имело место, например, в Польше и Южной Корее, скорее это было событие, где некоторые люди принимали участие спонтанно, по призыву сердца, возмущенные мошенничеством во время подведения итогов выборов.

Изучение условий развития блогов в Украине и их качественных характеристик позволяет оценить общественный потенциал виртуальных обществ относительно организации реальных перемен. Отдельные исследователи по этим вопросам отрицают наличие такого потенциала у блогосферы. Их возражения основываются на небольшом размере блогосферы, узкой тематической направленности (например, только украинская политика) и отсутствии прямых ссылок, на что влияет государственная политика. Более того, один из таких исследователей – Андрей Ваджра, публицист из Киева и русскоязычный блогер, допускает, что украинская «одержимость» жестко обсуждать в блогосфере конкретные вопросы и проблемы вредит ее потенциалу для роста и развития [23]. С другой стороны, многие украинские блогеры считают, что небольшие размеры блогосферы, напротив, позволяют более сосредоточенно сплотить общество вокруг актуальных для него вопросов. В частности, медиа-эксперт Ярослав Федорак утверждает, что украинские блогеры чувствуют себя в блогосфере, как в собственном доме. Они бойко общаются друг с другом, хотя иногда не знакомы непосредственно, а знают друг друга через одного из блогеров [19]. Вполне возможно, что такие объединения могут порой уменьшать недоверие украинцев к Интернету в связи с анонимностью и существованием риска правительственных манипуляций.

Конечно, важно отметить, что читательская аудитория влиятельных украинских блогеров намного больше, чем любая большая семья. Так, Елена Билозерская, вторая по популярности в украиноязычной блогосфере, имеет 3081 виртуального друга – блогеров Живого Журнала на DoubleClick LiveJournal [24]. Однако статистические данные поисковой системы Google свидетельствуют, что она получает около одиннадцати тысяч посетителей ежемесячно, из них только восемь с половиной тысяч – из Украины. И хотя такая активность на настоящее время не присуща большинству блогеров, на основании этого примера можно с уверенностью допустить, что реальная аудитория любого блога может быть значительно больше, чем количество его официальных абонентов.

Анализ контента украиноязычных блогеров свидетельствует, что украинский язык в блогах украиноязычных блогеров используется преимущественно для обсуждения «местных проблем», менее интересных для российского читателя. В сообщениях таких блогеров намного больше материалов были посвящены украинской политике (16 против 6 процентов у русскоязычных блогеров), а также в первую очередь обсуждению местных социальных проблем (16 против 5 процентов у русскоязычных блогеров). Региональный характер украиноязычной блогосферы часто имеет тенденцию быть интерпретирован или как проклятие, или как благословение. Например, многие из опрошенных русскоязычных блогеров относят преданность украиноязычных блогеров обсуждению местных вопросов к слабости их позиции. Однако именно эти

предполагаемые «слабости» поощряют членов украиноязычного сообщества иметь свое мнение и общаться с единомышленниками.

В случае ведения автономных блогов, где владельцы могут получать прибыль от рекламных поступлений, увеличения посещаемости сайта за счет привлечения большего количества читателей, получают денежное вознаграждение. В Живом Журнале, когда отдельные блогеры непосредственно имеют прибыль от размера своей аудитории, выбор писать на русском языке может быть мотивирован стремлением к большей популярности или влиянию в блогосфере. Эта мотивация может объяснить, почему наиболее популярные украинские блогеры выбирают русский язык.

Тип комментариев и дискурс. Анализ контента 746 комментариев. Большинство из 746 рассмотренных комментариев блогеров, принявших участие в обсуждении гражданских проблем, были критическими, читатели активно принимали участие в общественных разговорах. Большинство людей, которые комментируют гражданские вопросы, готовы принять участие в иногда очень длительных дебатах по определенному вопросу.

Например, рассмотрим комментарии к теме блога Татьяны Монтян (mentbuster.livejournal.com), известного политического журналиста и адвоката. Все комментарии находятся в пределах большей темы «Почему нас не зовут в Европу» от 31 октября 2011 относительно мошенничества, связанных с недвижимостью. Три типа комментариев (нейтральные, пассивные / некритические и активные / критические).

Комментаторы проявляют особый интерес к правовым вопросам, связанным с недвижимостью, и, следовательно, не являются репрезентативными для населения в целом. Алексей Дубинский, IT-консультант и профессор из Днепрпетровска, согласился, что блогеры значительно отличаются от обычных граждан. Среди блогеров больше образованных, интеллектуальных, творческих, активных граждан. Они имеют более высокие доходы, больше свободного времени и лучше понимают свои собственные цели и интересы. «Это именно те люди, которые должны определить направление развития общества» [12].

В то время как блогеры могут представлять собой социально-экономический класс привилегированных граждан, их оппозиционные политические взгляды в то же время отодвигают их на обочину основного дискурса в полуавторитарном государстве. Однако качество обсуждения тем популярных украинских блогов, найденных в значительном количестве, указывает на настоящую обеспокоенность проблемами местных сообществ.

Чтобы получить лучшее представление относительно высокого качества дискурса в украинском сегменте Живого Журнала, сделан отдельный анализ 696 комментариев на сообщение в блоге на главные новости украинских сайтов «Украинская правда», «Корреспондент» и «Сегодня» [20, с. 42–45]. Эти веб-сайты были выбраны для исследования потому, что они были признаны наиболее популярными с точки зрения трафика в Украине. Сайт «Украинская правда», например, позволяет пользователям оставлять комментарии в блогах к сообщениям прямо от Facebook – наиболее широко используемой социальной сети в Украине после соцсети «ВКонтакте». Популярные блогеры сайтов «Украинская правда», «Корреспондент» и «Сегодня» состоят главным образом из журналистов, политиков, активистов и научных работников. «Сегодня» и «Корреспондент» также позволяют читателям публиковать собственные блоги на сайте, однако их записи, как правило, намного менее популярны и менее регулярно обновляются. Народные блоги не были включены в этот анализ, только 696 комментариев к заметкам общественных деятелей с этих трех сайтов (с февраля 2012 г.).

Большинство комментариев на новостных блогах сайтов «Украинская правда», «Корреспондент» и «Сегодня» имеет оскорбительный или провокационный характер. В то время, когда существует значительное количество критических комментариев, они омрачены оскорбительными и отрицательными комментариями. Поэтому вместо обсуждений имеются текущие драки между отдельными членами. Язык, применявшийся в этих комментариях, был с использованием жаргона, нецензурных слов и с массой орфографических ошибок. Это свидетельствует, что анонимность поль-

зователей снижает качество обсуждения. Однако дискуссиям в рамках «гражданского» дискурса в украинской блогосфере Живого Журнала присуща исключительно высокая степень цивилизованности и разумности. В поддержку данного тезиса привожу два примера комментирования темы к статьям на «Украинской правде» и сравнение их с сообщениями тех же авторов на сайте Живого Журнала.

Пример 1: Татьяна Монтян относительно темы жилья в Киеве. Татьяна Монтян в Живом Журнале разместила сообщение, посвященное теме злоупотреблений муниципальной администрации относительно коммунальных услуг на жилье. Разные типы комментариев были систематизированы по таким критериями: нейтральные, пассивные / активные и некритические / критические. Помимо блога Живого Журнала, Татьяна Монтян ведет отдельный блог на «Украинской правде», где она главным образом обсуждает правовые вопросы, связанные с жильем. В коротком сообщении 20 февраля 2012 Монтян опубликовала скриншот состояния данных роста стоимости коммунальных услуг на жилье в Киевском регионе. Важно также отметить, что авторы сообщения в блоге на Живом Журнале и блогеры на сайте «Украинская правда» могут нажатием кнопки удалять любой комментарий, который они находят неуместным, однако когда это происходит, удаленный комментарий заменяется публично видимой фразой – «Этот комментарий был удален». В лучшем случае комментаторы с этого конкретного сайта «Украинская правда» выражались в блоге неуважительно, в худшем их замечания были просто враждебными.

Пример 2: Леся Оrobeц, 27 февраля 2012 года, «Возобновляем навык читать между строк». Как вспоминалось раньше, Леся Оrobeц, член парламента от оппозиционной партии «Фронт перемен», ведет популярный блог на сайте ЖЖ, а также блог на сайте «Украинская правда». Содержание контента блогов Оrobeц существенно не отличается между этими двумя платформами, за исключением отдельных личных сообщений и менее официального формата на ЖЖ.

Учитывая оппозиционность политической позиции Оrobeц, резкий контраст ответов читателей становится все более заметным. Хотя Леся Оrobeц не очень скандальный политик, ее переход из партии «Единый Центр» в партию «Фронт перемен» осенью 2011 стимулировал некоторые дебаты. В данной конкретной статье на «Украинской правде» Оrobeц обсуждает, как старшие поколения в Советском Союзе были вынуждены искать правдивую информацию в сложных советских условиях, поскольку большинство общественной информации была искажена через призму ленинской доктрины. Она утверждает, что сегодня не менее важно, чтобы мы стали критическими потребителями информации, так как большинство средств массовой информации в Украине зависят от правящей Партии регионов. Несмотря на сдержанный тон этой статьи, ни один из 26 комментариев читателей не был положительным или даже конструктивным. Вместо этого ветвь комментариев быстро превратилась в выгребную яму личных нападок и обвинений. Помимо того, что ни один из комментариев не имел ничего общего с фактическим содержанием статьи, плохое качество языка – печатные и пунктуационные ошибки. К сожалению, эти типы комментариев распространены по всему Интернету (не только Уанету). В тот же день, когда эта статья была опубликована в «Украинской правде», Оrobeц повторно отправила ее на Живой Журнал без каких-либо изменений. Разница в тоне и качестве трех комментариев в сравнении с сайтом «Украинской правды» очень существенна. Хотя эти три замечания не являются чрезвычайно пронизательными или аналитическими, они правильно написаны, на тему и с уважением к автору – в отличие от комментариев на «Украинской правде».

Это сравнение, наряду с примером Татьяны Монтян, помогает проиллюстрировать вывод о том, что граждански ориентированная часть украинской блогосферы на ЖЖ отличается более высоким соотношением активного / критического дискурса к оскорбительному / иррациональному дискурсу, чем другие популярные веб-сайты в Уанете. Так как это общедоступная информация, когда автор удаляет комментарий читателя, мы можем быть уверены, что относительно небольшое количество оскорбительных и провокационных комментариев на ЖЖ не связано с цензурой.

Блогосфера позволяет дискуссии на темы, которые редко затрагиваются в реальной жизни. Таким образом, в данном ракурсе блогосфера является более демократической, чем живое общение. Но подлинное гражданское общество не будет сформировано, пока люди прячутся за никами и аватарами. По мнению многих современных исследователей, демократия умерла, наступило время Постдемократии.

Для того чтобы власти было проще манипулировать массами в демократических странах, происходит наркотизация населения. Как инструменты наркотизации всегда использовались не только психоделические средства. Вспомним хотя бы движение хиппи в 60-х гг.: тотальные антивоенные шествия, рассвет рок музыки, массовый отказ детей от своих богатых родителей. Можно влиять на массовое сознание с помощью манипуляции символами. Кардинально изменяется и отношение людей к символам, которые в условиях воплощения новых личных качеств приобретают значение фактора, существенно влияющего на сознание, деятельность и поведение людей.

Согласно данным Киевского международного института социологии (КМИС), в сентябре 2013 года 49,8 % взрослого населения Украины пользовались Интернетом. Интернет предоставляет значительной части населения эффективную платформу для получения опыта влияния на власть, обеспечения прозрачной деятельности как отдельных правительственных чиновников, так и правительства в целом. Интернет можно и целесообразно использовать для влияния на ход общественно-политических дискуссий. Влияние обеспечивает открытость Интернет-сообществ. Однако потенциал влияния Интернет-сообществ на ход общественно-политических дискуссий непосредственно зависит от двух основных факторов – наличия доверия участников Интернет-сообществ и качества дискурса в Интернет-сообществах.

Выводы и дальнейшие направления научных исследований. Если коротко, социальные сети обычно интенсифицируют горизонтальные социальные связи и протестные настроения, но критическим условием для поддержания протестной активности является реальное общение, а не Интернет [25; 26]: большая часть членов соцсети начинает запрыгивать в «протестный поезд», когда доля их протестующих френдов начинает превышать 50 %; локомотивом протеста, рекрутирующим новых членов, выступают сообщества онлайн, сформированные на основе реальных, офлайн-социальных связей и знакомств; стабильный рост протестной волны обеспечивают офлайн-акции – митинги и акции протеста; переломным моментом, который не дает протестным сигналам раствориться внутри виртуальной сети, демонстрирующей высшую энтропию, также служит офлайн-выход протестующих людей на городские площади. Безусловно, Интернет и сетевые социальные сервисы интенсифицируют горизонтальные социальные связи и протестные настроения, однако критическим условием, которое поддерживает протестную активность, все равно остаются улица и способность протестующих предложить обществу реальную альтернативу.

Разработаны практические рекомендации относительно развития гражданского потенциала социальных медиа и его реализации во взаимодействии власти и общества, в частности рекомендуется:

- 1) установить обязательный характер обсуждения в социальных сетях:
 - законодательных инициатив Президента Украины, народных депутатов Украины и Кабинета Министров Украины, которые касаются концептуальных положений государственного управления, решения актуальных проблем жизнедеятельности общества;
 - правительственных (национальных), местных и региональных программ социально-экономического развития во время их разработки и реализации, а также программ содействия развитию гражданского потенциала социальных медиа и его реализации во взаимодействии власти и общества;
 - предвыборных программ кандидатов на выборные должности в центральные, местные и региональные органы власти Украины;
 - партийных программ относительно становления и перестройки гражданского общества у Украины;

2) Министерству образования и науки Украины необходимо:

- выделить отдельное (или включить в существующее) направление научно-образовательной отрасли во время подготовки специалистов – магистров, кандидатов и докторов наук, рассматривающее проблемы становления и развития гражданского потенциала социальных медиа и его реализацию во взаимодействии власти и общества в Украине;

- обеспечить в содержании учебы становление либерально-демократической мировоззренческой компоненты, что составляет основу гражданского потенциала социальных медиа и его реализации во взаимодействии власти и общества;

- внести в номенклатуру учебных компетенций навыки коммуникаций в социальных сетях, которые следует включить в учебные программы средних школ, профессионально-технических училищ и высших учебных заведений всех уровней аккредитации;

- организовать целевую учебу с последующей аттестацией научных и научно-педагогических кадров по качеству владения навыками Интернет-коммуникаций и коммуникаций в социальных сетях;

3) Национальной академии государственного управления при Президенте Украины следует учредить в рамках проводимой ежегодной научно-исследовательской работы мониторинг становления и развития гражданского общества в Украине; результаты мониторинга обсуждать на научных форумах и в социальных сетях.

Установлено, что в контексте исследуемой проблемы важное значение будет приобретать дальнейшая научно-практическая разведка по следующим вопросам: методологии мониторинга системы государственной службы как одного из базовых компонентов осуществления широкомасштабных демократических преобразований в Украине; разработка практического инструментария для проведения такого мониторинга (обоснование системы показателей, разработка анкеты и методики анализа результатов); проведение пилотирования разработанного инструментария и учреждение системы ежегодного опроса государственных служащих; выработка предложений относительно технологии интеграции результатов мониторинга системы государственной службы и мониторинга общественного мнения «Украинское общество», который осуществляется с 1992 г. Институтом социологии НАН Украины.

Литература:

1. Архетипы (Archetypes; Archetyp) [Электронный ресурс] // сайт Psihoanalitika.ru. – Режим доступа : <http://psihoanalitika.ru/tesaurus/203/59680>.

2. Сибиряков С. Гарвардский проект: Олег Антипов о ситуации в украинской блогосфере [Электронный ресурс] / С. Сибиряков, А. Шапиро. – Режим доступа : <http://www.iarex.ru/interviews/22587.html>.

3. Сибиряков С. Гарвардский проект: Константин Шуров о ситуации в украинской блогосфере [Электронный ресурс] / С. Сибиряков, А. Шапиро. – Режим доступа : <http://www.iarex.ru/interviews/22309.html>.

4. Сибиряков С. Гарвардский проект: Ярослав Дунаев о ситуации в украинской блогосфере [Электронный ресурс] / С. Сибиряков, А. Шапиро. – Режим доступа : <http://www.iarex.ru/interviews/22259.html>.

5. Сибиряков С. Гарвардский проект: Политологи о ситуации в украинской блогосфере [Электронный ресурс] / С. Сибиряков, А. Шапиро. – Режим доступа : <http://www.iarex.ru/interviews/22002.html>.

6. Сибиряков С. Гарвардский проект: Владимир Беляминов о ситуации в украинской блогосфере [Электронный ресурс] / С. Сибиряков, А. Шапиро. – Режим доступа : <http://www.iarex.ru/interviews/21913.html>.

7. Сибиряков С. Гарвардский проект: Борис Рожин о ситуации в украинской блогосфере [Электронный ресурс] / С. Сибиряков, А. Шапиро. – Режим доступа : <http://www.iarex.ru/interviews/21798.html>.

8. Сибиряков С. Гарвардский проект: Создатели региональных интернет-проектов о ситуации в украинской блогосфере / С. Сибиряков, А. Шапиро. – Режим доступа :

<http://www.iarex.ru/interviews/22040.html>.

9. Сибиряков С. Гарвардский проект: Денис Полтавец о ситуации в украинской блогосфере [Электронный ресурс] / С. Сибиряков, А. Шапиро. – Режим доступа : <http://www.iarex.ru/interviews/22078.html>.

10. Сибиряков С. Гарвардский проект: Преподаватели вузов о ситуации в украинской блогосфере [Электронный ресурс] / С. Сибиряков, А. Шапиро. – Режим доступа : <http://www.iarex.ru/news/22387.html>.

11. Сибиряков С. Гарвардский проект: Эдуард Афонин о перспективах украинской блогосферы [Электронный ресурс] / С. Сибиряков, А. Шапиро. – Режим доступа : <http://www.iarex.ru/interviews/21618.html>.

12. Сибиряков С. Гарвардский проект: Алексей Дубинский о ситуации в украинской блогосфере [Электронный ресурс] / С. Сибиряков, А. Шапиро. – Режим доступа : <http://www.iarex.ru/interviews/22106.html>.

13. Сибиряков С. Гарвардский проект: Анатолий Вассерман о ситуации в украинской блогосфере [Электронный ресурс] / С. Сибиряков, А. Шапиро. – Режим доступа : <http://www.iarex.ru/interviews/21695.html>.

14. Сибиряков С. Гарвардский проект: Игорь Судак о ситуации в украинской блогосфере [Электронный ресурс] / С. Сибиряков, А. Шапиро. – Режим доступа : <http://www.iarex.ru/news/21869.html>.

15. Сибиряков С. Гарвардский проект: Роман Подолян о ситуации в украинской блогосфере [Электронный ресурс] / С. Сибиряков, А. Шапиро. – Режим доступа : <http://www.iarex.ru/news/21869.html>.

16. Сибиряков С. Гарвардский проект: Сандра Новикова о ситуации в украинской блогосфере [Электронный ресурс] / С. Сибиряков, А. Шапиро. – Режим доступа : <http://www.iarex.ru/interviews/22078.html>.

17. Сибиряков С. Гарвардский проект: Украинская блогосфера – взгляд из Белоруссии [Электронный ресурс] / С. Сибиряков, А. Шапиро. – Режим доступа : <http://www.iarex.ru/interviews/22505.html>.

18. Сибиряков С. Гарвардский проект: Украинская блогосфера – взгляд из Израиля [Электронный ресурс] / С. Сибиряков, А. Шапиро. – Режим доступа : <http://www.iarex.ru/interviews/22052.html>.

19. Сибиряков С. Гарвардский проект: Украиноязычные блогеры о ситуации в украинской блогосфере [Электронный ресурс] / С. Сибиряков, А. Шапиро. – Режим доступа : <http://www.iarex.ru/interviews/21853.html>.

20. Shapiro A. Blogs and Ballots: The Civic Potential of the Ukrainian Webpace / A. Shapiro. – Cambridge : Harvard University Press, 2012. – 72 p.

21. Habermas J. Between Facts and Norms. Contribution to a Discourse Theory of Law and Democracy / J. Habermas. – Cambridge, Massachusetts : The MIT Press, 1996. – 453 p.

22. Макфол М. Пути трансформации посткоммунизма: сравнительный анализ демократического прорыва в Сербии, Грузии и Украине [Электронный ресурс] / М. Макфол. – Режим доступа : http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pec/2005/2/ProEtContra_2005_2_06.pdf.

23. Сибиряков С. Гарвардский проект: Андрей Ваджра о ситуации в украинской блогосфере [Электронный ресурс] / С. Сибиряков, А. Шапиро. – Режим доступа : <http://www.iarex.ru/interviews/21718.html>.

24. Прутнемір – Наш LJ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://nashlj.org.ua/rank/?usort=Rank>.

25. Сибиряков С. Российская и украинская блогосфера существенно отличаются от американской [Электронный ресурс] / С. Сибиряков, А. Шапиро. – Режим доступа : <http://www.iarex.ru/articles/18181.html>.

26. Сибиряков С. Гарвардский проект ИА REX: анализ и тенденции развития украинской блогосферы [Электронный ресурс] / С. Сибиряков, А. Шапиро. – Режим доступа : <http://www.iarex.ru/articles/23312.html>.

Леся СЛАТВИНСКАЯ

АРХЕТИП ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВОМ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ОСНОВЕ ИННОВАЦИОННОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ МОЛОЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Постановка проблемы. Современный этап цивилизационного развития на глобальном и национальном уровнях имеет выразительный безопасный характер, где приоритетное значение приобретают продовольственные аспекты. Приоритетность продовольственной безопасности отмечали выдающиеся мыслители древнего мира. Платон говорил, что «первая и главная потребность – это добыча пищи для существования и жизни», а «при чуждом ей питании совершенная природа становится хуже, чем посредственная» [1, с. 145, 295]. Лао-Цзы подчеркивал, что он «видит основу в еде» [2, с. 24], а Гуань-Цзы – что «установление середины между чрезмерным и недостаточным употреблением пищи является успехом гармонии» [3, с. 56]. Таким образом, продовольственная безопасность является базовым цивилизационным архетипом человечества.

Всеобщая декларация прав человека (ООН, 1948 г.) [4] отмечает, что каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи. Статья 48 Конституции Украины [5] говорит о том, что каждый гражданин имеет право на достаточное питание. Соответственно в Украине принята Концепция улучшения продовольственного обеспечения и качества питания населения, где признавалось, что на сегодня фактическое потребление населением Украины биологически ценных продуктов пока остается ниже физиологических норм.

Особую роль в питании человека играет молоко. Р. Штайнер указывал, что прогресс будет в том, когда человек, если потребность в белке не удовлетворяется тем, что производится в нем, в самой человеческой природе, в животном питании ограничится молоком [6, с. 22–23]. А Р. Хаушка утверждал, что «молоко – вообще самая древняя человеческая пища, продукт живого и одушевленного организма, <...> оно содержит все, в чем нуждается организм, <...> это тотальное пищевое средство – синтез в жидкости белков, жиров, углеводов и минеральных солей; в молоке <...> содержатся строительные вещества природных царств – животного, растительного и минерального» [7, с. 31].

По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), молоко и молочные продукты как незаменимые поставщики важных элементов питания человека производятся продовольственными системами (milk production system) [8, с. 35; 9, с. 28, 46], развитие которых требует применения системного подхода. По мнению В.М. Гееца и др. исследователей, экономическая безопасность государства, с одной стороны, является системой, в состав которой входят подсистемы, а с другой – она также является подсистемой международной экономической безопасности [10, с. 35]. Если мы обратимся к мировому опыту производства молока, то анализ публикаций свидетельствует об ускоренных из-

**СЛАТВИНСКАЯ
Леся,
SLATVINSKA
Lesya,**

преподаватель
кафедры менеджмента
организаций Уманского
национального
университета
садоводства, г. Умань.

Аннотация: основным субъектом обеспечения продовольственной безопасности Украины в настоящее время является государство. Важнейшее место в структуре продовольствия занимают молочные продукты, которые содержат полноценный набор элементов для нормального питания человека. Современное производство молочных продуктов на уровне высших стандартов требует инвестиций с соответствующей инновационной характеристикой. Создание предпосылок активизации инвестирования производства молока исторически является функцией системы государственного регулирования.

Ключевые слова:
архетип, государство, продовольствие, безопасность, инновации, инвестиции, молоко, производство.

УДК 351.746.1:
330.341.1: 330.332

менениях в количественных и качественных его характеристиках, обусловленных инновационным инвестированием данной отрасли. Поэтому вполне логично, что Государственная целевая программа развития украинского села на период до 2015 года предусматривает увеличение производства молока до 20 млн. т [11]. На то же ориентирует утвержденная в 2007 г. Программа развития молочного скотоводства Украины до 2015 года [12], а согласно Научным основам агропромышленного производства [13] до 2020 г. планируется довести масштаб производства молока до уровня 24 млн. т.

Признание молочного производства приоритетной сферой экономики в Украине [14] отражает проблемы обеспечения продовольственной безопасности. Но на сегодня в Украине для рыночных структур молочная отрасль пока что не привлекательна с точки зрения инвестирования. Поэтому усиливается потребность в активизации вмешательства в вопросы развития молочной отрасли государства как гаранта обеспечения национальной продовольственной безопасности. Здесь уместно напомнить то, что государство, как утверждал еще Платон, возникает лишь тогда, когда каждый из нас не может удовлетворить сам себя, но имеет еще много потребностей; т.е. его создают наши потребности, а первой и наибольшей потребностью является добывание пищи для существования и жизни [1, с. 145]. Конфуций также подчеркивал, что первостепенное государственное дело – продовольствие [15, с. 106].

Таким образом, взаимная детерминация уровня продовольственной безопасности (и ее молочной составляющей) и эволюции государства является определяющим цивилизационным архетипом.

Актуальность данного исследования подтверждают теоретические взгляды выдающихся мыслителей всех времен, а также глобальная и национальная практика обеспечения продовольственной безопасности с учетом молочной ее составляющей.

Анализ последних исследований и публикаций. С.М. Шкарлет определил в качестве ключевой проблемы в обеспечении прогресса экономики формирование экономической безопасности на макро-, мезо- и микроуровнях [16, с. 9]. Р.П. Мудрак утверждает, что именно вмешательство национального правительства в процесс производства и перераспределения продовольствия – фактор достижения продовольственной безопасности [17, с. 7], а П.Т. Саблук доказывает, что только государство, которое имеет достаточные запасы продовольствия, способно успешно и системно развиваться [18, с. 3].

Стратегия экономического и социального развития Украины на 2004—2015 гг. указывает на то, что широкомасштабная модернизация экономики Украины и ее динамичный рост возможны исключительно при условии создания благоприятного инвестиционного климата (АПК должен стать центром инвестиционной привлекательности и повышенной экономической активности) [19, с. 71, 181]. И.И. Лукинов также считает, что для развития отраслей экономики Украины нужно тщательно взвешивать инвестиционные возможности темпов ее трансформации [20, с. 17]. Н.Н. Ильчук указывает, что количество и уровень качества производства молока обусловлены одновременно применением инноваций и инвестиций [21, с. 31].

Целью данной статьи является теоретическое и практическое обоснование качеств архетипики в государственном регулировании национальной продовольственной безопасности с учетом особенностей инновационного инвестирования молочной отрасли.

Изложение основного материала. Животноводство на современной территории Украины всегда занимало важное место. По данным А.С. Горбаненко, в VII—X вв. на крупный рогатый скот (КРС) приходилось 28,3—43,9 % общего количества скота [22, с. 65]. Однако уровень продуктивности животных был низким в течение долгого исторического периода, потому что даже после раскрепощения, как сообщал А.Н. Энгельгардт, надои до одного ведра от коровы в день считались очень высокими, поэтому сельские дети практически не потребляли молока и питались хуже, чем теля-

та у хозяина, имеющего хороший скот. Для преодоления такого положения вещей он предлагал разводить племенной скот и вести интенсивное животноводство на основе обогащенных концентратами кормов [23, с. 253, 366, 436]. Таким образом, производство молока в Российской империи тормозилось из-за дефицита инновационных инвестиций.

Советский период также не обеспечил развития молочной отрасли. Так, в 1930 г. на XVI съезде ВКП (б) И. Сталин признавал, что в СССР есть явные признаки сокращения животноводческого хозяйства, а также что есть трудности с поставками молочных продуктов. В дальнейшем на отставание развития животноводства указывали съезды КПСС, но только призвали догнать США по производству продуктов животноводства на душу населения. Программа КПСС (1961 г.) наметила увеличить производство молока за 10 лет более чем в 2 раза, а за 20 лет – в 3 раза; также планировалось приближение сельского хозяйства к уровню промышленности по техническим параметрам, что должно было повысить производительность аграрного труда за 20 лет в 5–6 раз при значительном повышении эффективности отраслевых капитальных вложений. Принятая же в 1982 году Продовольственная программа СССР, по сути, признала углубление отставания развития советского животноводства и наметила увеличение производства молока и молочных продуктов в 1990 г. до 330 кг в расчете на душу населения. Однако уже XXVII съезд КПСС в 1986 году указывал на замедление преодоления отставания в развитии советского сельского хозяйства. Здесь уместно сравнить хотя бы уровни затрат труда в сельском хозяйстве США и Украины: если в 1975–1979 гг. затраты труда на 1 ц молока в США составляли 0,88 человеко-часов, то в колхозах УССР в 1990 г. – уже 7,3 человеко-часов, или в 16,6 раз больше. Такое отставание указывало на исчерпанность аграрного экстенсивного развития.

Движение Украины к государственной независимости сопровождалось признанием приоритетности развития АПК и исключительной значимости, незаменимости производимой продукции отрасли в жизнедеятельности человека и общества [24]. Однако принятые Верховной Радой Украины в 1991 г. «Основные направления экономической политики Украины в условиях независимости» указывали на спад производства животноводческой продукции, а в 1994 году Верховная Рада Украины (Постановлением № 61) признала, что производство молока на душу населения по сравнению с развитыми странами в Украине составляет около 60 %.

По данным государственной статистики, поголовье коров в Украине за 1990–2012 гг. сократилось на 69,5 %, а производство молока – на 53,6 %. При этом в сельскохозяйственных предприятиях поголовье коров уменьшилось на 90,7 %, а производство молока – на 86,4 %. Это указывает на децентрацию производства молока и перенос его преимущественно в сферу хозяйств населения, которые не могут обеспечивать инновационное инвестирование, без чего становится невозможным и соблюдение современных производственных высоких стандартов с соответствующими последствиями при переработке молока и дальнейшем экспорте молочной продукции. Поэтому Государственная целевая программа развития украинского села на период до 2015 года предусматривает удвоение инвестиций и перевод отрасли на инвестиционно-инновационную модель развития [11].

Вместе с тем задекларированные государством приоритеты развития аграрной сферы в целом и молочной отрасли в частности, к сожалению, пока остаются в значительной степени декларациями. Так, если объемы основных средств сельского хозяйства за 2000–2010 гг. увеличились в 1,15 раза, то в перерабатывающей промышленности это увеличение составило 4,25 раза, в строительстве – 4,08 раза, в торговле – 5,41 раза, в транспорте и связи – 33,64 раза, в финансовой деятельности – 8,38 раза, в государственном управлении – 1,49 раза. Таким образом, сельское хозяйство практически лишено задекларированной государственной поддержки.

Государственное регулирование инвестиционных процессов в Украине развива-

ется согласно Закону Украины «Об инвестиционной деятельности» [25]. Статья 2 этого Закона указывает, что государство может оказывать поддержку инвестиционного проекта, а статья 11 Закона отнесла к целям государственного регулирования инвестиционной деятельности реализацию экономической, научно-технической и социальной политики. При этом государство должно создавать льготные условия инвесторам, осуществляющим инвестиционную деятельность в наиболее важных для нужд общества сферах его развития (в т. ч. и в агропромышленном комплексе).

Государственная целевая программа развития украинского села на период до 2015 года предусматривает ежегодное 15 % обновление аграрной технической базы [11]. В процессе формирования инвестиционно-инновационной модели отраслевого развития на основе разработки и выполнения государственных, региональных и других программ развития отрасли; достижения опережающих темпов прироста инвестиций за счет внутренних и внешних источников; развития рынка инновационной продукции; предпочтения сельскохозяйственным товаропроизводителям в процессе конкурентного отбора инновационных проектов для их финансовой поддержки за счет средств государства (осуществление мероприятий, направленных на формирование данной модели развития отрасли, должна обеспечить получение около 20 млрд. гривен инвестиций с 2015 года).

Одновременно вышеупомянутая Программа предусматривает согласование деятельности Министерства аграрной политики Украины (далее – Минагрополитики) с действующей государственной стратегией социально-экономического развития и ее задачами на основе совершенствования системы отраслевого управления, такими как нормирование показателей (структурных и функциональных) организации действующей системы управления в разрезе уровней «центр – регион – район» и определение функций Минагрополитики в соответствии с Законом «О Кабинете Министров Украины».

Однако предусмотренная выше конвергенция инвестиционных и инновационных процессов требует соответствующих изменений в системе государственного регулирования. Так, первыми в перечне объектов инновационной деятельности согласно статье 4 Закона Украины «Об инновационной деятельности» являются инновационные программы и проекты [26] при определении иерархии принятия инновационных плановых документов. Верховная Рада утверждает приоритетные направления инновационной деятельности как отдельную общегосударственную программу или в составе Программы деятельности Кабинета Министров или общегосударственных программ экономического, научно-технического развития и охраны окружающей среды. Соответственно, инновационные программы (а также определенные источники финансирования) формируются на региональном и местном уровнях. Кабинет Министров готовит и представляет Верховной Раде Украины как составную часть проекта закона о Государственном бюджете Украины на соответствующий год предложения по объемам бюджетного финансирования поддержки выполнения инновационных проектов, а центральные органы исполнительной власти (в т.ч. Минагрополитики) поручают государственным инновационным финансово-кредитным учреждениям конкурсный отбор имеющихся инновационных проектов по приоритетным направлениям инновационной деятельности и их финансовую поддержку.

Минагрополитики на сегодня не играет решающей роли в процессах инновационного инвестирования как аграрной, так и молочной отрасли, а это существенно затрудняет реализацию отраслевой инновационно-инвестиционной модели их развития. Поэтому в процессе усовершенствования инновационно-инвестиционных функций государственного отраслевого управления необходимо предусмотреть такое распределение этих функций между центральными органами власти, которое способствовало бы согласованию отраслевых инновационно-инвестиционных программ в соответствии с действующими приоритетами. При этом также следует учитывать, что Кабинет Министров Украины определяет инвестиционно-инновационные функции

государства, в частности обеспечение инвестиционной политики, развития и государственной поддержки инновационного потенциала государства и стимулирование инновационной деятельности. Инновационно-инвестиционные функции Минагрополитики введены до принятия Закона «О Кабинете Министров Украины». Это свидетельствует, что они адекватны для выполнения отраслевой миссии. Но диверсификация этих же функций на уровнях области и района может тормозить выполнение функций центром. Тем более, когда главный орган в обеспечении реализации инвестиционной политики государства – Министерство экономического развития и торговли (далее – Минэкономразвития). Вот здесь и возникают противоречия, когда обеспечение продовольственной безопасности государства должно обеспечивать Минагрополитики, а инвестиционно-инновационные рычаги этого обеспечения подчинены другим ведомствам. При таких условиях системность формирования и реализации аграрной политики государства в Украине во многих случаях становится недостижимой мечтой.

Выводы и перспективы дальнейших научных исследований. Приведенные выше материалы дают основания утверждать, что, во-первых, продовольственная безопасность является базовым цивилизационным архетипом человечества, во-вторых, молочная отрасль в продовольственной безопасности играет роль незаменимой ее составляющей, поскольку ее продукция существенно повышает качественный уровень питания человека; в-третьих, развитие молочной отрасли требует соответствующих инновационных инвестиций, без которых становится невозможным производство молока на уровне высоких мировых стандартов с отрицательными последствиями при попытках продвижения молочной продукции на мировые рынки; в-четвертых, предусмотренные инновационные изменения в аграрном секторе и молочной отрасли требуют реальной поддержки со стороны государства в части финансирования инвестиционных проектов, что актуализирует совершенствование системы отраслевого государственного регулирования и согласование соответствующих функций органов государственной исполнительной власти (в первую очередь это касается Кабинета Министров, Минагрополитики и Минэкономразвития).

В вышеупомянутом контексте целесообразно проводить дальнейшие исследования архетипа обеспечения государством продовольственной безопасности на основе инновационного инвестирования молочного производства. Необходимо ориентироваться в направлении системного раскрытия сущности междисциплинарных подходов к особо сложным объектам и их применения при решении конкретных задач государственной политики.

Литература:

1. Платон. Государство / Платон // Соч. : в 3-х томах / пер. с древнегреч. – М. : Мысль, 1971. – Т. 3 : ч. 1. – С. 89–454.
2. Дао Дэ Цзин. Книга пути и благодати / Дао Дэ Цзин ; пер. с кит. Ян Хин-шуна. – М. : Эксмо, 2005. – 400 с.
3. Гуань-Цзы. Древнекитайская философия / Гуань-Цзы // Собрание текстов в двух томах. – М. : Мысль, 1973. – Т. 2. – С. 14–57.
4. Загальна декларація прав людини : прийнята Генеральною Асамблеєю ООН : від 10.12.1948 р. // Голос України. – 2008 – № 236.
5. Конституція України // Відомості Верховної Ради України (ВВР). – 1996. – № 30. – Ст. 141.
6. Штайнер Р. Природные основы питания / Рудольф Штайнер ; пер. с нем. Н.В. Маловой. – Калуга : Духовное познание, 2003. – 216 с.
7. Хаушка Р. Учение о питании / Р. Хаушка ; пер. с нем. – Калуга : Духовное познание, 2004. – 272 с.
8. Milk and dairy products in human nutrition // Food and agriculture organization of the United Nation. – Rome, 2013. – 404 p.

9. The state of food and agriculture: food systems for better nutrition // Food and agriculture organization of the United Nation. – Rome, 2013. – 114 p.
10. Моделювання економічної безпеки: держава, регіон, підприємство : монографія / за ред. Гейця В.М. – Х. : ІНЖЕК, 2006. – 240 с.
11. Про затвердження Державної цільової програми розвитку українського села на період до 2015 року : Постанова Кабінету Міністрів України : від 19 вересня 2007 р., № 1158 // Офіційний вісник України. – 2007. – № 73. – С. 7.
12. Про затвердження галузевої Програми розвитку молочного скотарства України до 2015 року : Наказ Міністерства аграрної політики України та Української академії аграрних наук : від 10.12.2007 р., № 886/128.
13. Наукові основи агропромислового виробництва України / редкол.: М.В. Зубець (голова) та ін. – К. : Аграрна наука, 2010. – 980 с.
14. Про молоко та молочні продукти : Закон України : від 24 червня 2004 р., № 1870-IV // Відомості Верховної Ради України (ВВР). – 2004. – № 47. – Ст. 513.
15. Древнекитайская философия. Собрание текстов : в двух томах : т. 1. – М. : Мысль, 1972. – 363 с.
16. Шкарлет С.М. Економічна безпека підприємства: інноваційний аспект : монографія / С.М. Шкарлет. – К. : Кн. вид-во НАУ, 2007. – 436 с.
17. Мудрак Р.П. Продовольча безпека України в умовах глобалізації : автореф. дис. ... докт. екон. наук : 08.00.03 / Р.П. Мудрак ; Миколаївський нац. аграрн. ун-т. – Миколаїв, 2013. – 36 с.
18. Саблук П.Т. Нова економічна парадигма формування стратегії національної продовольчої безпеки України в ХХІ столітті / П.Т. Саблук ; УААН, Ін-т аграрної економіки. – К., 2001. – 94 с.
19. Стратегія економічного і соціального розвитку України на 2004–2015 рр. «Шляхом європейської інтеграції». – К. : ІВЦ Держкомстату України, 2004. – 416 с.
20. Лукинов И.И. Эволюция экономических систем / И.И. Лукинов. – М.: ЗАО «Изд-во „Экономика”», 2002. – 567 с.
21. Ільчук М.М. Ефективне функціонування молокопродуктового підкомплексу України / М.М. Ільчук. – К. : Нічлава, 2004. – 312 с.
22. Горбаненко С.А. Землеробство і тваринництво слов'ян Лівобережжя Дніпра другої половини I тис. н.е. / С.А. Горбаненко. – К. : Академперіодика, 2007. – 196 с.
23. Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887 / А.Н. Энгельгардт. – М. : Госсельхозиздат, 1956. – 491 с.
24. Про пріоритетність соціального розвитку села та АПК в народному господарстві : Закон України : від 17 жовтня 1990 р., № 400 // Відомості Верховної Ради (ВВР). – 1990. – № 45. – Ст. 602.
25. Про інвестиційну діяльність : Закон України : від 18.09.1991 р., № 1560-XII // Відомості Верховної Ради України (ВВР). – 1991. – № 47. – Ст. 646.
26. Про інноваційну діяльність : Закон України : від 4 липня 2002 р., № 40-IV // Відомості Верховної Ради (ВВР). – 2002. – № 36. – Ст. 266.

Александр СЛИНЬКО

МОДЕРНИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Постановка проблемы. В настоящее время важнейшей задачей является уточнение общих принципов организации местного самоуправления, развитие сильной, независимой, финансово самостоятельной власти на местах. 2014 год – год 150-летия знаменитой Земской реформы. Именно развитие земств, местного самоуправления в свое время позволило России совершить рывок, найти грамотные кадры для проведения крупных прогрессивных преобразований, в том числе для аграрной реформы Столыпина и переустройства промышленности в годы Первой мировой войны.

Практика организации и осуществления местного самоуправления в Российской Федерации и зарубежных странах убедительно доказывает, что каждый новый этап государственного строительства сопровождается реформированием системы местного самоуправления. Многочисленные нормативные документы, организующие деятельность местной власти, и многолетняя практика реформирования местного самоуправления привели к весьма противоречивым итогам. Местное самоуправление, сложившиеся к настоящему времени, мало соответствует нормам, закрепленным в Конституции Российской Федерации. В результате встраивания местного самоуправления в систему государственного управления с помощью совокупности инструментов институционального регулирования фактически изменилось его функциональное назначение.

Целью статьи является выделение основных периодов становления и модернизации института муниципального управления в контексте реформ в постсоветской России.

Основная часть. Петровские реформы, переняв шведский опыт государственной организации, не смогли довести его до конца – до создания зачатков местного самоуправления. Лишь в середине XIX века земская реформа начала трансформировать муниципальное управление в европейское демократическое русло. Вершиной общественного признания органов местного самоуправления стало назначение князя Львова – главы российского земства – руководителем правительства, которым он оставался с Февральской революции до середины 1917 года. Советская система слияния властей не оставляла места для муниципальных институтов. С возобновлением демократического процесса Россия вернулась в русло присоединения к европейской муниципальной традиции.

Административно-правовая реформа всегда предшествует муниципально-правовой реформе, а изменения публично-властных отношений существенным образом сказываются на сфере местного самоуправления. Оба процесса взаимно дополняют друг друга; сложный процесс реформирования, его удачи и неудачи переплетаются на различных уровнях. Период «гласности и перестройки» (1985–1991) открыл путь к демократическим преобразованиям российского общества.

В марте 1990 года на внеочередном третьем Съезде народных депутатов СССР отмечалось, что генеральной линией в процессе обновления страны является «повышение роли Советов народных депутатов как фундамента самоуправления народа, как органов,

**СЛИНЬКО
Александр,
SLIN'KO
Aleksandr,**

доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и политического управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия.

Аннотация: в статье рассмотрены основные периоды становления института муниципального управления в контексте реформ в постсоветской России. Особое внимание уделено особенностям регулирования местного самоуправления в современный период с целью преемственности элементов исторического опыта модернизации современной России.

Ключевые слова: модернизация, местное самоуправление, перестройка, демократия, закон.

УДК 352.075

осуществляющих его полновластие и суверенную волю». Местным советам в перестроечных процессах отводилась особая роль непосредственного решения вопросов, касающихся качества жизни населения соответствующих регионов. Подчеркивалось, что никто, кроме местных советов, не в состоянии организовать наиболее полное удовлетворение материальных и духовных потребностей людей с учетом особенностей развития данной территории [1].

В принятом в апреле того же года Законе «Об общих принципах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» появилось понятие местного (территориального) самоуправления как части социалистического самоуправления народа, которое призвано обеспечить реализацию прав и свобод граждан, их самостоятельность в решении вопросов социального и экономического развития территории и охраны окружающей среды [2].

Местное самоуправление начиналось там, где жители могли непосредственно взаимодействовать друг с другом и органами местного самоуправления, и должно было осуществляться, исходя из интересов населения и особенностей административно-территориальных единиц.

Впервые система власти была разделена на две подсистемы: государственного управления и местного самоуправления. При этом государственная власть не имела права вмешиваться в дела местного управления, но обязана была обеспечивать все необходимые условия для его нормального функционирования. В законе предусматривалось, что местные советы различных уровней вправе по взаимному согласию перераспределять между собой отдельные полномочия в области социального и экономического развития территории с учетом местных демографических, экономических условий и национальных особенностей.

Экономическую основу местных советов того времени составила коммунальная собственность, которая формировалась из имущества, безвозмездно переданного государством, союзными и автономными республиками и иными субъектами, а также имущества, создаваемого или приобретенного местными советами за счет принадлежащих им средств. 24 декабря 1990 г. был принят Закон РСФСР «О собственности в РСФСР», который не только определил понятие муниципальной собственности, но и дал ее перечень, что, в свою очередь, повлияло на отношения местных органов власти с государственными предприятиями, кооперативами и гражданами – понимание необходимости формирования самоуправления на местах уже проявлялось на разных уровнях власти [3].

Принятый 10 октября 1990 года Закон РСФСР «О дополнительных полномочиях местных советов народных депутатов в условиях перехода к рыночным отношениям» стал продолжением этих тенденций, расширив круг полномочий местных органов власти. В соответствии с данным законом местные органы власти получили дополнительные полномочия в части приватизации и разгосударствления, стимулирования предпринимательства, формирования рынка труда, земельной и жилищной реформ, социальной защиты и так далее [4].

Особо отмечалось (ст. 16), что местные советы народных депутатов, их органы и должностные лица несут ответственность за законность принимаемых решений. Местным советам народных депутатов было предоставлено право предъявить в суд или государственный арбитраж требования о признании недействительными актов, в том числе актов вышестоящих по отношению к ним органов государственного управления, а также предприятий (объединений), организаций и учреждений, нарушающих права и законные интересы граждан, проживающих на подведомственной им территории. До принятия решения судом или арбитражем местные советы народных депутатов вправе были приостановить действие оспариваемых актов. Одновременно закреплялось право граждан обжаловать в суд решения местных советов народных депутатов, их органов и должностных лиц местных советов народных депутатов, если они нарушают их права и охраняемые законом интересы.

6 июля 1991 года был принят Закон РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР» [5]. К его достоинствам можно отнести большую практическую применимость и возможность использования напрямую, без дополнительных нормативных актов, что позволило более четко структурировать систему органов местного самоуправления. С принятием данного Закона в российском законодательстве было проведено четкое разграничение компетенции исполнительных и представительных органов местного самоуправления. Новая территориальная структура включала районы, города, районы в городах, поселки, сельские населенные пункты, а также территориальные общественные образования (микрорайоны, жилищные комплексы и прочее). Это уже была другая, противоположная союзной, модель организации местного самоуправления, но и она могла быть вполне работоспособной. К тому же с принятием закона РСФСР 1991 года был сделан значительный шаг в децентрализации и децентрализации власти как государственной, так и местной [6].

Закон СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства» и Закон РСФСР «О местном самоуправлении» сыграли важнейшую роль в становлении местного самоуправления в нашей стране в постсоветский период. Они разработали вопрос о финансово-экономических предпосылках самостоятельности местного самоуправления, ввели понятие муниципальной собственности и определили основные механизмы правовой защиты местного самоуправления.

В 1993 году в стране была принята новая Конституция, которая определила местное самоуправление как одну из самостоятельных форм осуществления власти народом, признавая и защищая экономическую основу самоуправления – муниципальную собственность – равным образом с государственной, частной и иными формами собственности [7].

Конституционное право граждан России на осуществление местного самоуправления обеспечивается самостоятельностью населения в решении вопросов местного значения, самостоятельностью органов, создаваемых населением для этой цели, и конституционным запретом на ограничение прав местного самоуправления, обеспечивающимся судебной защитой. Основные принципы организации местного самоуправления, установленные в Конституции России, соответствуют международным стандартам, закрепленным в Европейской Хартии местного самоуправления [8].

С 1 сентября 1995 г. вступил в действие Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Закон гарантировал право на самостоятельность населения в формировании органов местного самоуправления для решения своих повседневных проблем и самостоятельность этих органов от государственной структуры управления, способность органов местного самоуправления решать проблемы избравшего их населения, возможность населения и его органов местного самоуправления реально решать свои проблемы – то есть, наличие у местного самоуправления финансово-экономической базы и права самостоятельно ею распоряжаться.

Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» должен был стать законом о реальных механизмах осуществления народовластия в России. Он устанавливал порядок реализации прав граждан на местное самоуправление, предоставлял населению широкую свободу в выборе форм его осуществления и давал определение структуры органов местного самоуправления. В законе четко разграничены полномочия органов местного самоуправления и органов государственной власти и установлены обязательные прямые выборы населением органов местного самоуправления.

Эксперты отмечают, что к началу 2000-х гг. были осуществлены конституционное признание и закрепление принципа автономности муниципальной власти в пределах общего контекста публичной власти. Однако ситуация с разработкой нового законодательства сложилась таким образом, что наряду с новыми законами, прогрессивными по своей сути, действовали и старые либо новые, которые противоречили друг другу.

Однако в среде политиков «первой волны» демократизации в 1990-е годы часто возникало представление о полной автономии органов местного самоуправления от государства. Происходило неконтекстуальное прочтение сложнейшего опыта. На самом деле институт местного самоуправления включен в систему разделения властей развитых государств в условиях изъятия многих важных вопросов местной жизни из компетенции местных властей ввиду их сложности и затратности. Лишь в 2000-е годы пришло понимание необходимости гармонизации местного самоуправления и государственного управления на местах. В этом смысле проблема государственного и муниципального управления соотносится с проблемой современных трактовок федерализма, которые, с одной стороны, исключают саму возможность выхода субъекта из состава федерации, а с другой – требуют максимального учета региональной специфики на местном уровне.

В связи с этим процесс модернизации федеральных отношений в направлении деструктуризации привел, с одной стороны, к пониманию роли и значения Совета Федерации как, в первую очередь, палаты регионов, а, с другой – к качественному совершенствованию избирательной системы с тем, чтобы на местах учитывались интересы как можно большего количества социальных групп, общественных организаций и простых граждан.

Новый этап реформирования местного самоуправления в России начался в 2003 году с принятием Федерального закона 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Данный закон еще более расширил дефиницию местного самоуправления: «местное самоуправление РФ – форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая в пределах, установленных Конституцией РФ, федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, – законами субъектов РФ, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения с учетом исторических и иных местных традиций» [9].

К нововведениям законодательства относится непосредственное указание на то, что местное самоуправление является формой народовластия, а также указание на пределы осуществления местным самоуправлением своей деятельности. Однако заложенная в Федеральном законе №131-ФЗ европейская модель местного самоуправления, столкнувшись с российской реальностью, дала в практическом воплощении набор различных моделей. На реальном воплощении реформы в жизнь и становлении новой системы местного самоуправления, вводимой Федеральным законом №131-ФЗ, сказался целый набор факторов и противоречий.

Концептуальная основа реформы подразумевала автономность местного самоуправления от органов государственной власти, что должно было привести к децентрализации власти. Однако это вошло в противоречие с проводимыми в стране процессами централизации власти, связанными с укреплением государственности, повышением управляемости и эффективности государственной власти. В регионах ресурсы и властные рычаги оказались по факту сконцентрированы в руках региональных властей, а также зависимых от них руководителей районов. По существу, администрации местного самоуправления стали территориальными администрациями субъекта федерации.

Эволюция налогового и бюджетного законодательства ограничила финансово-экономическую самостоятельность муниципалитетов, они оказались зависимы от системы государственных межбюджетных трансфертов и существующей системы налогового перераспределения.

Размытость и неконкретность многих правовых норм, отсутствие четких принципов разграничения полномочий, изобилие нормативных правовых актов, ответственность за реализацию которых возлагается на нижестоящие бюджеты без передачи им соответствующих полномочий, стали препятствием в решении острейших

социальных проблем. Существует ограниченный набор вопросов, которые местное самоуправление может решить без вышестоящей власти, при условии, что решение этих вопросов посильно для местного бюджета.

Вместе с тем, муниципалитеты стали ответственными за вопросы, которые должны решаться на федеральном государственном уровне, как то: образование, медицина, пожарная охрана и пр. При этом местное самоуправление не обладает для решения этих государственных вопросов средствами и не имеет юридического права самостоятельно принимать решения. Кроме того, на хозяйственную самостоятельность субъектов муниципальной власти оказало влияние и недостаточное внимание к вопросам кадрового обеспечения работы органов муниципальной власти.

За десять лет реализации Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в регионах и муниципалитетах возникло много вопросов и противоречий в позициях муниципального сообщества, руководителей регионов и федеральных структур, ответственных за развитие местного самоуправления. Вместе с тем накоплен огромный положительный опыт: появление выборности представительных органов, целевого метода бюджетирования, управления собственностью, территориального общественного самоуправления и общественных слушаний, программное планирование и т.д.

Выводы. Российские исследователи отмечают, что любая модернизация, и не только в истории России, в той или иной мере включает заимствование и имитацию определенных институтов; вопрос лишь в том, происходит ли по мере углубления модернизации переход от имитации к полноценному функционированию новых институтов на собственной основе или же имитация приводит в итоге к отторжению или перерождению этих институтов. Сегодня приходится признать, что без организации органов местного самоуправления, этих «кирпичиков общества», невозможно нормальное функционирование никакого общества [10].

Проблемы на местном уровне возникли в традиционном для России месте – органы местного самоуправления быстро бюрократизировались, возникла угроза клановости и коррупции. Поэтому задачей федеральных органов на местах стал поиск отечественных конфигураций и моделей, позволяющих создавать условия для оптимального развития региона. Появление в муниципальных районах менеджеров-управляющих, сохранение за мэрами лишь представительских функций кое-где смягчили ситуацию, но не разрешили ее.

Возникает потребность модернизировать и дебюрократизировать местное самоуправление, необходимо снять непосильную нагрузку с местных органов, убрать те функции, которые этот институт не должен выполнять.

Местное самоуправление вполне может действовать в гармонии и взаимодействии с государственной властью на равноправных началах. Становление демократической системы в новой России происходит не вдруг и не сразу. В переходный период на местах сложились непростые отношения губернаторов и мэров, возникла угроза тотальной бюрократизации и омертвления политического процесса [11]. Менеджеризация муниципалитетов и попытки введения корпоративных начал в местное самоуправление несколько разрядили ситуацию, но груз проблем не стал меньше.

Необходимо привести ситуацию в муниципальной сфере в соответствие со здравым смыслом и требованием времени, что означает уточнение общих принципов организации местного самоуправления, оптимизацию его структуры, приведение муниципальных полномочий и финансов во взаимное соответствие, развитие сильной, экономически независимой власти на местах и ее приближение к гражданам, вовлечение жителей в управленческий процесс. Должны быть выработаны механизмы решения проблем, существующих в данных областях местного самоуправления.

Страна движется, с одной стороны, к реальной многопартийности, с другой – растет самосознание и грамотность населения на местном уровне. Возникает возмож-

ность найти решение самых сложных задач политического развития как общенационального, так и местного характера. Настало время реализовывать как российский, так и зарубежный опыт на практике, медленно и неуклонно расширяя правовое поле для деятельности органов местного самоуправления. Возникают возможности в кратчайшие сроки сформировать политическую.

Литература:

1. Игнатов В.Г. Государственное и муниципальное управление в России. Теория и организация : учебное пособие / В.Г. Игнатов. – Ростов н/Д : Феникс, 2010. – 384с.
2. Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР : Закон СССР // Свод законов СССР : т. 1. – 1990. – Ст. 267.
3. О собственности в РСФСР : Закон РСФСР : от 24 декабря 1990 г., № 4431 : (с изм. на 1 июля 1994 г.) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1990. – № 30. – Ст. 416.
4. О взаимоотношениях Советов народных депутатов и исполнительных органов в период проведения экономической реформы : Закон РСФСР : от 10 октября 1990 г. // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1990. – № 19. – Ст. 197.
5. О Местном самоуправлении в РСФСР : Закон РСФСР : от 6 июля 1991 г., № 1550-I // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 29. – Ст. 1010.
6. Кокорев Д.А. Городское самоуправление России: организационно-правовые особенности и сравнительный анализ : дис. ... канд. юрид. наук / Д.А. Кокорев. – М., 2004.
7. Конституция Российской Федерации. – М. : Инфра-М, 2003.
8. Европейская хартия местного самоуправления : от 15.10.1985 г. : ратифицирована Федеральным Собранием : Федеральный закон от 11 апреля 1998 года, № 55-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 15. – Ст. 1695.
9. Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ : Федеральный Закон : от 06.10.2003 г., №131-ФЗ // Российская газета. – 2003.
10. Глобализация и Россия: проблема демократического развития : [монография] / Н.В. Загладин [и др.] ; Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – 2-е изд. – М. : Рус. слово, 2005. – 494 с.
11. Слинко А.А. Окончание электорального цикла и перспективы развития Воронежской области / А.А. Слинко // Социальные аспекты глобального кризиса : сб. статей. – Воронеж : Научная книга, 2013. – С. 205–210.

Елена СЛИНЬКО

РЕФОРМА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В УКРАИНЕ

Постановка проблемы. Местное самоуправление представляет собой вид прямой демократии, при котором органы управления не отделены от гражданского общества. Организация местного самоуправления является одним из наиболее достоверных показателей демократичности политического режима. Местное самоуправление вступает с центральной властью в дискуссию, проблематика которой зависит от состояния политической системы.

При авторитарных режимах гражданское общество находится на низкой ступени развития, следовательно, самоуправление не может быть реализовано в полном объеме, поскольку все сферы управления в государстве находятся под контролем центральной власти.

Демократическое развитие общества предполагает плюрализм интересов и социальную активность на местах. Развитие третьего сектора, а так же его активное сотрудничество с властью служат залогом успешности процессов демократической консолидации, так как одной из изначальных черт демократии является законодательное закрепление возможности граждан принимать участие в разработке и реализации государственной политики. Объективная необходимость власти обращаться за помощью к общественности обусловлена потребностью местных руководителей оперативно определять, какие сферы потребуют наиболее интенсивного и длительного вмешательства, и максимально эффективно использовать имеющиеся ресурсы [1].

Анализ последних исследований и публикаций. С. Татусяк делает акцент на том, что соотношение положений законов, касающихся местного самоуправления и местных государственных администраций, является не до конца проработанным в сфере разграничения полномочий местных органов исполнительной власти и местного самоуправления [2]. М. Кушнир утверждает, что основным проблемным аспектом является незавершенность децентрализации власти в Украине на законодательном уровне [3].

Территориальная община является важным элементом общественных отношений. В работе, посвященной данной тематике, М. Кушнир отмечает неурегулированность проблем, связанных с полноценным функционированием устава территориальной общины [4]. Ю. Каплан выделяет ряд недостатков нормативно-правового обеспечения уставов территориальных общин относительно процедурного обеспечения реализации права граждан на местную инициативу, общественные слушания и общие собрания [5].

Целью статьи является раскрытие проблематики реформирования системы местного самоуправления в Украине в условиях общественно-политического кризиса.

Основная часть. В социуме гражданское общество занимает позицию между государством и индивидами, однако представляет интересы именно отдельных людей. В законодательстве демократических государств закреплён ряд нормативных оснований для утверждения системы взаимодействия между властью и обществом как на общегосударственном, так и на местном уровнях. Отсутствие у государственной власти стремления сотрудничать с третьим сек-

**СЛИНЬКО
Елена,
SLIN'KO
Elena,**

кандидат политических наук, преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия.

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы территориальной организации власти в Украине. Политический кризис поднял пласт нерешенных проблем, связанных с необходимостью институциональных трансформаций в сфере местного самоуправления. Актуальным также остается возможный сценарий федерализации Украины.

Ключевые слова: децентрализация, федерализация, реформа местного самоуправления, территориальная община, государственная администрация.

УДК 352.07

тором является проблемой стран с нестабильной политической системой, в частности ряда стран постсоветского пространства.

Институт местного самоуправления возлагает на себя системную функцию эффективного управления в локальном измерении, выступая амортизационным и конструктивным элементом системы государственного управления. Однако для достижения данной цели необходимо, чтобы население воспринимало себя как общину, было готово к организации гражданского и политического участия на местном уровне.

Неадекватное развитие форм местного самоуправления приводит к накоплению неразрешенных проблем, что влечет за собой возрастание социально-политической напряженности и появление деструктивных тенденций. Причина обозначенного явления заключается в следующем: если институт местного самоуправления развивается недостаточно быстро, то он не способен воспринимать, интерпретировать и решать вопросы обеспечения жизнедеятельности людей на местах на должном уровне. Подобное несоответствие может превратиться в серьезную проблему. Представители различных ветвей власти начинают стремиться к ее разрешению, вновь приводя к подчинению местного самоуправления центральной власти. Местное самоуправление предполагает территориальную субъектность, то есть наличие территориальной общины – организованного коллектива, обладающего собственным мировосприятием.

Территориальная организация власти в Украине является одним из основополагающих вопросов в ситуации нестабильности и конфликта, сохраняющейся на данный момент. С момента приобретения Украиной независимости указанная проблема существовала в двух плоскостях: в рассмотрении принципиальной возможности, необходимости и перспективности федерализации унитарного государства и в сценарии реформы местного самоуправления без преобразования Украины в федерацию.

Еще в 1991 году ряд ведущих украинских политиков выступал за федерализацию страны. Такие проекты обусловлены объективными причинами. Регионы Украины развивались в различных исторических и политических условиях, их население говорит на разных языках, исповедует различные религии и обладает своим специфическим менталитетом и мировосприятием. Безусловно, необходимы поэтапные и четко проработанные «дорожные карты» федерализации, чтобы исключить риск распада государства и повышения степени конфронтации между регионами. Партия регионов в течение длительного времени настаивала на разработке подобной реформы, но конъюнктурные противоречия не позволили данным идеям воплотиться в жизнь.

Второй пласт проблем связан с реформой местного самоуправления. Наряду с конституционной и административной реформой данный вид политических трансформаций совершенно необходим в самом ближайшем будущем. Но если конституционный процесс в Украине характеризуется повышенной динамикой, не приводящей, тем не менее, к удовлетворительному результату, то административная реформа и реформа местного самоуправления пребывают в состоянии затяжной стагнации.

Срочность проведения реформы местного самоуправления объясняется тем, что Украина ратифицировала Европейскую хартию местного самоуправления еще в 1997 году, но так и не привела ситуацию в государстве в соответствие с положениями документа. Кроме того, существует ряд нерешенных проблем, препятствующих эффективному функционированию системы. Одним из наиболее серьезных затруднений является назначение местных руководителей государственной администрации без учета или предварительных консультаций с местной общественностью. Решения, принимаемые по мажоритарной системе и подкрепленные императивным мандатом, в условиях склонности украинских лидеров к авторитаризму усугубляют положение местного самоуправления. При этом ассоциации и коллективные органы представительства местных органов управления так и не стали полноценными партнерами

центральной власти. Также среди проблем можно выделить отсутствие полномочий для решения проблем и удовлетворения нужд местной общественности, дублирование полномочий органов местного самоуправления и местных органов центральной исполнительной власти, недостаточную финансовую и материально-техническую базу для исполнения законных полномочий и неопределенность территориальной основы функционирования местного самоуправления [6].

Разбалансированность административно-территориальной системы Украины и системы местного самоуправления неоднократно приводили украинских политиков и исследователей к мысли о смене территориальной организации власти. Следует выделить проект Р.П. Бессмертного, занимавшего до 2007 г. руководящие посты в партии «Наша Украина», а также пост вице-премьера Украины в 2005 г. Суть этого проекта заключается в ликвидации районных государственных администраций, придании областным государственным администрациям функций префектуры и превращении исполнительных комитетов советов в носителей реальной власти на местах. Р.П. Бессмертный предлагал также укрупнить поселения и общины, значительно уменьшив их количество. Предусматриваемое падение значения районов вызвало острую критику предложенного законопроекта, тогда как жители малонаселенных поселений выступали против их укрупнения, которое бы привело к снижению статуса малых населенных пунктов [7].

Приведем также вариант реформы и системы местного самоуправления Украины, предложенный политологом О.И. Соскиным [8]. О. Соскин в своем проекте опирался на модель местного самоуправления, принятую в Скандинавских государствах. За первичную ячейку самоуправления берется община, которая является главным субъектом, имеющим полномочия, важные для жизнедеятельности территорий. В соответствии с данной концепцией, в отличие от законопроекта Р.П. Бессмертного, села и поселки на местных референдумах сами решают, необходимо ли им существовать отдельно, объединиться друг с другом или прикрепиться к какому-нибудь крупному городу. Районы и области упраздняются. Их место займут департаменты, число которых варьируется от 42 до 99. Руководство будет осуществлять государственная правительственная администрация и параллельно совет департамента – орган местного самоуправления.

Такая двухуровневая система, по мнению О.И. Соскина, необходима для прекращения делегирования местному самоуправлению государственных функций. Бюджетный вопрос решается следующим образом: 40 % всех налоговых поступлений предлагается оставлять на уровне общины, еще 20 % – на уровне департамента, а остальное направлять в государственный бюджет. В связи с этим предлагается ликвидировать Государственное казначейство.

Однако в такую систему вписываются не все особенности украинского административно-территориального деления, ввиду чего в концепции О.И. Соскина предусмотрено формирование краевых городов и городов-агломераций (мегаполисов с прилегающими общинами). Общины не поглощаются городом, но находятся с ним в тесной связи.

Ни один из проектов на данный момент не получил достаточного внимания. Однако в апреле 2014 года исполняющий обязанности президента Украины А.В. Турчинов подписал указ «О мерах по обеспечению консолидации граждан Украины и прекращения гражданского противостояния в Донецкой и Луганской областях» [9]. Согласно документу Кабинету Министров Украины поручено подготовить, внести и организовать сопровождение в Верховной Раде законопроектов о проведении в Украине реформы местного самоуправления и организации власти в регионах.

Эти законы должны быть приняты в трехмесячный срок и предусматривать «децентрализацию власти и существенное расширение полномочий территориальных общин, формирование исполнительных органов местными советами, расширение материальной и финансовой основы местного самоуправления, действенные

механизмы участия общественности в принятии органами местного самоуправления решений». Обсуждение законопроектов будет проводиться на основе рабочей группы из представителей правительства, народных депутатов Украины, представителей Ассоциации городов и делегированных представителей местного самоуправления и общественности.

Выводы. Дискуссия вокруг территориального устройства Украины еще далека от завершения. Значительная часть политических сил в Украине и на Западе выступает против федерализации, опасаясь угрозы распада государства. Как противовес идее федерализации рассматривается вопрос децентрализации Украины, то есть передача значительной части полномочий от центральной власти не на уровень регионов, а непосредственно территориальным общинам. Реформа позволит органам местного самоуправления располагать обширными финансовыми ресурсами и самостоятельно решать вопросы местного значения [10]. В настоящий момент всем представителям элит нужно проявить политическую волю к переменам и осторожность при их осуществлении, так как от принятых решений будут зависеть урегулирование кризиса в Украине и геополитическая стабилизация на постсоветском пространстве.

Литература:

1. Ковриженко Д. Взаємодія громадянського суспільства та влади на місцевому рівні / Д. Ковриженко, О. Чебаненко // Часопис Парламент. – 2008. – № 2. – С. 26–40.
2. Татусяк С. Реформування системи місцевого самоврядування в сучасних умовах / С. Татусяк // Актуальні проблеми внутрішньої політики. – К. : Издательство НАДУ, 2004. – Выпуск 1.
3. Кушнір М. Стан правової реалізації Україною Європейської хартії місцевого самоврядування [Електронний ресурс] / М. Кушнір // Національний інститут стратегічних досліджень. – Режим доступу : www.niss.gov.ua/Monitor/desember08/27.htm.
4. Кушнір М. Статут територіальної громади в законодавчому полі держави [Електронний ресурс] / М. Кушнір // Національний інститут стратегічних досліджень. – Режим доступу : www.niss.gov.ua/Monitor/november08/1.htm.
5. Каплан Ю. Механізми прямого народовладдя на місцевому рівні: стан за напями підвищення ефективності [Електронний ресурс] / Ю. Каплан // Національний інститут стратегічних досліджень. – Режим доступу : www.niss.gov.ua/Monitor/Juli08/10.htm.
6. Ратувухери Т. Местное самоуправление в Украине: формула без содержания [Електронний ресурс] / Т. Ратувухери. – 13.12.2007. – Режим доступу : <http://dialogs.org.ua/gu/project/page11685.html>. – (Дата обращения : 14.04.2014).
7. Писаревский А. Административно-территориальная реформа [Электронный ресурс] / А. Писаревский. – 19.07.2005. – Режим доступа : dialogs.org.ua/project_ua_full.php?m_id=3647. – (Дата обращения : 09.04.2014).
8. Соскин О.И. Місцеве самоврядування / О.И. Соскин // Економічний часопис – XXI. – К., 2008. – № 5–6.
9. Про заходи щодо забезпечення консолідації громадян України та припинення громадянського протистояння в Донецькій та Луганській областях : Указ Президента України : від 13 квітня 2014 року, № 399/2014 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.president.gov.ua/documents/17310.html>. – (Дата обращения 18.04.2014).
10. Гройсман В.Б. Федерализация остановит развитие Украины [Электронный ресурс] / В.Б. Гройсман. – 24.04.2014. – Режим доступу : http://www.ukrinform.ua/rus/news/federalizatsiya_ostanovit_razvitie_ukraini___groysman_1627403. – (Дата обращения : 25.04.2014).

Петр СТЕЦЮК

АРХЕТИПНЫЕ ОСНОВЫ ФИНАНСОВОЙ АРХИТЕКТониКИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Постановка проблемы. Перспективы экономик регионов Украины зависят от состояния и динамики развития образующих их социально-экономических систем. В процессе общественного разделения труда сформировались индивидуальная структура экономик отдельных регионов и специфическая инфраструктура их перманентного функционирования. С переходом к рыночному механизму произошла переориентация региональных социально-экономических систем на обеспечение экономических интересов местных бизнес-групп. Эти трансформации не повлекли существенных качественных изменений, обеспечение стабильного роста и конкурентоспособности отечественного производства в глобальном измерении, поэтому научные дискуссии вокруг данного феномена продолжаются. Во многих случаях оценки проводятся с позиции нормативной методологии неоклассической экономической теории, а их базовыми составляющими и доминантными элементами логической структуры аргументации разных авторов выступают традиционные «спрос – предложение», экономические интересы и рыночная саморегуляция. В результате до сих пор нет приемлемой парадигмы регионального экономического развития.

Еще сложнее ситуация наблюдается в оценках тенденций, закономерностей и перспектив развития финансовой архитектуры современного регионального производства. Она генерирует мощный потенциал будущих кризисов и деформаций, предупреждение и локализация которых является важной научной и практической задачей. Очевидно, что в рамках современной методологии неоклассической финансовой теории такую задачу решить проблематично, поэтому существует необходимость поиска новых подходов к ее решению. В данном контексте важное значение имеют научные концепции и отдельные положения современной архетипики.

Анализ последних исследований и публикаций. Финансовые аспекты воспроизводственного процесса в экономике страны и отдельных регионов постоянно находятся в центре внимания широкой научной общественности, а их разнообразные теоретико-методологические и прикладные аспекты широко представлены специальной литературой. Учитывая то, что предметом нашего исследования являются преимущественно аграрные социально-экономические системы регионов, отметим существенный вклад в сфере теории аграрных финансов таких известных отечественных исследователей, как В. Андрейчук, В. Борисова, Е. Гудзь, Н. Демьяненко, Ю. Лупенко, Е. Непочатенко, П. Саблук, В. Сытник, Г. Черевко и А. Чупис. Концептуально-методологические аспекты архетипов современной экономики сформировались благодаря плодотворному творческому поиску известных ученых Э. Афонина, А. Донченко, С. Крымского, Л. Бурлачука, Ю. Романенко и др. Но, несмотря на весомый теоретико-методологический базис, и сейчас остается достаточный простор для дальнейших научных исследований проблем финансовой архитектуры расширенного воспроизводства на основе методологии и

**СТЕЦЮК
Петр,
STETSIUK
Petro,**

доктор экономических наук, старший научный сотрудник, заведующий отделом кредитования, страхования и финансов предприятий Национальный научный центр «Институт аграрной экономики», г. Киев.

Аннотация: в статье проведен критический анализ особенностей и закономерностей организации современного финансово-кредитного обеспечения аграрных социально-экономических систем на региональном уровне, выявлены архетипные влияния на эти процессы и обоснованы научные подходы к формированию и развитию финансовой архитектуры их воспроизводственного процесса.

Ключевые слова: финансово-кредитное обеспечение, финансовая архитектура, архетипные влияния, региональная экономика.

УДК 336.145:316

научного инструментария архетипики. В их числе – вопросы модернизации системы финансового обеспечения региональных социально-экономических систем с учетом архетипических воздействий на эти процессы.

Целью статьи является определение архетипических воздействий на организацию финансово-кредитного обеспечения аграрных социально-экономических систем на региональном уровне для обоснования консеквентных подходов к формированию и развитию финансовой архитектуры их воспроизводственного процесса.

Изложение основного материала. Аграрное производство является важным системообразующим элементом региональной экономики Украины. Динамика его развития во многом определяет траекторию движения основных макроэкономических параметров.

В результате рыночных трансформаций произошла существенная дифференциация экономического потенциала отраслей и регионов. В ходе этих процессов предприятия регионального аграрного производства оказались наименее защищены, вследствие чего произошло резкое снижение количественных и качественных параметров их материально-технической базы.

На протяжении всего периода экономических реформ доля сельского хозяйства в общеэкономических показателях постоянно снижалась. Особенно это проявлялось в первое десятилетие независимости, однако и в дальнейшем эти тенденции имели место. Например, за 2000–2012 гг. удельный вес предприятий отрасли в валовой добавленной стоимости снизился с 16,3 до 7 %, а в основных средствах производства – с 10,2 до 3,0 %. Аналогичные изменения наблюдаются и по другим ключевым экономическим индикаторам. При этом аграрный сектор столичного и индустриально развитых регионов был менее восприимчив к негативному влиянию изменений в хозяйственном механизме.

В настоящее время развитие системы финансово-кредитного обеспечения регионального аграрного производства происходит в условиях аномальной дифференциации субъектов хозяйствования по таким параметрам, как производственная мощность и инфраструктурное обеспечение. На одном полюсе сконцентрировано 3–5 % сверхмощных вертикально интегрированных структур – агрохолдингов, производственная деятельность которых происходит на площадях в сотни тысяч гектаров, а объемы реализации продукции достигают почти миллиардной отметки в долларовом эквиваленте. На другом – более восьмидесяти процентов всех аграрных предприятий, имеющих в обороте до тысячи гектаров сельскохозяйственных угодий и производящих меньше 10 тыс грн. товарной продукции. При этом первые имеют достаточно широкий географический ареал производственной деятельности, а вторые характеризуются территориальной локализацией.

Цели финансовой политики любой социально-экономической системы можно формализовать в контуре достаточного по объемам и оптимального по временным параметрам поступления финансовых ресурсов, обеспечивающих своевременную реализацию всех мер и действий в рамках запланированных производственных и инвестиционных программ и проектов. Квантификация достижения этих целей может быть осуществлена как в количественном измерении, так и с помощью качественных характеристик.

Долгое время отечественная экономическая наука предпочитает формализованные оценки на основе нормативных индикаторов и измерителей. Однако достижение определенных количественных параметров не всегда обеспечивает гармоничное развитие. Кроме того, в последнее время стало проявлять себя такое явление, как нормализация определенных индикаторов под существующую ситуацию. Можно констатировать, что в этих явлениях находят свое проявление отдельные архетипные влияния на экономику, осознание и оценка которых еще находятся в зачаточном состоянии.

Эта ситуация приводит к осознанию необходимости более широкого применения

приемов и методов анализа экономических явлений во взаимосвязи с социальными процессами. Вместе с тем имеющийся инструментальный арсенал для такого анализа явно недостаточен, поэтому существует необходимость более широкого междисциплинарного сотрудничества и применения для решения этих задач приемов и методов современной архетипики.

Использование понятия «финансовая архитектоника» еще не имеет широкого распространения, оно нашло свое раскрытие лишь в отдельных публикациях. Так, А.В. Глушенко под финансовой архитектурой рассматривает «структуру финансовой системы, которая соответствует ее внутренней сущности и обеспечивает эффективное функционирование системы формирования, накопления и движения денежных фондов». По мнению автора, введение в понятийный аппарат финансовой теории термина «финансовая архитектоника» как специфической категории, описывающей принципы построения финансовой системы, «позволит определять общую динамику финансовой системы, векторы ее развития и направления изменений для достижения определенных общественных целей» [1]. Позиции автора присущ макроэкономический подход и ограничительный архетип, представляющие известную нормативную интерпретацию содержания предмета финансовой теории лишь исследованием движения финансовых ресурсов на макроуровне. Мы считаем, что искусственное изъятие финансов социально-экономических систем более низкого уровня из ареала общей теории финансов не имеет под собой достаточной доказательной базы. С этих позиций и применение интерпретации понятия «финансовая архитектоника» правомерно по отношению к большинству открытых социально-экономических систем – к предприятию, отрасли экономики, территории, национальной экономике, региональным и глобальным финансовым системам.

Для целей нашего исследования мы рассматриваем финансовую архитектонику региональных социально-экономических систем как логическую структуризацию элементов ее финансовой деятельности, которая обеспечивает их наиболее оптимальное соотношение, а также оценивающая внешние экономические доминанты и императивы и через реализацию финансовых управленческих решений, которые учитывают определенный архетип экономической деятельности, что позволяет эффективно регулировать весь воспроизводственный процесс.

Конститутивные атрибуты финансовой архитектуры определяются неким архетипом экономического поведения, мотивирующим отдельные целевые параметры, определяемые доминантной группой экономических интересов. Однако любое экономическое поведение подчинено объективным целевым функциям конкретной социально-экономической системы и направлено на получение объективных параметров субъективно определяемых индикаторов эффективности и результативности производственно-финансовой политики.

Такое концептуальное видение позволяет целенаправленно формировать финансовую архитектонику социально-экономической системы в контексте обеспечения конкурентоспособности на финансовых и товарных рынках. В ее основе лежит современная система управления процессами формирования и использования финансовых ресурсов, которая адекватна внешним условиям и внутреннему состоянию производственной, инвестиционной и социальной деятельности, а также опирается на современную теоретико-методологическую и методическую базу.

Парадигма финансовой архитектуры социально-экономической системы, на наш взгляд, базируется на следующих теоретических предпосылках:

- управление финансовыми ресурсами как центральное звено финансовой архитектуры представляет собой систему, включающую принципы, методы, приемы и инструменты, предназначенные для организации движения этого вида экономических ресурсов в соответствии с действиями объективных экономических законов, требованиями законодательно-нормативных актов и экономическими интересами конкретного региона;

– управление финансовыми ресурсами отвечает доминирующему архетипу инновационного развития региональной социально-экономической системы и подчинено реализации ее общей стратегии, а также локальным политикам и стратегиям; его целевой функцией является обеспечение нормального функционирования и перспективного развития экономики региона и отдельной социально-экономической системы;

– формирование финансовой архитектуры социально-экономической системы имеет свою внутреннюю логику, которая определяется архетипными влияниями, устанавливающие содержание и последовательность осуществления определенных процедур и этапов;

– индикатором качества формирования финансовой архитектуры выступает уровень обеспечения финансовыми ресурсами реализации региональных программ социально-экономического развития, адекватный финансовому потенциалу региона, необходимый и достаточный по объемам и времени поступления для удовлетворения производственно-инвестиционных и социальных потребностей.

Конструктивной основой формирования современной финансовой архитектуры является понимание того, что финансовые ресурсы – это системный элемент ресурсной базы хозяйственной деятельности и социального развития территорий. Они находятся в зависимости от состояния экономических ресурсов, которые могут быть привлечены для обеспечения функционирования территориальной экономики. Известно, что между материальными, трудовыми и финансовыми ресурсами должны обеспечиваться определенные пропорциональность и равновесие. На практике в разных сочетаниях экономических факторов всегда существует дефицитный ресурс, который тормозит общее развитие. В силу многих обстоятельств, в первую очередь из-за высокого уровня бюджетной централизации, состояние ресурсной базы региональных социально-экономических систем таково, что фактически слаб каждый ее элемент. В условиях дефицита все экономические ресурсы открыто конкурируют между собой в борьбе за ликвидацию этого дефицита. В такой ситуации необходимо соответствующее упорядочение приоритетности между экономическими ресурсами. Кроме того, обеспечение определенной приоритетности в распределении региональных экономических ресурсов возможно при условии перераспределения компетенций и ответственности между центром и регионами. Сейчас на уровне многих региональных социально-экономических систем наиболее дефицитными являются финансовые ресурсы, к тому же они наиболее мобильны, что в условиях высокой динамики внешнего окружения выступает ключевым фактором ресурсной эффективности, поэтому актуальным остается вопрос существенного расширения ресурсной базы местных бюджетов.

Следовательно, достижение ресурсного равновесия в значительной мере определяется финансовой архитектурой, которая зависит от архетипических воздействий и призвана способствовать оптимизации процесса движения финансовых ресурсов. При этом уровень финансового потенциала и условия финансовых рынков расширяют или ограничивают свободу и возможности финансового маневра.

Конститутивным атрибутом финансовой архитектуры социально-экономических систем являются имплантированные в ее состав отдельные локальные экономические механизмы. Среди них стоит отметить такие: механизм самоокупаемости, финансовой ответственности, самофинансирования, смешанного финансирования, государственной финансовой поддержки, льготного налогообложения, комплексной оценки, анализа и интерпретации полученных результатов, планирования, контроля и мониторинга экономических процессов, распределения ресурсов, затрат и результатов, противозатратного, ценообразования, управления рисками, страхования. Их выбор, комплектация и структуризация находятся под влиянием архетипов региональной экономики.

Использование каждого из указанных механизмов направлено на обеспечение

получения положительных чистых денежных потоков, расширяющих ресурсную базу формирования финансовых ресурсов, то есть повышающих финансовую конкурентоспособность социально-экономической системы. При этом важное значение имеют критерии достаточности по объему и приемлемости по цене, а также возможность полного возмещения использованных финансовых ресурсов, оплаты расходов на их привлечение и получения положительного эффекта.

Исходя из анализа практики формирования и использования финансов на разных иерархических уровнях управления экономикой и обобщения теоретического базиса системных трансформаций, предлагаем следующую последовательность этапов формирования финансовой архитектоники:

- определение целевых параметров формирования финансовой архитектоники;
- анализ современного состояния финансовой архитектоники и ее зависимости от различных внешних воздействий, в том числе архетипов региональной экономики;
- разработка финансовой политики;
- определение технологии, методов и приемов разработки и принятия управленческих решений в сфере компетенции финансовой архитектоники;
- разработка и принятие локальных нормативных документов по определению регламентов и процедур принятия, реализации и корректировки финансовых управленческих решений;
- определение основных показателей анализа финансовых ресурсов, методов их расчета, критериев приемлемости способов интерпретации, процедур и периодичности проведения финансового анализа;
- разработка и внедрение системы планирования перманентного воспроизводства конститутивных элементов финансовой архитектоники;
- разработка и реализация системы контроля эффективности функционирования элементов финансовой архитектоники и оперативной корректировки соотношения между ними, что обеспечивает целевые параметры отдельных стратегий социально-экономической системы;
- организация управленческого учета, системы финансового контроля и мониторинга финансовой архитектоники в соответствии с потребностями обеспечения рационального движения финансовых ресурсов в процессе экономической и социальной деятельности социально-экономической системы.

Выводы. Отсутствие приемлемой парадигмы регионального экономического развития требует новых подходов к качественному анализу проблемы, в частности использования методологии архетипики. Установлено, что формирование и развитие финансовой архитектоники региональных социально-экономических систем имеет свою внутреннюю логику, которая определяется в том числе и архетипными влияниями. Обоснованы научные предпосылки, концептуальные подходы и последовательность формирования рациональной финансовой архитектоники региональных социально-экономических систем.

Литература:

1. Глущенко О.В. Фінансова архітектоніка: теоретико-методологічний аспект / О.В. Глущенко // Наука й економіка : науково-теоретичний журнал Хмельницького економічного університету. – 2013. Вип. 4 (32) : т. 1. – С. 43–52.

**ЦЕХАНОВСКАЯ
Александра,
TSEKHANOVSKA
Olexandra,**

бакалавр политологии,
студентка
Национального
университета «Киево-
Могилянская академия»,
г. Киев.

Аннотация: в
данной статье
рассматриваются
характеристики
функционирования
бюрократии в Украине
как политического
актора. Размежевание
политической и
административной
сфер в государственном
управлении приводит
к тому, что цели
публичной политики
не воплощаются,
поскольку
административный
аппарат
функционирует в поле
реализации частных
интересов политиков
и чиновников, из
которого исключены
граждане.

**Ключевые
слова:** архетип,
государственное
управление,
бюрократия,
административная
реформа, модель
«корзины для мусора»,
неоинституционализм.

УДК 35.08.6

Александра ЦЕХАНОВСКАЯ

БЮРОКРАТИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ АКТОР В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ УКРАИНЫ: НА ПРИМЕРЕ «КОРЗИНЫ ДЛЯ МУСОРА»

Постановка проблемы. Эффективная система государственного управления является одним из ключевых элементов качественной государственной политики. На данный момент такая система в Украине отсутствует, а практика государственного управления нуждается в реформах. Попытки проведения административной реформы в Украине не имели успеха в значительной мере из-за того, что недостаточно внимания было уделено ее политическому аспекту. Так, необходимо обратить внимание на участие политических акторов в процессе принятия решений и формирования повестки дня в этой сфере. Одним из таких акторов является бюрократия, роль которой в процессах государственного управления выходит за пределы политически нейтрального администрирования.

Анализ исследований и публикаций. Отечественные ученые работают над проблемами бюрократии и делают акцент на необходимости административной реформы, разрабатывая предложения по оптимизации системы государственного управления. Однако они в недостаточной мере уделяют внимание политическим процессам, которые протекают в административной среде. Теоретическому анализу бюрократии посвящены работы таких ученых, как М. Вебер, Д. Битем, Э. Доунс, Р. Мертон, Б. Рокман, П. Макаренко, М. Плотников, О. Оболенский и др. Среди украинских ученых, которые занимались изучением данной темы и исследованием проблем бюрократии, можно назвать А. Демьянчука, И. Колиушка, В. Проданика, В. Пугач, Ю. Винтюка и других.

Целью статьи является определение ключевых характеристик механизмов функционирования бюрократии как политического актора в системе государственного управления Украины.

Изложение основного материала. Попытки реализации административной реформы в Украине оказались малоэффективны, о чем свидетельствует постановка одного и того же ряда проблем, таких как коррумпированность чиновников и высокая численность бюрократического аппарата, низкая скорость и эффективность его работы, отсутствие прозрачности и так далее. Основной причиной неудач является игнорирование политического фактора, который оказывает большое влияние на процессы государственного управления. Административная реформа в Украине как в стране, которая получила в наследство от советской эпохи политизированный управленческий аппарат, является также и политической проблемой [8, с. 10].

Согласно М. Веберу, бюрократия является управлением организацией государственными служащими, и такому виду управления, за счет его рациональности, характерен высокий уровень стабильности, дисциплины и профессиональной компетентности. Чиновники независимы от политиков и исполняют функцию администраторов, воплощающих в жизнь уже принятые решения независимо от того, какая политическая сила их сформулировала. Однако управленческая практика демонстрирует наличие такого явления, как «бюрократизм», возникающего из-за «отрыва управленческого аппарата от

нужд общества и поставленных перед ним первоочередных целей, процесса монополизации управленческих функций с абсолютизацией ее специфики, концентрацией рычагов управления в руках отдельных групп чиновников» [15, с. 2].

Весомым фактором, влияющим на поведение бюрократии как политического игрока, является «бюрократический ритуализм» – понятие, введенное Р. Мертоном для обозначения склонности к бумажному стилю работы и придаче большего значения правилам и должностным инструкциям в сравнении с целями организации. Как следствие, бюрократический аппарат становится инертным, а принятые им решения теряют актуальность. Модель «корзины для мусора», разработанная Дж. Марчем, приложенная к такой схеме работы, иллюстрирует отсутствие порядка и рациональности – возможность или необходимость принятия решения может рассматриваться как корзина для мусора, в которую разные виды задач и решений сбрасываются в процессе производства [9, с. 2]. Примечательно, что фрейдовское понятие «Оно» ассоциировалось с «темным подвалом», «корзиной для мусора», то есть, со всем темным, грязным и низким, тогда как метафизическое понятие «Сердце» – со всем светлым, чистым и высоким [12, с. 8]. Как будет продемонстрировано, украинская бюрократия, которая функционирует согласно соответствующим принципам, ближе именно к фрейдовскому архетипу «Оно», являясь нерациональной, неупорядоченной и оторванной от общества.

Анализируя процесс принятия решений, Марч выделяет три типа ограничений, которые характерны игрокам, принимающим решения внутри организации, и, соответственно, государственным служащим: познавательные, политические и организационные. К познавательным относятся ограничения внимания, умственных способностей и неупорядоченные предпочтения, что сочетается с концепцией ограниченной рациональности Г. Саймона [10], согласно которой мы определяем базовые принципы поведения чиновников. Политические ограничения обуславливаются тем, что организация является многоцелевой политической коалицией, ее состав и цели определяются путем заключения своеобразных «договоров» с представителями внешней, в том числе – политической и бизнес, – среды. Наконец, организационные ограничения рассматриваются сквозь концепцию «организационной анархии», которой свойственны 3 ключевые характеристики:

- нечеткость в целях и предпочтениях, что связано с познавательными ограничениями членов организации; бюрократический аппарат, не имея конкретно сформулированных целей и формируя их в процессе работы, сталкивается с существенным препятствием на пути к рациональному принятию решений;
- нечеткость технологии, вызванная тем, что члены организации не имеют ясного представления о ее работе, не проинформированы о деятельности других членов, из-за чего значительное число процессов остается для них непонятным;
- ротация личного состава; согласно Марчу, постоянная смена кадров в организации подрывает порядок работы, но в случае с бюрократией как политическим актором мы можем наблюдать, скорее, противоположную тенденцию: чтобы избежать ротации, чиновники прилагают больше усилий к укреплению личной позиции в иерархии административного аппарата, чем к исполнению своих обязанностей, что мы также подробнее проанализируем в дальнейшем [9, с. 1].

Все это приводит к запуску механизма самозащиты, который замещает формальные цели организации. Под давлением установленного порядка внутренние инициативы, которые угрожают status quo, поступающие зачастую от новых служащих, затормаживаются, что является следствием характерного консерватизма. Происходит профессиональная деформация и обучение неспособности – в модели Марча это организационное обучение, которое обозначает приобретение служащими навыков, нужных для работы, а также определение на практике разрешенного и неразрешенного, поощряемого и не поощряемого, нормы и девиации. Воспроизведение норм происходит путем наказания агентов за девиантное поведение. Порядок вещей перестает быть отделяемым от собственных интересов, а, следовательно, его сохранение становится основной целью.

Усложняет ситуацию тот факт, что большинство чиновников не выбирается, а назначается другими служащими. Такая возможность эксплуатируется для гарантии дальнейшего пребывания на посту или карьерного роста. В частности, Ю. Винтюк отмечает, что «вопрос формирования штата в бюрократической системе требует особого рассмотрения, несмотря на то, можно констатировать, что именно благодаря соответствующему отбору кадров бюрократ обеспечивает не только личную безопасность, но и жизнедеятельность других звеньев, которые входят в систему» [12, с. 1].

Важным аспектом участия бюрократии в формулировке и реализации политических инициатив становится механизм «непринятия решений», который П.С. Бакрак и М.С. Барац определяют как «решение, которое влечет подавление или прекращение скрытой или явной угрозы ценностям и интересам того, кто принимает решение... это способ, при помощи которого необходимость в смене распределения выгод и привилегий может быть подавлена еще до того, как ее провозгласят» [14, с. 132]. Эти черты бюрократического управления приводят к тому, что разработанная М. Вебером концепция бюрократии может выступать лишь в роли нормативной модели.

Формально законодательные инициативы, направленные на оптимизацию работы, поддерживаются, но изменений не происходит. Шаги, призванные исправить ситуацию, трактуются как угрожающие бюрократической системе и подлежат прагматическому перекручиванию. Они имплементируются в том размере, который позволяет сохранить порядок вещей и обеспечить интересы административного аппарата. Чиновники делают акцент на выгодах стабильности, позволяющей сохранить их контрольные полномочия. Подобный контроль проявляется в чрезмерной регламентации действий, преобладании правил, подзаконных нормативных актов и должностных инструкций, количество которых постоянно растет, якобы для уточнения законодательства. Можно сказать, что бюрократии в таком контексте характерен агрессивный консерватизм.

Попытки изменить порядок вещей встречаются с сопротивлением, чему способствует существование бюрократической петли, делающей невозможным удовлетворение жалоб за счет их перенаправления в орган, на который и была подана жалоба [15, с. 2]. Закрытость информации и манипулирование ею укрепляют тенденцию к отказу от принятия решений по искусственным поводам. Закрытость, к которой тяготеет бюрократическая организация, приводит к тому, что процессы, происходящие в ней, могут быть непонятны не только ее членам, на что указывает нечеткость технологии по Марчу, но и внешней среде. Таким способом укрепляется восприятие бюрократии через архетип «Оно».

Законодательная база дает представление о концепции бюрократии, которая является основой ее существования в отечественном госуправлении. Источником является Закон Украины «О государственной службе». В редакции от 16 декабря 1993 года государственная служба определяется как «профессиональная деятельность лиц, которые занимают посты в государственных органах и их аппарате относительно практического исполнения заданий и функций государства и получают заработную плату за счет государственных средств» [1]. Следовательно, акцент делается на функциональности и рациональности, что соответствует веберовской модели. Такой подход способствует возникновению отрицательных последствий бюрократизма, что обостряет необходимость проведения административной реформы.

Стоит снова отметить роль кадрового состава аппарата государственного управления. С получением независимости на административных постах остались представители советской номенклатуры, которую М. Восленский характеризует как привилегированный класс, и делает акцент на «диктатуре номенклатуры» [13, с. 353]. Для советских чиновников компетентность не была ценностью, поскольку для получения должности необходимо было не наличие соответствующей квалификации, а членство в партии. Идеологизированность государственного управления способствовала обострению дисфункций бюрократии.

Таким образом, подтверждается превалирование бюрократического аппарата над государственной властью. Принимая во внимание характерный для него консерватизм, очевидно, что принятие подобного закона не могло улучшить систему государственного управления, и проблема осталась актуальной. 1 января 2013 года в действие вступила новая редакция закона «О государственной службе в Украине», подписанная В. Януковичем 17 ноября 2011 года. Проанализировав документ, можем заметить, как меняется понимание роли бюрократии в процессах государственного управления. Государственный служащий определяется как «гражданин Украины, который занимает пост государственной службы в государственном органе <...> или их аппарате, получает заработную плату за счет государственного бюджета, кроме случаев, предусмотренных законом, и осуществляет установленные для этого поста полномочия, непосредственно связанные с реализацией задач и исполнением функций государственного органа...» [2].

Закон указывает сферы реализации и предоставления административных услуг, среди которых особого внимания заслуживает «подготовка предложений касательно формирования государственной политики» [2]. На законодательном уровне усиливается политический аспект публичного администрирования, а государственный служащий становится субъектом политики. С одной стороны, такой подход больше соответствует современному пониманию бюрократии. С другой – закон «четко разграничивает государственную службу и политическую деятельность» [3]. Эти факторы отбрасывают нас к бюрократической модели, в которой политическое отделено от административного. Прямым следствием апеллирования к веберовской модели в законодательстве служит отдаление административного аппарата от нужд населения и дисфункциональная поддержка режима в противовес необходимости его демократизировать. Данный аппарат превращает формулирование и реализацию социально-политических вопросов в неконструктивную практику защиты собственных интересов. Характерен для такой системы конфликт между реальными и формальными целями. М. Туленков утверждает, что «итогом таких действий становится кастовость, закрытость бюрократов, вознесение их над другими работниками организационных структур вследствие попыток показать, что только они, бюрократы, знают тайные пружины управленческого механизма» [16, с. 51]. Возникает политико-управленческое отчуждение. Вызывающая его апелляция к должностным инструкциям, которая происходит из бюрократического ритуализма, в рамках модели «корзины для мусора» может быть объяснена также «ограничением неопределенности», согласно которому служащие стремятся минимизировать нечеткость целей и технологии в рабочих процессах.

Это указывает на значимость иерархичности, сформулированную М. Вебером. Основной постулат этой характеристики состоит в вертикальных связях подчинения. Их фундамент – социальные нормы, которые определяют необходимость «уважения и подчинения» относительно тех, кто занимает высшую позицию. М. Милвард и К.Г. Прован исследовали функционирование таких связей в иерархии структур государственного управления [4, с. 69]. Механизм подчинения способствует дальнейшей формализации бюрократического аппарата. Стараясь обеспечить карьерный рост, чиновники заинтересованы в исполнении указаний сверху без их критического анализа. Поскольку такая неконструктивная деятельность может вызвать недовольство политического заказчика, который принял решение и поручил его реализацию администраторам, она требует обоснования и оправдания. Для их обеспечения чиновник обращается к тем же формализованным должностным инструкциям, нормативно-подзаконным актам и другим документам, которые объясняют неконструктивное поведение.

Но в исследовании структуры бюрократии важны не только вертикальные связи. Значение имеют и их дисбаланс, и горизонтальные связи. Толчком к исследованию таких, на первый взгляд, нехарактерных для бюрократической организации связей дала концепция ограниченной рациональности. Ограниченная рациональность агентов и информационная асимметрия приводят к тому, что игрок, который нахо-

дится иерархически ниже, может получать больше власти в вертикальных связях. В частности, У. Брасс и Буркхард отмечают, что «связь между властью и подчинением усложняется, если принять во внимание значительное количество и разнообразие результатов деятельности, которые могут быть важными и пользоваться спросом в организации. Так, А может контролировать конкретный результат, который важен для Б, но одновременно с этим Б может иметь в своем распоряжении другой ресурс, желаемый А. Значит, для получения власти в организации акторам необходимы два действия – уменьшить свою зависимость от других и увеличить зависимость других от них» [5, с. 445].

Таким образом, можно утверждать, что отношения власти в организации частично являются предметом переговоров. Вызовы, связанные с динамикой таких связей, смещают их к диагональным [6]. В такой структуре большую роль играет обмен ресурсами, происходящий через компромисс. В результате организация полагается как на подчинение, так и на договоренности и уступки. Принимая во внимание сложность таких связей, Э. Соренсен и Дж. Торфинг утверждают, что акторы не являются равными в контексте власти и ресурсов, и возможно ассиметричное распределение материальных и нематериальных ресурсов между участниками [11, с. 240]. Они также говорят, что диагональный характер связей особенно типичен для сетей, создающихся в государственных учреждениях и органах управления. Это усложняет внутреннюю структуру бюрократии как политического актора, комплексность которого необходимо иметь в виду, анализируя механизмы его функционирования в сфере госуправления.

Выводы и перспективы дальнейших научных разработок. Проведение данного исследования позволило определить некоторые особенности участия бюрократической системы в процессах государственного управления. Специфика анализа состоит в фокусировке на проблемах слияния политической и административной сфер, не предусмотренной рациональной моделью бюрократии. Нарушение этой дихотомии приводит к участию административного аппарата в процессах формирования повестки дня политики и превращает бюрократию в активного игрока в политическом процессе административной реформы. В отличие от модели М. Вебера, бюрократия была исследована в качестве структуры, организованной как формальными, так и неформальными институтами, имеющей прямое влияние на реализацию публичной политики и не прямое – на ее формирование.

Несмотря на необходимость проведения административной реформы, попытки оптимизации работы аппарата государственного управления оказались неудачными. Определяющую роль в этом играют политические практики бюрократии и специфика бюрократического сознания, которые направлены на сохранение status quo. Их ключевые характеристики позволяют провести параллели с двумя дихотомическими понятиями, предложенными З. Фрейдом, – «Оно» и «Сердце», которые представляется возможным рассматривать как примеры архетипов в государственном управлении. «Оно» обозначает, фактически, «корзину для мусора», модель, согласно которой была рассмотрена украинская бюрократия, для которой существенное значение имеет постсоветский контекст. В этом административном контексте бюрократия выступает как закрытая, нерациональная организация, члены которой исполняют механическую роль функционеров.

Стремясь к максимизации собственной сферы влияния и минимизации ответственности, бюрократия не заинтересована в улучшении системы государственного управления. Цели публичной политики остаются нереализованными, поскольку административный аппарат функционирует в поле реализации частных интересов политиков и чиновников, из которого исключены граждане. Мы можем говорить о существовании специфического механизма распределения общественных ресурсов, который предоставляет беспрецедентные преимущества узкому кругу бенефициариев. Поэтому эффективный проект административной реформы должен включать механизм изменения имеющихся сетей связи и акцентировать внимание на отсут-

ствии разделения административного и политического, декларируемого законодательством. Одним из результатов такой реформы должен стать и постепенный переход бюрократической организации от архетипа «Оно» к метафизическому понятию «Сердце».

Определив ключевые характеристики функционирования бюрократии в системе государственного управления Украины, мы можем перейти к дальнейшим исследованиям, связанным с разработкой проекта административной реформы и ролью бюрократии как политического актора. Они требуют, в частности, основательного теоретического анализа бюрократии, определения ее классических моделей для сравнения с реально действующими и выделения характерных особенностей отечественной административной реформы.

Литература:

1. Про державну службу : Закон України : від 16 грудня 1993 р., № 3723-12 [Електронний ресурс]. – 1993. – Режим доступу : <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/3723-12>.
2. Про державну службу : Закон України : від 17 листопада 2011 р., № 4050-17 [Електронний ресурс]. – 2011. – Режим доступу : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/4050-17/print1320744955325195>.
3. Управління Голодержслужби України у Львівській області: новий закон про державну службу [Електронний ресурс]. – 2011. – Режим доступу : <http://nads.gov.ua/sub/lvovska/ua/publication/content/33465.htm?s398224032=7e077691b175e2f82b3688ed15502e0e>.
4. Aberdach J. Bureaucrats & Politicians in Western Democracies // J. Aberdach, R.D. Putnam, B.A. Rockman. – L. : Harvard University, 1981, – 322 p.
5. Brass D. Potential Power and Power Use: Investigation of Structure and Behavior / D.J. Brass, M.E. Burkhard // Academy of Management Journal. – 1993. – № 3. – P. 441–470.
6. Fry B. Mastering Public Administration: From Max Weber to Dwight Waldo / B.R. Fry, J.C.N. Raadschelders. – W. : A Division of Congressional Quarterly Inc., 2008, – 385 p.
7. Gaiden G. Administrative Reform / G. Gaiden. – NJ : Aldine Transaction, 2009. – 240 p.
8. Howard M. The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe / M. Howard. – C. : Cambridge University Press, 2003. – 207 p.
9. March J. A Garbage can model of organizational choice [Електронний ресурс] / J. March, M. Cohen, J. Olsen. – 1972. – Режим доступу : http://www.unc.edu/~fbaum/teaching/articles/Cohen_March_Olsen_1972.pdf.
10. Simon H. Theories of bounded rationality [Електронний ресурс] / H. Simon. – 1972. – Режим доступу : http://innovbfa.viabloga.com/files/Herbert_Simon_theories_of_bounded_rationality_1972.pdf.
11. Sorensen E. Making Governance Effective and Democratic Through Metagovernance / E. Sorensen, J. Torfing // Public Administration. – 2009. – № 2. – P. 234–258.
12. Веретейченко І.А. Філософська ідея російського «срібного віку»: між українською «філософією серця» та європейським кордоцентризмом // І.А. Веретейченко // Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка. – 2013. – № 4 – С. 5–15.
13. Вінтюк Ю.В. Бюрократія проти демократії [Електронний ресурс] / Ю.В. Вінтюк. – 2005. – Режим доступу: <http://www.universum.lviv.ua/archive/journal/2001/vint56.html>. – Назва з екрану.
14. Восленський М. Номенклатура / М. Восленський. – М. : Советская Россия ; МП «Октябрь», 1991. – 624 с.
15. Парсонс В. Публічна політика: вступ до теорії і практики аналізу політики / Вейн Парсонс. – К. : Вид. Дім «КМ академія», 2006. – 549 с.
16. Проданик В.М. Шляхи протидії бюрократизму в системі державного управління України [Електронний ресурс] / В.М. Проданик. – 2009. – Режим доступу : <http://www.kbuara.kharkov.ua/e-book/apdu/2009-2/doc/5/09.pdf>.
17. Туленков М. Концептуалізація дисфункцій сучасної бюрократії / М. Туленков // Ринок праці і зайнятість населення. – 2011. – № 3 – С. 51–53.

ЧЕРКАСОВА
Юлия,
SHERKASOVA
Yulia,

специалист
специализации «Дизайн
среды» инженерно-
экологического
факультета
Сочинского
государственного
университета, г. Сочи,
Россия.

Аннотация:

рассматривается
вопрос о рациональном
способе захоронения
останков.
Рассматривается
влияние мысли человека
как геологического
фактора, выявляется в
научном ее проявлении:
направление на
техническую работу
человечества,
перекрывающую
биосферу. Выявляются
механизмы управления
архетипами
человечества в
целом. На примере
проектирования
крематория в г. Сочи
решается проблема
рационального
пользования ресурсами
земли.

Ключевые слова:

идеология,
землепользование,
экология, архетип,
захоронение.

УДК 502.1

Юлия ЧЕРКАСОВА

**СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ В ИНФЕРНАЛЬНЫХ
АРХЕТИПАХ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В 21 ВЕКЕ:
РАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ**

Постановка проблемы. Естественнонаучный подход к исследованию проблем градостроения породил понятие «городская среда», которое продуцируется представлениями о городе не просто как о плотно застроенной территории, но и как о среде существования, порождаемой феноменом города. Последний исследуют сегодня климатологи, ботаники, экологи и представители других отраслей научного знания.

При этом очевидная предметная новизна стимулирует лавинообразное нарастание исследований в области градостроения. В то же время город, предстающий для исследователя «естественной» средой обитания, по-прежнему живет и развивается с минимальным учетом его воздействия на организм человека и биоценоз территории в целом [1, с. 464].

Актуальность предлагаемой темы исследования связана с постоянным возрастанием и усложнением структурных компонентов современного пространственно-территориального образования, усилением внутренних взаимосвязей городской системы. Одной из проблем современного крупного города является недостаток территории для захоронения и растущий страх смерти в современном обществе, который выступает серьезным основанием для манипулирования массовым сознанием. Последнее позволяет переместить фокус рассмотрения данного феномена из чисто социальной сферы в сферу социально-политическую и социально-психологическую [2, с. 43].

Проблема развития городских пространств, а также недостатка земель для захоронения является важной для г. Сочи. На его кладбищах актуальна также проблема с грунтовыми водами, пагубно влияющими на статичное положение могил и сказывающимися на ухудшении санитарно-экологической ситуации в городе.

Город продолжает «завоевывать» близлежащие территории, неизменно сокращая природный потенциал. В этих условиях одной из важнейших задач проектирования и организации кладбищ является сокращение выделяемых под захоронения земельных участков, благоустройство данных территорий и повышение качества городской среды в целом. Проектирование и строительство зданий и сооружений похоронного назначения рекомендуется осуществлять в соответствии с предварительно разработанной «Комплексной программой совершенствования и перспективного развития похоронного обслуживания города (области, края) с учетом обслуживания сельских населенных пунктов с ориентацией на внедрение кремации». В составе такой Программы рекомендуется разрабатывать соответствующие «схемы размещения объектов похоронного обслуживания».

Организация похоронного обслуживания должна основываться на следующих основных принципах: обеспечение оперативного приема заказов на похороны, создание материально-технической базы похорон на современном уровне; подготовка умерших к похоронам и их предпохоронное сохранение преимущественно в

специальных стационарных условиях вне жилых зданий, больниц и военных госпиталей; внедрение кремации и рациональных способов погребения останков после кремации; рациональное размещение объектов похоронного обслуживания в градостроительной структуре; сохранение здоровья людей, участвующих в похоронах, навещающих места захоронения, работающих на объектах похоронного назначения, проживающих и работающих за территорией зоны санитарной защиты между кладбищем (крематорием) и объектами городской застройки; высокая гуманность обслуживания [3].

Эта задача вызывает необходимость, с одной стороны, более полного, многоаспектного описания сложившихся ресурсов качественного преобразования городской среды, с другой – одновременного распознавания ключевых проблем: с точки зрения решения актуальных социальных вопросов, с точки зрения улучшения характеристик материально-пространственной среды и с точки зрения современных организационно-экономических возможностей [4].

Анализ последних исследований и публикаций. Проблемам комплексного развития крупных городов посвящены работы таких отечественных ученых, как Т.П. Безденежных, В.В. Бузырев, Н.В. Васильева, В.А. Гневко, А.Э. Гутнов, Г.М. Лаппо, Т.В. Малеева, Е.М. Нестерова, И.Н. Пугачев, В.Е. Рохчин, Я.Д. Русакова, Т.Ю. Семенова и др. При этом теоретическим основанием рассмотрения проблемы является учение В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере [6].

Нормативно-правовую основу нынешней практики регуляции актуальной проблемы захоронения отражают такие законы и другие нормативно-правовые акты Российской Федерации, как Федеральный закон «О погребении и похоронном деле» от 12.01.96 г. № 8-ФЗ, Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» от 30.03.99 г. № 52-ФЗ, Закон РСФСР «Об охране окружающей природной среды» от 19.12.91 г. № 2060-1, Положение о государственной санитарно-эпидемиологической службе Российской Федерации, утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.07.00 г. № 554, а также Рекомендации Госстроя России от 2000 г. по проектированию объектов ритуального назначения [3].

Вместе с тем введение новых качественных критериев оценки городской среды и системных признаков общественных кладбищ позволило бы осуществить методологическое обновление градостроительного контроля, переход от нормативных установок к градостроительно-средовым и экономическим концепциям.

Определение нерешенных прежде задач. Современные города все больше расширяются, что приводит к нарастанию земельных участков для строительства объектов похоронного обслуживания и увеличению площади их территории; соответственно возникает нехватка земель для экономического и промышленного развития, сельского и лесного хозяйства. Земля является первичным фактором производства до тех пор, пока она не изменится в результате процесса производства. Не измененных земель практически не осталось – они изменили свое качество в результате массовых захоронений.

При расчете площадей земельных участков кладбищ не учитывается перспективная численность обслуживаемого населения, коэффициент смертности в регионе, наличие действующих объектов похоронного обслуживания, принятая система обслуживания населения, способы захоронения, нормы земельных участков на единицу погребения; не соблюдаются здравоохранительные нормы для обеспечения социального благополучия. Массовое отсутствие учета экологических ценностей приводит к возрастанию вышеперечисленных проблем [5].

Целью статьи является попытка рассмотреть правильность создания рационального способа захоронения (кремации). Следует оказать влияние на формирование современных представлений о смерти с помощью естественных наук, прежде всего биологии и медицины, которые способствуют вытеснению понятия смерти из сферы постоянных забот современного человека.

Необходим поиск смысловых приоритетов, позволяющих грамотно проектировать крематории с учетом архетипов, предающих им не только художественный образ, но и социально-философский смысл. Необходимо опереться на архетип коллективного бессознательного, который станет надежной основой для проектирования многофункциональных комплексов, выполняющих функции дома траурных обрядов и кремации. Целью такого проектирования крематория в г. Сочи может стать создание ресурсопорождающего объекта, способного не просто обеспечивать те или иные потребности, но и осуществлять расширенное обеспечение похоронного обслуживания населения города, внести новые ритуалы в похоронный обряд, который будет оказывать новое смыслообразующее влияние, идущее на смену устаревшим архетипам мышления.

Изложение основного материала. Опыт философии человеческой культуры» утверждает, что проблема человека — это «архимедов пункт» философии познания, в котором человек выявляет свою мысль, разум или ум, составляющие содержание таких основных категорий античной философии, как «нус» или «ноо», являющихся обобщением всех возможных смысловых, разумных и мыслительных закономерностей, царящих в космосе и в человеке. Иными словами, в человеке фокусируется история человечества как история сменяемости вековых самоидентификаций человека, когда каждый век как определенная историческая эпоха содержит свой «образ» человека [6].

При этом первая фаза глобальной экологической катастрофы означает, что человек столкнулся с неким «Вердиктом Космоса» или «Вердиктом Природы», который означает, что если человек не изменит систему ценностей и своего отношения к Природе, он будет этой самой Природой или Космосом как неким «суперорганизмом» экологически уничтожен. Данный «вердикт» затрагивает все «институты» бытия человечества: хозяйство, экономику, культуру, науку, образование, систему ценностей, духовности и нравственности, мировоззрение [6].

Ныне запущенные первой фазой глобальной экологической катастрофы процессы продолжают углубляться, а это означает, что в рыночно-капиталистическом мире — мире «безумия своекорыстия» — продолжает действовать набравшая ускорение тенденция экологического самоуничтожения.

Вместе с тем, одним из факторов современного производства является «земля» (природные ресурсы) — термин, который следует понимать в его широком значении. Во-первых, земля — это всякое место, где находится человек: живет, трудится, отдыхает, развлекается и т. п. Во-вторых, на земле как на территории расположены также производственные и другие предприятия. В-третьих, земля, имеющая биологические свойства плодородия, служит объектом сельского и лесного хозяйства. В-четвертых, она является также источником полезных ископаемых, водных и других ресурсов. Говоря о земле как факторе производства, экономическая теория учитывает все эти функции природных факторов в хозяйстве.

Земля, будучи прежде всего природным ресурсом, а уже затем — пространственным базисом, средством производства и недвижимостью, обладает рядом специфических особенностей, которые необходимо знать и учитывать в процессе оценки ее стоимости. В этой связи земля обладает стоимостью, и ее адекватная оценка представляет собой одно из важнейших условий нормального функционирования и развития экономики и общества. Необходимость в результатах объективной оценки земли (земельных участков), в том числе и для захоронений, испытывают как государственные, так и муниципальные органы исполнительной власти в целях эффективного управления земельными ресурсами [5].

В контексте исследуемой проблемы следует отметить, что важнейшим моментом, оказавшим влияние на формирование современных представлений о смерти, были естественные науки — прежде всего биология и медицина, которые способствовали вытеснению понятия смерти из сферы постоянных забот современного человека.

При всем неослабевающем исследовательском внимании к проблемам смерти человека, ее осмыслению и оформлению в разных культурах, к социально-психологическим аспектам и историческим контекстам погребальных обрядов, очевидно, что социологическая традиция (без сомнения, наличествующая и авторитетная) уступает в этом философской и антропологической. Обобщающие работы английских и американских социологов убеждают в том, что исследования смерти имеют прямое отношение ко всем областям социального знания [2, с. 48]. «Хотя смерть биологична, универсальна, все человеческое в ней – значения, ритуалы, обычаи, институты – состоит из социальных реальностей, определенных и сделанных реальными через мысль и действие». Как справедливо отмечает российский философ Д.В. Матяш, многие исследователи предчувствуют начало новых поворотов в социогуманитарном знании, связанных с признанием того, что тему смерти и смертности человека нельзя элиминировать при решении не только философско-антропологических, культурологических, религиозных, но также социально-философских и социологических проблем. Фундаментальное «присутствие» смерти в структуре и ритмах социальной жизни, в архитектонике социальных институтов априори признают многие исследователи [2, с. 58].

В социально-антропологическом смысле погребение вполне можно рассматривать как соответствующую социальную практику, отражение которой можно найти в понятии, интегрирующем эту практику в социогуманитарном знании. Ведь «с одной стороны, практика (или практики) все чаще фигурирует в качестве основной категории в антропологии, философии, истории, социологии, политической теории, теории языка, литературной теории, и в этом смысле формируется некоторая общая для социальных наук парадигма. С другой стороны, для каждой дисциплины характерен свой, отличный от других способ включения этих понятий в исследовательскую традицию, свой способ концептуализации» [7, с. 298]. В этой связи любая, в том числе и погребальная, социальная практика понимается нами как система воспроизводящихся, устойчивых и преемственных ситуативных действий определенных социальных субъектов, взаимодействующих друг с другом [2, с. 59].

Советские этнографы, изучавшие похоронные обряды во второй половине XX в., неоднократно отмечали, что ориентация людей на церковный ритуал (который рассматривался в то время как показатель религиозности) коррелирует с признаком возраста участников: чем они старше, тем такая ориентация сильнее. Сегодня, в пореформенный период, ситуация существенно изменилась, поскольку представителями старших возрастных групп стали люди, родившиеся в советское время и социализированные в духе советской идеологии [8, с. 32].

Вместе с тем (в условиях постсоветской деидеологизации) характерная для религии компенсирующая функция выступила в роли всеобъясняющего покровителя и утешителя, посредника между слабостью человека и всеилием природных стихий, ведь уже в своей самой ранней и примитивной модификации религиозная концепция была призвана предохранить от злого воздействия непознанных внешних сил и в то же время научить, как избежать такого воздействия, защититься от него, задобрить злые силы. В специфической для нее иллюзорно-мистической форме она и сегодня успешно компенсирует бессилие человека, ограниченность его знаний,

Компенсирующая функция религии тесно связана с другой основной функцией – интегрирующей. Объединяя людей в рамках мировоззрения, сложившихся под ее влиянием социальных, этических и духовных ценностей, «любая религиозная концепция освящает сложившиеся нормы и существующие порядки и тем самым содействует социальной, идейной и политической интеграции». На ранних этапах развития общества это наиболее наглядно проявляло себя в следующем феномене: любая этническая общность, объединенная системой единых верований, ритуалов, обрядов и мифов, считала именно свою систему норм эталоном, отклонение от которой в рамках данной общности считались недопустимым, а в других общностях – достойным

осуждения. С развитием общества формы и значимость данной функции становились более разнообразными. Религиозные нормы переставали быть этническими, а подчас перерастали чуть ли не в мировые, как это произошло с такими религиями, как христианство, ислам и буддизм [9].

В последнее время обострился вопрос относительно допустимости или недопустимости кремации в связи с обострением социальных проблем, обеднением населения и распространением индустриальных технологий. В Русской Православной Церкви не существует соборного мнения или даже отчетливой позиции священноначалия по данному вопросу: по нему не высказывались ни Поместные, ни Архиерейские Соборы, ни Синод. В связи с этим необходимо исследовать данный вопрос с точки зрения Священного Писания и Священного Предания, а также изучить значение кремации во всемирной истории и истории России.

Закон смерти и погребения ясно и отчетливо выражен в Божественном повелении Адаму после грехопадения: «Ки афар ата взаль афар ташув, – говорит Господь Адаму, – ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт. 3:19). Славянский перевод достаточно четко передает ее смысл: «Яко земля еси и в землю отыдеши» [10].

Траурная обрядовая церемония преследует цель воспитания живущих на опыте ушедших поколений. Вместе с тем одна из основных ее задач – принести облегчение, утешить находящегося в трауре путем проведения специальных обрядов, призванных утешать, сопереживать, сочувствовать в горе.

Обрядовые процессы столь значимы и столь сильны по воздействию, что нуждаются в специальной среде. Такой средой является здание крематория с его залами прощания и вестибюлями. Само здание, его архитектура, дизайн и атрибутика, где происходит обогащенная новыми техническими приемами церемония сопровождения усопших в последний путь, становятся мощным средством воздействия на людей.

Предлагаемый автором проект здания крематория призван преобразовать траурное сооружение в объект для проведения прощального церемониала в комфортной, достойной, эстетически решенной среде и проявить должную заботу о здоровье участвующих в похоронах.

В целеобразующую часть концепции проекта мы ставим вопрос о диагностике переживаемой эпохи, потому как первая фаза глобальной экологической катастрофы уже состоялась. Концепция проекта состоит в том, чтобы крематорий стал символом души, бережного отношения к экологии и землепользованию. Ноосферное движение было взято за основную концепцию, которая отразилась при разработке проекта в целом.

За основу образной составляющей проекта была взята птица, которая символизирует полет души в небо. Трансформация и стилизация образа позволила выйти на поиски архитектуры. Объект расположен в г. Сочи по ул. Армянская, с. Барановка. Участок имеет наклон на Юго-запад. В состав проекта входит планирование кремационного комплекса на участке. В части зонирования центр состоит из двух комплексов, автономно функционирующих, но связанных между собой в единый центр:

- ритуальный корпус, предназначенный для проведения прощальных церемоний;
- технический корпус, технические помещения;
- колумбарный парк, где предполагается захоронение умерших.

Создать нужный эмоциональный климат в интерьере для сообщения участникам церемонии скорбной информации посредством воздействия на психику через архитектурно-художественное восприятие помогли трансформация и стилизация ассоциативных образов.

В традиционных похоронах имеется множество ритуалов, огненное погребение в этом смысле исключает некоторые из них. Исходя из экологической концепции, предполагается внести новый ритуал, идеология которого культивирует продолже-

ние жизни и бережное отношение к экологии. Участникам церемонии предлагается посадить растение, которое символизирует начало новой жизни.

Траурное решение здания – одна из наиболее трудных архитектурных задач. Это решение связано с созданием особого психоэмоционального состояния человека, входящего в зрительный контакт с крематорием. В основу проектирования цепочки «вход – вестибюль – траурный зал» положено так называемое правило «воронки», когда, кроме сознательно воспринимаемой информации прямого воздействия, человек получает еще и опосредованную информацию – коды, заложенные в архитектуре и дизайне здания. Поскольку здание крематория в экстерьере воспринимается человеком, как правило, в момент завершения процесса формирования его траурного настроения, предлагаемое нами архитектурное решение по фасаду здания крематория опирается на «архетипное мышление» человека и не должно усиливать чувство траурности процесса.

То же требование возникает и при входе в здание крематория, которое не должно вызывать возрастающего возбуждения и достигать высокого уровня. Вестибюль, где происходит накопление участников церемоний, призван способствовать некоторой адаптации, уменьшению эмоционального фона доминантного состояния, восстановить способность внешней ориентации, увести сознание в философско-созерцательную плоскость.

Начало церемонии прощания требует создания нового, более сильного впечатления торжественности – эту задачу выполняет ритуальное шествие в зал. Использование архитектурного приёма основывается на том, что у шествующих сужается поле зрения и появляется возможность более детального восприятия видимой части интерьера. В предзальной зоне происходит восприятие при рассеянном внимании к внешним условиям, поэтому архитектурно-дизайнерские решения должны быть взвешенно ёмкими.

Наиболее силен в этой цепи впечатлений вход в траурный зал. Именно он должен завершить формирование зрительного образа всего ритуального здания. Предельной высоты возбуждение достигает в период кульминации церемонии; иногда это возбуждение доходит до аффектации.

Выход из зала должен снять напряжение до состояния, при котором сохраняется доминирующее траурное настроение, однако возвращается возможность сознательной внешней ориентации. Это вторая адаптация эмоционального состояния, которая происходит на фоне выхода из помещения на улицу и затем – в колумбарный парк [11].

Выходя из здания крематория, участники церемонии попадают в колумбарную галерею, разбитую на секции, каждая из которых предваряется нишей. Мы не живем, чтобы умереть, но думаем о смерти, чтобы развернуть и развить жизненные потенции в максимально возможных границах и до бесконечно глубокой интенсивности. Эпоха Великого Эволюционного Перелома есть Эпоха Великого Отказа от всех оснований, которые, в конце концов, и определили то, что можно назвать «стихийной парадигмой» состоявшейся Истории. Она закончилась в XX веке. Человек больше не может сохранить себя на Земле в этой парадигме бытия, когда он жил по принципу «не ведаем, что творим», оправдываясь тем, что «благими намерениями дорога устлана в ад» [6].

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Существование архетипов в мышлении человека обуславливает особенности восприятия им окружающей среды. В древнейших архетипах мировой мифологии (устойчивых образах, влияющих, согласно К.Г. Юнгу, на наше бессознательное), можно выделить ряд изначальных отношений к смерти, проецирующихся на современное её понимание и философские идеи танатологии, среди которых:

— смерть как органичное продолжение земного существования или продолжение с негативной коннотацией;

- смерть как свершение судьбы;
- смерть как испытание, проверка в экстремальных обстоятельствах, побуждающая проявить волевую (физическую и моральную) состоятельность личности;
- смерть как исцеление и преображение – истина всеобщей трансформации, присущей самой жизни, и фактор её развития.

Однако, как бы ни воспринималась человеком смерть, способы захоронения должны оставаться рациональными. В этой связи задача ученых, архитекторов и инженеров состоит в опоре на обновляемые логикой общественной трансформации архетипы погребения, преодоление предрассудков, которые противостоят рациональному мышлению. Ведь мы не живем, чтобы умереть, но думаем о смерти, чтобы развернуть и развить жизненные потенции в максимально возможных границах и до бесконечной глубины интенсивности. Это мы – все люди на Земле, живущие, творящие свою историю, страдающие, мыслящие, созидающие, думающие о будущем! Человек XXI века – в нас, которые должны решить эту гигантскую задачу XXI века – задачу ноосферной человеческой революции, т. е. задачу решительного своего восхождения к вершине своей космопланетарной ответственности за сохранение и развитие жизни на Земле и за дальнейший процесс «оразумления» вначале «ближнего», а потом и «дальнего» космоса [6].

Литература:

1. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / Дж. Гибсон ; пер. с англ., общ. ред. и вступительная статья А.Д. Логвиненко. – М. : Прогресс, 1988. – 464 с.
2. Разумова И.А. Ситуация погребения и похоронный ритуал с точки зрения взаимодействия социальных институтов / И.А. Разумова, Л.А. Барабанова // Труды Кольского научного центра РАН. – 2012. – № 1. – С. 42–60. – (Серия : «Гуманитарные исследования»).
3. Рекомендации по проектированию объектов ритуального назначения / Госстрой России ; АООТ «Гипрокоммунстрой». – М. : ГУП ЦПП, 2000.
4. Методические рекомендации по проектированию комплексов общественных центров [Электронный ресурс] / ЦНИИЭП Госкомархитектуры им. Б.С. Мезенцева. – 1990. – Режим доступа : http://snipov.net/c_4646_snip_112356.html.
5. Браунинг П. Современные экономические теории – буржуазные концепции / П. Браунинг ; пер. с англ. – М. : Экономика, 1987. – Ч. 1.
6. Учение В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере [Электронный ресурс]. – Луганск, 2006. – Режим доступа : <http://tinyurl.com/l8qdmx8>.
7. Волков В.В. Теория практик / В.В. Волков, О.В. Хархордин. – Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. – Вып. 2– 298 с. – (Серия : «Прагматический поворот»).
8. Религия восточных славян накануне крещения Руси : (в помощь лектору) / Ю.В. Кривошеев ; Общество «Знание» РСФСР, Ленинградская организация. – Л. : Знание, 1988. – 32 с.
9. Кривошеев Ю.В. Религия восточных славян накануне Крещения Руси Древнейшее прошлое восточнославянского язычества [Электронный ресурс] / Ю.В. Кривошеев. – Режим доступа : <http://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/books/krivosheev.pdf>.
10. Диакон Владимир Василик. Повестка дня Межсоборного присутствия [Электронный ресурс] / Диакон Владимир Василик // Русская народная линия РПЦ. – 30.10.2013. – Режим доступа : http://ruskline.ru/author/v/vasilik_vladimir_vladimirovich.
11. Дизайн-Концепция Крематория в г. Сочи [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.cherkasova.su.

Лариса ШЕРЕМЕТЬЕВА

РОЛЬ ЛАТЕНТНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ (АРХЕТИПНЫЙ ПОДХОД ИСТОРИИ)

*Не стоит искать темную кошку в темной
комнате ночью. Особенно, если ее там нет.
Конфуций*

**ШЕРЕМЕТЬЕВА
Лариса,
SHEREMETIEVA**

Larysa,
старший
преподаватель
кафедры европейской
интеграции
Национальной академии
государственного
управления при
Президенте Украины,
г. Киев.

Аннотация: статья
посвящена существо-
ванию латентных
международных
организаций, так
называемых «скрытых»
структур, осуществля-
ющих надсуущественное
влияние на систему
государственного
управления.

Ключевые слова:
архетипика, государ-
ственное управление,
латентные организа-
ции, архетипный под-
ход, контроль, сетевые
коалиции, полутеневые
и теневые механизмы
управления.

УДК 061.25:351:32

Постановка проблемы. Государство всегда находится в эпицентре политических, управленческих, исторических и других исследований. Однако, несмотря на многовековые традиции его изучения, оно во многом остается еще вещью в себе, так до конца и неразгаданной формой организации власти. Внешний облик государств постоянно мутирует, создавая огромный диапазон толкований: от восприятия этого института в качестве высшей формы рациональной организации общества до «пустого» места в пространстве социума. Одновременно неоспоримым фактом является усиление зависимости развития общества от системы государственного управления.

Систему государственного управления описывали, как правило, путем перечисления ее организационных принципов и функций, деятельности бюрократии, особенностей институциональной структуры и других параметров, раскрывающих политическую и административно-правовую природу этого явления. Однако при таком общем – и вполне правомерном – подходе в первую очередь исследовалось легальное пространство государственного управления, то есть существование латентных структур в управлении государством оставалось за рамками исследований.

Информация о латентных организациях в постмодерном мире исходит из двух основных источников – двух легенд об архетипах латентных организаций истории, которые то были, то ли нет, что никем никогда не доказано и не опровергнуто, но послужили прототипами для всех других реальных и мнимых, вымышленных латентных организаций цивилизованного мира (fudge).

Итак, несмотря на значительное количество проблем, выборочно рассмотренных учеными, пока нет обобщенного понимания касательно роли латентных организаций в системе государственного управления и их наличия как архетипа истории.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросы, касающиеся роли латентных организаций как архетипов, рассматриваются в работах таких исследователей (ученых, писателей), как Д. Браун, Р. Виппер, Д. Громов, Л. Эйлера, У. Эко, Р. Эпперсон, Д. Кейл, В. Костюкович, О. Покальчук, А. Солженицин, Е. Сведенборг, А. Соловьев, О. Уайльд, Г. Форд, И. Херасков и Е. Шварц, и таких философов, как А. Дугин, И. Гердера, Ш. Монтескье, К. Юнг и др. Вопросы, касающиеся особенностей архетипов, в отечественном научном дискурсе нашли отражение в научных трудах Э. Афонина, О. Донченко, В. Захарова, Л. Кочубея, А. Крутия, А. Пелина, А. Романенко, Ю. Шайгородского, А. Яшина и других.

Вопросы, касающиеся роли латентных международных организаций в системе государственного управления, не нашли на сегодня комплексного изучения и не исследуются вообще.

Целью данного исследования является рассмотрение и анализ вопросов архетипа истории латентных организаций в системе государственного управления на основе современного обобщения данной ситуации.

Изложение основного материала. Архетип – изначальная модель или изначальные принципы, форма, по которой создается все остальное [1]. Однако в нашем исследовании невозможно даже в самом сжатом виде представить изложение учения К. Юнга об архетипах. Согласно К. Юнгу, архетип – это некий элементарный опыт или совокупность приобретенных знаний, общих для всех народов; опыт, восходящий к глубокой, архаической древности. Согласно такому определению архетипы и знаки – вещи, хорошо знакомые всем нам. Действительно, в наши дни мы признаем их как объективную реальность. Они описывают как важнейшие этапы жизни, так и более абстрактные понятия (поиск смысла бытия). Концепция архетипов ориентирует на отыскание набора инвариантных архетипических структур, характеризующих в совокупности целостные свойства мира. Позже термин «архетип» начал применяться для обозначения наиболее общих, фундаментальных и общечеловеческих исконных схем и представлений, лежащих в основе любых структур.

Согласно иудейской эзотерической традиции, например, существует дюжина или около того (число их может быть разным) мудрецов или «достойных мужей», которые, оставаясь неизвестными подавляющему большинству человечества, рассеяны по всему миру. Праведность этих мудрецов столь приятна в глазах Божиих, что является единственным фактором, способным убедить Бога пощадить Вселенную. Иными словами, эти люди совместными усилиями удерживают мир от гибели (freak).

В некоторых течениях буддизма, а также в теософии и антропософии аналогичные функции исполняют так называемые тайные владыки, наделенные сверхъестественной мудростью и могуществом, которые снова и снова реинкарнируются в земном плане в каждую из эпох и, по легенде, находятся в каком-то таинственном городе, скрытом где-то высоко в Гималаях (myth).

Разумеется, все это – крайности, полярные варианты данной темы. Менее резко выраженные версии можно встретить в рамках самих религиозных институтов. Так, например, всякая священническая каста сама по себе представляет некое подобие правящей элиты или латентной организации, носящей более или менее организованный характер, а внутри каждой священнической касты существует свое внутреннее ядро, имеющее более высокое посвящение. Так, например, в латентной организации иезуитов существует особая каста посвященных, внутренняя структура – мистическая иерархия, управляющая деятельностью иезуитов и, как считается, являющаяся носителем неких важнейших секретов.

Вплоть до недавнего времени наиболее впечатляющим примером латентной организации внутри католицизма была Святейшая канцелярия, то есть, иными словами, инквизиция. В наши дни мистический ореол, которым когда-то была окружена деятельность внешней и внутренней структур латентной организации иезуитов, а также Святейшей канцелярии, большей частью перенесен на Опус Деи – мощную латентную организацию, которая сегодня контролирует Радио Ватикана, имеет огромные финансовые средства, недвижимостью и коммерческие интересы как в Италии, так и за ее пределами, по всему Западу.

Все легенды о латентных организациях в современном мире происходят из двух основных источников – двух легенд об архетипах истории латентных организаций, которые то ли существовали, то ли нет. Это архетипы Тамплиеров и Розенкрейцеров. Архетип Тамплиеров – властный и могущественный орден рыцарей и одновременно монахов, дворян, воинов и банкиров, который внутри христианского мира занимал видное положение, но исповедовал особое тайное учение, и когда он упал по злой воле французского короля и был уничтожен в XIV в., рыцари сохранили свое учение и тайно продолжали его передавать под другим названием своим преемникам. Архетип Розенкрейцеров – тайное невидимое общество образованных алхимиков и ма-

гов, в светской жизни в основном медиков и учителей, которые полностью скрыты от внешнего мира, могут не знать друг друга в лицо, собираются вместе только изредка и лишь для приема новых членов, но при этом тайно направляют жизнь внешнего мира своими наставлениями и магической силой. Естественно, латентные организации как старейшие из закрытых посвященных обществ не могли не впитать эти легенды и не воспользоваться ими.

Наличие такого тайного ядра в латентной организации тамплиеров, пожалуй, главный источник тех восторгов в их адрес, которые выражают в наши дни многие, несмотря на то, что со времени роспуска ордена прошло уже почти восемь веков. Психологическая мощь архетипа руководства латентных организаций наглядно иллюстрирует пример первоначальной латентной организации розенкрейцеров, возникшей в начале XVII в. Розенкрейцеры – кем бы они ни были – заявляли о себе прежде всего публикацией возмутительных брошюр и памфлетов. С исторической точки зрения факт существования розенкрейцеров как реальной организации так и не получил достоверного подтверждения, однако вера в их существование была достаточно твердой, вызвала целую волну истерии и, как показала Фрэнсис Йейтс [2], сыграла очень важную роль в интеллектуальном развитии, культуре и политических процессах XVII в.

В начале XVIII в. во Франции достаточно ярко заявило о себе появление латентных организаций в среде высшего сословия, к участию в которых не допускались лица «низкого», «ремесленного» происхождения. Умонастроение таких организаций было отражено в знаменитой речи кавалера Рамзая (1737), где он впервые возвел происхождение масонства к рыцарям-иоаннитам (впоследствии Мальтийский орден), которые, по его словам, принесли идеи масонства в Европу из Крестовых походов. Практически сразу, уже в середине 40-х гг. XVIII в., немецкие латентные организации перенесли «утечку» в Орден Храма (тамплиеры), в частности потому, что мальтийский орден в то время (как и сейчас) существовал, а тамплиеров больше не было, и о них можно было говорить, как о покойниках, что угодно.

В начале XIX в. на волне растущего шотландского патриотизма нарастала и пропаганда шотландских исконных ценностей в Англии, где активно развивалась тема возможного спасения большого числа тамплиеров в Шотландии и их сотрудничества с шотландскими королями. Это привело к широкому распространению «шотландских латентных организаций» в Европе (островной и континентальной) и созданию отдельных «тамплиерских» латентных организаций. Важно отметить, что в ряде уставов латентных организаций и тогда, и в наше время существуют степени, дающие кандидатам «тамплиерское», «мальтийское» или «розенкрейцерское» посвящение с использованием символов и легенд соответствующих орденов, но латентные организации открыто и прямо признают, что употребление этих терминов символично, осознавая, что это лишь легенды, и не претендуя на обладание «истинным тайным знанием тамплиеров, мальтийцев и розенкрейцеров» хотя бы потому, что никто не уверен в том, что такое знание существует в реальности.

С современной точки зрения латентная международная организация – негосударственная некоммерческая общественная организация, которая основана на членстве физических лиц, имеет устав, атрибуты, символику, ритуалы, организационную структуру и казну и обладает прочим имуществом. Данная организация преследует определенные цели и задачи, для достижения которых была создана и осуществляет деятельность. Как правило, к личности члена латентной организации предъявляются определенные требования, а для вступления необходимо прохождение определенного испытания. В обывательском сознании и массовой культуре орден сегодня – синоним латентной организации избранных.

Сначала ордена появились в Средневековье и представляли собой формы образования группировок дворянства и духовенства. Одна из функций ордена – цвето-графическая идентификация членов для определения в системе «свой-чужой» путем ношения одинаковой одежды, знаков и т.д. Позже членство в отдельных орденах, особо приближенных к монарху, стало рассматриваться как награда, поскольку всту-

пление в члены ордена требовало определенного происхождения и осуществления героических и благородных поступков, а членство в таком ордене сопровождалось значительными привилегиями, внешним проявлением которых был знак принадлежности – орден. Вместе с тем следует отметить, что рыцарские и духовные ордена были источником разного рода оппозиционных движений, в связи с чем возникли тайные ордена как латентные организации, члены которых не афишировали свое членство. По мере укрепления абсолютизма в Западной Европе большая часть некогда могущественных орденов была уничтожена.

Особо важную роль латентные организации как архетипы истории играют в современном западном обществе. Они напоминают о себе каждый раз, когда современный человек стремится усмотреть какой-то тайный сговор, все равно – в деятельности мафии, латентных организаций, публичной администрации или политических партий, системе государственного управления, в акциях международного терроризма, в усилиях финансовой элиты, в деятельности таких организаций, как Трехсторонняя комиссия и Бильдербургский клуб и т.п. Это особо очевидно в работе современных разведывательных служб, которые отличаются друг от друга разве что своими аббревиатурами. По сути же это настоящие латентные организации в прямом смысле данного слова. При этом мистический ореол, окружающий деятельность таких латентных организаций, лишь усиливает их секретность и влияние. Современные разведывательные спецслужбы превратились в некое подобие «злодея», само упоминание о них позволяет глубоко шокировать и манипулировать массами людей, сразу же уподобляться маленьким детям. Речь идет о наличии в подсистемах государства латентных связей, сначала включенных во внутреннюю организацию и обуславливающих реальное положение и создание механизмов власти и управления.

Надо признать и то, что латентная среда формируется как органичное дополнение ненормально организованных формальных связей и в результате несоответствия ролевых нагрузок условий деятельности чиновничества. Не менее существенную роль играет невозможность однозначного подчинения человека любым имеющимся нормативным требованиям как таковым. Ведь человек всегда в той или иной степени транслирует в свой функционально-ролевой и профессиональный контекст персональные чувства и замыслы, формирующиеся в его партикулярном личном окружении.

Одним словом, можно утверждать, что латентные связи являются перманентным сопровождением любых ассоциативных связей, проявляясь прежде всего там, где кооперация человеческих усилий носит масштабный и слабо контролируемый характер. Поэтому чем выше уровень организации и контроля над социальным взаимодействием любых акторов, тем меньше оснований для формирования и активизации латентных связей. Поскольку институциональное пространство государства обладает различными возможностями для реализации скрытых намерений человека и проявлений иллегальных форм поведения, то и его латентная сфера неизбежно имеет диверсифицированный характер.

В государстве латентные структуры всегда уступали ключевому значению – публичным формам власти и управлению, которые, собственно, и выступали в качестве основного маркера данного политического института.

Публичная сфера демонстрирует исходное сочетание политических и административных функций аппарата государственного управления, предполагает хотя и усеченные, но постоянные контакты власти с населением и (пусть и непостоянное) участие последнего в государственных функциях.

Одним словом, в публичном секторе государственного управления происходит расширение сферы политического регулирования общественных процессов, создаются механизмы представительства гражданских интересов в структуре госуправления. Гражданские интересы сами по себе достаточно абстрактны, и поэтому правительство имеет право само расставлять чисто управленческие акценты в их реализации. Но, как бы то ни было, «глас народа» так или иначе сдерживает самостоятельность распорядительных органов, демонстрируя свое принципиальное значение для всей

системы управления, а именно для поддержания населением условий политической стабильности и легальности действий правительства.

Для создания публичного диалога с обществом государство использует технологии умиротворения общественности, отвлечение, манипуляции, информирование, консультирование, контроль и даже полицейский надзор. Впрочем, и у общества существует достаточно широкий спектр возможностей влиять на управленческие задачи в данной сфере: граждане могут не только обсуждать те или иные проекты или получать информацию, но и непосредственно участвовать в формировании повестки дня, выдвигать рекомендации, вести переговоры, контролировать органы власти, т.д.

Как бы то ни было, но все расходы на формирование публичной сферы могут только сужать ее пространство, изменять характер взаимодействия населения и власти. Изменение объема публичности служит очень важным показателем для управленческой деятельности государства, потому что сокращение объема открытых обществу механизмов и технологий государственного управления однозначно указывает на пропорциональное увеличение роли одной из латентных организаций – полутеневой (полутеневой способ хозяйственно-перераспределительной деятельности государственного аппарата).

Организационная и нормативно-правовая база профессиональной деятельности госслужащих превращается всего лишь в предпосылку реальной управленческой активности, в основу особых деловых коммуникаций как с внутренними, так и с внешними контрагентами государства. Поэтому агентская структура полутеневой сферы строиться уже не столько на формально-статусных, сколько на неформально-сетевых основах, отражающих совсем иное позиционирование действующих игроков в сфере государственного управления. Таким образом, любые государственные служащие, вовлеченные в решение конкретных задач управленческих сетей, как правило, оказываются – наряду со своими официальными статусами – носителями и других (сетевых) ролевых нагрузок. В эти сети попадают и ключевые чиновники, страхующие данные ресурсные «цепочки», представители политических, судебных и правоохранительных структур и общественные администраторы (представители дружественных и родственных ассоциаций).

Если в публичной сфере взаимоотношения между государством и обществом основаны на статусных и безличных связях, то в сетевых конструкциях основой является уже связь позиций конкретных персон по отношению к той или иной проблеме. Здесь формируются уже другие ограничения управленческой деятельности, заданные – наряду с объективными причинами – еще и ценностными мотивациями участников, взаимной ответственностью, а также прочими личностно значимыми факторами. В каждой государственной сети существует некое «ядро», формирующееся вокруг ключевых фигур принятия решений, которое распространяет в сети свои «вертикали» и «горизонтالي» влияния. Сети хранят свои основные фигуры, вокруг которых складываются коалиции государственных топ-менеджеров, политиков и представителей бизнеса.

За счет своеобразного кадрового реструктурирования полутеневые институты превращаются в государственный организм, предельно чуткий к вызовам времени, изменению баланса сил и намерений, проектированию перспектив и т.д. Иными словами, даже при сохранении общественной направленности эти действия управляющих не могут иметь открытого для общественности, публичного характера.

Основным фактором, который в большинстве случаев перепрофилирует деятельность органов управления на личные и корпоративные цели, служат сугубо субъективные мотивы. В любых социальных условиях у чиновников всегда сохраняется возможность «человеческого смещения» своих профессиональных ориентиров в направлении удовлетворения своих потребностей, в том числе и в составе сетевой коалиции. Также усиливает значение персональной мотивации невозможность государства организовать плотный административный контроль за своими служащими. Играет свою роль и слабость законодательного и общественного контроля, которая активизирует еще один мощный фактор смещения системы госуправления в «полу-

тень», а именно – рентоориентированное поведение политиков и чиновников, порождающее внутренний рынок статусных услуг в обмен на ресурсы.

Конечно же, главной причиной сохранения этого формата управленческой активности остается само государство, точнее – правящий режим, который выступает как носитель особых групповых интересов. Понятно, что при таком подходе к управленческим задачам у правительства есть возможность замещать общегражданские интересы своими приоритетами и подходами.

Полутеневая сфера не исчерпывает всего латентного пространства власти и управления. В том случае, когда стимулы и мотивы чиновников и политиков окончательно уходят из правового пространства и создают неподконтрольные закону центры перераспределения ресурсов, в структурах власти и управления состоит теневая структура государственного регулирования.

На основании этих примеров можно выделить некоторые характерные черты архетипа латентной организации. Самое главное заключается в том, что такое общество четко организовано, латентно и – по крайней мере, в глазах многих – очень могущественно. Является ли оно настолько могущественным или нет – вопрос, мягко говоря, второстепенный. Оно могущественно в силу того, что люди реально верят в его могущество. Некоторые латентные организации порой вообще не обладают никакой реальной силой, за исключением той, которая им приписывается, но эта сила, основанная на вере, придает им вполне конкретную могущество. Так миф формирует реальность. Такова практическая сила архетипа, актуализированного в сознании масс.

Выводы. 1. Латентная сфера складывается на основе противоречия между населением с его «социальным заказом» государству и теми группами, которые пытаются обеспечить нужный для себя профиль решений. Так что, если в публичной сфере ключевые значения имеют права и статусные позиции, то в полулатентном пространстве – конкретные умения извлекать пользу из сложившейся структуры управления.

2. Источником латентных отношений в государстве служат несовершенство организационно-структурных условий отправления чиновничьих функций и ограниченность формальных норм в реальном пространстве функционирования государственного аппарата. Особую роль в инициации латентных связей играет и постоянная переориентация людьми своих интересов, выявление их ценностной мотивации, недостаточность социального контроля, протест против принудительно-мобилизационных форм активизации поведенческих практик населения, а также некоторые другие факторы.

3. Таким образом, латентные международные организации можно встретить по всему миру, в каждой культуре и в каждую эпоху. Обычно тайное общество характеризуется как своего рода конклав кукловодов, тесный круг избранных, ведущих закулисные интриги во имя добра или зла, манипулируя массами и политиками, организуя различные акции, предоставляя натиск, дергая за веревочки и управляя марионеточными управленцами и в конечном счете направляя ход событий..

Литература:

1. Yung C.G. The archetypes and the collective unconscious / C.G. Yung [Электронный ресурс] // The collected works of C.G. Yung : (Vol. 9). – Princeton ; NJ : Princeton University Press, 1936/1969. – Режим доступа : http://archive.org/stream/TheCollectiveUnconsciousAndItsArchetypes_100/ArchetypesAlongJung_djvu.txt.

2. Йейтс Ф. Розенкрейцерское Просвящение [Электронный ресурс] / Фрэнсес Йейтс. – Режим доступа : <http://www.platonizm.ru/content/frenses-yeyts-rozenkreycerskoe-prosvyashchenie>.

3. Захаров В.К. Архетипы государственного устройства и государственного управления // В.К. Захаров, А.Д. Яшин // Государственное управление в XXI веке: традиции и новации. – М., 2007 – С. 289–296.

4. Генри Л. Мессианское наследие. Тайны древних цивилизаций [Электронный ресурс] / Л. Генри, Б.Майкл, Ли Ричард. – Режим доступа : <http://www.e-reading.ws/book.php?book=1019548>.

Евгений ЮРЧЕНКО

АРХЕТИП ТЕРРИТОРИЙ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ РАЗВИТИЯ МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ

Постановка проблемы. Реализация градостроительной политики в части планирования и застройки территорий осуществляется преимущественно органами местного самоуправления путем утверждения градостроительной документации с целью развития территорий населенных пунктов. Наряду с другими нормативно определенными обязательными элементами планирования градостроительных процессов не всегда учитываются архетипы территории, которые для каждого населенного пункта являются особенными и неповторимыми. Это не позволяет в полной мере обеспечить связь территории с историческими процессами, более того, происходит частичное уничтожение исторического наследия населенных пунктов.

Вопрос сохранения архетипа территорий важен для большинства развитых государств мира, которые берегут собственное историческое наследие, на достаточно высоком уровне регулируют сохранность территорий, сложившихся исторически, и определяют особый режим застройки населенных пунктов. Именно сохранение архетипа территорий может обеспечить инвестиционную, туристическую и культурную привлекательность исторических городов и населенных пунктов Украины. Следовательно, задачей нашего исследования является выяснение значения архетипа территорий в контексте составляющей развития механизма правового регулирования при реализации градостроительной политики на местном уровне.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросу влияния архетипов на процессы общественного развития в государственном управлении, в том числе изучению архетипов территорий, уделяли внимание многие ученые, в частности О. Амосов, Э. Афонин, О. Боровицкая, О. Валецкий, О. Власенко, Н. Гавкалова, В. Глеба, Г. Ершов, В. Омеляненко, К. Меркотан, Г. Пирен, С. Хлебникова, О. Шибанова-Роечко и другие. Вместе с тем изучению архетипа территории как составляющей развития механизма правового регулирования при реализации градостроительных процессов на местном уровне уделяется недостаточно внимания.

Цель статьи – рассмотреть архетипы территорий в качестве одной из основных составляющих развития механизма правового регулирования при реализации градостроительной политики на местном уровне; предложить практические меры, направленные на совершенствование нормативно-правовых актов, регулирующих процессы градостроительства в Украине.

Освещение основного материала исследования. В условиях глобализации экономических процессов важное значение имеет устойчивое развитие территорий. В развитии населенных пунктов весомую роль играет процесс стратегического планирования территорий. Этот процесс включает в себя ряд установленных законодательством обязательных требований к планированию и за-

**ЮРЧЕНКО
Евгений,
IURCHENKO
levgenii,**

аспирант кафедры
экономической
политики и
менеджмента
Харьковского
регионального
института
государственного
управления
Национальной академии
государственного
управления при
Президенте Украины,
г. Сумы.

Аннотация: рассмотрен архетип территорий как составляющая развития механизма правового регулирования при реализации градостроительной политики на местном уровне. Обосновано важность учитывания архетиповой составляющей при осуществлении планирования и застройки территорий. Предложены мероприятия, направленные на развитие механизма правового регулирования при реализации градостроительной политики на местном уровне.

Ключевые слова: архетип территорий, механизм правового регулирования, градостроительство.

УДК 351:69(477)

стройке территорий, однако указанные требования не реализуются в полном объеме местными органами исполнительной власти и органами местного самоуправления и не охватывают в полном объеме социокультурные потребности населения. Нормативно-правовое регулирование, направленное на сохранение архетипа территорий и создание надлежащего государственного контроля, направленного на сбалансированное, гармоничное развитие населенных пунктов, должно дополнить и усовершенствовать механизмы государственного управления в сфере градостроительства.

Архетип территорий понимается нами как историческое ядро населенного пункта, которое имеет четко выраженные функционально-стилистические особенности. Важной составляющей архетипа территорий является взятие во внимание во время осуществления планирования и застройки территорий исторически обусловленных критериев распределения территорий по функциональным назначениям, которые имеют свой архетип со свойственными ему проблемами застройки и благоустройства [6].

Процессы жизнедеятельности любого государства основываются на функционировании механизмов правового регулирования, благодаря которым обеспечивается регулирование взаимосвязей между объектами и субъектами правоотношений. Основным инструментом правового регулирования государства являются нормативно-правовые акты, которые устанавливают правовые нормы. Законодательные нормы должны соблюдаться всеми физическими и юридическими лицами на территории государства.

По мнению С. Алексеева, механизм правового регулирования создает вся совокупность правовых средств, с помощью которых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения. В своих исследованиях ученый выделяет в механизме правового регулирования три основные составляющие: юридические нормы, создающие основу правового регулирования; правовые отношения (а именно субъективные права и юридические обязанности) и акты реализации прав и обязанностей. По мнению исследователя, в некоторых случаях в механизм правового регулирования входит четвертый элемент – акты применения права, а также отдельные дополнительные элементы (индивидуальные акты, правоположения практики и т.д.). Некоторые правоведы трактуют содержание категории «механизм правового регулирования» более широко, относя к элементам системы указанного механизма правосознание, правотворчество, юридические нормы, правоотношения, законность и правопорядок (М.С. Кельман, О.Г. Мурашин, В.Н. Шабалин и др.). Как и какой-либо другой управленческий процесс, правовое регулирование направлено на достижение своей цели – качественное упорядочивание общественных отношений. Механизм правового регулирования играет роль своеобразного юридического «моста», объединяющего интересы субъектов с практикой их реализации, приводит процесс государственного управления к логическому результату [1].

Важная роль механизма правового регулирования градостроительных процессов обусловлена также тем, что нормами Конституции Украины предусмотрено, что органы государственной власти и их должностные лица обязаны действовать лишь таким способом и в тех границах, которые определены Конституцией Украины, законами и иными нормативно-правовыми актами [2]. Это свидетельствует об обязанности органов власти придерживаться требований действующего законодательства.

Законодательным актом, который регулирует основы градостроительной политики, является Закон Украины «Об основах градостроительства» [3]. Данный закон определяет правовые, экономические, социальные и организационные основы градостроительной деятельности в Украине и направлен на формирование полноценной жизненной среды, с обеспечением при этом охраны окружающей естественной среды, рационального природопользования и сохранения культурного наследия. Нормы Закона Украины «Об основах градостроительства» определяют, что государственное регулирование в сфере градостроительства состоит в следующем: в

планировании территорий на общегосударственном, региональном и местном уровнях; в анализе состояния градостроительства, прогнозировании его развития; в подготовке, утверждении и реализации государственных, региональных и местных градостроительных программ и градостроительной документации; в координации взаимодействия субъектов градостроительной и архитектурной деятельности; в установлении требований относительно учета государственных интересов во время разработки градостроительной документации; в проведении экспертизы градостроительной документации и проектов конкретных объектов; в разработке и утверждении государственных стандартов, норм и правил; в контроле за соблюдением законодательства в сфере градостроительства, государственных стандартов и норм, требований к исходным данным, утвержденной градостроительной документации и проектам конкретных объектов, за рациональным использованием территориальных и материальных ресурсов при проектировании и строительстве; в контроле за соблюдением требований относительно охраны культурного наследия и сохранением традиционного характера среды населенных пунктов; в лицензировании определенных видов хозяйственной деятельности в строительстве в порядке, установленном законом [3].

Таким образом, государственное регулирование в сфере градостроительства охватывает значительную часть элементов, исполнение которых должно обеспечивать основные задачи градостроительной политики государства. Данный закон также регулирует вопросы полномочий и компетенции органов власти и местного самоуправления в сфере градостроительства, определяет правовые основы государственных строительных норм, стандартов и правил, а также государственного контроля в сфере градостроительства. Проанализировав указанный законодательный акт, можем констатировать, что соблюдение требований относительно охраны культурного наследия и сохранения традиционного характера среды населенных пунктов, обеспечение контроля в данном направлении нормировано как обязательный элемент градостроительной политики, что указывает на значимость архетипа территорий при осуществлении градостроительной деятельности.

Закон Украины «О регулировании градостроительной деятельности» [5] нормирует практические аспекты градостроительной деятельности. Этот закон устанавливает правовые и организационные основы градостроительной деятельности и направлен на обеспечение стабильного развития территорий с учетом государственных, общественных и частных интересов. В качестве основного элемента градостроительной деятельности определены планирование и застройка территорий. Планирование и застройка территорий осуществляются с помощью ряда мероприятий, а именно: прогнозирования развития территорий; обеспечения рационального расселения и определения направлений стабильного развития территорий; обоснование распределения земель по их целевому назначению; взаимосогласованность государственных, общественных и частных интересов во время планирования и застройки территорий; определение и рациональное размещение зон жилой и общественной застройки, производственных, рекреационных, природоохранных, оздоровительных, историко-культурных, а также иных зон и объектов; установление режима застройки территорий, на которых предусмотрено осуществление градостроительной деятельности; разработки градостроительной и проектной документации, строительных объектов; реконструкция существующей застройки и территорий; сохранение, создание и восстановление рекреационных, природоохранных и оздоровительных территорий и объектов, ландшафтов, лесов, парков, скверов и отдельных зеленых насаждений; создание и развитие инженерно-транспортной инфраструктуры; создание бесперебойной жизненной среды для лиц с ограниченными физическими возможностями и иных маломобильных групп населения; проведение мониторинга застройки; ведение градостроительного кадастра; осуществление контроля в сфере градостроительства.

Инструментом государственного регулирования планирования территорий является градостроительная документация, которая делится на документацию государственного, регионального и местного уровней.

Закон «О регулировании градостроительной деятельности» определяет, что программы развития регионов и населенных пунктов, а также программы хозяйственного, социального и культурного развития обязаны согласовываться с градостроительной документацией соответствующего уровня. Соответственно требования градостроительной документации являются обязательными для исполнения всеми субъектами градостроительства.

Основным видом градостроительной документации на местном уровне является генеральный план населенного пункта. Его предназначения состоит в обосновании долгосрочной стратегии планирования и застройки территории населенного пункта. Генеральный план населенного пункта разрабатывается и утверждается в интересах соответствующей территориальной общины с учетом государственных, общественных и частных интересов [5].

Проанализировав Закон Украины «О регулировании градостроительной деятельности» в контексте обеспечения архетиповой составляющей при проведении застройки населенных пунктов, сосредоточим внимание на том, что закон регулирует и устанавливает практические мероприятия осуществления градостроительной деятельности на территории Украины, он направлен на взаимосогласование государственных, общественных и частных интересов во время планирования и застройки территорий сохранения, создания и восстановления рекреационных, природоохранных и оздоровительных территорий и объектов, ландшафтов, лесов, парков, скверов и отдельных зеленых насаждений; определяет основы контроля и ответственности за нарушение градостроительного законодательства.

Более подробно сохранение архетипов территорий нормирует Закон Украины «Об охране культурного наследия» [4], который регулирует правовые, организационные, социальные и экономические отношения в сфере охраны культурного наследия с целью его сохранения, использования объектов культурного наследия в общественной жизни, защиты традиционного характера среды в интересах существующего и грядущих поколений. Данным законом определено, что объекты культурного наследия, которые находятся на территории Украины, охраняются государством. Охрана объектов культурного наследия является одним из приоритетных заданий органов государственной власти и органов местного самоуправления. Кроме того, этот закон нормативно регулирует понятийный аппарат в сфере охраны культурного наследия.

Закон Украины «Про охрану культурного наследия» также определяет параметры классификации объектов национального культурного наследия, нормирует полномочия специальных уполномоченных органов по охране культурного наследия и их взаимосвязь, определяет права и обязанности, направленные на охрану национального культурного наследия. Также законом предусматриваются превентивные мероприятия, направленные на сохранение памятников культурного наследия и их охрану, защите традиционной среды и объектов национального культурного наследия. Но хотя указанный закон рассматривает охрану культурного наследия, дефиниция архетипов территорий является более широкой, и некоторые аспекты сохранения архетипов территорий не учтены ни в одном нормативно-правовом акте.

Таким образом, осуществив обзор основных нормативно-правовых актов в сфере регулирования градостроительной политики на местном уровне, подчеркиваем, что подтверждается актуальность необходимости учета архетипов территорий при осуществлении мероприятий планировки и застройки территорий населенных пунктов. Это нормируется рядом законодательных актов, совокупность которых способствует сохранности привычного обществу вида населенных пунктов и обуславливает процессы видоизменения архетипа территорий благодаря обязательным к исполнению мероприятиям и процедурам.

Безусловно, нормативно-правовые акты имеют недостатки, которые сдерживают надлежащее функционирование и развитие механизма правового регулирования градостроительных процессов на местном уровне, а обязательные мероприятия не всегда исполняются надлежащим образом. Кроме того, отсутствуют законодательные нормы, предусматривающие обязательный учет исторического стиля населенного пункта, который имеет четко выраженные функционально-стилистические особенности, с целью его сохранения и восстановления во время планировки и застройки территорий на местном уровне; также не установлен режим правовой ответственности за разрушение архитектурной среды. Это обусловлено тем, что первичной для органов местного самоуправления является экономическая выгода, которая, как правило, противоречит общественным потребностям.

Рассматривая архетип территорий как составляющую развития механизма правового регулирования при реализации градостроительной политики на местном уровне, видим необходимость усовершенствования существующих нормативно-правовых актов в сфере градостроительства и охраны культурной среды с необходимостью обязательного нормирования принципа учета архетипа территорий при реализации градостроительной политики на местном уровне, поскольку указанный уровень является наиболее приближенным к обществу, а органы местного самоуправления и исполнительной власти сел, поселков и городов в соответствии с действующим законодательством наделены основными полномочиями в сфере планировки и застройки территорий, выделения земельных участков для градостроительных нужд, а также охраны культурного наследия. Таким образом, наличие широкого круга полномочий, при реализации которых могут возникнуть противоречия, приводит к неисполнению в полном объеме действующего законодательства, а отсутствие обязательных и понятных для общества норм позволяет пренебрегать законодательством, не имеющим прямого действия. Поэтому считаем необходимым предусмотреть нормирование понятия архетипа территорий в законодательных актах, предусмотреть основные критерии их определения, расширить круг полномочий территориальной общины при принятии генеральных планов населенных пунктов и иной градостроительной документации, обеспечить нормирование обязательного сохранения исторического архитектурного вида населенных пунктов; в случае наличия большого количества объектов строительства определенного архитектурного направления и исторического периода учитывать эти особенности при выдаче градостроительных условий и ограничений при застройке исторических мест населенных пунктов; передать контрольные полномочия по вопросам охраны культурной среды с местного уровня на государственный с созданием полноценного органа охраны культурного наследия с местными представительствами. Вместе с тем необходимо предусмотреть ответственность за нарушение норм действующего законодательства, их несоблюдение и уклонение от их исполнения по отношению к должностным лицам органов власти и местного самоуправления при реализации градостроительного законодательства; предусмотреть ответственность для проектных организаций и застройщиков за нарушение требований сохранения архетипов территорий при проектировании и т.д. Следует ввести уголовную ответственность за разрушение во время проведения реконструкции архитектурной аутентичности объектов, обладающих архитектурной выразительностью. Основным критерием, который должен учитываться при осуществлении планировки и застройки населенных пунктов, является историческая градостроительная документация, по которой понятна хронология развития территорий, и сохранившиеся исторические источники, по которым можно идентифицировать архитектурный вид исторических кварталов и районов населенных пунктов.

Вместе с тем основным инструментом применения составляющей архетипа территорий в развитии механизма правового регулирования являются необходимость применения обязательного исторического принципа при планировке и застройке территорий и нормирование обязательного включения в архитектурные советы представителей органов охраны национального культурного наследия и общественных

організацій, заданням яких є захист історичського спадщини, історичської архітектури і загальноприйнятого суспільством вигляду центральних історичських частин населених пунктів.

Важким елементом, який повинен сприяти нормативній захисті архетипу територій, є перегляд підходів до розміщення рекламних об'єктів в історичських частинах міст і відмова від встановлення тимчасових споруд і малих архітектурних форм в центральній частині населених пунктів. Також цільово необхідно враховувати кольорову гаму фасадів будівель на вулицях і в кварталах для створення більш привабливої архітектурної виразності будівель і споруд. Крім того, в разі ліквідації і демонтажу будівель і споруд промислового призначення в центральних частинах населених пунктів необхідно використовувати вказані території для потреб житлової і громадської забудовки з урахуванням архітектурних особливостей історичської забудовки. Важливе місце в створенні архетипу території населеного пункту в майбутньому будуть мати забезпечення перенесення промислових об'єктів за межі історичської частини населених пунктів і забезпечення комплексної планування територій населених пунктів в єдиному архітектурному ансамблі. Вищевказані заходи спрямовані на доповнення існуючих норм законодавства, яким регулюється питання реалізації градостроїтельної політики на місцевому рівні. Крім того, необхідно розширити коло контрольних повноважень в сфері державного архітектурно-строїтельного контролю і контролю в сфері охорони культурної спадщини, передбачити додаткові норми відповідальності за порушення в досліджуваній сфері.

Висновки і перспективи подальших наукових досліджень. Реалізація запропонованих заходів забезпечить ефективність практичного застосування принципу збереження і відтворення архетипу територій як складової розвитку механізму правового регулювання градостроїтельних процесів на місцевому рівні. Враховуючи особливість кожного населеного пункту, його історичське становлення і розвиток, в майбутньому можливо дослідити питання планування і забудовки населених пунктів шляхом застосування механізму імплементації моделей архетипів територій інших населених пунктів для розвитку особливої соціокультурної середовища.

Література:

1. Енциклопедія державного управління : у 8 т. / Нац. акад. держ. упр. при Президентові України ; наук.-ред. колегія : Ю.В. Ковбасюк (голова) та ін. – К. : НАДУ, 2011. – Т. 2 : Методологія державного управління / наук.-ред. колегія: Ю.П. Сурмін (співголова), П.І. Надолішній (співголова) та ін. – К. : НАДУ, 2011. – 692 с.
2. Конституція України: від 28.06.1996 р., № 254к/96-ВР [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/254k/96-vr/page>.
3. Про основи містобудування : Закон України : від 16 листопада 1992 р., № 2780-ХІІ [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2780-12/print1392548950704936>.
4. Про охорону культурної спадщини : Закон України : від 8 червня 2000 р., № 1805-ІІІ [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2780-12/print1392548950704936>.
5. Про регулювання містобудівної діяльності : Закон України від 17 лютого 2011 р. № 3038-VІ [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?page=3&nreg=3038-17>.
6. Юрченко Є.О. Збереження архетипу територій при плануванні і забудові населених пунктів / Є.О. Юрченко // Архетипіка і державне управління: інституційні форми, механізми та практики : збірник наукових праць переможців і кращих авторів Першого міжнародного конкурсу молодих учених ; Київ, 24 травня 2013 р. / за ред. Е.А. Афоніна, Г.Л. Рябцева. – К. : НАДУ, 2013. – С 104–109.

Сергей ЮШИН

АРХЕТИП АНДРОГЕННОСТИ В РЕНЕССАНСНЫХ
МЕТАМОРФОЗАХ ГОСУДАРСТВА

Постановка проблемы. Движение вперед, как утверждает Г. Гегель, есть возвращение назад в основание, к первоначальному и истинному, от которого зависит то, с чего начинают, и которое на деле порождает начало [1, с. 127]. Видимо, здесь кроется причина ренессансных установок (фр. Renaissance, итал. Rinascimento; от «заново рожденный») средневековых социальных и государственных метаморфоз, ориентированных на античную культуру.

Не обошла ренессансность и становление украинской государственности, если вспомнить попытки отдельных лиц связать ее системогенез с трипольской культурой, которая значительно старше античной. Об этом в скептическом тоне Л. Кучма писал так: «Сегодня каждый, кто желает, может избрать себе историческую гипотезу по вкусу – которая больше радует его самолюбие <...> из-за того, что кому-то кажется, если Будда, Заратустра и Конфуций – это древние украинцы, то он лично стал от этого более умным и более прекрасным: мифы необходимы молодым нациям так же, как детям <...> сказки; но потом дети растут, и сказки нужно отложить в сторону» [2, с. 62].

Если исходить из представления Аристотеля, то семья первичнее и необходимее государства [3, с. 238], а так как классическая семья – союз мужчины и женщины (маскулинно-феминный союз), то все метаморфозы ее (и государства) протекают в координатах «патриархат ... матриархат» с соответствующим иерархическим распределением властных полномочий и собственности внутри стратифицированных уровней «центр – периферия».

Современная цивилизация строится на основе идеологии гендерного равноправия, на отрицании системы координат «патриархат – матриархат», что позволяет в метафизическом смысле идентифицировать такую семью как специфического «андрогина» (др.-греч. ἀνδρόγυνος; от ἀνήρ «мужчина» и γυνή «женщина»), для которого нет внутренней иерархии и деления на «центр» и «периферию». Исчезновение в перспективе власти человека над человеком проповедовали Библия и идеологи коммунизма. О последнем говорили Ф. Энгельс (об излюбленной аксиоме французский коммунистов – христианство есть коммунизм) [4, с. 532], а в XX в. — А. Тойнби (коммунизм изобретен на Западе для принятия его западниками, а его идеология – это христианская ересь, которая отобрала часть элементов христианства, чтобы сконцентрироваться на них и исключить остальные) [5, с. 215, 231].

Вместе с тем, идеализированные самоидентификации государств по формальным признакам (правовое, социальное, унитарное и т. д.) еще не означают инструментальной их полноценности, а потому прислушаемся к Г. Гегелю: «Целостности, как государство, <...> перестают существовать, когда разрушается единство их понятия и реальности» [6, с. 211]. Не так давно человечество убедилось в правоте данной формулы на примере распада СССР в 1991 г., хотя всего за пять лет до того, на XXVII съезде КПСС, было заявлено, что социализм в СССР победил полностью и окончательно. Вот почему архитекторы государств должны беречь единство слова и дела.

**ЮШИН
Сергей,
YUSHYN
Sergii,**

доктор экономических наук, профессор, гл. научный сотрудник Национального научного центра «Институт аграрной экономики», г. Киев.

Аннотация:
философская парадигма рассматривает семью и государство как генетически связанные феномены. Но семья – форма соединения мужского и женского начал. Из этого следует, что и государство является смесью из этих начал. Их пропорции в разных государствах исследует современная наука, которая, как указывают методологи, должна начинать с мифов и с критики мифов. Именно поэтому представляет интерес углубление исследований проблем становления государства на основе мифа об андрогене, где рассмотрены метаморфозы в реинтеграции его начал.

Ключевые слова:
архетип, андроген, государство.

УДК 35.075.5

Факты свидетельствуют, что центральным пунктом всех коллизий в метаморфозах украинской государственности являются те противоречия, которые возникли на оси «центр – периферия». В этой связи отметим три важных момента. Во-первых, обретение Украиной статуса независимого государства в свое время разворачивалось от децентрализации власти в СССР. Видимо, децентрализационная инерция до настоящего времени еще не исчерпала себя, если судить по ключевым украинским правовым актам (Стратегия экономического и социального развития Украины на 2004—2015 годы; одобренные в 2005 г. Постановлением Верховного Совета Украины № 3227 Рекомендации парламентских слушаний «Децентрализация власти в Украине. Расширение прав местного самоуправления», Закон Украины «Об основах внутренней и внешней политики») и по «пост-майданным» требованиям ряда территориальных групп, которые варьируют в диапазоне «выход из государства – федерализация – децентрализация – унитарность».

Во-вторых, если бы наши почитатели ренессанса ориентировались бы на классику античности и ее принцип «ничего сверх меры», они искали бы именно свой национальный профиль централизации/децентрализации, что вписывалось бы в требование статьи 132 Конституции Украины, в которой предполагается сочетание механизмов централизации и децентрализации, соответствующее экономическим, политическим и культурным реалиям страны, как и Закона «Об основах внутренней и внешней политики», где предполагается децентрализация функций органов государственной власти в рамках гармонизации общегосударственных, региональных и местных интересов, а не неопределенная децентрализация государственной власти.

В-третьих, на древних храмах было начертано «Познай самого себя», что предполагает идентификацию каждой нацией совокупности тех своих свойств, которые отличают ее от других наций и детерминируют наиболее приемлемые для нее формы правления и централизации/децентрализации с учетом свойств маскулинности-феминности института семьи, где как раз и формируется матрица государственности. Изучению специфики обществ с выделением гендерной составляющей посвящены работы ряда зарубежных и отечественных ученых, но они еще недостаточно связаны с проблемами государственного строительства, в т. ч. с исследованием тех особенностей эволюции семьи в разрезе отдельных государств, которые и определяют национальные комбинации механизмов централизации и децентрализации.

Анализ последних исследований и публикаций. Аспекты единства и целостности государства всегда были и остаются объектом глубоких исследований зарубежных и отечественных ученых. Однако большинство этих исследований сосредоточены или на коллизиях элементов в системах «демократия — олигархия — монархия» и разделении государственной власти на три ветви (законодательную, исполнительную и судебную), или в системах «рынок — государство» и «монополия — конкуренция»; много исследований также было сосредоточено на эволюции государства в системе координат «рабовладичество — феодализм — капитализм — социализм и коммунизм».

Но здесь важно отметить, что, как правило, исследование коллизий в системе «человек — государство» не касалось аспектов классической семьи как первичной ячейки государства. Безусловно, Л. Мизес прав в том, что если мы исследуем смысл действий, предпринимаемых индивидом, то мы неизбежно узнаем также все о деятельности коллективных целостностей, то есть путь к познанию коллективных целостностей лежит через анализ действий отдельных индивидов, так как, помимо деятельности индивидов, не существует другого субстрата общества, и наличие наций, государств и общественного сотрудничества при разделении труда различимо только в деятельности конкретных индивидов, потому еще никто не познал нацию, не познав входящих в нее индивидов [7, с. 43—44]. Но ведь познание нации и познание государства далеко не тождественны. Человек — это генотип, Мета-Мы (базис), нация — фенотип внутри генотипа (модифицированный органический элемент базиса,

специфическое гражданское общество, т. е. Макро-Мы), а государство – это лишь институциональная надстройка над фенотипом (над нацией), которая, если верить Платону, причинно связана с индивидами (у различных людей непременно бывает столько же видов духовного склада, сколько существует видов государственного устройства) [8, с. 357], но связана лишь атрибутивно, а не субстанционально. Иначе говоря, государство не может претендовать на статус Макро-Мы, которым по праву обладает нация (статья 5 Конституция Украины: единственным источником власти в Украине является народ). Л. Мизес, развивая свою мысль о дихотомии «индивид ... государство», указывает на то, что Мы есть всегда результат суммирования, соединяющего два или более Эго, но если индивид (Эго) говорит «Мы», то тогда необходима и дополнительная информация для уточнения Я, которые собраны в этом Мы [7, с. 45]. И в данном случае становится совершенно очевидно, что исследование Я (Эго индивида, который является как бы протоном или нейтроном семейного атома) должно осуществляться в рамках исследования Микро-Мы (семьи – первичного социального атома), порождающего другие Эго, которые, в свою очередь, интегрируются в множества Мезо-Мы (кланы, племена) с последующей их концентрацией до уровня Макро-Мы. Только в подобном случае совокупность атрибутивных характеристик государства становится симметричной по отношению к классам видов духовного склада человека.

Исследования М. Кревельда показали, что современное государство эволюционирует от состояния племен без правителей, называемых также сегментарными или ацефальными («безглавыми») обществами, известных нам как простейшие сообщества, основной чертой которых являлось то, что «правительство» начиналось и заканчивалось в пределах большой семьи, рода или клана; вышестоящими были исключительно мужчины, старшие или родители, включая и родителей мужа или жены [9, с. 12, 13].

Современные государства, как показывают исследования Г. Хофстеда, отличаются большим разнообразием в части соотношения в них факторов маскулинности-феминности. Так, диапазон маскулинности колеблется от уровня 95 (феминность — 5) в Японии до уровня 5 (феминность — 95) в Швеции [10, с. 67]. На важность формирования нового архетипа государственного управления, ориентированного на национальные гендерные стереотипы в Украине, указывают результаты исследования О.В. Суший [11, с. 230, 249]. Исследование гендерных стереотипов в Украине имело место, однако их результаты оказывались зачастую противоречивыми. Одни результаты дают отрицательные значения индекса маскулинности в Украине [12], а другие видят в Украине одну из стран маскулинной культуры с высоким уровнем избегания неопределенности, а также и с большой дистанцией власти [13].

Определение нерешенных ранее задач общей проблемы. Сегодня мы слышим множество призывов к единству и укреплению государства, но (как это ни парадоксально) в контексте властной децентрализации. О том, что современные государства явно теряют свой потенциал, пишут многие исследователи. Но где причина? З. Бауман считает, что слабое государство – результат глобализации (транснационализации хозяйства и требований Нового Мирового Порядка) [14, с. 84]. Однако У. Бек, наоборот, считает, что слабое государство не может осуществлять дерегулирование рынка и приватизацию социальных достижений, потому требуется именно сильное государство, так как адекватный всемирно-экономическому устройству правовой режим должен быть санкционирован государством и проведен в жизнь вопреки сопротивлению общества принципам космополитического государственного федерализма [15, с. 130—131]. Для Ж. Бодрийара все проблемы цивилизации – в гиперреальности «плавающих» ценностей с ее катастрофической, а не диалектической стратегией, где все реальное доводится до своего предела и, обращаясь в свою противоположность, рушится [16, с. 88, 97]. Для П. Бурдьё ключевой фактор социальной деградации – это политический вербализм и овеществление коллективов, приводящие к скрытости в

самых тривиальных выражениях повседневной жизни паралогизмов и силовых логических приемов (фактор монополии на легитимное символическое насилие) [17, с. 165]. Указанные причины, конечно же, имеют место. Вопрос только в том, какой производной первопричины (или перво-начала) они реально являются. Ибо, как утверждал Аристотель, от каких причин естественные вещи образуются, от тех же самых они и уничтожаются [18, с. 305], а так как государство образуется от семьи, то и его сила и слабость есть производные от силы и слабости семьи. Однако сегодня мы наблюдаем на глобальном уровне и именно в развитых странах наступление «однополых браков», которые, безусловно, обслуживают задачи индивидуального гедонизма, не имея, естественно, никакого отношения к воспроизводству семьи и нации. Сразу подчеркнем, что данный феномен мы рассматриваем не в категориях морали (биологи пишут, что и рыбы при пересыхании водоема полностью переходят на однополые связи). Потому и данная проблема наступления «однополых браков» является следствие дефицита не морали, а иных факторов среды обитания.

Фундаментальная нестабильность капиталистической экономики, как установил Дж. Акерлоф, была вызвана постоянным изменением влияния человеческого фактора, т.е. иррационального начала, и эта нестабильность никуда не денется, и в будущем повторятся времена, когда обостренное чувство несправедливости отвратит многих людей от рыночной экономики в чистом виде [19, с. 13]. Рассматривая вопрос децентрализации, К. Франц утверждал, что основанию государств предшествовало господство между людьми центробежного стремления, которому основатели государств и противопоставили концентрирующую силу, а следствием действия одной и противодействия другой силы был продукт, именуемый государством; но у народов, для которых время образования государств еще не наступило, действует стремление к разьединению — в подобном разобщении видны еще необузданные цивилизацией силы центробежного стремления [20, с. 58].

Таким образом, поведенческие аспекты экономической деятельности (человеческий фактор) должны в перспективе обрести достойное место в исследовании метаморфоз государства, сопряженных и с централизацией, и с децентрализацией. При этом включение туда гендерных стереотипов необходимо осуществлять с учетом фактологии не какой-либо абстрактно-идеализированной классической семьи, а с учетом наличия в реальных социумах разнородных однополых семей, что и определяет центробежные и центростремительные тенденции в Микро-Мы, переходящие в Макро-Мы, вызывая аналогичные колебания в самом типе поведения государства.

Целью данной статьи является обобщение теоретических взглядов на причинные связи эволюции государства и эволюции семьи как системы координат (центробежных и центростремительных сил), именно в которых формируются механизмы централизации и децентрализации государства.

Изложение основного материала. К. Франц указывал на то, что все государства возникли не путем естественного развития из первобытной общности, но были продуктом процесса воздействия ряда различных сил, который окончился и составляет содержание мифического периода [20, с. 64]. Сама идея архетипики органически связана с древней мифологией.

Об архетипе (прообразе) писал Платон: идеи пребывают в природе как бы в виде образов, прочие же вещи сходны с ними и суть их подобия; но о том, что лишь воспроизводит первообраз и представляет собой лишь подобие настоящего образа, и говорить можно не более, как правдоподобно: нам приходится довольствоваться в таких вопросах правдоподобным мифом, не требуя большего [21, с. 412, 469—470]. К идее архетипа обращался в XV веке Н. Кузанский: «Вечное — не иное ни для чего из всего становящегося <...> оно начало и конец возможности стать; становление есть воспроизведение неподверженного становлению вечного, возможность стать миром явно отсылает к миру-архетипу в вечном уме бога» [22, с. 408]. Затем уже в XX веке К.Г. Юнг утверждает, что архетипы бессознательного эквивалентны

религиозным догмам, и что сознание распространяется вперед интуицией на основе частично архетипов и частично подсознания, зависящих от относительности пространства-времени в бессознательном [23, с. 34, 155].

Касательно роли мифологии К.Г. Юнг утверждал, что в подлинной мифологеме этот смысл есть нечто такое, чего нельзя настолько хорошо и настолько всесторонне раскрыть немифологическим путем: хотя при этом мифы ничего не объясняют, они всегда возводят некий прецедент в идеал, гарантируя его долговечность; потому основой всякой мифологии является ее возвращение к истокам, к исходному состоянию, а дуализм архетипа состоит в том, что человек возникает из двух *ἀρχαί* (абсолютного *ἀρχή*, где он берет начало, и относительного *ἀρχή*, где он является продолжением предков). Из этого ученый делает важный вывод: самое больше, чего можно добиться, — это в воображении следовать за мифом, облакая его в современные одежды [24, с. 8, 11, 12, 15, 91]. Как видим, К.Г. Юнг говорит (повторяя Г. Гегеля), что ренессанс — модернизированное возвращение в мифологию. Не зря же К. Поппер развивает данную мысль, утверждая, что наука должна начинать с мифов и с критики мифов, и не с совокупности наблюдений и не с придумывания экспериментов, а с критического обсуждения мифов, магической техники и практики (научные теории являются не результатом наблюдений, а в основном — результатом мифов и проверок [25, с. 90, 220]).

Исследуя эпоху Возрождения, Я. Буркхардт подчеркивал, что римско-греческая античность оказывала, начиная с XIV века, мощное воздействие на итальянскую жизнь в качестве основы и источника культуры, цели и идеала бытия, а отчасти — и нового сознательного контраста [26, с. 111]. Но, по мнению А. Тойнби, в указанный период в Италии процесс представлял собой ни что иное, как эвокацию (от лат. *evocatio* — вызывание) призрака мертвой эллинской цивилизации, и что употреблять слово «ренессанс» как имя собственное неправильно, ибо совершенно ошибочно считать событие или факт уникальным, когда на деле это не более чем пример постоянно повторяющегося исторического феномена (эвокация мертвой/устаревшей фазы живой культуры представителями какой-либо цивилизации — это не уникальное событие истории, а повторяющийся исторический процесс), поэтому следует говорить не «ренессанс», а «ренессансы».

При этом надо учитывать, что подобная эвокация — дело рискованное, и в лучшем случае это может внести стимулирующий элемент в чужой социальный контекст, но может произойти и эффект удушения того местного гения, который и вызвал призрак к жизни, в том числе и призрак Римской империи как великого универсального государства эллинского общества [27, с. 86—88]. «Следовательно, всякое возвращение античных образов никоим образом не тождественно возвращению к идеальному прообразу (архетипу), так как идеальность, — указывал Г. Гегель, — это качество бесконечности» [1, с. 216], а цель, по Аристотелю, не может идти в бесконечность [28, с. 95]. Поэтому любые попытки трансплантировать в Украину образ государства Римской империи (или образ государства, например, США и т. п.) таят в себе риски отторжения. Тем более, что и А. Тойнби, указывая на заблуждение в части того, что Западная цивилизация и эллинизм представляют собой два лика одной сущности, помянул и классический случай несчастий, порожденных идеализацией института: увлечение православных христиан призраком Римской империи — институтом, уже исполнившем историческую свою роль; цивилизованное государство есть не более чем оснащенный высокой техникой некий вариант примитивного племени [27, с. 95; 29, с. 327, 347].

В отличие от ряда скептических оценщиков роли мифов в развитии государства и общества, Б. Гаврилишин (Римский клуб) утверждает, что создание мифов, формирование религий и разработка научного метода объясняются именно потребностью человека понять истинный смысл существования в том материальном мире, который его окружает [29, с. 28].

Что касается сущности человека (как биологического вида), то здесь мы находим множество точек зрения. Аристотель определяет человека как существо по природе общественное [3, с. 63]. И. Кант выделил три класса как элементы определения человека: 1) задатки животности; задатки человечности <...> как существа живого и <...> разумного; 3) задатки личности <...> как существа разумного и доступного вменению [31, с. 27]. Г. Гегель, во-первых, утверждает, что человек есть судьба отдельного индивида [32, с. 308]; во-вторых, рассматривает его в следующей системе: 1) он имеет существенное определение быть отдельным человеком; 2) он принадлежит некоторому естественному целому – семье; 3) он является членом государства; 4) он находится в отношениях с другими людьми; в-третьих, Г. Гегель говорит о двух сторонах человека: 1) единичности; 2) всеобщей сущности [33, с. 61]. Т. де Шарден утверждал, что он рассматривает человека как ключ универсума по причинам, которые и делают его центром мира [34, с. 138].

Как видим, философы обстоятельно раскрывают сущность человека, но при этом возникает некое ощущение неполноты. Обратимся к Библии, где говорится: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их», «так что они уже не двое, но одна плоть» [Быт. 1: 27; Мат. 19: 6]. То есть, в Библии человек – это мужчина + женщина или сложная социально-биологическая система, а не судьба отдельного индивида. В преамбуле Конституции Украины прямо указывается, что она принимается с осознанием ответственности авторов перед Богом, а в статье 3 говорится об ответственности государства перед человеком за свою деятельность. Но, как известно, государство имеет дело не с человеком, а с гражданином (и не само государство, а конкретный чиновник), а у гражданина нигде в документах не зафиксировано, что он человек. Получается, что человек – это некий нелегал, который проживает где-то подпольно. А с нелегалами государство если и общается, то лишь на предмет их изгнания за пределы страны. Вот и получается, что государству фактически не перед кем отвечать. Но в паспорте записан пол гражданина (мужчина/женщина). Вот бы и написали в законе, что кто-то конкретный (государство как абстракция не может отвечать ни перед кем) отвечает перед семьями (мужчина + женщина) и гражданами, учитывая гендерные особенности. В этом и состоит ответственность авторов законов перед Богом.

Видимо, прав был К. Маркс, что современное государство отвлекается от действительного человека или же удовлетворяет всего человека лишь мнимым образом; что строй государства – продукт предшествовавшей ступени сознания, который может стать гнетущими оковами для более развитого самосознания, – это, конечно, тривиальности. Отсюда можно было бы, напротив, вывести только требование такого государственного строя, который заключает в себе самом в качестве определяющего начала и принципа способность прогрессировать вместе с развитием сознания, прогрессировать вместе с действительным человеком. Но это возможно только при условии, если «человек» стал принципом государственного строя [35, с. 421, 240]. Иначе говоря, именно мнимость в отношениях человека и государства создает социальные конфликты различного уровня.

Кроме того, в гендерной политике есть весьма деликатный вопрос, который касается гермафродитизма. Казалось бы, что мы практически не сталкиваемся с гермафродитами, хотя, по данным медиков, на каждые 2000 новорожденных приходится один гермафродит, и если в последние годы, по данным статистики, в Украине рождается приблизительно 500 тыс. детей, то каждый год добавляется где-то 250 гермафродитов. Как известно, в древние времена их физически истребляли, но они продолжали рождаться. Следовательно, их существование – это закон природы. К чему весь это экскурс? Дело в том, что К.Г. Юнг связывал архетипы с религией, рассматривая при этом андрогинный характер Христа [23, с. 36]. И в этой связи уместно обратиться к Платону, который, рассказывая миф об Эроте, говорит о том, что прежде люди были трех полов: кроме мужского и женского, существовал еще и третий

пол, который соединял в себе признаки этих обоих (андрогины), а после того, как Зевс расчленил их, как раз и начали массового распространяться гомосексуализм и разврат [36, с. 98, 100]. Не потому ли А. Тойнби доказывает, что именно последние 6000 лет сотрясает род людской, стремясь вывести его из состояния пассивности Инь (феминное начало) в состояние активности Ян (маскулинное начало); при этом важно и то, что женщины всегда специализируются менее глубоко, чем мужчины, и когда общество переживает надлом, катастрофу, они демонстрируют большую эластичность, адаптивность к новой возникающей ситуации [30, с. 101, 212]. Здесь уместно сослаться на Аристотеля, который указывал на то, что и умение управлять хозяйством не в одном и том же сказывается у мужчины и у женщины; его дело – наживать, ее – сохранять [37, с. 452]. Подобная гендерная специализация играет важнейшую социальную роль.

Все это напоминает отношения двух полушарий мозга (логического – специализированного и эмоционального – универсального). В этой связи следует указать на данные Р. Сперри: несовместимые приказы, исходящие из другого полушария, игнорируются или тормозятся, но такие приказы не смешиваются, а существует одна альтернатива — тот или иной приказ, и никогда не наблюдается их «гибрид» [38, с. 356]. Иначе говоря, перевод активности от одного полушария к другому и наоборот не означает, что период доминирования какого-либо полушария становится перманентным. Они вполне могут и координироваться – как мужчина и женщина в семье.

Но, возможно, что проблема чрезмерной конкуренции феминности и маскулинности (Инь/Ян) обусловлена преобладанием в них генов древних андрогинов, характеризующихся чрезвычайно высокой агрессивностью (маленький экскурс: как-то по ТВ показывали дрессировщика волков, у которого звери вели себя, как собаки-щенки; такое поведение объяснялось, что среди них не было ни одной самки, а они были исключительно самцы).

Далее рассмотрим проблему централизации и децентрализации власти в государстве, исходя из существования определенной меры – качественно определенного количества. При этом имеет смысл прислушаться к словам Г. Гегеля, что, когда изменяется мера вещи, изменяется сама вещь, и нечто, переходя свою меру, увеличиваясь или уменьшаясь сверх меры, исчезает [33, с. 100]. Статья 2 Конституции Украины указывает на то, что Украина – унитарное государство. В Викисловаре подобная унитарность понимается как форма государственного устройства, которая не предусматривает в составе государства каких-либо федеративных единиц (штатов, земель и т. п.), имеющих статус государственного образования. Но ведь само слово «унитарный» происходит от лат. *unitas* — «единство», а тогда выходит, что США не имеют право быть в качестве *United States*, так как они, по сути, надстройка над федеративными единицами. Да и вообще, какая же мера унитарности (единства) приемлема для Украины? Если прислушаться к Аристотелю, государство при постоянно усиливающемся единстве рискует перестать быть государством, так как по своей природе оно – некое множество, и если же оно стремится к единству, то в таком случае из государства образуется семья, а из семьи – отдельный человек: семья отличается большим единством, нежели государство, а один человек – нежели семья (если более самодовлеющее состояние предпочтительнее, то и меньшая степень единства предпочтительнее, чем большая); потому-то следует требовать относительного, а не абсолютного единства как семьи, так и государства, так как если это единство зайдет слишком далеко, то и само государство будет уничтожено; если даже этого и не случится, все-таки государство на пути к своему уничтожению станет государством худшим [39, с. 404, 405, 412]. А, возможно, Украине лучше следовать методу Конфуция и начинать реформы с исправления имен: если имена неправильны, то слова не имеют под собой оснований, а если слова не имеют под собой оснований, то дела не могут осуществляться [40, с. 162].

Сомнительно, что стратегия децентрализации функций управления и проведение территориально административной реформы по типу польской или чешской [41, с. 231] будут успешно воплощены. Кстати, а почему именно по типу польской или чешской, ведь имеются и другие модели? Б. Гаврилишин, например, считает, что Украине лучше идти в ЕС либо по швейцарской, либо по шведской модели. Что же касается унитарности, то, по его мнению, это понятие неоднозначно (до Второй мировой войны в Японии существовала унитарная система власти – изменялись ее формы от абсолютной монархии через олигархию до конституционной монархии). И сама унитарная власть, характерная для широкого круга политических укладов прошлого и настоящего, известна под названиями абсолютная, автократия, деспотия, диктатура (левая – правая, военная и пр.); другие охватывают однопартийную систему или неконституционные монархии, революционные правительства, верхушку племени. В современном мире большинство их характеристик имеет еще и дополнительную негативную окраску. Однако современные правительства даже с вполне откровенными чертами унитарной власти, приписывая себе разные титулы, употребляют преимущественно термин «демократический». Невзирая на существование разных подходов к оправданию концентрации власти, сам ее факт является одним из общих знаменателей названных вариантов [29, с. 54, 56, 57, 170].

Следовательно, более правильным для всех государств будет поиск присущих именно им пропорций централизации и децентрализации. Об этом прямо говорит Библия: «Пей воду из твоего водоема и текущую из твоего колодезя» [Прит. 5: 15]. На то же указывает А. Тойнби: элементы культуры, вполне безвредные и благотворные на родине, могут оказаться опасными и разрушительными в чуждом социальном контексте [27, с. 63]. Да и теоретики в сфере управления также указывают на сложности в установлении оптимума для отношения централизации и децентрализации.

Чтобы искать вышеупомянутый оптимум, нужен и соответствующий теоретико-методологический инструментарий. Но Г. Саймон жалуется на отсутствие адекватных лингвистических и концептуальных средств для реалистичного и адекватного описания «централизации/децентрализации», из-за чего слова «власть» и «централизация» применяют без адекватного функционального определения этих терминов; вот и возникают трудности в отнесении организации к «централизованной» или «децентрализованной» [42 с. 41]. Поэтому неудивительно, что Г. Минцберг считает, что сами по себе оба эти понятия («централизация» и «децентрализация») относятся к одной из самых туманных тем менеджмента и употребляются авторами научных трудов для обозначения столь разных явлений, что практически лишились полезного смысла (мутны воды децентрализации). Он в этой связи указывает, что централизацию и децентрализацию надо рассматривать не как абсолюты, а как два полюса, так как путаница здесь — от того, что разные понятия борются между собой за одно и то же «имя» [43, с. 18, 48].

Возвращаясь к гендерному аспекту поиска украинского оптимума в централизации и децентрализации, отметим, что Украину в Украине любят идентифицировать преимущественно как женщину. И здесь нет негатива. Так, у Х. Кельнера и Х.-Г. Зофнера говорится о «немецком Михеле» и «французской Марианне» [44, с. 146]. И украинскую гендеризацию следует воплотить в системные научные проекты и в разработку правовых актов.

Выводы и дальнейшие направления научных исследований. Приведенные материалы позволяют утверждать, что Украине необходимо разработать свою национальную идеологию «ренессанса» государственной системы и ее взаимоотношений с гражданами и предпринимателями на основе принципов партнерства с учетом украинского гендерного архетипа как основы установления меры единства возникающих партнеров в системе координат централизации/децентрализации, обеспечивающей соблюдение интересов совокупных участников отношений в вышеуказанном процессе.

Целесообразно в рамках научного сообщества создать специальную группу ученых и специалистов для постановки задачи адаптации теории и методологии архетипики к задачам развития государства и общества с разработкой профильных блоков стратегий и программ развития Украины.

Литература:

1. Гегель Г. Наука логики : в 3-х т. : т. 1. / Г. Гегель ; пер. с нем. – М. : Мысль, 1970. – 501 с.
2. Кучма Л. Украина – не Россия / Л. Кучма. – М. : Время, 2004. – 560 с.
3. Аристотель. Никомахова этика // Соч. : в 4-х т. : т. 4 / Аристотель ; пер. с древнегреч. – М. : Мысль, 1983. – С. 53–294.
4. Энгельс Ф. Успехи движения за социальное преобразование на континенте / Ф. Энгельс // Соч. : т. 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М. : Госполитиздат, 1955. – С. 525–541.
5. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории : сб. / А. Дж. Тойнби ; пер. с англ. – 3-е изд. – М. : Айрис-пресс, 2006. – 592 с.
6. Гегель Г. Наука логики : в 3-х т. : т. 3. / Г. Гегель ; пер. с нем. – М. : Мысль, 1972. – 371 с.
7. Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / Л. Мизес ; пер. с 3-го испр. англ. изд. – Челябинск : Социум, 2005. – 878 с.
8. Платон. Государство // Соч. : в 3-х томах : т. 3, ч. 1 / Платон ; пер. с древнегреч. – М. : Мысль, 1971. – С. 89–454.
9. Кревельд М. Расцвет и упадок государства / М. Кревельд ; пер. с англ. – М. : ИРИСЭН, 2006. – 544 с.
10. Гибсон Дж.Л. Организации: поведение, структура, процессы / Дж.Л. Гибсон, Д.М. Иванцевич, Д.Х.-мл. Доннелли ; пер. с англ. – 8-е изд. – М. : Инфра-М, 2000. – 662 с.
11. Суший О.В. Психосоціальна культура державного управління : монографія / О.В. Суший ; Національна академія державного управління при Президенті України. – К. : Світогляд, 2012. – 344 с. + 1 вкл.
12. Пилипенко А., Литвиненко Н. Ценностные основания либеральной перспективы Украины [Электронный ресурс] / А. Пилипенко, Н. Литвиненко. – Режим доступа : <http://gisap.eu/ru/node/18956>.
13. Культурна адаптація [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <https://sites.google.com/site/wikiraine/cik/kulturna-adaptasia>.
14. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман ; пер. с англ. – М. : Весь Мир, 2004. – 188 с.
15. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / У. Бек ; пер. с нем. – М. : Прогресс-Традиция ; Издательский дом «Территория будущего», 2007. – 464 с.
16. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр ; пер. и вступ. ст. Зенкин С.Н. – М. : Добросвет, 2000. – 387 с.
17. Бурдьё П. Начала / П. Бурдьё ; пер. с фр. Шматко Н.А. – М. : Socio-Logos, 1994. – 288 с.
18. Аристотель. О небе // Соч. : в 4-х т. : т. 3 / Аристотель ; пер. с древнегреч. – М. : Мысль, 1981. – С. 263–378.
19. Акерлоф Дж. Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма / Дж. Акерлоф, Р. Шиллер ; пер. с англ. – М. : Юнайтед Пресс, 2010. – 273 с.
20. Франц К. Общие начала физиологии государства / К. Франц.; пер. с нем. – Изд. 2-е. : [Воспр. изд. 1870 г.]. – М. : Либроком, 2012. – 299 с.
21. Платон. Парменид // Соч. : в 3-х т. : т. 2 / Платон ; пер. с древнегреч. – М. : Мысль, 1970. – С. 401–478.

22. Кузанский Н. Сочинения : в 2-х томах : т. 2 / Николай Кузанский ; пер. с лат. ; общ. ред. В.В. Соколова и З.А. Тажуризиной. – М. : Мысль, 1980. – 488 с.
23. Юнг К.Г. Психология и алхимия / К.Г. Юнг ; пер. с англ., лат. – М. : Рефл-бук ; К. : Ваклер, 2003. – 592 с.
24. Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов / К.Г. Юнг ; пер. А.А. Спектор. – М. : АСТ ; Мн. : Харвест, 2005. – 400 с.
25. Поппер К.Р. Предположения и опровержения: рост научного знания / К. Р. Поппер ; пер. с англ. – М. : ООО «Изд-во АСТ» ; ЗАО НПЛ «Ермак», 2004. – 638 с.
26. Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии / Якоб Буркхардт ; пер. с нем. – М. : Юристъ, 1996. – 591 с.
27. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории : сб. / А.Дж.Тойнби ; пер. с англ. – 3-е изд. – М. : Айрис-пресс, 2006. – 592 с.
28. Аристотель. Метафизика // Соч. : в 4-х т. : т. 1 / Аристотель ; пер. с древнегреч. – М. : Мысль, 1976. – С. 63–368.
29. Гаврилишин Б. До ефективних суспільств: дороговкази в майбутнє : доп. Римському Клубові / Богдан Гаврилишин ; упоряд. В. Рубцов. – Вид. 3-тє, доп. – К. : Унів. вид-во Пульсари, 2009. – 248 с.
30. Тойнби А.Дж. Постигание истории : сб. / А.Дж.Тойнби ; пер. с англ. Е.Д. Жаркова. – М. : Айрис-пресс, 2006. – 640 с.
31. Кант И. Об изначально злом в человеческой природе // Соч. : в 6-и т. : т. 4, ч. 2 / И. Кант. – М. : Мысль, 1965. – С. 5–58.
32. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет : в 2-х томах : т. 1 / Г.В.Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1972. – 668 с.
33. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет : в 2-х томах : т. 2 / Г.В.Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1973. – 630 с.
34. Шарден П.Т. Феномен человека : сб. очерков и эссе / Пьер Тейяр де Шарден ; пер. с фр. – М. : АСТ, 2002. – 553 с.
35. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение / К. Маркс // Соч. : т. 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – изд. 2-е. – М. : Госполитиздат, 1955. – С. 414–430.
36. Платон. Пир / Собрание сочинений : в 4 т. : т. 2 / Платон ; общ. ред. А.Ф. Лосева и др. ; пер. с древнегреч. – М. : Мысль, 1993. – С. 81–134.
37. Аристотель. Политика // Соч. : в 4-х т. : т. 4 / Аристотель. – М. : Мысль, 1983. – С. 375–644.
38. Принципы самоорганизации / пер с англ. – М. : Мир, 1966. – 621 с.
39. Аристотель. Большая этика Политика // Соч. : в 4-х т. : т. 4 / Аристотель. – М. : Мысль, 1983. – С. 295–374.
40. Лунь Юй. Древнекитайская философия : собрание текстов : в 2-х т. : т. 1 / Лунь Юй. – М. : Мысль, 1972. – С. 139–174.
41. Стратегія економічного і соціального розвитку України на 2004-2015 рр. «Шляхом європейської інтеграції». – К. : ІВЦ Держкомстату України, 2004. – 416 с.
42. Саймон Г. Административное поведение / Г. Саймон ; пер. с англ. – К. : АртЕк, 2001. – 392 с.
43. Минцберг Г. Структура в кулаке: создание эффективной организации / Г. Минцберг ; пер. с англ. – СПб : Питер, 2004. – 512 с.
44. Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона ; пер. с англ. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 379 с.

Наталья ЯРЕМЕНКО, Оксана ХОДОРКОВСЬКА

АРХЕТИП «ДОМ» КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО АСПЕКТА ЭТНОКУЛЬТУРНОГО СОЗНАНИЯ УКРАИНЦА

Постановка проблемы. Исследование формирующей роли архетипов в государственном управлении ориентировано на учение о ментальных кодах культур как о кодах культур наций, а следовательно, должно осуществляться через постижение структур коллективного бессознательного, архетипического слоя ментальности, который реализуется в универсальных факторах конструирования коллективной реальности (социальной, политической, культурной и т.п.). Именно потребностью постичь смысловое ядро культурной традиции, образующее духовные константы жизни народа, объясняется усиленный интерес современной науки к изучению коллективного опыта этноса, его сознательного и бессознательного, которые в значительной мере представлены в этнической культуре, в частности в художественной литературе.

Искусство слова «служит показателем культурной памяти этноса, его самосохранения и развития, противостояния энтропийным силам», выполняя при этом функции накопления, сохранения, обработки и трансляции знаний, представлений, образов мира, информации в целом [9, с. 143]. Именно поэтому в исследованиях последних десятилетий особое внимание сосредоточено на описании архетипов как символических формул, вступающих в действие там, где нет четко определенного понятия, как элемент бессознательного. При этом замечено, что архетип возникает как своеобразный информационный элемент в образной системе большинства произведений литературы, актуализируя «всеобщие стержневые признаки, имманентно присущие национальной ментальности и одновременно человеческому роду» [6, с. 66].

Архетипы как первоосновы образов, которые существуют в пределах коллективного бессознательного и, вероятно, могут наследоваться биологически, являются, по мнению К. Юнга, выразителями психической энергии, актуализирующейся объектом. То есть, коллективное подсознание содержит безличную объективность, которая определяется высокой интенсивностью переживания и культурно-независимой повторяемостью. Таким образом, архетипы можно воспринимать как знаки своеобразных скрепов, на которых держится бытие человека, семьи, народа, государства, человечества в целом, и поэтому изучение специфики их функционирования в различных сферах этнической культуры способствует преодолению кризиса национально-культурной идентичности украинцев. Согласно утверждению К. Юнга образы и идеи, которые сосредоточены в недрах бессознательного, являются главной движущей силой словесного творчества и, наконец, мало зависят от сознания художника, одухотворяя архетипы и реализуя цель, являются концептами в определенной знаковой системе. Следовательно, апеллирование к произведениям национальной литературы в процессе изучения сущности архетипа «дом» («хата») представляется нам совершенно уместным.

Анализ изучения проблемы. Одним из важных направлений развития современной науки является изучение сущности проявле-

**ЯРЕМЕНКО
Наталья,
YAREMENKO
Natalya,**

*кандидат
филологических наук,
доцент Криворожского
педиститута ГВУЗ
«Криворожский
национальный
университет»,
г. Кривой Рог.*

Аннотация: в статье
сделана попытка
рассмотреть основные
параметры архетипа
«дом» (украинский
инвариант «хата»)
как одной из важных
составляющих
этнокультурного
сознания украинцев,
обращаясь при этом
к литературным
текстам второй
половины XX столетия.

Ключевые слова:
архетип, этнокультура,
образ, осознанное,
подсознательное,
модель, мета-
концепт, литература,
экофильные ценности.

УДК 351.858

**ХОДОРКОВСКАЯ
Оксана,
KHODORKOVSKA
Oksana,**

старший
преподаватель,
психолог Криворожского
подразделения
ЗИЭИТ, обучающий
психотерапевт по
методу символдрамы,
г. Кривой Рог.

Аннотация: в статье
сделана попытка
рассмотреть основные
параметры архетипа
«дом» (украинский
инвариант «хата»)
как одной из важных
составляющих
этнокультурного
сознания украинцев,
обращаясь при этом
к литературным
текстам второй
половины XX столетия.

Ключевые слова:
архетип, этнокультура,
образ, осознанное,
подсознательное,
модель, мета-
концепт, литература,
экофильные ценности.

УДК 351.858

ний человеческого в человеке, его природы, «дома бытия» (по М. Хайдеггеру), что делает возможным осуществление самопознания, самоидентификации индивида. Проблемы соотносительности рационального и иррационального компонентов общественного сознания были положены в основу исследований Э. Дюркгейма, Л. Леви-Брюля, К. Леви-Стросса, К. Юнга, В. Проппа, Э. Тейлора и др. В ряде современных исследований осмысливаются психосоциологический аспект роли архетипов в системе социальных коммуникаций на различных уровнях массового сознания, функции этнокультурных и психосоциальных архетипов в определении своеобразия сообществ и т.п.

В большинстве исследований архетип выступает как сложное ментальное образование, смысл которого заключается в сочетании таких конститутивных признаков, как отсутствие четких аксиологических контуров, не поддающихся рациональной рефлексии и проявляющихся в индивидуальном сознании в виде следа коллективного опыта; ориентация на важнейшие витальные ценности экзистенции; амбивалентный характер интерпретаций [8, с. 4].

Цель статьи заключается в попытке определить сущность архетипа «дом» («хата») как одной из составляющих этнокультуры сознания украинцев, апеллируя при этом, в том числе, к литературным текстам второй половины XX века.

Изложение основного материала. Среди основных типов трактовки понятия «дом» выделяют космологический, спиритуалистический, социологический, коммуникативный и герменевтический. Как справедливо отмечает академик С.Б. Крымский, общая система мета-концептов, трансформируясь в пределах четкого круга национальных архетипов, определяет этико-эстетические доминанты этнического сознания, образуя «определенные presuppositions, то есть склонности, тенденции, которые в разные эпохи реализуются образами, которые могут отличаться средствами выражения, но структурно образуют определенные прототипы или могут быть реконструированы как прототипы» [5, с. 74]. Определенные тенденции и устремления, трансформируясь на протяжении веков, отличаясь средствами выражения, образуют довольно устойчивые прототипы. К ним можно отнести, скажем, архетипы «слово», «воля», «земля» и др. Одним из наиболее значимых экзистенциалов является архетип «дом», украинский инвариант — «хата». Именно образ дома является оприравленной социальной конструкцией, выстроенной на основе витального переплетения материального и идеального.

Семантика слова и смысловое наполнение архетипа несоизмеримы по объему предоставляемой информации. Так, в толковом словаре представлены следующие значения слова «дом»: предназначенное для жилья или размещения учреждений здание, помещение, в котором живут люди, монархи одного рода (редко); «Хата»: сельский одноэтажный жилой дом, внутреннее жилое помещение такого дома [1, с. 1340]. Однако в процессе формирования ментального сознания «дом выступает сначала как синкретическое представление-отношение и мифологема-символ, дальше — как образ и знак, наконец, особенно на протяжении последнего столетия, — как идея, идеологема, концепт, моральная основа, эстетический критерий, мировоззренческая категория» [7, с. 152]. В широком

смысле семантика архетипа «дом» обозначает святое окружение бытия человека, в котором он (как хозяин дома) может занимать видное место, чувствовать себя без-опасно и уютно.

В творчестве А. Довженко «хата» – это «архітектурна праматір пристанища люд-ського», «високонравствена людська оселя» [3, с. 662]. Писатель представляет чи-тателю хату «незамкнену, вічно відкриту для всіх, без стуку в двері, без „можна?“ і без „войдите!“», «бідну і ясну, як добре слово, і просту, ніби створили її не робочі людські руки, а сама природа», «привітну й веселу, часом сумну, молоду й стареньку вдовицю, чепурну і убогу, журливу і ніколи не горду» [3, с. 662].

Архетип «хата» является важной составляющей духовного бытия этноса и ре-ализуется в нескольких ипостасях, в частности воплощает образ украинской идеи; ее судьба – это судьба женщины-мученицы: «Не було в ній, будемо говорити, щастя, не було тривалих радощів. А було в ній плачу і смутку багато і вельми багато журби» и «знала вона багато розлук і прощань безутішних. І співала вона здебільшого, і так талановито й натхненно, як ніяка оселя в світі, журбу, і прощання, і спогади про да-леке минуле» [3, с. 662].

Отношение к дому основывается на генетическом мышлении, берущем начало от культа предков. Изменяясь во времени, имманентно-имплицитный смысл дома все сильнее дематериализуется в реальной жизни, однако пропорционально мате-риализуется в духе [7, с. 152], поэтому неудивительно, что для современных укра-инцев «хата»-женщина бессознательно кажется теплее, более обжитой, чем «дом»-мужчина, «и пусть попробует это понять англоязычный человек, в сознании которого не существует категории рода для неживых предметов!» [7, с. 103]. Таким образом, выстраивается представление о доме как о ячейке надежности, стабильности, защи-щенности от непредсказуемости внешнего мира. Если внешний мир преимуществен-но воспринимается человеком как враждебный, по крайней мере недружественный, дом создает для него зону психологического комфорта, где требования жизни вос-принимаются значительно легче, структурируются, фильтруются.

Эта архетипическая функция особенно активизируется в условиях глобальных угроз. Так, военное противостояние как максимально интенсивный стрессогенный фактор генерирует сильные негативно-эмоциональные поля, в пределах которых в полной мере проявляются этнокультурные традиции участников противостояния, их духовный потенциал. Не зря, например, в известном романе О. Гончара «Человек и оружие» («Людина і зброя») именно образ украинского дома возникает как проти-вопоставление кровавому бессмысленному хаосу войны, воплощением добра, по-кою, мудрости и силы поколений: «Що не хата – то витвір мистецтва, скільки хат, стільки й доклало рук художників та художниць народних!» [2, с. 87]. Образ дома с гнездом аиста на крыше в мифологическом мышлении приобретает значение про-должения жизни, связи поколений, неразрывности родовой цепи. Автор не зря про-водит мысль, что уничтожение этой ячейки духовности приводит к исчезновению целых миров: «Один із снарядів жахає в хату, просто в лице їй, у вікна <...> і вже не видно ні підстрижених китиць по вуглах, ні лелечого гнізда з лелечатами біля димаря, сама тільки лелека кружляє в повітрі» [2, с. 93]. Этими строками Гончар подчеркивает, что образ дома не ограничивается его утилитарным назначением, это не просто помещение для жилья. Образ дома (хаты) в произведении одухотворен, наполнен сакральным смыслом. Такое восприятие выражается яркой персонифика-цией: снаряд попадает «в лицо» дома (хаты). Уничтожение извечного оберега рода приводит к утрате гармонии и в душе человека, и в природе. Воссоздав, казалось бы, незначительный эпизод страшных военных будней, автор указывает на катастрофи-ческие последствия потери даже малейшего элемента в сложной системе микрокос-моса.

Архетип «хата» («дом») также декодируется как модель мироздания. Концепту-альная структура образа радикально преобразовывается, что является результатом

подведения под форму того же знака более сложного содержания: «Як змінився світ. Вже куди не гляну, куди не обернусь, чую: все міняється. Навіть хата наша й та вже не та. Примічаєш? Наче не зовсім і наша, хоч і наша. Неначе стіни в ній розсілись і стріху вітром зірвано й понесло <...> і видно стало все, <...> видно й моторошно» [3, с. 62]. В приведенном эпизоде архетип «дом» («хата») ретранслирует подсознательные импульсы тревоги, страха, предчувствия зловещей встречи с «тенью». Художником отражена прямая взаимосвязь между внутренним состоянием человека, его психическим здоровьем и тем центром, который должен бы его обеспечить.

Заметим, что, по определению ВООЗ, психическое здоровье не является просто отсутствием психического расстройства, «это состояние благополучия, при котором каждый человек может реализовать свой собственный потенциал, справиться с жизненными стрессами, продуктивно и плодотворно работать, а также вносить вклад в жизнь своего сообщества. Иначе говоря, психически здоровым человеком, является человек социально адаптированный и получающий удовольствие от жизни» [11]. Представляется логичным, что подобное можно реализовать, обеспечив человеку условия для поддержания (подпитки) и уравнивания, способствуя созданию ячейки психологического комфорта для индивида, учитывая множественные стрессогенные факторы современного социума:

- глобализацию, которая часто приводит к разрушению чувства Родины, размыванию национальной идентичности;
- динамизм социокультурных изменений, приводящий к нивелированию четкой системы общечеловеческих ценностей, признанию их архаичными и неактуальными;
- увеличение количества природных и техногенных угроз, которые продуцируют формирование катастрофического общественного сознания;
- ощутимую тенденцию к урбанизации, из-за чего возникает все более ощутимый разрыв связей с миром природы;
- усиление кризиса культуры, что вызывает появление различных форм культурной дезориентации человека.

Выводы и дальнейшие направления научных исследований. Таким образом, архетип «дом» («хата») как важный социодуховный феномен украинцев иллюстрирует специфику антропоцентрического бытия нашего народа, его способ мировосприятия, ориентированный на здоровый персонализм, восприятие каждого человека как самоценности. Следовательно, сегодня архетип «дом» («хата»), оставаясь существенным элементом в системе групповых представлений и убеждений, является фактором консолидации общества и национальной идентификации, воспроизводится, сохраняется и передается потомкам в традициях народа, опираясь на основные социокультурные и исторические приоритеты государства в процессах государственного строительства.

Литература:

1. Великий тлумачний словник сучасної української мови / укл. і голов. ред. В.Т. Бусел. – К. ; Ірпінь : ВТ «Перун», 2003. – 1440 с.
2. Гончар О. Твори : в 7-и т. / Олесь Гончар. – К. : Дніпро, 1987. – Т. 4. – 588 с.
3. Довженко О. Кіноповісті. Оповідання / О. Довженко ; упорядн. Ю.Е. Григор'єва. – К. : Наук. думка, 1986. – 711 с.
4. Забужко О. Мова і влада / Оксана Забужко // Хроніки від Фортінбраса. Вибрана есеїстика 90-х. – К. : Факт, 1999. – 340 с.
5. Крымский С. Архетипы украинской культуры / С. Крымский // Вісник НАН України. – 1998. – № 7–8. – С. 74–87.
6. Літературознавчий словник-довідник / за ред. Р.Т. Гром'як, Ю.І. Ковалів, В.І. Теремко. – К. : Академія, 2006. – 752 с.
7. Мойсеїв І. Рідна хата – категорія української духовності / Ігор Мойсеїв // Сучас-

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

Марина Белинская. Приветственное слово	5
Олег Амосов, Наталья Гавкалова. Публичное администрирование в Украине: связь с архетипами и приоритеты развития	7
Татьяна Бельская. Архетипические концептуальные основы становления и раз- вития глобального гражданского общества.....	14
Оксана Борисевич. Новые ценности маленьких телезрителей как результат духов- ных ценностных трансформаций переходного периода общественного развития (архетипический подход).....	23
Елена Боровицкая. Праобразные предпосылки законотворческого процесса.....	33
Алексей Валеvский. Культурная политика как основа стратегии модернизации укра- инского общества	42
Виктор Вилижинский. Архетип национальной традиции управления как аутен- тичная основа реформирования местного самоуправления в Украине	48
Александра Власенко. Хаос как архетип государственного управления инновацион- ной системой в Украине	60
Владимир Ганяк. Господствующие архетипы украинской культуры как залог дей- ственности самоорганизационного механизма безопасности народа	64
Елена Гудзь. Архетипные основы трансформации матрицы управления финанса- ми	71
Елена Донченко. Рационализация архетипа консолидации и согласия в политиче- ской практике.....	77
Илона Клименко. Профессиональные компетенции государственных служащих: архетипический подход	86
Виктория Малюская. Духовные основы развития украинского общества: архети- пическая составляющая.....	94
Екатерина Меркотан. Архетипы власти и современная демократия	100
Татьяна Новаченко. Императивы и максимы легитимности авторитета современ- ного украинского руководителя как архетипы государства	107
Виталий Омеляненко. Управление процессами создания региональной экосисте- мы инноваций с учетом особенностей институциональных архетипов.....	115
Оксана Панькова. Социокультурное основание человеческого потенциала в контек- сте архетипики украинского социума	121
Тарас Плахтий. Организационные инструменты архетипного управления социаль- ными системами	130
Александр Радченко, Алексей Крюков. Государственная молодежная политика: основные понятия и принципы как архетипы формирования и реализации в публич- ном пространстве	142
Валерий Ребкало, Владимир Казаков. Архетипические особенности ценностного потенциала государственного управления с точки зрения теории утилитаризма и гуманизма.....	148
Алена Садовская. Коммуникативная сфера в социогуманитарном пространстве: архетипический подход	156
Владимир Сергеев. К нормативам ламинарной дивергенции	162

//////////////////////////////////// СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА //////////////////////////////////////

Сергей Сибиряков, Анна Шапиро. Гражданский потенциал социальных медиа как фактор рационализации государственного управления в Украине в контексте архетипики	167
Леся Слатвинская. Архетип обеспечение государством продовольственной безопасности на основе инновационного инвестирования молочного производства .	179
Александр Слинько. Модернизация института местного самоуправления в современной России	185
Елена Слинько. Реформа местного самоуправления в Украине	191
Петр Стецюк. Архетипические основы финансовой архитектуры региональных социально-экономических систем.....	195
Александра Цехановская Бюрократия как политический актер в системе государственного управления Украины: на примере модели «мусорной корзины»	200
Юлия Черкасова. Система ценностей в инфернальных архетипах человечества в XXI веке: рациональное захоронения	206
Лариса Шереметьева. Роль латентных международных организаций в системе государственного управления (архетипический подход истории)	213
Евгений Юрченко. Архетип территорий как составляющая развития механизма правового регулирования при реализации градостроительной политики на местном уровне.....	219
Сергей Юшин. Архетип андрогенности в ренессансных метаморфозах государства.....	225
Наталья Яременко, Оксана Ходорковская. Архетип «дом» как репрезентант экзистенциального аспекта этнокультурного сознания украинского	235

CONTENTS OF ISSUE

Marina BILINS'KA. Complimentary address	5
Oleg AMOSOV, Natalia GAVKALOVA. Public administration in Ukraine: relation with archetypes and the priorities of development	7
<i>Theoretical and methodological basis of public administration was defined. Public administration relation with the archetype of direct democracy was determined. The expediency of the public administration development was proved in accordance with such the priorities: synthesized capital accumulation with its distribution on the national level taking into consideration the archetypes, managing the process of providing the public services, providing the decentralization of administration in the society as the consequence of direct democracy archetype impact</i>	
Tetyana BELSKA. Archetypal conceptual basics of the global civil society formation and development	14
<i>Changes of the archetypal structural elements of consciousness in the process of socio-historical development were defined, also was determined their impact on the civil society and authority-public relations at the modern global stage of civilization development</i>	
Aksana BORYSEVICH. New values of young TV viewers as a result of cultural wealth transformations of transitional period of social development (archetypal approach)....	23
<i>With the help of using the archetypal methodology the young TV viewers' aspiration for finding the new value foundations and life senses in the conditions of transit time of social development is researching. The results of the theoretical analysis of problem sphere and the empirical researches of the children cultural values are presented</i>	
Olena BOROVIYTSKA. Initial prerequisites for the lawmaking process	33
<i>Deep mechanisms of organizing the lawmaking process are described in the article. The lawmaking is realized at once as complicated mental and socially significant activity, which is connected with making the law, evaluating its efficiency and possible need of its further correlation. Specification of psychological essence of the concept "lawmaking" is suggested considering the role of irresponsible arrangement in the organization the lawmaking process</i>	
Oleksii VALEVSKYI. Cultural policy as a basic of strategy the modernization of Ukrainian society	42
<i>Archetypes of the cultural policy as the valuable basis of Ukrainian society modernization are analyzing. The priorities of the cultural policy in the society modernization are defining. The actuality of the creating the institutional backgrounds of innovated cultural policy is proved. Activities which are aimed at the cultural sphere reforming are defined</i>	
Viktor VILIZHINSKYI. Archetype of the national tradition of governance as an authentic basic of the local self-government reforming in Ukraine	48
<i>With the example of modern Ukrainian, Soviet-imperial and Polish gentry administrative cultures the archetypes of national government traditions and their impact on the processes of up-to-date reforming of local self-government in Ukraine are researching. The attention is concentrated at the using the method of comparative analysis as the instrument of allocation the authentic bases of national governing</i>	
Olexandra VLASENKO. Chaos as an archetype of the public administration of innovation system in Ukraine.....	57
<i>Evolution of the system of the institutions of public administration the scientific and technical and innovative activity in Ukraine is investigated. With the using the methodological base of the concept of national innovating system as well as historical and archetypal approaches is recognize that chaos becomes as the basic characteristic of the evolution of national innovating system so as its unconscious archetypes at the mentality level of higher public servants</i>	
Vladimir HANIAK. Predominant archetypes of Ukrainian culture as the guarantee of the efficiency of self managing mechanism of peoples security	64
<i>Fundamental predominant archetypes of the Ukrainian culture were detailed on the grounds of retrospective comparative analysis. Using the synergy approach gave a chance to correlate predominant archetypes of the Ukrainian culture with appropriate periods of universal epochal cycle, to describe the corresponding functions of these archetypes and their impact on the forming the self-organized mechanism of the Ukrainian people security</i>	
Olena GUDZ. Archetypal foundation of the matrix of finance management transformation	71
<i>Theoretical, methodological and practical aspects of impact the social and psychological</i>	

phenomena's on the modern transformation of the matrix of managing the finance in the contour of archetypes concept were considered, the monitoring of existent approaches was done, as well as the problems were defined and author's vision of their possible deciding was suggested

Elena DONCHENKO. Streamlining of the consolidation and concord archetype in political practice..... 77

Paper was written in the development the C.G. Jung's ideas about the archetypes phenomenology. We shouldn't be afraid of archetypes, we need to behave with them in right way as well as with own irresponsible. Just the archetypes unite all people around the Earth, and it is become the guarantee of their common understanding. in particular they are the basis of every person originality

Iлона KLYMENKO. Professional competences of public servants: archetypical approach..... 86

Article is devoted to the researching professional competencies of the public servants in the field of searching, adopting and implementing the administrative decisions, making an impact on them with the quality of public servant personality in the context of archetype that will allow to formulate the innovative system of studying and in-service training of the high rank officials, where the first place would occupy the situational training centers of administration

Viktoriya MALYUSKA. Cultural basics of the Ukrainian society development: archetypical constituent 94

Specialties of cultural approach at the time of making the public administration and public administrative relations in the context of modern transitions at the transformational stage of state making processes was examined. Main approaches and directions of the development of institute of public administration taking into consideration cultural approaches in the context of modern paradigm of social oriented public administration were defined. Were suggested to make public administration changes taking into consideration historical cultural approaches in modern practice of public administration

Kateryna MERKOTAN. Authority archetypes and modern democracy 100

Article is devoted to the problems of power and democracy in contemporary Ukraine. Experience of different archetypes using in the creation of electoral image of the President of Ukraine is analyzed. The archetype of the Hero as an effective model of the impact on public consciousness is considered. The urgent need for formation in Ukraine real power and democracy is stressed

Tetyana NOVACHENKO. Imperatives and legitimacy maxims of the modern Ukrainian manager authority as archetypes of the state building 107

It is stated that imperatives and legitimacy maxims of Ukrainian manager authority are the archetypes of state building. The results of the researching the phenomena of trust as the imperative of legitimacy of leadership authority are shown, as well as defined the significant qualities peculiar to modern public servants. It is allow to discover the manifestation of humanistic motives in their professional activity, and understanding the need to save the moral principles against a background of learning the new set of values, laws and regulations

Vitaliy OMELIANENKO. Management of the processes of the creating the regional ecosystem of innovations taking into consideration the specialties of institutional archetypes 115

Specialties of the administration the national innovating system on the basis of using the archetypes paradigm were examined. The concept of forming the competitive advantages with the using of cultural constituent according to the efficiency of technology transfer was suggested

Oksana PANKOVA. Socio-cultural basis of the human potential in the context of the Ukrainian society archetypes 121

The essence of socio-cultural constituent of human potential in Ukraine, mental and archetypical basses in the ensuring the society and person vitality at the conjuncture of the strengthening the social instability was discover. Was determined the role of socio-cultural factors in the state integration processes to the highly cultural area of globalized world, in ability and readiness of society to give the answer to the challenge of identity

Taras PLAKHTIY. Organizational instruments of the archetypical administration the social systems..... 130

Analyzing three interrelated groups of archetypes – personal, outlook-valued and cultural – the archetypical model of irresponsible of societal mentality was done, the degree of the internal and external impact on it was discovering, corresponded organizational instruments for making the archetypical administration of social systems was suggested

CONTENTS OF ISSUE

- Oleksandr RADCHENKO, Olexiy KRYUKOV.** Public policy on youth: basic concepts and principles as archetypes of forming and realization in public field 142
Problems of archetypical reasons for the formation and realization the public policy on youth, its origin and content are examined. Made the conclusion that Ukrainian young people demonstrate rising level of civil culture and become more powerful factor of formation and realization not only the public policy on young people, but public policy in general
- Valerii REBKALO, Volodymyr KOZAKOV.** Archetypical specialties of the value potential of public administration according to the theory of utilitarianism and humanism 148
Article devoted to the clarifying the peculiarity of archetypical specialties in the development the valuable potential of the public administration from the point of view of the theory of utilitarianism and humanism. Special attention devotes to the humanism, at the heart of which, in contrast to idea of public good that in the theory of utilitarianism stated as welfare, laid the idea of dominating the natural human rights and their securing as the main task of the state in the process of society administration
- Aliona SADOVSKA.** Communicative sphere in the socio-humanitarian field: archetypical approach 156
The role of the communications in the public administration through the prism of archetypical approach was actualized. The peculiarities of the communicative constituent in the process of developing the public policy in the socio-humanitarian sphere were researched. It is shown the need to change the dialogue strategy between the authority bodies and citizens in order to modernize the socio-humanitarian spheres
- Vladimir SERGEEV.** To the standards of laminar divergence 162
The definitions of the necessary terms which are connected with the processes of separatism and federalism are determined. The questions of their realization and legal regulation are decided. The role and the methods of environment which catalyze and initiate such the problems are described. The analysis is done in accordance to the events which taking place in Ukraine in 2014
- Sergii SIBIRYAKOV, Ania SHAPIRO.** Civil potential of the social media as a factor of the public administration rationalization in Ukraine in the archetypical context 167
The article describes a joint study by Ukrainian blogo sphere with the Center for Eurasian Studies Davis of Harvard University. To study the chosen hundred influential blogs. We study the development of the Ukrainian blogo sphere: key trends affected the content in these matters; Civil potential impact of the blogo sphere on society
- Lesya SLATVINSKA.** Archetype of the state guarantee the food security on the basis of the innovation investment of the milk production 179
At the time in Ukraine the state is the main subject of food security. The most important place in the structure of provisions occupies the milk produces that include full value set of elements for the human nutrition. Modern production of milk foods at the high level standards needs investments with the corresponding innovative characteristic. Creation the conditions of the activating the investments if producing the milk historically is the function of the system of public regulation
- Aleksandr SLIN'KO.** Modernization the institute of local self-government in modern Russia 185
Main periods of the formation the institute of the municipal administration in the context of the reforms in post-soviet Russia were examined. Special attention was devoted to the regulating the local self-government at the modern stage with the aim of inheritance the elements of historical experience of modernization the up-to-date Russia
- Elena SLIN'KO.** Local self-government reform in Ukraine 191
The article is devoted to the issues of territorial structure of Ukrainian state. The political crisis has revealed numerous unsolved problems caused by the urgent necessity of institutional transformations in the sphere of local government. The discussion around the possibility of federalization of Ukraine is also analyzed in the article
- Petro STETSIUK.** Archetypical basis of the finance architectonics of the regional socio-economic systems 195
Critical analysis of the characteristics and patterns of the organization the modern financial and credit support of agrarian socio-economical systems at the regional level was done. The archetypical impact on these processes was determined. The scientific approaches to the forming and developing the financial architectonics of their reproduction process were back grounded

Olexandra TSEKHANOVSKA. Bureaucracy as the political actor in the system of public administration in Ukraine: by the example of «garbage basket».....	200
<i>Characteristics of the functioning the bureaucracy in Ukraine as the political actor were examined. Differentiation of the political and administrative spheres in the public administration leads to that the goals of the public policy remain undecided, as far as administrative apparatus is functioning in the field of the realization the private interests of politicians and officials. Citizens are leave out this process</i>	
Yulia CHERKASOVA. Values system in infernal archetypes of mankind in the XXI century: rational funeral.....	206
<i>The question about the rational way of remains funeral is examined. The influence of human thought as the geological factor is examined too, and situated in its scientific display: direction at the technical work of mankind that make over biosphere. The mechanisms of managing the human archetypes in general are determined. With the example of crematorium designing in the city of Sochi solving the problem of rational using of ground resources</i>	
Larysa SHEREMETIEVA. Latent international organizations role in the system of public administration (archetypical approach of the history)	213
<i>The paper is devoted to the existence of latent international organizations (orders), the so-called "hidden" structures that carry most considerable impact on the system of public administration</i>	
Ievgenii IURCHENKO. Territories archetype as the constituent of the developing the legal regulation mechanism at the time of realization the town-planning policy on the local level.....	219
<i>Archetype of the area as part of the regulatory mechanism improvement within the urban policy implementation at the local levelis under the consideration. The study suggests measures aiming at the development of a mechanism of legal regulation in the implementation of urban policy at the local level.</i>	
Sergii YUSHYN. Archetype of androgenic in the Renascence metamorphoses of the state	225
<i>Philosophy paradigm views the family and the state as genetically related phenomena. But the family is the form of uniting the male and female origins. So we can say that the state is the mix of such the origins. Modern science researches their proportions in different states and must to start, as the methodologists say from the myths and their critics. Just in that way the interest of researching the deepening of the state formation on the basis of the myth on Androgen, where it is examined the metamorphoses of reintegration of his origins</i>	
Natalya YAREMENKO, Oksana KHODORKOVSKA. «House» archetype as the representative of the existential aspect of ethno-cultural consciousness of Ukrainian... 235	
<i>On the basis of the referring to the literary texts of the second half of the twentieth century was made the attempt of examining the essence of archetype "house" (Ukrainian "hata") as one of the constituent of ethno-cultural consciousness of Ukrainian people that make the kernel of cultural tradition and important spiritual constituent of human life</i>	

П 88 Публичное управление: теория и практика : сборник научных трудов Ассоциации докторов наук государственного управления. – Х. : Изд-во “ДокНаукГосУпр”. – № 2 (18) специальный выпуск – Июнь, 2014. – 248 с.

ISSN 2307-3101 для печатной версии; **2307-3454** для онлайн-версии журнала.

Статьи специального выпуска содержат основные доклады пятого теоретико-методологического семинара с международным участием “Архетипика и государственное управление”, состоявшегося 13-16 июня 2014 в г. Киев. Содержание докладов носит междисциплинарный характер и освещает проблемы демократического государства, возникающие в сфере публичного управления и общественной политики. В них с позиций архетипики рассматриваются проблемы теории и истории государственного управления, формирования и функционирования механизмов государственного управления, службы в органах государственной власти и местного самоуправления.

Для научных работников, государственных служащих, политиков, преподавателей, слушателей и студентов, интересующихся проблемами публичного управления и общественной политики.

УДК (351+342+321+316) (062.552)”540*3”;
ББК 67

ISSN 2307-3101

© Ассоциация докторов наук государственного управления, 2014

P 88 Public management : theory and practice : the collection of scientific works of the Association of Doctors of Sciences on Public Administration. – Kh. : Publ. House “DokNaukDerzhUpr”, – № 2(18) Special Issue. – June 2014. – 248 p.

ISSN 2307-3101 (print version); **2307-3454** (on-line version).

The articles of the scientific collection present the reports of the Fiwe methodological-theoretic seminar with international participants “Archetypics and Public Administration” held on June 13-16, 2014 in Kyiv (Ukraine). The contents of reports have the interdisciplinary character and clarify the problems of state’s formation which arise in the sphere of public administration and social policy. From the positions of archetypics, some theoretical, methodological, and scientific-practical aspects of the theory and the history of public administration, formation and functioning of mechanisms of public administration, and service in state’s bodies and local self-government bodies are considered.

For scientists, civil servants, politicians, teachers, students, competitors for master’s degree and for all who are interested in the problems of public administration and public policy.

UDC (351+342+321+316) (062.552)”540*3”;
BBK 67

ISSN 2307-3101

© Association of Doctors of Sciences on Public Administration, 2014

Научное издание

ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: теория и практика

сборник научных трудов
Ассоциации докторов наук государственного управления
№ 2 (18) спецвыпуск июнь, 2014 г.

Основан в 2009 г.
Сборник зарегистрирован Министерством юстиции Украины,
Свидетельстве о государственной регистрации печатного средства массовой
информации Серия КВ № 15786-4258Р от 02.11.2009.

Ответственный за выпуск д. соц. н., проф. Е.А.Афонин

Технический редактор В. С. Мартынов
Компьютерная верстка А. В. Радченко
Обложка В. Л. Ковтун

Подписано в печать 22. 05.14. Формат 70х108/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Условий. печать. л. 23,8. Зам. № 01269.
Тираж 500 экз.

Издательство Ассоциации докторов наук государственного управления.
Свидетельстве о государственной регистрации субъекта издательского дела
Серия ДК № 3543 от 05.08.2009 г.
61001, г. Харьков, просп. Московский, 75.